

95
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

ТОМ

I

МАХАЧКАЛА 1957

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

g (Dag)
0-95

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

ТОМ

I

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА. 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Доктор исторических наук, профессор М. О. Косвен
(ответственный редактор)*

*Доктор исторических наук Р. М. Магомедов.
Кандидаты исторических наук В. Г. Гаджиев,
Г. Д. Даниялов, кандидаты юридических наук
Х. О. Хашаев, А. С. Омаров.*

42453

Махачкала
научная библиот
ДагФАН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые вниманию читателей «Очерки по истории Дагестанской АССР» в двух томах, выпускаемые Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, являются первой попыткой изложить историю народов Дагестана с древнейших времен до наших дней. Институт считает, что данный труд должен явиться ступенью на пути к созданию полной научно разработанной истории народов нашей республики.

I том «Очерков» охватывает период с древнейших времен до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, авторский коллектив «Очерков» стремился показать развитие производительных сил, производственных отношений в Дагестане и раскрыть роль народных масс как подлинного творца истории.

История Дагестана в «Очерках» излагается в связи с историей народов Кавказа и России, с судьбами которых тесно переплетаются судьбы народов Дагестана.

Дружба народов Дагестана с великим русским народом и другими народами нашей Родины имеет многовековую историю. Она родилась и окрепла в совместной борьбе трудящихся масс Дагестана и русского народа против общего врага — самодержавия. Поэтому одной из центральных проблем, освещаемых в «Очерках», является раскрытие многовековых связей горцев Дагестана с другими народами нашей Родины и, прежде всего, с русским народом.

Не упуская из виду, что царская Россия была очагом всякого рода гнета, авторы «Очерков» считали своей важнейшей задачей показать объективно-прогрессивные последствия присоединения Дагестана к России.

Авторы «Очерков» сознают, что не все вопросы истории Дагестана в данной книге освещены равномерно. Это является следствием неразработанности ряда проблем истории Дагестана, отсутствия по многим вопросам не только монографических работ, но и сколько-нибудь значительных статей. Недостаточно освещены, например, некоторые вопросы древней и средневековой истории Дагестана, в том числе этногенез народов Дагестана, образование народностей и т. д. Дать сколько-нибудь полное изложение древней и средневековой истории возможно лишь после тщательного археологического и этнографического изучения Дагестана. Между тем изучение материальной и духовной культуры Дагестана до сих пор носило случайный, эпизодический характер. Только в самые последние годы начаты работы по систематическому обследованию памятников древней и средневековой истории Дагестана. Известным пробелом «Очерков» является фрагментарное изложение развития искусства народов Дагестана.

«Очерки по истории Дагестанской АССР» рассчитаны на широкий круг читателей.

В составлении «Очерков» принимали участие сотрудники Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР: кандидат исторических наук М. И. Пикуль (§§ 1, 2, 3 гл. I), В. Г. Котович (§§ 4, 5, 6 гл. I), А. Р. Шихсаидов (§§ 1, 2, 3, 6 гл. II), кандидат исторических наук М. М. Ихилор (§§ 4, 5 гл. II), кандидат исторических

наук Р. Г. Маршаев (гл. III), кандидат исторических наук А. И. Тамай (гл. V), кандидат исторических наук В. Г. Гаджиев (гл. VI), кандидат юридических наук Х. О. Хашаев, кандидат исторических наук С. Ш. Гаджиева, кандидат экономических наук И. Р. Нахшунов (гл. VII—VIII), кандидат исторических наук Г. Д. Даниялов (§ 3 гл. VII), Г. И. Милованов (гл. IX), Х. Х. Рамазанов (§§ 1, 2, 3 гл. X), В. А. Тюрин (текст о промышленности, торговле и кредите в § 1, текст о положении рабочего класса в § 2 и § 4), кандидат юридических наук А. С. Оларов (§ 5 гл. X), кандидат исторических наук Г. Ш. Каймаразов (§ 6 гл. X), кандидат исторических наук А. С. Гаджиев (§ 7 гл. X), старший научный сотрудник Института истории АН СССР кандидат исторических наук Е. Н. Кушева (гл. IV).

Все главы «Очерков» обсуждались в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР с привлечением рецензентов из числа сотрудников научно-исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда. Были учтены также замечания, предложения и пожелания, высказанные представителями научных учреждений, учебных заведений, общественных организаций республики.

Редакционная коллегия просит читателей свои отзывы и замечания направлять в Институт истории, языка и литературы с тем, чтобы она могла внести соответствующие исправления и улучшения во втором издании книги.

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОИ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

§ 1. КАМЕННЫЙ ВЕК

В настоящее время известно, что Закавказье входило в зону становления человека. Естественно было также ожидать нахождение древнейших стоянок и следы деятельности первобытного человека на территории Северо-восточного Кавказа, где геологические и климатические условия не менее благоприятствовали этому.

В начале четвертичного периода все горообразовательные процессы закончились.¹

Горная часть Дагестана неоднократно подвергалась оледенению, хотя и не покрывалась сплошным ледниковым покровом. В периоды потепления она интенсивно размывалась потоками тающих ледников и рек. Но приподнятая часть побережья с высокими террасами полностью не заливалась водами Каспия во время его периодических наступлений на сушу. Сильное охлаждение во время ледникового периода заставило буковые и грабовые леса спуститься пониже с верхних склонов гор, уступив место альпийской растительности. В межледниковые периоды в предгорьях и на равнине развивалась степная растительность. Наиболее своеобразный представитель ледниковой фауны, мамонт, водился и здесь. Кости этого вымершего животного находили на плоскости, в предгорье (Дербент, Андрей-аул, Махачкала) и в горах (Кумух).

Природные условия Дагестана были вполне благоприятны для существования первобытного человека. Горный ландшафт местности представлял немало естественных убежищ. Множество месторождений кремня давало материал, из которого первобытный человек изготавливал себе орудия труда.

Предположения о раннем заселении первобытным человеком территории Северо-восточного Кавказа оправдались. Наиболее

¹ Л. А. Варданянц. Постплиоценовая история Кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван. 1943 г., стр. 45.

раннее местонахождение было обнаружено в южной части Дагестана: западнее Геджуха и близ урочища Чумус-Иниц¹. Там, на уровне третьей древне-каспийской стометровой террасы были найдены каменные орудия, относящиеся к средней поре древне-каменного века (эпоха мустье). Это были рубила, остроконечники, скребла и скребки, резец, а также дисковидные орудия, нуклеусы и массивные отщепы.

К концу ледникового периода, в связи с потеплением и увлажнением климата, изменились флора и фауна. Вершины гор покрылись растительностью современного альпийского, субальпийского и горно-степного типа. Верхние части склонов покрылись сосновыми и березовыми лесами. В предгорье появились граб и бук. Нижние склоны гор поросли широколиственными лесами и кустарником. Для приподнятой низменности стала характерной степная растительность современного типа, для приморья — пустынная.

К этому периоду относится открытая близ селения Чох стоянка первобытных людей². В горных условиях древние обитатели использовали в качестве стоянки площадку под скалой, в непосредственной близости от реки.

Это было временное стойбище охотников, поселившихся здесь около 12 тыс. лет тому назад. Они приходили время от времени на сезон массовых охот. Окрестные возвышенности представляют собой и поныне очень хорошие пастбища. Поэтому на стоянке задерживались подолгу. Об этом можно судить по сильной насыщенности остатками мощного культурного слоя на месте обитания охотников. Здесь было найдено очень большое количество кремневых орудий, среди которых преобладали микролиты правильных геометрических форм, весьма характерные для эпохи мезолита. Это были тонкие ножевидные пластинки, многочисленные вкладыши треугольной и сегментовидной формы и наконечники стрел.

Древние жители гор Дагестана занимались преимущественно охотой. Благодаря обнаруженным на стоянке близ с. Чох остаткам костей животных удалось определить, что это были: восточные или муфлонообразные бараны, благородные олени, восточно-кавказский тур и безоаровый козел. Имелись кости и таких грызунов, как заяц-русак, дагестанский хомяк. Судя по количественному составу, здесь охотились преимущественно на баранов с помощью такого усовершенствованного оружия, как лук со стрелами. «Лук, тетива и стрела, — пишет Ф. Энгельс, — составляют уже очень сложное оружие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно, и одновременное знакомство с множеством

¹ Рук. В. Г. Котович. Арх. экспедиции Даг. филиала АН СССР за 1953—55 гг.

² Раск. В. Г. Котовича. Арх. эксп. Даг. филиала АН СССР за 1954—56 гг.

других изобретений»¹. Это было оружие, которое повысило власть человека над природой. Охота с помощью лука давала возможность жить сравнительно небольшими коллективами и более легким способом добывать себе пищу. Посредством самых разнообразных микролитических орудий разделялись туши убитого зверя и обрабатывались шкуры. Выделка орудий труда и оружия производилась на месте обитания охотников. Техника их обработки была более совершенной.

К этой же эпохе следует отнести стоянку первобытных людей, обнаруженную в окрестностях сел. Ругуджа, в горах Дагестана.

Начало неолита или новокаменного века знаменуется тем, что люди научились изготавливать глиняную посуду ручным способом. В эпоху неолита орудия труда становятся не только более усовершенствованными, но и специализированными по своему назначению.

Наиболее характерными для этой эпохи орудиями являются такие, у которых рабочая режущая или ударная часть в виде каменных вкладышей, ножевидных пластинок, мотыжек и топоров вкладывалась и закреплялась в деревянной или костяной рукоятке. Основным же видом оружия являлся лук со стрелами.

В эпоху неолита в отдельных местностях Кавказа жизнь развивалась по-разному. На Северном Кавказе в некоторых местах (Кабарда, Осетия) еще занимались охотой и собирательством, а в Закавказье начал уже складываться один из очагов древнейшей земледельческой культуры.

Стоянки эпохи неолита в Дагестане зафиксированы в окрестностях Буйнакса, Ругуджи и Махачкалы. Представляет значительный интерес местонахождение кремневых орудий близ местности Тарнаир, в 7 км к северо-западу от г. Махачкалы. По-видимому, здесь существовала специальная мастерская по выделке каменных орудий². Помимо готовых орудий здесь найдены были и такие, которые еще не прошли окончательной стадии обработки. Очень много было заготовок и отщепов, отколотых от нуклеусов при изготовлении орудий.

Новые приемы обработки дали возможность изготавливать кремневые изделия более правильной формы. Это были кремневые ножевидные пластины, отколотые от призматического нуклеуса, скребла, резцы, проколки, вкладыши, каменные песты, мелкие орудия геометрических форм и прочее. Среди материалов тарнаирской мастерской имелись плоские топоры, отбойники, молотовидные и клиновидные орудия, посредством которых человек мог уже строить себе жилище и обрабатывать землю.

---

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. Т. II. М. 1948, стр. 175.

² Материалы В. И. Марковина. Дагестанский краеведческий музей, г. Махачкала.

Найденные близ Тарнаира вкладыши от серпов и пест от зернотерки позволяют предполагать, что жителям плоскостного Дагестана уже в то время было известно примитивное земледелие.

§ 2. ЭПОХА МЕДИ

Последующее после неолита время ознаменовалось величайшим событием в истории человечества — освоением металла, явившимся наиболее сильным стимулом развития производительных сил общества.

Период энеолита приходится в Дагестане на III тыс. до н. э. Обнаруженное близ селения Гапшима поселение относится к той поре, когда только стал осваиваться металл (медь). Весь ассортимент каменных изделий, найденных на стоянке, еще довольно архаичен. Это были наконечники стрел без черенка, скребки, топоры и прочее. Среди этих орудий имелся и кремневый вкладыш от серпа, — существенный признак, указывающий на занятие земледелием в горах еще в ту отдаленную пору. На плоскости в это время уже жили оседлые жители с вполне сложившейся земледельческой культурой.

Типичными памятниками эпохи энеолита являются поселения близ сел. Каякент и Великент.¹ Каякентское поселение, расположенное на довольно ровной площадке высокого холма, было укреплено вокруг земляным валом. Здесь жили в небольших легких плетеных постройках, обмазанных глиной. Наряду с ними сооружались и более сложные жилища на каменном фундаменте с конической или горизонтальной крышей.

Главным занятием жителей плоскостного Дагестана было земледелие. В ту пору, при сравнительной мягкости климата, близости от водных источников, земледелие могло обеспечивать жизнь сравнительно больших коллективов. На Великентском поселении сохранилось до 70 зернотерок и большое количество кремневых лезвий от составных серпов, при помощи которых убирали злаки. Обитатели Каякентского поселения возделывали такую прихотливую злаковую культуру, как твердая пшеница. Но большое внимание уделялось и разведению мелкого рогатого скота.

Энеолитическая культура Дагестана характеризуется такими предметами, как каменная шаровидная булава, глиняный жертвенник и лощеная посуда из глины с рельефным орнаментом в виде кругов, спиралей и зигзагов. Глиняная посуда отличалась большим искусством в изготовлении форм и исключительным

---

¹ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК вып. V. М. — Л. 1940, стр. 66; Его же. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. КСИИМК, вып. XIII. М. 1946 г., стр. 131; Рук. В. Г. Котович. Археологическая экспедиция Дагестанского филиала АН СССР за 1953—54 гг.; Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема Кавказского энеолита. Сов. археология. т. XXII. М.

развитием технических приемов отделки, несмотря на то, что выделывалась от руки. Довольно характерными сосудами являлись горшки с прямыми стенками и ложными ручками. Внешняя их поверхность темно-коричневого или черного цвета хорошо лощилась. Отличительной особенностью таких сосудов была более светлая внутренняя поверхность розоватых или коричневых тонов. Другие сосуды, с широко отогнутым венчиком и крутыми боками, украшались наlepным валиком с насечками. Третьи, в виде горшков яйцевидной формы с цилиндрической шейкой, имели орнамент из косых углублений, рельефных спиралей и кругов.

Местной особенностью Каякентского поселения являлись миски, залощенные снаружи и внутри. Для Великентского поселения были характерны лощеные трехручные и широкоустные сосуды с маленьким днищем, вылепленные с замечательным искусством.

Единственным материалом для изготовления металлических изделий служила самородная медь, которую обрабатывали путем холоднойковки. Из меди изготавливались только простые украшения в виде височных колечек и шилья. В это время появилось немало орудий труда специального назначения, имевших отношение к добыче руды. Это были каменные отбойники и большие топоры с рабочими концами клиновидной формы, у которых были желобки для удобства привязывания к рукоятке. (Тарнаир, Кичи-Гамри).

Ввиду мягкости меди в это время продолжали широко употреблять в быту такие каменные земледельческие орудия, как зернотерки ладьевидной формы, терочки, песты, составные серпы с кремневыми вкладышами.

Культура Каякентского и Великентского поселений была настолько близка культуре племен, живших в междуречье Куры и Аракса, что можно утверждать об общем историко-культурном развитии Северо-восточного Кавказа и Закавказья в целом¹.

§ 3. ЭПОХА БРОНЗЫ

Во II тысячелетии до н. э., в связи с общим потеплением и увлажнением климата, склоны гор, особенно обращенные к морю, были сплошь покрыты лесом. Вдоль берегов многоводных рек простиралась луга, заросли рогоза и пойменные леса, богатые диким зверем.

В этот период местному населению Дагестана стал известен сплав меди с оловом — бронза. Все это дало возможность человеку совершить коренные преобразования в способе добычи материальных благ и осваивать новые жизненные пространства.

---

¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л. 1949 г., стр. 41. Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат. 1953, стр. 7.

Материалы¹ раскопок поселений и могильников II-го тысячелетия до н. э. свидетельствуют о более широком расселении жителей на территории современного Дагестана: на плоскости (Хасав-Юрт, В. Чирюрт, Миатлы, Махачкала, Талги, Карабудахкент, Джемикент), в предгорье (окрестности Ново-Лакского и Буйнакса) и в нагорном Дагестане (Кули, Хуна, Чох, Гоно и Муги). На остальной территории горного Дагестана археологические исследования еще не произведены, поэтому нет возможности определить границы расселения ее древних обитателей во II тысячелетии до н. э.

Эпоха ранней и средней бронзы уже изобилует медными и бронзовыми изделиями.

Обработка металла достигла большого искусства. В результате химических анализов было установлено, что во II тысячелетии до н. э. существовала местная выработка медных предметов (Джемикент). Позже, во второй половине II тысячелетия до н. э., как указывает разнообразный комплекс украшений, выделка металлических изделий не прекращалась. Среди них имелись такие специфические для Дагестана украшения, как браслеты подкововидной формы. (Талги).

---

¹ М. И. Артамонов. Отчет о работе Северо-кавказской экспедиции 1937—1938 гг. Рук. фонд ИИЯЛ.

А. А. Грен. Отчет о летней командировке в Хасавюртовском округе Терской области. «Древности». Труды Московского археологического общества. т. XXI. Вып. 2. М. 1907. Протоколы, стр. 136.

М. И. Исаков. Талгинский могильник (Рукопись). Управление культурно-просветучреждений. Махачкала. 1952. Он же. Новые археологические находки в Дагестане. КС ИИМК. вып. XXXVI. М. 1951, стр. 181—184.

А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КС ИИМК. вып. V. М.-Л. 1940, стр. 66—67. Он же. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. КС ИИМК. вып. XIII. М.-Л. 1946, стр. 131—132.

В. Г. Котович. Великентское поселение. Рукописный фонд ИИЯЛ. 1954.

Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат. М. 1953 г.

Его же. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. Советская археология, т. XXII. М.

К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—60 гг. КС ИИМК. вып. 45. М. 1952, стр. 84—88.

К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. Материалы и исследования по археологии СССР. вып. 23. М. 1951, стр. 229—229.

А. Русов. Отчет о летних и осенних полевых работах в южном Дагестане. Труды предварительных комитетов V археологического съезда в Москве. 1879, стр. 580—581.

М. И. Пиккуль. Отчет по археологическим работам в Сев. Дагестане в 1951 г. Рукописный фонд ИИЯЛ.

Материалы Дагестанской археологической экспедиции Даг. филиала АН СССР за 1953—56 гг.

В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала. 1956, стр. 210—222.

Для того времени были характерны круглые проволочные и ленточные браслеты, головные булавки с отверстием наверху, височные подвески очковидной формы или овальные с заходящими друг за друга концами, бронзовые бочонковидные бусы и пастовые длинно-цилиндрической формы и т. д. Характерным оружием того времени являлись дротик или копье с насаженным на древко плоским острием (Манас, Карабудахкент, Миатлы, Хуна). Найденный в кургане близ сел. Миатлы бронзовый вислообушный топорик также имел боевое назначение. Но по-прежнему в период бронзы имели еще большое распространение каменные зернотерки, ножевидные пластины, кремневые вкладыши для серпов и наконечники стрел, обработанные тонкой отжимной ретушью.

Глиняная посуда, вылепленная ручным способом, была довольно характерна. Еще в эпоху энеолита местные гончары достигли большого искусства в выделке сосудов, имеющих блестящую полированную поверхность и рельефный спирально-концентрический узор. В эпоху ранней бронзы долго еще бытовала прежняя энеолитическая техника выделки глиняной посуды. И такие типические формы, как сосуды с цилиндрическим горлом, чашечка со скошенной нижней частью тулова, встречались довольно часто. Однако гончарное искусство продолжало неуклонно развиваться. К середине II тысячелетия до н. э. стали исчезать прежние традиции, унаследованные от эпохи энеолита, появились новые, связанные по своему происхождению с тем или иным районом Дагестана. Так, жители Джемикентского поселения лепили сосуды ленточным способом на мешочной основе. На территории средней части плоскостного Дагестана керамика дольше всего сохраняла пережитки техники обработки сосудов, идущей от энеолита. В северной же части Дагестана, на побережье Сулака, для II тысячелетия до н. э. были типичны красноглиняные широкоустные сосуды, украшенные вдавленным или шнуровым орнаментом северо-кавказского типа (сел. Миатлы, курганный могильник). На одном из них посредством шнуровой орнаментации был воспроизведен довольно сложный растительный узор. В горах Дагестана (Гоно)¹ еще в эпоху ранней бронзы, наряду с некоторыми пережиточными чертами прежней энеолитической техники изготовления глиняной посуды, стали развиваться свои местные традиции. Появились новые разнообразные формы горшков, мисок и кружек. Они стали украшаться налепным и нарезным орнаментом. Некоторые из сосудов обмазывались снаружи жидкой глиной. Этот прием — чисто местный. Но он получает широкое распространение спустя много времени, в эпоху поздней бронзы.

¹ Раск. В. Г. Котовича. Арх. эксп. Даг. филиала АН СССР за 1955—56 гг.

Созданная еще во второй половине III тысячелетия до н. э. земледельческая культура, ярким памятником которой было Каякентское поселение, неуклонно развивалась. Благодаря тому, что в эпоху бронзы стали употреблять металлический топор и деревянную мотыгу с металлическим наконечником, человеку стало несравненно легче возделывать землю, производить выкорчевку кустарника и расширять посевные площади.

Земледелие было мотыжным. Следы от употребления такого мотыговидного орудия были обнаружены на стенах катакомбы в могильнике близ Манаса. Жители Джемикентского поселения были уже земледельцами с достаточным опытом в этой отрасли хозяйства.

Основным злаком в земледелии была твердая пшеница, которую в Дагестане начали культивировать еще со второй половины III тысячелетия до н. э. (Каякентское поселение) и продолжали употреблять как основной злак во второй половине II тысячелетия до н. э. Подтверждением этому являются отпечатки зерен этого сорта пшеницы на миске, которая была найдена во второй катакомбе кургана № 3 близ Манаса.

Имеются данные о занятии земледелием в горах (Кули, Хуна) и предгорье (Ново-Лакское). Об этом можно судить по найденным кремневым вкладышам от серпов.

Налившийся зерном колос обычно снимали посредством составного серпа с острыми кремневыми вкладышами. Зерно хранили в круглых сосудах или в специально вырытых для этой цели грунтовых зерновых ямах. Муку получали посредством растирания зерен пшеницы на каменных плоских зернотерках. Уже возделывали такие культуры, как лен и конопля (Джемикентское поселение).

Не менее важной отраслью хозяйства жителей Дагестана во II тысячелетии до н. э. было скотоводство. Несмотря на то, что ко времени энеолита были уже приручены все виды домашних животных, кроме лошади, скотоводство стало усиленно развиваться только с эпохи бронзы.

Судя по данным раскопок, в первой половине II тыс. до н. э. происходит процесс увеличения поголовья скота и наблюдается резкий поворот к овцеводству.

В связи с ростом производительных сил, в частности, развитием яйлажного скотоводства, в конце II тысячелетия до н. э. происходит освоение горных пастбищ.

Кости животных, обнаруженные в могильнике близ сел. Чох, принадлежали исключительно мелкому рогатому скоту.

Охота в эпоху бронзы получила некоторое развитие там, где широкой полосой тянулась лесостепь. Жители Джемикентского поселения, которое в ту пору находилось у самого моря, охотились на джайранов и били морского тюленя (кости этих животных были обнаружены в культурном слое поселения).

Еще в первой половине II тысячелетия до н. э. племенам Дагестана были известны прядение и ткачество.

Пряли с помощью веретена. Такое веретено с надетым на него пряслищем было найдено среди прочего погребального инвентаря в Манасе. Ткали на простом ручном ткацком станке. Благодаря этнографическим параллелям было установлено, что 36 палочек из кости, найденные в кургане № 3 близ Манаса, являлись ничем иным, как колками, посредством которых обычно закрепляли на ткацком станке основу.

Сохранились отпечатки грубой ткани из растительного волокна на глиняной обмазке печи и фрагментах керамики (Джемикентское поселение).

Расцвет культуры во II тысячелетии до н. э. был несомненный. Достаток, возникший в связи с развивающимся скотоводством и расширением земельных площадей, вел к прочной оседлости коренного населения, создавал возможность проживания на одном месте сравнительно больших коллективов.

Поселения были неукрепленными, но для их защиты очень умело использовался рельеф местности. Яркую картину жизни древних обитателей предгорья Дагестана в начале II тысячелетия до н. э. дает Сигитминское поселение, расположенное к 4-х км. к югу от сел. В. Чирюрт.¹ Это был поселок, ютившийся на высокой обрывистой площадке Сигитминского хребта. На поселении жилища располагались в непосредственной близости друг от друга. Некоторые из них составляли смежные друг с другом помещения. Их основания были заложены в углублениях, были построены из местного строительного камня и имели над собой, очевидно, легкие перекрытия, державшиеся на деревянных столбах. В каждом доме имелось по нескольку очагов.

Здесь протекала жизнь оседлых жителей, которые возделывали землю и разводили крупный и мелкий рогатый скот. Изредка, вооруженные луком и стрелами, они охотились на оленя и других животных, били костяным гарпуном в водах реки Сулак крупную рыбу. Каждое помещение отражало все стороны быта и хозяйственной жизни его обитателей. В одном из них было найдено много зернотерок. По-видимому, здесь при помощи терочников на каменных зернотерках производился размол зерна. В остальных помещениях жили члены отдельных семейств. Они пользовались каменными лежанками, обогревались при помощи больших глинобитных печей, готовили себе пищу, пекли хлеб на специально сооруженных для этого печах и пряли шерстяную пряжу при помощи веретена. Многочисленный бытовой инвентарь был изготовлен из глины, камня и кости. Металлических изделий было еще очень немного (копье и спиралька). Из глины выделялась посуда. Помимо больших сосудов хозяйственного

¹ Рукоп. В. И. Канивец. Арх. эксп. Даг. филиала АН СССР за 1956 г. раск. Г. М. Бузова.

назначения имелась самая разнообразная лощеная кухонная и столовая посуда в виде мисок, чарок, чаш и блюд. Глиняная посуда украшалась резным геометрическим и налепным орнаментом. Посредством каменных форм выпрямлялись древки стрел. Среди прочих земледельческих орудий труда, кроме зернотерок, были найдены кремневые вкладыши от серпов. Предметами вооружения являлись не только кремневые, но и костяные наконечники стрел и металлический наконечник копья.

Весь облик разнообразного по назначению инвентаря, орудий и оружия, найденный в помещениях Сигитминского поселения, говорит о большом искусстве его выделки, мастерстве и умении им пользоваться. Большое значение у сигитминцев имел огонь. На глиняном жертвеннике, украшенном магическими рельефными значками, поддерживался огонь. Эта традиция вела свое начало еще со времен энеолита.

На территории Джемикентского поселения жилище было иного типа, чем сигитминское и представляло собой полуземлянку прямоугольной формы, имеющую несколько сообщающихся между собой отделений. В каждом из них имелся свой очаг. Стены таких жилищ обкладывались камнем.

Излишки, получавшиеся в результате расширения хозяйственной деятельности, и рост потребностей способствовали установлению в Дагестане постоянного межродового и межплеменного обмена. Имеются данные о существовании в те времена связей населения Дагестана с населением Северного Кавказа, Закавказья и Передней Азии. На территории нагорного Дагестана встречалось оружие носителей Кобанской культуры, типичной для Северного Кавказа в конце II — начале I тысячелетия до н. э.¹ Через Армению и Грузию поставлялись населению Дагестана такие изделия, как каменные булавы, бусы из гешира и сердолика. В Маджалисе были найдены кинжалы передне-азиатского типа.

Расширение обмена вело к обогащению отдельных племен, чему способствовало иногда их выгодное расположение близ основных коммуникаций. Этим, вероятно, объясняется богатство племени, жившего близ миатлинской переправы на Сулаке и оставившего после себя богатые погребения в курганах². Здесь жили оседло, большими родовыми коллективами. После них осталось огромное могильное поле с возвышающимися курганами, которое тянулось на протяжении 8 км вдоль обоих берегов р. Сулак. Это были люди одного племени; передававшего из поколения в поколение свои обычаи, технику изготовления сосудов и металлических изделий, традиции в способе захоронения (в овальных ямах с перекрытиями и каменных гробницах, а

¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. т. VII. 1952 г., стр. 16.

² Рук. В. И. Канивец. Арх. эксп. Даг. фил. АН СССР за 1955—56 г.

позже и каменных ящиках) и обряде (головой на юг, с отклонениями на восток и запад).

Каждая группа курганов представляла собой родовое кладбище. Более десятка таких родовых групп составляло могильник, насчитывавший более 200 курганов метровой высоты, не считая уже мелких, слившихся между собой своими оплывшими вершинами.

Среди погребений выделялись могилы, в которых были погребены представители родовой знати. Над ними совершался культовый церемониал, жгли костры, сооружали кромлехи из плит, устраивались каменные площадки, на которые ставились сосуды с ритуальной пищей. Среди погребального инвентаря имелось много привозных вещей. Это были бусы из гешира и сердолика, морские раковины, вислообушный топорик, булавка с павершием и т. д. Все это говорило уже о начавшемся процессе обогащения родовой знати. Позднее этот процесс усилился. Богатством отличались погребения родовой знати в могильнике близ Манаса, в урочище Каркома-Хола.¹ Хорошо сооруженные погребальные камеры с входным коридором и нишами, в которых пол был выстлан сырцовым кирпичом, а сводчатый потолок побелен, пышный ритуал и чрезвычайно обильный погребальный инвентарь являются доказательством дальнейшего процесса обогащения родоплеменной знати.

На дальнейшее развитие культуры и языков племен Дагестана не могли не повлиять такие события, как передвижение племен в южных степях Восточной Европы, в результате чего из предкавказских степей проникли на Кавказ, и дошли до Южного Дагестана, носители катакомбной культуры.² Об этом можно судить по появлению в Дагестане к середине II тысячелетия до н. э. нового типа погребального сооружения в виде катакомб (Манас). Впрочем, в дальнейшем пришельцы слились и растворились в местной среде.

Об идеологических представлениях эпохи бронзы можно иметь некоторое суждение на основании археологических памятников того времени.

По-прежнему был развит культ предков. На протяжении всего II тысячелетия до н. э. типы погребальных сооружений в Дагестане менялись. Хоронили в простых овальных грунтовых могилах, каменных ящиках, колодцах и склепах, но почти всегда над ними сооружалась курганная насыпь. Сами же курганы располагались отдельными родовыми кладбищами. Иногда хоронили где-нибудь поблизости от жилища. Так, два детских погребения оказались под полом жилища на Джемикентском поселении.

Ко II тысячелетию до н. э. восходят символические изображения солнца в виде круга из камней и плит над погребениями

¹ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 86—88.

² Р. М. Мунчаев. Указ. соч. стр. 11.

(Миатлы, Манас). С солнечным культом было, как известно, связано поклонение огню. Над могилой часто жгли костры, приносили очистительные жертвы (Миатлы). В Гोनобском могильнике около погребений имелось специально выделенное для этого место, где устраивались ритуальные костры после акта захоронения. Возле покойника ставили курильницы или сосуды с горящими душистыми травами (Карабудахкент, Манас).

Умершие посыпались краской. Иногда ее находили в коробочке или ямке возле умершего. Краска, по-видимому, символически обозначала огонь или кровь.

Не меньшее распространение во II тысячелетии до н. э. имел в Дагестане культ животных. Поэтому не случайным является нахождение в могилах черепов животных или талисманов в виде клыков и рогов (Чох, Манас, Карабудахкент). О культе животных говорит также орнаментация на сосудах в виде рогов барана и т. д.

В это время в Дагестане распространяется обряд расчленения умерших (Гоно, Чох). В одной каменной гробнице близ сел. Чох было похоронено в расчлененном состоянии более 15 костей.¹

Период поздней бронзы и начала распада патриархально-родовых отношений приходится на первую половину I тысячелетия до н. э. В это время сложилась характерная только для Дагестана — Каякентско-хорочоевская культура.²

Каякентско-хорочоевская культура не привнесена извне, а была обусловлена всем предшествующим развитием культуры местного населения³. Еще во второй половине II тысячелетия до н. э. появился новый тип погребального сооружения в виде каменного ящика без курганной насыпи над ним, единый обряд погребения и такие предметы материальной культуры (керамика, украше-

¹ Рук. Р. М. Мунчаев. Арх. эксп. Даг. фил. АН СССР за 1954 г.

² Труды предварительных комитетов V археологич. съезда. М. 1879, стр. 617, 619, 621, 570, 571, 543, 456—481.

Отчет археологической комиссии за 1898 г. СПб. 1901 г., стр. 141—156.

А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КС ИИМК, вып. V. М. 1940, стр. 64, 67—68.

Его же. Сев.-вост. Кавказ по II—I тыс. до н. э. КС ИИМК, вып. XIII. М. 1946, стр. 131—134.

Его же. Предкифские памятники Сев.-вост. Кавказа. Ученые записки, ЛГУ. Серия истор. наук, вып. XIII. Ленинград. 1949 г., стр. 110—128.

Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Труды ГИМа, вып. XI. М. 1940, стр. 8—15.; Его же. Новый памятник древн. культур Дагестана. Материалы и исследован. по археологии СССР, вып. XXIII. Москва. 1951, стр. 208—225.

К. Ф. Смирнов. Археолог. исследов. в р-не сел. Тарки. Материалы и исслед. по археологии СССР, вып. XXIII. М. 1951, стр. 240—257; Его же. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа, КС ИИМК. XXXII. М. 1950, стр. 113.

³ Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. (Автореферат). М. 1953, стр. 13.

ния), которые стали доминирующими и типичными в период поздней бронзы.

Характерным для культуры первой половины I тысячелетия до н. э. являлось распространение таких изделий, как глиняные сосуды с поверхностью, обмазанной глиной, и украшенные резным или налепным орнаментом, бронзовые овальные височные подвески в 1½ оборота, узкие налобные ленты, круглые браслеты с утолщенными концами, украшения из сурьмы и бронзовые трубочки-пронизки. Оружие представлено наконечниками стрел и копьем (Берикей, Тарки). Бронзовые изделия получили исключительно широкое распространение. Каменными же изделиями в эпоху бронзы пользовались преимущественно только при земледельческих работах (зернотерки, составной серп с кремневыми вкладышами).

Обработка металла достигает высокого уровня. Это относится, главным образом, к нагорному Дагестану (Арчо, Согратль, Гагатль). Там находили в массовом количестве однотипные культовые бронзовые статуэтки, весьма искусно отлитые. Но железные изделия здесь появились позже. Благодаря раскопкам могильника близ сел. Даг-Баш Андалалского района удалось установить, что первое появление железных привозных изделий в горах относится к VIII—VII вв. до н. э. Бронзовый инвентарь из этого могильника отличался большим разнообразием и выработанностью форм. Это были гривна, височные подвески, наконечники стрел, кинжалы, пуговицы, браслеты, шило.

В результате развития производительных сил общества и окончательным переходом к являжной форме ведения скотоводческого хозяйства в эпоху поздней бронзы происходит выделение пастушеских племен.

В этой связи окончательно определилось хозяйственное разделение территории Дагестана: в горах стали преимущественно заниматься скотоводством, на плоскости — земледелием. Скотоводы разводили, главным образом, мелкий рогатый скот. В качестве рабочей тягловой силы стали использоваться быки. Обычно бык или вол впрягался в двухколесную тележку. Ее изображение было обнаружено на стене каменного ящика из Берикей.

Процесс выделения пастушеских племен способствовал установлению постоянного обмена между населением равнины и гор. Ничем иным, как результатом таких постоянных связей между жителями равнины и гор, следует объяснить распространение среди населения некоторых украшений, частично определяющих Каякентско-хорочоевскую культуру. Усилился и обмен с соседними областями Кавказа—Грузией, Азербайджаном и другими. О существовании оживленного обмена между населением Дагестана и соседних областей можно судить по некоторым украшениям, например, изделиям из сурьмы, бывших в большом ходу у племен всего Кавказа в целом. В Дагестан попадают наконеч-

ники стрел закавказского типа и даже бусы урартийского происхождения. В I тысячелетии до н. э. племена Дагестана особенно были тесно связаны с населением В. Закавказья.

Религиозные представления периода поздней бронзы отражают процесс распада родовых отношений.

К этому времени относятся культовые места в нагорном Дагестане. От них обычно оставались лишь груды камней, кости приносимых в жертву животных и дары. Здесь совершали жертвоприношения и приносили в дар металлические трезубцы, фигурки людей и животных. В Предгорье, близ Капчугая¹ находилось культовое место.

Здесь, перед начерченными на скалах ритуальными и охотничьими сценами, воспроизведенными с такой простотой и выразительностью, — совершались магические действия. По-видимому, религиозный культ оформился в ту эпоху уже настолько, что выработался церемониал и появились жрецы. На эту мысль наводит изображение людей с воздетыми вверх руками на наскальных изображениях и аналогичные человеческие фигурки на культовых местах нагорного Дагестана.

В первой половине I тысячелетия до н. э. в Дагестане происходит сложение двух больших территориально обособленных² этнических массивов в приморской и горной части Дагестана³. Оно проявлялось в различной хозяйственной деятельности (скотоводство в горах, земледелие на плоскости), особенностях погребального обряда (сидячее положение в могилах на плоскости, скорченность в горах), форме и орнаментации сосудов (резной узор на плоскости, напечной в горах) и т. д.

В эпоху поздней бронзы в Дагестане окончательно укрепляются патриархальные отношения. В родовом обществе начинает обособливаться патриархальная семья, возрастает значение мужчины в семье и обществе. Все эти явления заметно отражаются и закрепляются в погребальных обрядах того времени. На родовых кладбищах погребения располагаются уже отдельными семейными группами. Погребения женщин и детей группируются вокруг мужского захоронения. Мужчину кладут в более тщательно сооруженный каменный ящик. Над его могилой устраивается каменная вымостка или оградка для совершения жертвоприношений. При мужчине нередко уже хоронят женщину. В таком парном погребении различным положением в могиле мужчины

---

¹ В. И. Марковин. Наскальные изображения в Дагестане. «Известия географического общества» т. 85. М. 1953 г., стр. 209—212.

² А. П. Круглов. Сев.-Вост. Кавказ во II—I тыс. до н. э. КСИИМК. Вып. XIII, 1946, стр. 125; К. Ф. Смирнов. Арх. исследования в р-не сел. Тарки. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. XXIII. М. 1951, стр. 257.

³ А. П. Круглов. Предскифские памятники Сев.-Вост. Кавказа. Ученые записки ЛГУ. Серия истор. наук. Вып. 13. Л. 1949, стр. 132.

и женщины подчеркивается их неравенство в семье (Хорочой, Тарки).

Если ранее начало распада родовых отношений можно было наблюдать по сосредоточению богатств в руках родоплеменной знати, то к концу II тысячелетия до н. э. и, особенно, в первой половине I тысячелетия до н. э. оно проявляется в имущественном неравенстве сородичей.

Так, в Таркинском могильнике имеются погребения без сопровождающего их инвентаря или только с одним сосудом, поставленным в могилу, с напутственной пищей. Вместе с тем при других умерших стояло не только несколько сосудов, но были положены и украшения. Этот процесс прослеживался более четко в Хорочоевском и Миатлинском могильниках.

К концу эпохи поздней бронзы население Дагестана, разделившееся, в основном, на два больших этнических массива, стояло еще на грани начинающегося распада родовых отношений. Но только пользование железными орудиями смогло стать решающим толчком, благодаря которому общество, освободившись от родовых оков, могло перейти на более высокую стадию развития.

§ 4. ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Железо, пришедшее на смену бронзе в качестве главного материала для изготовления орудий труда, сыграло исключительно важную роль в истории человечества. Месторождения медных и, особенно, оловянных руд встречаются довольно редко. В отличие от них железные руды распространены чрезвычайно широко, а их разработки связаны с меньшими затратами труда. Благодаря этому железные орудия быстро вытеснили из употребления как орудия из меди и бронзы, так и сопровождавшие их на всем протяжении медно-бронзового века каменные орудия.

С появлением железных орудий началось бурное развитие земледелия и ремесленного производства. «Железо, — указывает Ф. Энгельс, — сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»¹.

В раннем железном веке происходит дальнейшее хозяйственное обособление племен, в силу чего все большее значение приобретает обмен. С развитием разделения труда и обмена растет имущественное неравенство, появляются богатые и бедные племена. Накопление богатств у отдельных племен приводит к развитию войн, что в свою очередь ведет к еще большему увеличению имущественного неравенства.

¹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 295.

Рост производительности труда, вызванный появлением железных орудий, дает возможность использовать рабский труд. Внутри племен и общин начинается процесс хозяйственного обособления крупных патриархальных семей, нередко использовавших в своем хозяйстве труд рабов. Появляются богатые и бедные семьи. Богатые семьи стремятся возвыситься над бедными, которые попадают в зависимость от них. Все это вызывает распадение общинного хозяйства.

С появлением железа начинается последний этап в развитии первобытно-общинного строя, для которого характерно разложение первобытно-общинных отношений. Общественно-политическое устройство этого времени Маркс и Энгельс называли «военной демократией». «Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей... Органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе..., а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹. Однако разложение первобытно-общинных отношений происходило постепенно, в течение длительного времени, пока не завершилось возникновением классов и государства.

О времени появления железа в Дагестане совсем недавно не было почти ничего известно. Лишь в самые последние годы получены археологические материалы, позволяющие в некоторой степени осветить этот вопрос. Судя по материалам Дагбашского могильника², железо впервые появляется в Дагестане в VIII в. до н. э. Здесь найден бронзовый кинжал с железной рукоятью. Эта находка свидетельствует о том, что первоначально железо употреблялось для украшения.

Широкое употребление железных изделий приходится в Дагестане на то же время, что и у соседних племен и народов, т. е. на VII—VI века до н. э. Археологические материалы из раскопок Макинского грунтового могильника (Докузпаринский район)³ знакомят нас с некоторыми сторонами жизни населения горного Дагестана в VI—IV вв. до н. э. Судя по этим материалам, в это время широко употреблялись различные железные

¹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 296, 297.

² Раскопки М. И. Пикуль. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР, 1953 г.

³ Раскопки В. Г. Котовича. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР, 1953 г.

изделия: кинжалы, ножи, шилья и др. Из бронзы изготовлялись различные украшения. Интересны находки украшений из сплава свинца с оловом, не имеющие себе аналогий в других памятниках Кавказа. Они свидетельствуют о существовании местной металлообработки. Широкое распространение имели и привозные украшения, главным образом, бусы. В могильнике найдены пастовые глазчатые, стеклянные и сердоликовые бусы, подвеска из раковины — каури. Эти находки свидетельствуют о культурных связях населения Дагестана с племенами и народами Закавказья и Передней Азии. В керамике Макинского могильника наблюдаются приемы, восходящие к предшествующей эпохе. Сосуды по-прежнему изготовлялись вручную. Некоторые из них обмазывались снаружи жидкой глиной. Этот прием характерен для местной дагестанской керамики на всем протяжении эпохи бронзы.

Материалы могильника знакомят нас с некоторыми занятиями населения горного Дагестана этого времени. Кроме металлообработки и изготовления керамики население занималось ткачеством, на что указывают находки глиняных пряслиц в женских погребениях. Основой хозяйства было, по-видимому, скотоводство. В могильнике найдены кости мелкого и крупного рогатого скота. Находки костей крупного рогатого скота свидетельствуют об оседлом образе жизни населения.

Погребальный обряд и погребальный инвентарь Пакинского могильника находят себе аналогии в кругу памятников скифской эпохи на Северном Кавказе и в Закавказье. В нем представлена местная культура, развивавшаяся в тесной связи с культурами соседних племен и народов.

По данным античных авторов в VIII—VII вв. до н. э. скифы прошли в Переднюю Азию Прикаспийским побережьем¹. Следы их прохождения были обнаружены на узкой прибрежной полосе — у Кизляра, Махачкалы, Тарнаира, Тарков, Карабудахкента и близ устья Самура. К предметам скифского военного снаряжения следует отнести найденные здесь наконечники стрел, меч, топор, нагрудные бляхи, принадлежности конской сбруи и поясные пряжки.

На Бавтугайском поселении (Кизыл-Юртовский район) встречена керамика, напоминающая керамику памятников позднескифской эпохи. Здесь же найден бронзовый трехперый наконечник стрелы скифского типа. Благодаря этим находкам становится очевидным существование здесь в V—IV вв. до н. э. населенного пункта. Он располагался у переправы через реку Сулак на пути, соединявшем северо-кавказские степи с Закавказьем и Передней Азией. Этот факт наводит на мысль, что уже тогда этим путем пользовались не только в военных целях, но и для поддержания торговых и культурных связей.

¹ Геродот, IV, 104.

Ко второй половине I тысячелетия до н. э. относится клинописная надпись, обнаруженная в приморском Дагестане еще в начале XVIII века¹. Она составлена из знаков ахеменидской и вавилонской письменности и относится предположительно ко времени парфянской династии Аршакидов (III—II вв. до н. э.). К сожалению, этот весьма ценный и интересный памятник почти совершенно не изучался.

§ 5. ДАГЕСТАН В СОСТАВЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

История племен и народов, населявших территорию Дагестана в последних веках до н. э. и в первых веках н. э., тесно связана с историей древней Кавказской Албании².

По сведениям античных писателей: Страбона, Плиния и Птолемея, территория древней Албании ограничивалась с востока Каспийским морем, с юга — рекой Курой, с запада — рекой Алазанью³. Северными соседями албанов все упомянутые авторы считают сарматские племена населявшие в ту пору северо-кавказские и прикаспийские степи⁴. Пограничную линию между ними Страбон проводит через северо-восточные отроги Кавказа (Кераунские горы)⁵. Птолемей считает, что пограничная линия между Сарматией и кавказскими странами (Колхидой, Иберией и Албанией) проходит через устье реки Корака (Кодор), Сарматские ворота (Дарьяльское ущелье) и устье реки Соаны (Сулак)⁶. Все эти пункты расположены примерно на одной параллели, которая проходит по северным отрогам Кавказа.

Следовательно, по данным античных писателей, территория, занимаемая албанскими племенами, включала большую часть Дагестана. Этот вывод подтверждается и результатами археологических исследований последних лет.

Албания представляла собой преимущественно высокогорную страну. В связи с этим некоторые исследователи высказывали

¹ К. Риттер. Иран. Перевод Н. В. Ханькова. Часть первая, СПб. 1874, стр. 501—506.

² В исторической науке имеют место различные взгляды по ряду вопросов, касающихся древней Албании. Особенно много споров вызывает вопрос о северной границе Албании. Различные исследователи по-разному решают этот вопрос. Большинство исследователей, в том числе и западноевропейских, утверждают, что территория древней Албании охватывала как территорию современного Северного Азербайджана, так и большую часть территории современного Дагестана. См. С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. «Исторические записки», т. I, 1937 г., стр. 139—148.

³ Страбон. XI, 4, I; Плиний, Естественная история. VI, 29, 38 и 39; Птолемей. Географическое руководство, V, II, I.

⁴ Страбон. XI, 2, 16; Плиний, VI, 39; Птолемей, V, 8, 7, 11, 12 и гл. II, I. См. также К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1954, стр. 195.

⁵ Страбон, XI, 4, I и гл. 5, 1.

⁶ Птолемей, V, 8, 7, 8, 11.

предположение, что самое название страны «Албания» передает понятие «страна гор» от слова «алб» — «алп», характеризующее горный районы.

Античные писатели выделяли албанские и иберские племена из среды других племен Кавказа, считая их главным населением Кавказского перешейка¹.

Население Албании было многоплеменным. Страбон насчитывает здесь двадцать шесть различившихся по языку племен². Часть албанских племен населяла плодородную долину Куры и занималась земледелием. О другой части албанских племен античные писатели сообщают, что они были жителями гор—горцами³. Очевидно, в этом случае речь идет, главным образом, о племенах горного Дагестана.

Сведений об отдельных племенах, населявших горные районы, мы не имеем. Все они выступают под общим именем «албаны». Можно предположить, что термин «албаны» был не только этническим, но и собирательным термином, которым обозначали всех горцев. В этой связи следует отметить, что современные аварцы называют себя «маарулал», что означает «жители гор» — «горцы». В то же время население Ахвахского района (северо-западный Дагестан), отличающееся по языку от аварцев, называет их «алби». Эти факты наводят на мысль о том, что среди племен, известных античным писателям под именем албанов, были и предки современных аварцев.

Данные лингвистики позволяют утверждать, что среди албанских племен были предки лезгинского народа. Лезгинский язык обнаруживает сходство с удиным языком, который считается одним из пережиточно-сохранившихся языков древней Албании и входит в лезгинскую языковую группу⁴.

Некоторые племена горного Дагестана не входили в албанский союз. К числу их относится упомянутое Плинием племя дидуров⁵, которое является, по-видимому, предками современных дидойцев. Плиний помещает их рядом с племенами тусков (совр. Тушетий), то есть примерно там же, где они живут до сих пор. В Дагестане локализируются упомянутые Страбоном племена легов⁶. Под этим этнонимом, по-видимому, скрывается часть племен горного Дагестана.

Приморский Дагестан, по данным Птолемея, был заселен племенами удинов⁷. Судя по археологическим материалам Тар-

---

¹ Страбон, XI, 2, 19; Плутарх. Сравнительные жизнеописания; Помпей. XXXIV.

² Страбон, XI/4, 6.

³ Плутарх, Помпей, XXXIV; Плиний, VI, 39; Тацит, Летопись, VI, 34.

⁴ А. С. Чикобава. Введение в языкознание. ч. I, М. 1953, стр. 293.

⁵ Плиний, VI, 29.

⁶ Страбон, XI, 5, 1.

⁷ Птолемей, V, 8, 17—25.

кинского и Карабудахкентского могильников, они являлись потомками древнего местного населения, жившего здесь в эпоху поздней бронзы. Об этом свидетельствуют некоторые особенности погребального обряда, восходящие к эпохе Каякентско-хорочоевской культуры: захоронения в каменных гробницах в скорченном и расчлененном состоянии. Наряду с этим в погребальном обряде обоих упомянутых могильников прослеживаются сарматские черты, выраженные в вытянутом положении погребенных, меловой посыпке дна могилы, помещении в могилы разбитых зеркал и др.¹ Это свидетельствует о наличии тесных связей населения этой части Дагестана с северными соседями. главным образом, с населявшими северо-кавказские степи сарматскими племенами аорсов. В некоторых случаях они приводили к смешению местного населения с аорсами. К. Ф. Смирнов, исследовавший Таркинский и Карабудахкентский могильники, отождествляет местное население приморского Дагестана с удинами. Часть удинских племен, которая смешалась с аорсами, он считает упомянутыми Плинием утидорсами².

Сарматское влияние испытывали племена, населявшие приморские районы, по которым проходил торговый путь, связывавший сарматов с Закавказьем. Интересно отметить, что это влияние сильнее ощущалось в районах, прилегающих к реке Сулак (Таркинский могильник), и постепенно ослабевало далее к югу, где в материальной культуре сильнее выступают местные традиции и закавказское влияние (Карабудахкентский могильник)³. В относящемся к этому же времени могильнике у сел. Ленинкент Сергокалинского района⁴ сарматское влияние в материальной культуре совершенно не прослеживается. Ослабление сарматского влияния на аборигенов Дагестана, по мере удаления от реки Сулак, может служить еще одним подтверждением того, что граница между сарматским и албанским мирами проходила по этой реке.

По сведениям Страбона, албанские племена занимались земледелием и скотоводством.

Земледельческие племена населяли, главным образом, территорию современного Северного Азербайджана. Процесс разложения первобытно-общинных отношений у них протекал более активно, что привело к выделению знати (цари, жречество), появлению частной собственности и в конечном счете — возникновению государства. Зачатки государственности у земледельче-

¹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен, стр. 208

² К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 205.

³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., стр. 91; Его же. Вопросы изучения сарматских племен..., стр. 205—206.

⁴ Раскопки М. И. Пиккуль. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР 1953 г.

ских племен албанов появляются, по-видимому, в конце II — нач. I вв. до н. э.¹

Во главе государства стоял «царь», являвшийся также военачальником. В некоторых случаях во главе албанских войск становился брат царя². Это говорит о том, что высшая власть в стране сосредоточивалась в руках одного знатного рода.

Столицей Албании был город Кабалака³, расположенный на территории современного Куткашенского района, в Северном Азербайджане. На границе с Иберией находилось святилище албанов, которому принадлежала обширная и густо населенная священная земля. Ею управлял жрец, бывший наиболее уважаемым лицом после царя⁴.

Вокруг албанского государства объединялись племена горцев. Одной из главных причин возникновения этого политического объединения была экспансия римлян в Закавказье, начавшаяся в I в. до н. э.

На военный характер этого объединения указывают огромные по тому времени размеры выставяемого албанами войска, насчитывавшего шестьдесят тысяч пехоты и двадцать две тысячи конницы. По своей численности албанское войско превосходило войско иберов⁵. Страбон отмечает, что войско иберов и войско албанов состояло из двух частей. Отряды, выставяемые земледельцами, снаряжались подобно войскам армян или мидийцев. В отличие от них, отряды воинов-горцев, которые выставялись по случаю тревоги, снаряжались подобно скифам и сарматам. Они были вооружены дротиками и луками и имели панцыри, большие щиты и шлемы из звериной кожи⁶. Плутарх сообщает, что снаряжение большинства сражавшихся с римлянами албанов было изготовлено из звериных шкур⁷. Это свидетельствует о том, что главную военную силу в Албании представляли воины-горцы.

Следует однако иметь в виду, что албанский племенной союз объединял многочисленные разрозненные племена, находившиеся на различных ступенях социально-экономического развития, не имевших ни общего языка, ни общей экономической базы. В этом заключалась главная причина его непрочности и недолговечности.

У дагестанских племен продолжали существовать первобытно-общинные отношения. Археологические материалы Хободин-

¹ История Армении Моисея Хоренского, М., 1858, стр. 21. История Агван Моисея Каганкатваци, СПб, 1861, стр. 4—5; Страбон, XI, 4, 6.

² Плутарх, Помпей, XXXV.

³ Плиний. VI, 26.

⁴ Страбон. XI, 4, 7.

⁵ Страбон. XI, 3, 3 и 4, 4.

⁶ Страбон. XI, 4, 5.

⁷ Плутарх, Помпей, XXXV.

ского могильника (близ с. Ругуджа, Гунибский р-н) ¹ свидетельствуют о том, что среди населения горных районов в первые века н. э. имела место значительная имущественная дифференциация. Наряду с бедными погребениями, почти лишенными инвентаря, встречаются богатые погребения с многочисленным инвентарем. Одно из богатых женских погребений сопровождалось захоронением коня. Погребение женщины с конем было обнаружено и в Таркинском могильнике. Эти интересные факты говорят о существовании отдаленных пережитков матриархата. Картина имущественной дифференциации общества устанавливается и по материалам раскопок Карабудахкентского могильника. Богатые погребения здесь иногда сопровождаются захоронениями отдельных человеческих черепов ², что документирует появление патриархального рабства. Приведенные факты говорят о том, что у дагестанских племен как на плоскости, так и в горах в это время протекал процесс разложения первобытно-общинного строя.

Главным занятием населения горного Дагестана по-прежнему оставалось скотоводство. В могильниках этого времени, как правило, встречаются кости животных. В Хободинском могильнике, например, были найдены кости овцы и коня. Возможно, что в отдельных районах, где были благоприятные условия, занимались также земледелием, подобно тому, как это имело место у населявших горы иберов. Охота не играла существенного значения в хозяйстве ³.

Население плоскостного Дагестана вело оседлый образ жизни, на что указывают остатки многочисленных поселений этого времени, известные в настоящее время от устья реки Самура до присулакских степей. Главным занятием населения этих районов было земледелие. Может быть именно в это время здесь получило распространение виноградарство, успешно культивировавшееся у албанских племен, живших в долине реки Куры. Важную роль в хозяйстве играло скотоводство: кости животных часто встречаются на поселениях и в могильниках этого времени.

Материальная культура Дагестана первых веков н. э. изучена слабо. Раскопкам подвергались почти исключительно могильники. Судя по имеющимся материалам, в материальной культуре племен, населявших горные и плоскостные районы, имелось немало общего.

В мужских погребениях этого времени часто встречается оружие. Наиболее характерными предметами вооружения являлись длинные железные мечи (Таркинский могильник), железные

---

¹ Раскопки М. И. Пикуль и В. Г. Котовича. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР 1956 г.

² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КС ИИМК, XLV, стр. 89.

³ Страбон, XI, 4, 5.

втульчатые наконечники копий (Таркинский, Хободинский могильники) и железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (Таркинский могильник). По своему облику железное оружие из этих могильников близко напоминает вооружение сарматов¹. Это подтверждает сообщение Страбона о том, что воины-горцы снаряжались подобно скифам и сарматам². В Таркинском могильнике предметы вооружения встречаются не только в мужских, но и в женских погребениях, что еще раз подтверждает существование пережитков матриархата³. Наличие оружия в дагестанских могильниках указывает на воинственность населения, говорит о том, что война и военные столкновения стали обычным явлением того времени.

Инвентарь женских погребений включает в себя бронзовые зеркала сарматского типа, браслеты различной формы, фибулы, височные подвески и другие украшения. Интересно отметить распространение своеобразных височных подвесок Карабудахкентского типа в горных районах (Хободинский и Гапшинский могильники). Обязательной принадлежностью женского погребального инвентаря являлись различные по величине, форме и материалу бусы и подвески. Они изготовлялись из стекла, пасты, сердолика, халцедона, граната и др. материалов. Большинство их было привозными. Среди этого рода украшений особый интерес представляют найденные в Таркинском могильнике крупные рифленые бусы и привеска в виде «кукиша», служившая талисманом от дурного глаза. Египетское происхождение этих вещей не вызывает сомнения. В Таркинском могильнике были найдены также янтарные и коралловые бусы, привески из морских раковин, а в Хободинском могильнике — обломки изделия, изготовленного из перламутровых раковин. Все эти находки указывают на широкое распространение в Дагестане привозных изделий из Средиземноморья и даже Индии⁴.

В могильниках этого времени часто встречается керамика. Характерной особенностью керамики Таркинского и, особенно, Карабудахкентского могильников является то, что в ней, наряду с сарматскими чертами, прослеживаются и такие черты, которые свойственны керамике Восточного Закавказья последних веков до н. э. — первых веков н. э. Керамика сарматского типа представлена сосудами с зооморфными ручками, мисками с загнутым внутрь краем и др. Количественно преобладающая керамика закавказского типа отличается хорошим качеством, тщательной формовкой и отделкой сосудов. Сюда относятся красные ангобированные и серые лощеные сосуды, отличающиеся богатым раз-

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского сел. Тарки, МИА, 23, М-Л, 1951, стр. 259.

² Страбон, XI, 4, 5.

³ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 259.

⁴ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, М-Л, 1951, стр. 224.

нообразиям форм. Многие из них изготовлены с помощью ручного гончарного круга. Расцвет гончарного производства в это время связывается исследователями с закавказским влиянием, обусловленным вхождением Дагестана в состав древней Кавказской Албании¹.

В результате археологических работ последних лет в ряде пунктов предгорного и горного Дагестана выявлены памятники с керамикой закавказского типа. В числе их следует назвать поселения у с. Бавтугай (Чир-Юртовский р-н)² и с. Верхний Дженгутай (Буйнакский район)³, могильники у с. Большой Годзатль (Хунзахский р-н)⁴ и с. Гапшима (Акушинский р-н)⁵. Для этих памятников характерно наличие красной ангобированной и серой залощенной керамики. Широкое распространение керамики закавказского типа в горном Дагестане свидетельствует о сильном культурном влиянии Восточного Закавказья, установившемся здесь в первых веках н. э., то есть в период вхождения этих районов в состав Кавказской Албании. Эти факты указывают также на значительно возросшую роль обмена, в который теперь втягиваются и горные племена.

О росте обмена и торговли в первых веках н. э. можно судить по некоторым сведениям античных авторов. Так, по характеристике Страбона в начале I в. н. э., албанам чужды торгошеские наклонности, они не употребляли монет, а производили мену товарами⁶. А уже во второй половине II в. н. э. Птолемей насчитывает у албан до 30 городов и деревень⁷, больше чем в Колхиде и Иберии. Быстрый рост населенных пунктов, очевидно, был связан с растущей ролью торговли. Характерно, что многие из них находились у устьев рек, впадающих в Каспийское море, т. е. на одном из важнейших торговых путей древности, проходившем через Дербентский проход и связывавшем Северный Кавказ и Поволжье с Закавказьем и Передней Азией. Торговые связи, как можно судить по археологическим материалам, простирались до Египта и Индии⁸. О наличии торгового пути из Индии к Черному морю через Албанию сообщает Страбон⁹.

Такие населенные пункты возникли и на территории Дагестана. К числу их относится один из крупных городов Албании —

¹ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 224; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 264, 271, 272.

² В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН, том I, Махачкала, 1956, стр. 216.

³ Разведки В. Г. Котовича в 1953 г.

⁴ Раскопки В. Г. Котовича и М. И. Пикуль. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР 1955 и 1956 г. г.

⁵ Раскопки В. Г. Котовича. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР 1955 г.

⁶ Страбон, XI, 4, 4.

⁷ Птолемей, V, II.

⁸ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 224.

⁹ Страбон. XI, 7, 3

город Албана, локализуемый обычно неподалеку от устья реки Самура¹. Несколько населенных пунктов существовало в это время в среднем течении реки Сулак, где, кроме Бавтугайского поселения, следует упомянуть о поселении этого времени у с. Верхний Чир-Юрт². Рост городов и населенных пунктов, развитие обмена способствовали разложению первобытно-общинных отношений у дагестанских племен, втягивали их в политическую и культурную жизнь народов Закавказья.

Важнейшим событием в политической жизни народов Кавказа в это время была борьба с римлянами.

В I в. до н. э. во время войны с понтийским царем Митридатом римляне проникают в Закавказье. Здесь они встречаются с активным сопротивлением местного населения. По свидетельству Плутарха, в борьбе с римским полководцем Лукуллом, стремившимся в 69 г. до н. э. захватить Армению, участвовали многие племена и народы Кавказа, в том числе и албаны³. Но наиболее ожесточенный характер борьба приняла несколькими годами позже, в 66—65 гг. до н. э., когда в Закавказье вторглись римские легионы Помпея. Активное участие в этой борьбе приняли и албаны, выставившие для борьбы с римлянами 82-х тысячное войско.

Правда, хорошо вооруженным и обученным римлянам удалось в открытых сражениях победить албанов⁴, однако борьба продолжалась. Уже в 36 г. до н. э. римлянам пришлось снова вести военные действия против албанов⁵. Борьба с римлянами не прекращалась на протяжении длительного периода. Римлянам удавалось даже выйти к побережью Каспийского моря, о чем свидетельствует найденная в Азербайджане римская надпись II в. н. э. В результате Албания попала в зависимость от римлян, которая однако была номинальной. Источники сообщают, что император Адриан (II в. н. э.) «осыпал дарами албанских царей», но те презрительно отказывались явиться к нему⁶.

Все это свидетельствует о том, что в героической борьбе с римлянами албанские племена отстаивали свою свободу и независимость.

Однако в III в. н. э. Албания распалась. На территории Северного Азербайджана возникло небольшое государство, известное в армянских источниках под именем Агвани. В III в. н. э. оно оказалось подвластным сасанидскому Ирану.

¹ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании, стр. 135. 139; Ср. также ВДИ, 1948, № 2, стр. 252, примеч. 13.

² В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 216—217.

³ Плутарх. Лукулл, XX, VI.

⁴ Плутарх, Помпей. XXXIV, XXXV, XLV; Дион Кассий. Римская история. XXXVI, 54; XXXVII 1, 3—5.

⁵ Плутарх. Антоний. XXXIV; Дион Кассий. XLIX, 24.

⁶ Эллий Спартиан, Адриан, 21.

Население Дагестана в III—V веках н. э. продолжает оставаться многоплеменным. В письменных источниках этого времени почти не встречается названий отдельных племен, населявших горный Дагестан. В грузинской летописи Картлис Цховреба в связи с событиями середины VI в. н. э. упоминаются племена леков и дидойцев¹. Другие горские племена известны под общим названием «горцы». Армянский историк Егише (V в. н. э.) сообщает, что в горах неподалеку от Дербентского прохода проживает одиннадцать «горных народов»². У того же автора впервые встречается упоминание жителей Таваспорана³, очевидно, предков современных табасаран. В приморской части Дагестана, к югу от Дербентского прохода, жили племена маскутов, локализуемые здесь армянскими и арабскими источниками в IV—X вв. н. э.⁴ К северу от Дербентского прохода в конце IV в. н. э. появились орды кочевников гуннов, по имени которых эти районы стали называться страной гуннов, а их население — гуннами. Под именем гуннов, несомненно, скрываются в эту эпоху и аборигены края, через территорию которых гунны производили набеги. Не исключена возможность, что в некоторых источниках под именем «белых гуннов» особо выделяется именно местное население Северо-Восточного Кавказа, попавшее в зависимость от северных кочевников⁵. Однако по данным археологии какая-то часть собственно гуннов обитала и на территории Дагестана⁶.

В письменных источниках не содержится почти никаких сведений об общественном строе населения горного Дагестана. По данным армянских источников, населявшие горы племена управлялись своими «царями», которые по всей вероятности являлись представителями родо-племенной верхушки, все более обособлявшейся от рядовых общинников.

У населения горного Дагестана продолжается процесс разложения первобытно-общинных отношений, что подтверждается данными археологии. Материалы раскопок большого Буйнакского кургана (III—VII вв. н. э.) свидетельствуют о продолжающемся росте имущественной дифференциации. В этом кургане встречаются погребения, совершенно лишенные инвентаря, а

¹ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, 22, стр. 23.

² История Егише Вардапета, Тифлис, 1853, стр. 333.

³ Там же, стр. 157.

⁴ История Армении Фавстоса Бузанда, Ереван 1953 г., стр. 14; Армянская география VII века, СПб., 1887 г., стр. 38; Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927 г., стр. 7; Ал. Истархий. Книга путей царств, СМОМПК, 29, стр. 15. 17.

⁵ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941, стр. 37—38.

⁶ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе, КС ИИМК, V, стр. 67.

также такие, которые имели разнообразный и многочисленный инвентарь: оружие, украшения, посуду. Некоторые погребения сопровождались захоронениями отдельных черепов¹. Захоронения отдельных черепов найдены и в Гапшиминском могильнике III—VI вв. н. э. (Акушинский район)². В этом могильнике наряду с одиночными бедными захоронениями встречаются коллективные захоронения в склепах. Они представляют собой значительные по величине погребальные камеры, сложенные насухо из подтесанных камней и перекрытые очень крупными массивными каменными плитами, служившие на протяжении значительного времени усыпальницами отдельных богатых семей. Приведенные факты говорят о начавшемся процессе обособления отдельных богатых семей, использовавших в своем хозяйстве рабский труд. Однако в условиях скотоводческого хозяйства процесс разложения первобытно-общинных отношений протекал медленно, и в этот период времени он не привел к разделению общества на классы и к появлению государственности.

Существенных изменений в занятиях населения в этот период не произошло. Население гор жило оседло. Источники VI в. н. э. сообщают о существовании в горах крепостей и различных укрепленных мест, выстроенных для защиты от нападений кочевников³. Однако их возникновение относится, по-видимому, к более раннему времени.

Ход социально-экономического развития населения северной части приморского Дагестана был нарушен нашествием гуннов. Местное население, издревле ведшее оседлый образ жизни и занимавшееся земледелием и скотоводством, превосходило по уровню своего развития кочевников-гуннов. Гунны грабили и разрушали города и населенные пункты, уничтожали или уводили в плен их население. Это разрушало производительные силы, прерывало издревле существовавшие экономические и культурные связи местного населения. Источники VII века сообщают о существовании к северу от Дербентского прохода «гуннских» городов. Они возникли, несомненно, в предшествующее время и были населены аборигенами края. Сами гунны не могли быть ни жителями ни, тем более, их основателями. Источники сообщают, что гунны только в случае крайней необходимости пользовались жилищем, т. е. пребывание под кровлей считалось у них небезопасным⁴. Интересно отметить, что на упоминавшихся выше древних поселениях у с. Бавтугай и Верхний Чир-Юрт культурные слои албанской эпохи непосредственно перекрывались слоями, относящимися к раннему средневековью. Приведен-

¹ А. А. Захаров. Contributions to Caucasian Archaeology. A large barrow in Dagestan. ESA, V, 1930, стр. 183—216.

² Раскопки В. Г. Котова. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР, 1955 г.

³ Н. Пигулевская. Указ. соч., стр. 164.

⁴ Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 4

ные факты говорят о том, что жизнь и деятельность людей на этих поселениях продолжалась в течение всего этого времени непрерывно, или с небольшими перерывами.

Среди памятников этого времени выделяется Сигитминское городище, относящееся к середине I тысячелетия н. э. (Кизил-Юртовский район)¹. Оно расположено на крутом берегу Сулака и занимает площадь около 10 га. Городище было сильно укреплено. С наиболее уязвимых сторон оно защищалось мощной стеной, каменное основание которой достигало четырех метров в ширину, в естественно укрепленных местах мощность стены уменьшалась до одного метра. Верхняя часть этих стен, по-видимому, была сооружена из глины. Система оборонительных укреплений городища включает в себя также круглую башню, находившуюся у ворот крепости. Внутри городища находилась цитадель, отгороженная валом. На городище раскопан ряд однокамерных прямоугольных каменных домов. Все они устроены примерно по одному плану и имели внутри очаг и лежанку. Отличается правильностью планировка жилищ на городище.

Материалы Сигитминского поселения подтверждают сведения письменных источников. Они свидетельствуют о том, что местному оседлому населению постоянно угрожала опасность нападений, для предотвращения которых они окружали свои поселения мощными оборонительными сооружениями. С другой стороны, они свидетельствуют о том, что оставившее такие памятники местное население по уровню своего социально-экономического развития значительно превосходило кочевников-гуннов.

У маскутов, живших в предгорной части Южного Дагестана до Дербентского прохода, сохранялись первобытно-общинные отношения. Об этом можно судить по сведениям письменных источников и по материалам раскопок Паласа-сыртского могильника (близ р. Рубас, Дербентский район)². Археологические материалы свидетельствуют об имущественной дифференциации у маскутов. В могильнике встречаются бедные и богатые захоронения. Над могилами сооружались земляные насыпи различной величины. Различия в их величине должны были подчеркивать различное имущественное и, может быть, социальное положение погребенных. Мужские погребения иногда сопровождалась погребениями женщин.

По свидетельству армянского писателя V в. н. э. Фавстоса Бузанда, высшая власть у маскутов сосредоточивалась в руках «царя», состоявшего в родстве с аршакидами³. Однако этот «царь» прислушивался к голосу рядовых соплеменников и счи-

---

¹ Раскопки К. А. Бредэ. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР, 1956 г.

² Раскопки В. Г. Котовича. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР, 1953 г.

³ История Армении Фавстоса Бузанда, стр. 13—14.

тался с их мнением, как это случилось, например, во время попытки распространить у маскутов христианство¹. Эти факты говорят о том, что этот «царь» был вождем племени, происходившим, по-видимому, из знатного рода. Они указывают также на ту роль, которую еще сохранило за собой народное собрание у маскутов в решении важных вопросов их жизни.

Основой хозяйства маскутов было скотоводство, по-видимому, кочевое. Немалую роль в их жизни играли военные набеги, которые они совершали на земледельческие народы. Во всяком случае, одной из причин попытки обращения их в христианство было стремление армянского феодального государства обезопасить себя от постоянной угрозы их нападения.

Все эти материалы позволяют охарактеризовать общественно-политическое устройство маскутов как военную демократию.

В районе нынешнего Дербента не позже V века н. э. возникло небольшое политическое образование, известное в письменных источниках под именем «княжества Чога». Центром его был город того же названия. Некоторые исследователи отождествляют его с Дербентом. Однако источники прямо отмечают существование большого города Чога недалеко от Дербента². Этот город, располагавшийся южнее Дербента, по-видимому, следует отождествлять с городищем Торпах-Кала, находящимся у ст. Белиджи.

Это — самый крупный из известных в настоящее время в Дагестане такого рода памятников. Занятая им площадь достигает 100 га. Вокруг городища сохранились остатки стен с башнями и четырьмя воротами. Верхняя часть стен была выложена сырцовыми кирпичами, а ворота и, вероятно, башни сооружены из обожженного кирпича. Высота вала около 20 м, ширина — 12—15 м. Городище окружено широким (20—25 м) и глубоким (4—6 м) рвом, заполнявшимся в древности водой. Внутри городища, на возвышенном укрепленном месте, находилась цитадель³.

Весь облик этого городища свидетельствует о том, что Чога был крупным политическим и культурным центром. До сооружения дербентских укреплений он играл, по-видимому, главную роль в обороне Дербентского прохода.

Некоторое время в этом городе находился христианский религиозный центр восточного Закавказья⁴.

Распространение христианства в этом районе в V в. н. э. может служить косвенным свидетельством того, что здесь начинают

¹ История Армении Фавстоса Бузанда, стр. 13—14.

² Моисей Каганкатвацц, стр. 192.

³ А. С. Башкиров. Изучение памятников старины Дагестана. Дагестанский сборник, вып. III, Махачкала, 1927, стр. 235—236; М. Исаков. Исчезнувший город в Дагестане, «Исторический журнал», 1941, 6, стр. 156—157.

⁴ Моисей Каганкатвацц, стр. 90.

зарождаются феодальные отношения. Христианство, равно как и другие религии классового общества, распространяются в то время там, где имелись соответствующие социально-экономические условия, то есть где завершился процесс разложения первобытно-общинных отношений. Выделившаяся феодализирующаяся знать стремится закрепить и «освятить» свое господствующее положение в обществе с помощью религии. Зарождению феодальных отношений в княжестве Чога благоприятствовало наличие тесных связей с феодальной Агванией, а также и то, что этот район меньше пострадал от гуинского нашествия.

Материальная культура Дагестана в III—V веках н. э. изучена недостаточно. С культурой горных районов мы знакомы по материалам, главным образом, большого Буйнакского кургана и Гапшиминского могильника. В развитии местной материальной культуры прослеживаются традиции, восходящие к предшествующей албанской эпохе, а также возникают новые тенденции, вызванные ростом связей с населением Северного Кавказа.

В мужских погребениях по-прежнему часто встречаются железные кинжалы, ножи, наконечники копий и стрел. По своему характеру они аналогичны соответствующим изделиям предшествующей эпохи.

Украшения, сопровождавшие, главным образом, женские погребения, несут в себе много нового. Большинство их по-прежнему изготавливается из бронзы. В числе их следует отметить разнообразные бляшки, пуговицы, браслеты, зеркала, височные подвески, а также различные фигурные пряжки и другие украшения мужских поясов. Эти изделия по своему характеру могут быть сближены с подобными украшениями, широко распространенными в это время на Северном Кавказе. Это указывает на усилившиеся связи с населением Северного Кавказа. Однако и среди украшений встречаются отдельные предметы (два височных кольца), характерные для культуры дагестанских племен албанского времени. В отдельных районах Дагестана в это время употреблялись бронзовые украшения, отделанные инкрустациями из полудрагоценных камней или цветного стекла. Такие находки известны в сел. Ансалта (Ботлихский район)¹ и сел. Верхний Колоб (Кахибский район)².

В женских погребениях этого времени часто встречаются разнообразные бусы и пронизки, изготовленные из цветного стекла, пасты, сердолика, горного хрусталя и халцедона. В большом Буйнакском кургане и Гапшиминском могильнике найдены бусы из янтаря, а в Гапшиминском могильнике, кроме того, египетский скарабей — подвеска в форме жука. Эти находки говорят

¹ Раскопки М. И. Пик уль. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР 1952 г.

² Случайные находки. Переданы в Дагестанский краеведческий музей преподавателем истории Абдурахмановым Кади.

о том, что население горного Дагестана поддерживало и в это время издревле существовавшие культурные связи.

В керамическом производстве преобладают традиции, характерные для предшествующего времени. Широкое распространение получили красные ангобированные и серые сосуды, известные по находкам в большом Буйнакском кургане, Гапшминском и Гоцатлинском (Хунзахский район)¹ могильниках и на Сигитминском городище. Особенно интересна находка обломка серого рифленого сосуда в Гапшминском могильнике. Такие сосуды, являвшиеся подражанием закавказским металлическим сосудам, особенно характерны для керамики закавказского типа албанской эпохи.

Материальная культура маскутов, представленная материалами Паласа-сыртского могильника, весьма близка северо-кавказской аланской культуре. Захоронения в этом могильнике производились в катакомбах. Инвентарь погребений включал в себя, главным образом, украшения: зеркала, фибулы, височные подвески, туалетные принадлежности, бусы и пронизки различных типов и другие украшения. Оружие отсутствует. Погребальный инвентарь во многом сходен с материалами аланских памятников Северного Кавказа.

Материальная культура гуннов, обитавших в Дагестане, почти неизвестна. Инвентарь одиночных захоронений включает в себя железный нож, обломок железной стрелы с костяным барабанчиком для свиста, костяные обкладки лука, железные удила и другие предметы². Особенно интересна находка остатков свистящей стрелы — свистунка. Такие стрелы гунны употребляли еще будучи в Монголии³.

В Южном Дагестане в этот период начинает распространяться христианство. Проникновение христианства началось в IV в. н. э.⁴ Однако первая попытка распространения этой религии у маскутов не имела успеха, что, по-видимому, объясняется отсутствием соответствующих социально-экономических условий.

С V века н. э. христианство начинает распространяться в Южном Дагестане. До середины VI в. н. э. здесь, в городе Чога, находился центр христианской религии Восточного Закавказья. С распространением христианства связана попытка изобретения письменности для горцев Восточного Кавказа⁵. Однако она не сыграла сколько-нибудь серьезной роли в развитии культуры местного населения.

¹ Раскопки В. Г. Котовича и М. И. Пикуль. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР 1955 г. и 1956 г.

² А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе, стр. 67.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М—Л, 1950, стр. 46—47.

⁴ История Армении Фавстоса Бузанда, стр. 13—14.

⁵ История Армении Моисея Хоренского, стр. 211, Моисей Канкатвацци, стр. 70, 89.

Политические события этого времени ознаменовались гуннскими набегами и участием населения Дагестана в антисасанидской борьбе народов Закавказья в V веке.

В конце IV—начале V в. н. э. гуннские орды совершали грабительские набеги на закавказские и малоазиатские страны¹. Некоторые из этих набегов производились через Дербентский проход и приморский Дагестан². Набеги гуннов, равно как и их пребывание в приморских районах Дагестана, сыграли отрицательную роль в истории местного населения, явились тормозом на пути их социально-экономического и культурного развития.

В III в. сасанидскому Ирану удалось подчинить себе Агванию, а также часть Армении и Грузии. Власть сасанидов простиралась на север вплоть до Дербентского прохода, который они стремились укрепить, чтобы обезопасить свои владения от нападения северных кочевников³. Источники сообщают, что город Чога управлялся наместником сасанидского шаха — марзпаном⁴.

Народы Закавказья вели борьбу с иноземными завоевателями. Особенно широкий размах она приняла в V в. н. э. в связи с проявлением религиозной нетерпимости во время царствования Иездигерда и Пероза.

В 451 г. произошло крупное восстание в Армении под руководством Вардана Мамиконяна. В ходе борьбы с персами повстанцы разрушили выстроенные ими укрепления в Дербентском проходе. Однако это восстание было жестоко подавлено персами.

В 457 г. вспыхнуло антииранское восстание в Агвании. Во главе восставших встал агванский царь Ваче. Не имея достаточных сил, чтобы противостоять персам, повстанцы направились к проходу Чога, взяли приступом дербентские укрепления, перевели свои войска и присоединившихся к ним маскутов на север и подготовились к обороне. Ваче заключил союз с 11 горскими «царями» Дагестана. Таким образом, в борьбе с персами непосредственно участвовали агванцы, маскуты и горцы Дагестана. Объединенные силы повстанцев встретили персов «мечом и нанесли большой вред» войскам сасанидского шаха Пероза. Для разгрома повстанцев Пероз с помощью «больших сокровищ» привлек на свою сторону гуннов. И только после этого, ценой больших усилий, персам удалось подавить восстание, после чего они начали жестокую расправу с населением. Но и этими мерами желаемые результаты не были достигнуты. Антииранские восстания в Закавказье не прекращались. Поэтому преемники Пероза были вынуждены изменить свою политику. В области религии сасаниды начинают проявлять известную веротерпимость. Прекращается политика насильственного насаждения зороастризма⁵.

¹ Филосторгий. Церковная история, XI, 8.

² Приск Панийский. Готская история, XI, 8.

³ История Егише Вердапета, стр. 128, 215.

⁴ Моисей Каганкатваци, стр. 86.

⁵ Моисей Каганкатваци, стр. 36.

ГЛАВА II

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАНЕ (VI—XV вв.)

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В VI—X в.

После подавления восстаний албанцев власть сасанидской Персии в Албании укрепилась. В 461 г. местная албанская династия прекратила свое существование, и Албания вошла в состав Персии в качестве отдельной провинции во главе с марзпаном (наместником). В марзпанство это наряду с Арраном и Лбином входил также Чог. Таким образом, район Дербента остался в составе Албании (или Ширвана)¹.

Обширная территория Северного Кавказа, в том числе прибрежная полоса к северу от Дербента и равнинная часть северного Дагестана, была занята «гуннами»². Хотя в середине V в. союз гуннских племен распался, однако и в VI в. гуннами называли многочисленные этнически разнородные племена северокавказских степей. Так, сирийский источник VI в. (хроника Захария Митиленского) сообщает, что Каспийские ворота и Каспийское море находятся в «пределах гуннских». Далее в том же источнике перечисляются названия тринадцати гуннских племен, обитающих за «воротами». «Они живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием», т. е. ведут кочевой образ жизни. Однако население, живущее в горах Дагестана, названо оседлым: жители «из пределов Даду живут в горах, у них крепости»³. Нужно отметить, что в VII—X вв. армянские и некоторые арабские источники под общим понятием

¹ В III—VI вв. Албания (Агвания) армянских источников у персов называлась Арран. Арабы включили в понятие Арран и правобережье Куры. Постепенно левобережный Арран арабы стали называть Ширваном, а междуручье Куры и Аракса сохранило название Арран. Таким образом, Албания армянских источников соответствует Ширвану арабских (см. А. Е. Крымский. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана. Сборник С. Ф. Ольденбургу к 50-летию, Л., 1954, стр. 289—291).

² См. гл. 1. § 6.

³ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 165.

«гунны» подразумевали уже, наряду с хазарами, оседлое местное население со своими «городами» в северо-восточном Дагестане. Тот же самый источник VI в. сообщает о существовании «земли Базгун со (своим) языком, что примыкает и простирается до Каспийских ворот моря, которые находятся в пределах гуннских»¹. При этом «земля» в понятии автора означало, по мнению Н. В. Пигулевской, страну, область, государственную единицу с определенным географическим положением.

До нас не дошли сведения о других политических образованиях на территории Дагестана в VI в. Однако грузинские летописи сообщают при описаниях событий VI в. «царя» леков (под леками здесь подразумеваются горцы Дагестана вообще), а также дидойцев (дидо) и дурдзуков.

В связи с событиями середины VII в. источники упоминают о целом ряде политических образований («царств») на территории Дагестана: Лакз, Табасаран, Зирихгеран, Хайдак (Кайтак, или Хамзин), Гумик, Серир и Джидан. Очевидно, эти «царства» существовали и раньше VII в. В частности, название Зирихгеран, персидское по происхождению, говорят о том, что эту область до арабов знали персы.

Страна Лакз была расположена в южном Дагестане и охватывала в основном территорию расселения лезгинской группы, отчасти также аварцев. Источники отмечают многочисленность и воинственность жителей этой области. Между Лакз и городом Дербент находилось «царство» Табасаран. В начале VII в., перед арабским нашествием, оно представляло собой богатую, густонаселенную страну. Восточные авторы отмечают наличие в Табасаране многочисленных населенных пунктов, сосредоточенных к западу и юго-западу от Дербента. Лакз и Табасаран подвергались неоднократным набегам кочевых племен гуннов и хазар, а также арабскому завоеванию.

Одним из небольших, но экономически сильных политических образований в юго-восточном Дагестане был Зирихгеран (Зирихгеран на персидском языке значит «панцыроделатели»). Все источники указывают одно и то же место расположения этого «царства»: современное селение Кубачи и прилегающие к нему земли. Под именем Зирихгеран подразумевались как селение Кубачи, так и «страна» Зирихгеран.

К северо-западу от Дербента и в соседстве с Зирихгераном начиналась страна Хайдак, или Кайтак. Источники позволяют отождествлять Кайтак с Хамзином, часто упоминаемом при описании походов арабских войск. Хамзином называлась сильно укрепленная крепость, население которой неоднократно и успешно отбивало нападения арабских завоевателей. Название этой крепости иногда переносилось и на всю территорию Кайтака.

---

¹ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 165.

«Царство» к северу от Лакза, населенное лакцами, называлось Гумик (или Туман), столица его Кумух была одним из древних населенных пунктов Дагестана.

Большую часть западного и северо-западного Дагестана занимало «царство» Серир. В. В. Бартольд справедливо утверждает, что Серир занимал территорию, населенную аварцами¹. Многие исследователи также локализуют его в бассейне среднего течения Койсу.

В X в. «царь» Серира носит титул филаншах и, как сообщает арабский историк начала X в. Ибн-Русте, «звуют его Авар»². Почти все источники приписывают ему персидское происхождение. «Цари» Серира носили общий титул Сахиб ас-Серир³.

Автор первой половины X в. Масуди столицей Серира называет Хумрадж, но не указывает, где именно она находится. Скорее всего Хумрадж может быть отождествлен с Хунзахом.

Нам не известно, как называли себя аварцы в раннее средневековье. Некоторые переводчики называют их серирами, однако это противоречит сведениям восточных авторов, подчеркивавших, что «Серир же — имя государства, а не города или народа»⁴.

Средневековый Серир — крупное и самостоятельное политическое объединение. Как сообщает Масуди, «царство это содержит в себе 1.200 поселений... Страна эта недоступна и укреплена своей недоступностью». К X в. Серир достигает своего наибольшего могущества. Тот же автор отмечает, что «царь» этой страны усердно и с успехом воюет с хазарами и что «царь» алан, имевший в своем распоряжении 30-тысячное войско, выдает за него замуж свою дочь и заключает с ним мирный договор⁵.

Источники часто упоминают «царство» Филан, который можно локализовать где-то в Дагестане. Автор «Географического словаря» Якут (ум. 1229) сообщает, что Филан — незначительная область и расположена выше владений Лакз и Табасаран. По мнению А. Н. Генко, под Филаном следует понимать общество Кель в районе середины течения р. Аварского Койсу (Гидатль и Анкратль)⁶.

¹ Encyclopédie de l'Islam, I, p. 911.

² Ибн-Русте. Из книги драгоценных камней. Пер. с арабского Н. Караулова. СМОМПК, 32, 1903, стр. 47.

³ Слово Серир многие переводчики передают словом «трон». Например Сохиб ас-Серир — «владелец трона». С. Т. Еремян считает, что «Серир» происходит от иранского корня ser — «гора» и означает то же, что и грузинское «мтиулет», т. е. страна гор. (см. С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя... ЗИВ АН СССР, 1939, т. 7, стр. 144). Мнение Еремяна нам кажется более правдоподобным.

⁴ Д. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских... ибн-Даства. СПб. 1869, стр. 73.

⁵ Масуди. «Луга золота и рудники драгоценных камней», пер. с арабского Н. Караулова, СМОМПК, 38, 1908, стр. 53.

⁶ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.-Л. 1941, стр. 108.

Равнинная часть северного Дагестана и его прибрежная полоса вплоть до Дербента входили, начиная с VII в., в состав Хазарского каганата, объединившего под своей властью многочисленные, этнически разнородные племена, и не имевшего общего экономического базиса. Хазарский каганат представлял собой огромное по размерам государство, простиравшееся от берегов Азовского моря и Крыма до Волги и Дербента, порой подчинявшее своему влиянию восточный Кавказ до северного Азербайджана включительно.

Сами же хазары одно из кочевых тюркских племен, перешедших к полuosедлости под воздействием оседлого населения, «более одаренных и более развитых народностей славянских и особенно кавказских»¹.

Древней столицей хазар был город Семендер². В 30-годах VIII в., в связи с угрозой со стороны арабов, столица хазар была перенесена на Волгу в город Итиль.

В составе Хазарского каганата сохранилось «царство гуннов» Джидан, расположенное в северном Дагестане, на территории, населенной ныне кумыками. По сообщению армянских авторов, «царство гуннов» с его столицей — «великолепным Варачаном» было расположено к северу от Дербента, на берегу моря. Масуди подтверждает эти указания. Он пишет, что в середине X в. (в 944 г.) Джидан представляло собой самое сильное «царство» на восточном Кавказе и что жители Дербента испытывали большие неприятности от такого соседства. Столицей Джидана Масуди называет Семендер (Варачан и Семендер — это различные названия одного и того же города у армянских и арабских авторов)³.

Джидан в VII в. находился в зависимости от каганата, однако в X в., воспользовавшись его ослаблением, по всей видимости, добивается независимости. О судьбе этого «царства» после разгрома Семендера русами (966 г.) никаких сведений не имеется.

Что касается небольшой части юго-восточного Дагестана до Дербента включительно, то она и в VII в. продолжала оставаться в составе Албании (Ширвана), подчиненной сасанидскому Ирану,

---

¹ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. СПб, 1876, стр. 68, 70—71.

² Вопрос о местонахождении Семендера окончательно не разрешен. Почти все средневековые арабские авторы утверждают, что Семендер находился между Итилем и Дербентом, на расстоянии 8 дней пути от первого и четырех дней — от второго, т. е. примерно, в районе Махачкалы. На карте Истахри (X в.) Семендер «лежит приблизительно там, где теперь Тарку» (т. е. Тарки — см. Б. Дорн. Каспий. СПб. 1875, стр. 66). Мнение ученых, отождествляющих Семендер с современным Тарки, наиболее вероятно.

³ М. И. Артамонов. Очерк древнейшей истории хазар. М. 1937, стр. 90. С этим не согласен С. Т. Еремян, отождествляющий Варачан с Беленджером, а Тарку — с Семендером, См. С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 139—143.

а после разгрома государства сасанидов вошла в состав Арабского халифата.

Таким образом, в VI—X вв. на территории Дагестана существовал ряд политических объединений, причем границы их в основном совпадали с областями, в пределах которых шло образование дагестанских народностей.

§ 2. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

(VI — X вв.)

Основными занятиями населения Дагестана в рассматриваемый период были земледелие и скотоводство. Наблюдается заметный рост производительных сил. Земледелие, скотоводство и ремесла делают серьезные успехи. Процесс этот, хотя и неравномерно, идет во всех районах Дагестана.

В результате роста производительных сил начался переход гуннских племен к полуседлости и занятию земледелием. Если в последней четверти IV в. гунны изображаются как кочевники, которые «кочуют по горам и лесам», не имеют жилищ и «никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи»¹, то в VI в. наблюдается иная картина. В 548 г. клирик Армении по имени Макар построил храм и каменное здание в «стране гуннов», а также «посадил растения и посеял разные семена», причем «гунны обрадовались мужам, почтили их и каждый звал их в свою страну, к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями»².

Рядом с гуннами, начавшими переход к оседлости, жило население, находившееся на более высоком уровне развития. По хронике Захария Митиленского, к северу от Дербента жили бургары, к которым относились и люди «из пределов Даду, которые живут в горах, у них есть крепости». В данной хронике Бет-Даду означает «горную страну», и Митиленский выделяет жителей её как оседлое население, имеющее более высокую культуру, которую они защищали от набегов кочевых орд³.

Богатый материал о хозяйственной жизни жителей северного Дагестана дали произведенные недавно раскопки на Сулаке, в районе Верхнего Чир-Юрта и археологическая разведка на Сулаке. Данные разведки 1955 года показали сравнительную густонаселенность котловины р. Сулак в раннее средневековье. Так, на небольшом участке Сулака, протяжением в 15 км., по обеим сторонам реки, разведкой зафиксировано 15 средневековых поселений, причем 4 из них были обитаемы довольно продолжительное время. Материалы раскопок раннесредневекового могильника (датируется в пределах V—VII вв.) близ сел. В. Чир-Юрт и селища к северу от с. Бавтугай позволяют судить об оседлой зем-

¹ Аммиан Марцеллин. вып. II. Киев, 1907, стр. 237, 239.

² Н. В. Пигулевская. Указ. соч. стр. 166—167.

³ Н. В. Пигулевская. Указ. соч. стр. 40.

ледельческой и скотоводческой культуре, как об основном занятии местного населения. В погребениях могильника обнаружены железный серп, кости домашних животных (корова, овца), также косточки винограда, а на селище близ сел. Бавтугай найдены большой хум (высотой до 1 м.), заполненный просом, обломок каменной зернотерки и большое количество костей животных¹.

Характер хозяйственной жизни населения северного Дагестана и первостепенное значение земледелия и скотоводства можно проследить так же по результатам археологических исследований в районе Агачкалы, близ гор. Буйнакса. В 1950 г. при раскопках раннесредневекового поселения у сел. Агачкала (поселение это датируется VII—X вв.) были обнаружены большие сосуды для хранения продуктов, в частности зерна, глиняные кувшины, зернотерная плита, каменные зернотерки, кости домашних животных. В глиняной обмозке сохранился отпечаток зерна ячменя².

О значении земледелия в раннесредневековом Дагестане можно судить по характеру и количеству дани, которой были обложены отдельные «царства» в результате похода арабов в VIII в. Арабский историк и поэт конца IX в. Белазури сообщает, что арабский полководец Мерван, вступив в землю Серир (739 год), заставил признать свою власть и обложил страну данью в 100 тысяч мер зерна. Вслед за Сериром данью были обложены и другие «царства»: Зирихгеран — в 10 тысяч, Хамзин — в 30 тыс. и Туман (Кумух) — в 20 тыс. мер зерна³. Перечень этот говорит о развитии земледелия в предгорных и горных районах Дагестана. Тот же самый вывод можно сделать из сведений персидского источника XIII в., написанного с использованием данных также IX—X вв., где подчеркивается, что Серир «область большая, очень возделанная... с большим количеством населения»⁴. Когда неизвестный автор сочинения X в. «Худуд ал-Алем» писал о Серире как об «области с очень большими богатствами», то он имел, очевидно, в виду не только развитое скотоводство, но и земледелие.

Земледелие, наряду со скотоводством, занимало ведущее место и в других районах Дагестана. Автор XIII в. Захарий Казвини оставил интересное описание хозяйственной жизни двух лезгинских селений Цахур и Шиназ. Пища жителей селения Цахур, — пишет он, — состоит из зерна, называемого сульт, похожего на ячмень, и каждый из жителей сеет столько зерна, сколько необходимо. Кроме того, пищей для них служило овечьё

---

¹ В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. Ученые записки института ИЯЛ Даг. ФАН СССР т. I. Махачкала, 1956, стр. 216.

² К. Ф. Смирнов. Указ. соч. стр. 95—96.

³ Баладзори. Указ. соч. стр. 18—19.

⁴ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на Ученые записки института ИЯЛ Даг. ФАН СССР т. I. Махачкала, 1956, стр. 205—206.

молоко¹. Зерно сульть известно также жителям селения Шиназ, они умеют изготавливать панцыри и другие виды оружия². Хотя сведения эти относятся к началу XIII в., все же они могут быть привлечены для характеристики, если не состояния хозяйства, то путей его развития в более раннее время. Значение земледелия в жизни дагестанских народов подчеркивается и тем фактом, что важнейшим и наиболее пышно обставляемым праздником у аварцев, даргинцев, лакцев, агулов и других народов был праздник весеннего плуга, связанный с древним земледельческим культом³.

Большое развитие получает земледелие в VIII—X вв. плоскостной части Дагестана. Арабские авторы сообщают об обширных посевах, о производстве марены и шафрана в больших размерах в Дербенте и о большом числе садов и виноградников в Семендере, простиравшихся до Дербента и границ Серира.

Одним из наглядных показателей развития производительных сил Дагестана в рассматриваемое время является рост ремесла и возникновение городов. В этом отношении в наиболее выгодном положении находились прибрежные и предгорные районы, лежавшие на торговом пути, соединявшем Восточную Европу со странами Азии. Начиная с VII в., значение торгового пути, проходившего по западному побережью Каспийского моря, все более и более возрастает, а в VIII—X вв. центр международной торговли на Кавказе перемещается в бассейн Куры и Каспийского моря. Огромную роль в этом сыграло усиление торговых связей хазар и славян с арабским Востоком.

В раннесредневековом Дагестане можно назвать два города, два крупных центра сосредоточения торговли и ремесла,—Дербент и Семендер. Не уступал им по своему значению и другой центр ремесла — Зирихгеран (Кубачи).

Дербент славился на весь Кавказ своими полотняными изделиями, причем не было «в Арране, Армении и Азербайджане полотняных одежд нигде, как тут»⁴. В окрестностях Дербента произрастал шафран и разводилась марена, которая вывозилась во многие страны, вплоть до Индии. Дербент служил также крупным центром работорговли на Восточном Кавказе: «и встречаются в нем много рабов из разных стран кяфиров, прилегающих к ним»⁵.

К Дербенту вели многочисленные торговые пути — сухопутные и морские — из Булгара, с Дона, из Хорезма, Тифлиса, Бер-

¹ Caswini's Kosmographie, herausq. von F. Wüstenfeld, Bd. 2, Gottingen, 1849, стр. 205 (араб. яз.). Ср. русск. пер. А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов. 1941, стр. 96.

² Там же, стр. 204—205.

³ Г. Ф. Чурсин. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис. 1927.

⁴ Ибн-Халкан аль-Ибрахим. Из «Книги путей и царств», пер. с арабск. Н. Караулова, СМОМПК, 38, 1908, стр. 88.

⁵ Там же.

да, Серира. Путь в Дербент из Тифлиса лежал через страну Лакз. Через Дербент в IX в. шло в Среднюю Азию большое количество славянского льна¹, причем славяне еще в VIII в. вели торговлю по Каспийскому морю с арабами и другими народами. Они везли на продажу меха, «мечи из отдаленных окраин славянских земель», причем высаживались на том из берегов Каспия, «где считали удобным».

Большое значение имел также Семендер. Эта был крупный торгово-ремесленный центр. Восточные авторы с восторгом отмечают богатство этого города, наличие там рынков и торговых людей, а также его обширные торговые связи. Арабский историк Табари (ум. 923 г.) сообщает, что в Семендере производятся шерстяные ткани и что жители города имеют значительные суммы денег, а также рабов и рабынь, которыми нередко откупались от арабов².

Крупным ремесленным центром был также Зирихгеран. Уже в VIII в. жители Зирихгерана известны были во многих странах Кавказа как «мастера кольчуг, стремян, удил, мечей и других вещей». Чем дальше, тем более разнообразным становились изделия зирихгеранцев. Андалуси, посетивший Дербент, в середине XII в. писал, что народ, живущий в двух селениях близ Дербента и называющийся Зирихгеран, изготавливает всякое военное снаряжение и разных сортов медную посуду, что их (жителей) жены, дети, слуги и служанки все заняты этим ремеслом и что они не имеют обработанных полей и садов³.

Жители Зирихгерана принимали участие в восточной торговле. Портом для Зирихгерана служил Дербент.

Не было оторвано от внешнего мира и «царство» Серир, которое поддерживало экономические и политические связи со многими странами. Как сообщает ал-Истахри (X в.), через Серир проходили дороги в землю хазар и в Армению. Может быть эта дорога в Армению и есть путь, известный в грузинских летописях под названием «лезгинского»⁴. Товары Серира попадали в Дербент и оттуда шли в другие страны. В X в. усиливаются связи Серира с Грузией и славянами.

Многие вещи из погребального инвентаря Агачкалинского могильника (шиитские печати, аббасидские дирхемы, браслеты, медальоны, перстни, крест из сердолика, женские головные булавки, зеркальца, стеклянные сосуды), а также близость инвентаря погребения к инвентарю могильников того же времени на Северном Кавказе и на юге СССР указывают на растущие торговые

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949. стр. 125.

² П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб, 1847, стр. IX.

³ *Mélanges Asiatiques*, VI, S. 700—701 (нем. пер. Б. Дорна).

⁴ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, 22, стр. 27.

связи северного Дагестана с государствами Закавказья, арабскими странами, юго-восточной Европой и, возможно, Византией¹.

Средневековые авторы оставили нам ряд сведений, позволяющих в какой-то мере судить об общественных отношениях в раннесредневековом Дагестане.

В стране Лакз, как сообщает ал-Истахри, имелось привилегированное сословие, называвшееся «хамашира». В Зирихгеране из среды ремесленников выделилась богатая верхушка, эксплуатировавшая чужой труд. Источники отмечают наличие здесь слуг и служанок, занятых только в ремесле. Особенно четко социальное расслоение наблюдается в Серире в IX—X вв. Масуди (X в.) сообщает о близком к персидскому царю Иездигерду (632—651) человеке, который был возведен в Серире на престол. Занятие престола впоследствии стало наследственной привилегией его фамилии. Военской силой в Серире являлась дружина «царя». В X в. мы уже видим эту дружину выделившейся из основной массы соплеменников и живущей вместе со своим «царем» в отдельном замке. Замок этот «имеет 4 фарсаха в длину и столько же в ширину и окружает его стена из камня. Она недоступна и в ней находится казнохранилище царя². Предводители дружины и сама дружина являются теми «приближенными царя», о которых говорят источники и с которыми «царь» делит богатство и власть. Опираясь на эту силу, он устанавливает личную зависимость населения Серира и эксплуатирует чужой труд... «Царство это, — пишет Масуди, — «содержит 1.200 поселений, из которых царь берет себе в рабы кого угодно».

Факт социального расслоения подчеркнут и в сведениях Гардизи (середина XI в.), писавшего, что «царь» Серира имел два трона, золотой и серебряный, и что на золотом сидел он сам, а на серебряном — его придворные³. Резкая имущественная дифференциация, а также социальное расслоение выступают в различии погребальных сооружений Агачкалинского могильника (склепы и рядом с ними—грунтовые могилы) и погребального инвентаря⁴.

Известную роль в феодализации дагестанских обществ играло использование рабского труда. Торговля рабами также составляла выгодную статью дохода. В Дербент для продажи доставлялись рабы «из разных стран кяфиров», в том числе из «царств» Дагестана.

---

¹ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 96.

Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане, как исторический источник. КС ИИМК, 46, 1952, стр. 104.

² Ибн-Русте. Указ. соч., стр. 47.

³ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. Записки Академии наук, VIII серия, историко-филолог. отдел, т. 1, № 4, стр. 124.

⁴ См. указанные соч. К. Ф. Смирнова и Н. Б. Шейхова.

В раннесредневековом Дагестане труд рабов находил применение в хозяйстве, однако он не стал основой хозяйства. Первенствующую роль играл труд общинника.

Приведенные сведения восточных авторов и данные археологии свидетельствуют о вступлении дагестанских племен в период сравнительно быстрого социального развития.

Складывающиеся в Дагестане феодальные отношения находят идеологическое обоснование в религии. В прямой связи с этим находится принятие христианства и мусульманства «царями и знатью». Если по сообщению Масуди в Серире в середине X в. только «царь» христианин, то, по словам Гардизи (XI в.), уже часть жителей замка — христиане¹. В середине X в. цари Джидана и Табасарана были уже мусульманами². Процесс дальнейшей феодализации раннесредневекового Дагестана происходит при вмешательстве ислама.

Говоря о феодализации Дагестана, надо отметить более быстрые темпы этого процесса в плоскостной части, особенно в районе Дербента, Табасарана и Кайтака. Объясняется это не только внутренними и физико-географическими условиями, но отчасти и политикой Персии, а затем арабов, в сфере влияния которых оказались указанные районы.

Становление и развитие феодальных отношений в самом халифате сказалось на политике арабов в Дагестане. От набегов с целью захвата добычи они стали переходить в середине VIII—начале IX вв. к систематическому освоению захваченных земель и к оседанию на них. В результате арабские завоеватели нередко превращались в типичных феодалов, и их военачальники присваивали себе право распоряжаться захваченными землями по своему усмотрению, несмотря на то, что верховным правителем-феодалом считалось государство. Так, при халифе Хишаме (725—743) его брат Маслама по пути в Дагестан подарил несколько селений своему военачальнику во искупление своей перед ним вины. Арабский полководец Джаррах, победив жителей Хамзина, переселил их в окрестности Хайзана, где отвел им два селения³, а Мерван «поселил хазар между Самуром и Шабираном на равнине в области лакзов»⁴. Арабский гарнизон в Дербенте, имевший свои «имения» за городской чертой, жаловался, что жители соседних стран нападают на эти «имения»⁵.

Немалую роль в процессе феодализации Дагестана играла арабская колонизация. Масламе приписывается переселение в район Дербента 24.000 семей из Мосула, Дамаска и других городов. Получив земли и селения вокруг Дербента, колонисты

¹ В. В. Бартольд. Указ. соч. стр. 124.

² Масуди. Указ. соч. стр. 43 и 51.

³ Баладзори. Указ. соч. стр. 16.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ Якут. Географический словарь, стр. 441 (араб. яз.).

должны были не только обеспечить безопасность города, но и быть опорой распространения ислама в других частях Дагестана.

Арабы опирались и на феодализирующуюся верхушку племен. Ей поручался сбор дани и повинностей, что увеличивало её богатство и укрепляло социальное положение.

Сведения дагестанских хроник об арабском происхождении местных феодальных правителей — уцмиев, шамхалов и майсумов — имеют историческую почву только в том смысле, что в процессе феодализации определенное значение имели также и арабские элементы.

Нужно сказать, что местные исторические хроники («Тарихи Дагестан», «Ассари-Дагестан»), а также «Гюлистан-Ирам» искажают процесс происхождения майсумов, уцмиев и шамхалов, известных с XIV—XV вв., приписывая им иноземное происхождение. Судя по этим сочинениям, арабский полководец Маслама в первой половине VIII в. подчинил весь Дагестан и назначил правителей в его различные части: Амир-Гамзу — старшим правителем в Кайтаг (потомки его стали называться уцмиями), Майсума — в Табасаран (потомки — майсумы), Шамхала, потомка дяди пророка Аббаса, — правителем всего Дагестана с резиденцией в Кумухе, и отдельного правителя в Дербент¹.

Вполне возможно, что попытки Масламы назначить своих представителей в качестве правителей Кайтака, Зирихгерана и Кумуха действительно имели место, но из арабских же источников нельзя заключить о реализации этих попыток. Вернее, ни один из этих источников не говорит о назначении Масламой правителей в отдельные районы Дагестана. Более того, полководец Мерван, заменивший Масламу, в своей борьбе с хазарами обращается за помощью не к арабским правителям, а к местным «царям гор». Это и понятно, ибо Масламе удалось укрепиться только в Дербенте, где правителем был представитель арабов, в то время как другие части Дагестана оставались независимыми.

Термины уцмий, шамхал и майсум появились не в VIII в., а не раньше XI—XIII вв. Они связаны как с дальнейшим развитием феодальных отношений в соседних с Дербентом районах, так и с усиленным проникновением сюда ислама. В Кумухе (Казикумух), Кайтаке и Табасаране местные правители принимали мусульманство и возведение своего рода к пророку или арабским халифам становилось необходимым для идеологического воздействия на массы. Так возникла, например, генеалогия шамхалов, возведенная к дяде пророка Аббасу.

Таким образом, VI—X вв. в истории Дагестана являются периодом быстрого разложения патриархально-родового строя,

---

¹ Гасан-Эфенди Алкадари. Ассари-Дагестан. Махачкала. 1929, стр. 22—24; Аббас-Кули Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 44; Тарихи Дербент—Наме. под ред. Алиханова—Аварского, Тифлис, 1898, стр. 79—80.

становления феодальных отношений и возникновения ряда политических образований. Идет процесс обогащения племенной знати за счет войн и ограбления членов свободной общины. Налицо все признаки, сопровождающие процесс классового разделения общества: имущественное неравенство, концентрация значительных богатств в руках отдельных семей и лиц, эксплуатации чужого труда, частная собственность и общественное разделение труда.

§ 3. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Источники, освещающие историю Дагестана перед арабским нашествием (VI в. — первая половина VII в.), немногочисленны. К тому же данные, сообщаемые этими источниками, в основном сводятся к взаимоотношениям хазар, гуннов, Персии и Византии. Почти ничего здесь нет по истории племен и народностей, занимавших горную часть Дагестана.

В середине VI в., после жестокого подавления восстаний против сасанидов, власть Персии в Албании была восстановлена. Однако безопасности владений Персии в Закавказье угрожали различные варварские племена, которые неоднократно и не без ведома и подстрекательства Византии совершали через Каспийский проход опустошительные набеги на Закавказье.

Кавказская граница приобрела большое значение для Персии, в особенности после образования обширной тюркской державы — тюркского каганата¹, западная граница которого простиралась до юга России и северо-кавказских степей. Для защиты от набегов кочевых племен и для упрочения своих позиций на восточном Кавказе сасаниды провели ряд оборонительных мероприятий, в частности, построили несколько крепостей в Албании.

Особое значение сасаниды придавали важному в стратегическом отношении Дербентскому проходу. Строительство первых дербентских укреплений приписывается персидскому царю Каваду (490—531). Укрепления эти были недолговечны и впоследствии были заменены каменной стеной. Е. А. Пахомов и вслед за ним М. И. Артамонов пришли к заключению, что датой строительства дербентских стен можно считать 567 год.

Особые усилия для сохранения своих владений на Кавказе приложил персидский царь Хосров I Ануширван (531—578). Рассказывают, что он назначил правителей в различные части

---

¹ Тюркский каганат образовался в середине VI в. в Центральной Азии с центром на Алтае. В 80-х годах VI в. каганат распался на Восточный и Западный. Западный каганат господствовал над большей частью Средней Азии. Остатком державы тюрков было хазарское государство с центром в северном Дагестане (В. В. Бартольд, М. И. Артамонов). Тюрки вели длительную борьбу с персами и поддерживали политические и торговые связи с Византией.

Восточного Кавказа и давал им подарки, причем каждому дарил богатую одежду. Правитель, получивший одежду с изображением льва, стал носить титул ширваншаха (шах льва), получивший одежду с изображением слона назывался филаншах (шах слона) и т. д.

Однако горцы не стали опорой сасанидов и принимали активное участие в борьбе народов Кавказа против Персии. Как сообщает грузинская летопись «Картлис-Цховреба», при армянском царе Хосрова Великом (середина VI в.) армяне, грузины и «оссы, леки и хозары» совместно выступают против персидского царя Ануширвана и проникают в Персию. Там же упоминается грузинский царь Гурам (570—600 гг), который «приглашает овсов, дурдзуков и дидойцев и идет против персов»¹.

Гуннские племена Северо-Восточного Кавказа были втянуты в орбиту византийской политики, направленной против сасанидов. В первой половине VI в. к гуннам прибыло два христианских посольства, первое из Аррана, второе из Армении, основной целью которых было склонить гуннов на сторону Византии². Первое посольство возглавлялось арранским епископом Кардостом и состояло из семи священников, направлявшихся к византийским пленным, находившимся у гуннов. Дата посольства, по определению Н. В. Пигулевской, — 537 год. Послы прошли в землю гуннов через южный Дагестан, мимо Дербента, по горам. Спустя несколько лет сюда же прибыло посольство от византийского императора, «чтобы купить воинов для войны (с языческими) народов». Посол императора поддержал деятельность Кардоста.

После их ухода прибыл армянский епископ Макар, построивший церковь и распространявший христианство. Он же «насадил растения, посеял различные семена». В это же время Византия отправила сюда тридцать мулов «с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью»³.

Византийская ориентация имела место и в политике хазар. Византия настойчиво добивалась участия хазар в борьбе против Персии. В 625 г. было достигнуто соглашение между хазарами и византийским императором⁴. Хазарское войско во главе с сыном хазарского вождя устремилось к Чоге (Дербенту). Отряд персов, защищавший город, был разгромлен. Город «с дивными стенами» был разрушен до основания. «Как хищные волки, потерявшие стыд», бросились хазары на жителей Чога «и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города». Моисей Каганкатваци описывает страшную картину этого погрома: «Глав их (хазар — Ред.) не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин и женщин; не оставлял в покое даже негодных,

¹ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, 22, стр. 23.

² Н. В. Пигулевская. Указ. соч. стр. 86.

³ Там же, стр. 86—87, 166—167.

⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч. стр. 52.

безвредных, изувеченных и старых, они не жалобились, их сердца не сжимались при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из груди их кровь, как молоко. Как огонь проникает горящий тростник, входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей»¹.

Но вскоре и Византии и хазарам пришлось столкнуться с более сильным, чем Персия, противником — арабами.

Государство арабов образовалось в VII в. и связано с именем Мухаммеда. Движение за объединение Аравийского полуострова при преемниках Мухаммеда вылилось в войны за захват чужих территорий. Идеологией нового государства служил ислам. Возникнув в среде беднейших слоев Мекки, ислам вскоре стал идеологией феодализирующейся знати.

Разбив сасанидскую Персию, арабы в 40-х гг. VII в. приступили к завоеванию Закавказья. Народы Закавказья оказали упорное сопротивление арабским завоевателям и в ожесточенных боях отстаивали свою независимость.

Правитель Албании Джеваншир (616—669), воспользовавшись поражением Персии, добивается самостоятельности, затем признает над собой власть византийского императора и заключает союз с марзпаном Армении Смбатом Багратуни (644—654). В целях обеспечения самостоятельности Албании и организации отпора арабам Джеваншир заключает также союз с «гуннским царем», закрепленный женитьбой на дочери «царя»². Однако организовать совместную борьбу против арабов не удалось, и союз распался. Не помогло и возобновление этого союза и обязательство «царя гуннов» «быть помощником и защитником власти» албанцев. В начале VIII в. Албания подпала под власть арабов и столица её — город Партав — был занят мусульманами. С этого времени начинается усиленная арабская экспансия на север.

Сведения арабских источников о первых походах арабов на Дагестан в середине VII в. путанны и противоречивы. При всем том все они согласно говорят о неудачном конце этих первых попыток арабов проникнуть в Дагестан.

Перед самым началом похода арабов в Дагестан в Армении началось восстание, поддержанное аланами и населением Семендера. О силе этого восстания можно судить по числу участников карательной экспедиции: 2 тысячи человек было послано из Сирии и Месопотамии и 6 тысяч из Куфы под предводительством Салмана³. Подавив восстание и заключив мир с правителем

¹ Моисей Каганкатвацц, стр. 105.

² Каганкатвацц, стр. 11, 144, 153—154.

³ Баладзори, стр. 8. По сообщению Якуби, впервые Салман появляется на Кавказе в 644 г. См. Якуби. История, пер. проф. Жузе, Баку, 1927, стр. 5.

Ширвана и «царями гор», арабы вступают в Дербент. Жители Дербента запирают ворота за арабами, а хазарский каган разбивает севернее города четырехтысячный отряд мусульман. Этим завершился первый этап арабских походов на Дагестан.

В промежутке между 661 и 698 г. г. нет ни одного упоминания о походе арабов на Дагестан. Основное внимание их в это время было направлено на разрешение своих внутренних противоречий и на удержание за собой захваченных областей. В конце VII и начале VIII вв. обстановка коренным образом меняется. Междоусобия в халифате на время прекращаются, и арабские войска одерживают одну победу за другой в Туркестане, Малой Азии и Северной Африке.

Начинается новый этап арабских завоеваний на западном побережье Каспийского моря, длившийся почти сто лет. В 698 г. брат халифа Мухаммед ибн-Мерван «поспешно по стране агванцев вступил в Чога»¹, т. е. Дербент. Других сведений об этом походе не имеется. Очевидно, начавшееся в Армении новое крупное восстание, поддержанное Византией, заставило арабов изменить свои планы и вернуться в Армению. Это восстание, возглавлявшееся Смбатом Багратуни, надолго сковало силы арабов и ослабило их мощь. Поход 714 г. на Дагестан, под руководством Масламы также окончился безрезультатно.

В 722 г. арабские войска, разгромив хазар, вступивших в Ширван, ворвались в Дагестан, но, как пишет Мунаджим-Баши (турецкий автор XVII в.), «бог захотел, чтобы истинно верующие потерпели поражение и чтобы большое число их пало мученической смертью»². Одновременно арабский правитель Армении Харис ибн Амр Таиец «совершил поход в страну лакзов и занял окрестности Хасмадана»³. Видимо, поход этот оказался неудачным, так как в том же 722 г. Таиец был смещен с должности правителя и на его место был назначен Джаррах.

С именем Джарраха связаны первые крупные выступления арабов, направленные на захват Дагестана. Как пишет Табари, арабы, разбив хазар в южном Дагестане, продвинулись на север, но им пришлось преодолеть сопротивление жителей Хамзина и Гумика. За оказанное сопротивление Джаррах решил наказать жителей Табасарана и Кайтака. В Кайтак был направлен трехтысячный, а в Табасаран двухтысячный карательные отряды. Они захватили большую добычу: 10.000 голов коров и овец и 3.000 рабов⁴.

¹ Каганкатвацц, стр. 259. Сообщением этим опровергается мнение автора «Ассари-Дагестан» о том, что после 662 и вплоть до 708 г. не имеется известий об отправке арабских войск в Дагестан (см. стр. 19).

² D'Ohsson. Peuples du Caucase, Paris, 1828, p. 77.

³ Баладзори, стр. 16.

⁴ В. Dorn. Tabary's Nachrichten über die Chasaren. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, IV, S. 462—463 (нем. пер.), стр. 510—512 (перс. текст).

Дальнейшее продвижение арабов на север также встретило сопротивление. От арабов откололись даже те горские «князья», которые раньше поддерживали их в борьбе против хазар. Особенно упорным было сопротивление жителей Беленджера. Они изготовили более 3.000 арб и, связав их, поставили вокруг города. После ожесточенной битвы город был взят. Оставшиеся в городе жители были подвергнуты жестокой расправе: часть их Джаррах утопил в реке, а часть взял в плен¹.

Результаты побед Джарраха не были прочны. Между 727 и 734 г. г. арабы были вынуждены предпринять новый поход на север. Поход этот имел целью окончательно обосноваться в районе Дербента и превратить его в опорный пункт для дальнейших завоеваний. Масламе приписывается переселение из Сирии в Дербент большого отряда воинов, строительство в городе амбаров для провизии и фуража, а также складов для оружия. «Он приказал вычистить цистерну (городскую), исправил разрушенные места в городе и украсил его»², восстановил городскую стену и приделал к ней железные ворота.

Укрепившись в Дербенте, арабы отправляются в глубь Дагестана. Местные хроники приукрашивают этот поход и приписывают арабам окончательное покорение Дагестана. Фактически дело обстояло иначе. Продвижению арабских войск на север и запад от Дербента мешали жители Лакза и Табасарана. Маслама вынужден был послать в Лакз свою конницу, а сам во главе остального отряда отправился в Табасаран. Подавив сопротивление обеих областей, арабы направились к Варачану (Семендеру), с населением которого авангард арабов сражался несколько дней³.

Источники сообщают о поражении арабских войск в северном Дагестане. Арабы сжигали и разрушали на своем пути населенные пункты, но, получив известие о создании хазарами и горцами многочисленной армии, вынуждены были поспешно отступить. При этом они бросили свои палатки и военное снаряжение. «Отступая быстрыми темпами, мусульмане достигли Ворота ворот, не думая ни о чем, кроме как о своей жизни», писал Мунаджим Баши⁴.

Непрочным было и положение арабского гарнизона в Дербенте. Он находился под постоянным страхом нападения соседей — лезгин, кайтаков и табасаранцев.

---

¹ I. Marquart. Oesturopäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 18.

² Якуби. История, пер. с арабского проф. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 6.

³ Якуби. Указ. соч., стр. 6.

⁴ Доссон. Указ. соч., стр. 63.

Все сказанное опровергает версию о подчинении Дагестана Масламе¹.

В VIII веке, в связи с нарушением торговых связей с Византией и усилением каспийской торговли, борьба за западное побережье Каспийского моря принимает более ожесточенный характер. Растет значение Дербента как опорного пункта распространения арабского влияния и ислама. Правитель Армении ал-Джураши, «прибыв и водворившись в Баб-ул-Аббабе, продолжал религиозные войны со своими соседями»,— пишет Табари. Пребывание правителя Армении в Дербенте уже само по себе говорит о том значении, которое арабы стали придавать завоеванию восточного Кавказа. Последующие арабские правители Армении также часто бывали в Дербенте и лично участвовали в походах.

В 117 г. хиджры, т. е. в 735 г., правитель Месопотамии, Армении и Азербайджана Мерван, собрав огромную армию, начал наступление «в страну хазар» со стороны Аланских ворот, а предводитель войск в Дербенте, «с бывшими с ним царями гор получил приказ выступить со стороны Баб-ул-Аббаба»². Южная группа вторглась в Туман, жители которого оказали сопротивление. Туманшах был захвачен в плен и отправлен к халифу³. На жителей Тумана была наложена дань в 20.000 мер зерна и 200 юношей и девушек в качестве рабов⁴.

Что касается северной группы, то сведения Вардапета Гевонда, возможно, относятся к её действиям. По сообщению Гевонда, Мерван во главе сильного войска, к которому присоединились также армянские феодалы («князь Ашот и древние вельможи с их дружинами»), пошел на северный Дагестан. Город Варачан был взят после ожесточенных боев. Не желая сдаваться победителям, многие жители «стали бросать свое имущество в море, а другие и сами бросались в море и погибали в безднах его».

---

¹ В дореволюционной историографии и местных хрониках все мероприятия Масламы приписаны другому лицу—Абумуслиму. Не стоило бы упоминать об этой ошибке, если бы эти два лица не являлись бы представителями двух различных политических течений. Первый был сторонником ненавистной народу Омейядской династии халифов, второй, Абумуслим, был низвергателем этой династии, активным организатором победы династии Аббасидов, с приходом которых народные массы связывали свои надежды на избавление от феодальной эксплуатации. Быть может, особой популярностью Абумуслима на Востоке и объясняется версия о его пребывании в Дагестане в первой половине VIII века. Однако ни в 714 г., ни в 727—732 гг. (т. е. во время походов Масламы) Абумуслим не мог быть в Дагестане, т. к. в первом случае его еще не было на свете, а во втором—ему было не больше тринадцати лет. (См. Khanikoff. *Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal asiatique*, 1862, p. 91; *Encyclopédie de l'Islam*, I, p. 103). Потому ни один из арабских авторов не упоминает имени Абумуслима в связи с событиями в Дагестане.

² Баладзори, стр. 18.

³ Доссон. Указ. соч., стр. 65.

⁴ Баладзори, стр. 18.

Захватив «несметную добычу», арабы вернулись «из стран гуннских» в Партав¹.

Источники сообщают еще об одном походе арабов, состоявшемся в 739 году. Поход имел необычный маршрут — с северо-запада на юго-восток: Серир—Туман—Зирихгеран—Хамзин. Арабы преодолели сопротивление жителей Серира, с боем взяли несколько замков и заставили правителя заключить договор. Аналогичные договоры были заключены и с жителями Тумана и Зирихгерана. Упорное сопротивление оказало население Хамзина. По словам Табари, под Хамзином «много мусульман погибло». Только после месячной осады и разрушения окрестных деревень арабам удалось захватить крепость. Такое же сопротивление оказали и другие крепости.

Население «царств», по территории которых прошли арабы, было обложено непосильным налогом. Владетель Серира обязан был поставлять (наместнику халифа) ежегодно 1.500 юношей и 500 девиц... и привозить в зернохранилище Баба сто тысяч мер зерна». Жители Тумана «обязались доставлять ежегодно 150 девиц и 50 юношей и 20.000 мер зерна». Зирихгеран должен был доставлять ежегодно 50 юношей и 10.000 мер, а Хамзин — 500 юношей и девушек, а также 30.000 мер в зернохранилище Дербента².

Царь страны Лакз Авиз (или Опас) отказался присоединиться к мусульманскому войску и решил заключить союз с хазарами. Как пишет Табари, арабы продвинулись вдоль реки Самур в глубь страны, разорили её, но в течение целого года не могли сломить сопротивление крепости, в которой засел Авиз. После подавления сопротивления управление страной было поручено Хашраме Сулямиту.

Однако укрепиться ни в одном из указанных «царств» арабам не удалось. Им приходилось расплывать свои силы и направлять их на подавление восстаний, то и дело поднимавшихся в Закавказье, Средней Азии, Сирии и других областях халифата и пришедших особенно большого размах в 40-х годах VIII века.

В 750 г. династия Омейядов была свергнута. Власть в халифате заняла династия Аббасидов. Однако надежды широких народных масс на улучшение своего положения не оправдались. Жизнь покоренных народов в халифате ещё более ухудшилась. Началась борьба против власти аббасидов.

Из показаний арабских авторов видно, что горцы Дагестана также усиливают борьбу против завоевателей. Выступление горцев началось при правителе Армении Язиде ас-Сулами. Наместник Язида в Дербенте вынужден был бежать и просить о помощи. Прибывший на помощь правитель Армении потерял большое количество воинов и отступил. Только путем принятия особых мер

¹ Вардапет Гевонд, стр. 81.

² Баладзори, стр. 17—19; Якуби, стр. 7.

(освобождение из тюрем 7.000 преступников, сбор новой армии) арабам удалось снова проникнуть в южный Дагестан. Вместе с войсками были направлены рабочие для строительства опорных пунктов. Были построены Камах, ал-Мухаммедия, Баб-Вак и др. пункты¹.

С этими известиями согласуется сообщение Алкадари о строительных работах и арабской колонизации района Дербента. По его словам, из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа было выслано и поселено близ Дербента 7.000 мусульман с семьями. Были построены также крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге и Бильгади².

Арабы принимали и другие меры для упрочения своих позиций. В борьбе против горцев использовалась местная знать. Так, в походе арабов участвовали табасараншах и филаншах. Арабы часто прибегали к помощи закавказских феодалов.

В «Истории халифов» один из таких походов описан с большой подробностью. Осман собирает дружины армянских нахараров близ Каспийских ворот. «Туда же он созывает Тачата, спарапета Багарата, Нерсеха Камсараганского и других вельмож армянских и располагается в равнине Керан»³.

Автор сообщает далее о гибели всего отряда от невыносимой жары. Источник не содержит данных о целях этого сбора, но, несомненно, что эти цели не были мирными. Последовавшее за этим смещение Османа с должности правителя Армении было очевидно связано с неудачей похода.

Арабы предпринимают также попытки расколоть союз хазар и Византии и установить родственные отношения с каганом. Однако попытки эти не удаются. Наоборот, в конце VIII в. родственные и политические связи между Византией и хазарами укрепляются. В условиях усилившейся борьбы между халифатом и Византией последняя придает особое значение союзу с хазарами и делает попытку ввести у них христианство.

Конец VIII—начало IX вв. ознаменовались усилением борьбы народов Кавказа против арабских завоевателей. Халиф Гарун-ар-Рашид (786—809) смещает одного за другим правителей Армении, но положительных результатов не добивается. Как сообщает Якуби, новый правитель Армении Фадл-ал-Бармаки сразу же по прибытии «отправился в страну Баб-ул-Аббаба, совершил нападение на крепость Хамзин, но его жители обратили его в бегство, и бежал он, не заботясь ни о чем до тех пор, пока не добрался до Ирака»⁴. Недовольство населения было использовано неким Наджмом ибн-Хашимом (у Якута: Мунад-

¹ Якуби, стр. 8—9. Камах—это современный Камах, ал-Мухаммедия—Химейди, Баб-Вак—Дарвак. Все три пункта расположены близ Дербента (см. А. Н. Генко. Указ. соч. стр. 87).

² Алкадари. Указ. соч. стр. 25.

³ Вардапет Гевонд, стр. 111.

⁴ Якуби. Указ. соч. стр. 10.

жим ас-Сулами), который сверг арабского правителя, но и сам пал в схватке с арабами. Сын его продолжал борьбу и призвал на помощь хазар, которые не замедлили совершить набег на Закавказье. Для изгнания хазар и для подавления сепаратистских тенденций в 193 (799 г.) в Ширван был послан Язид ибн-Мазьяд, назначенный правителем Азербайджана, Ширвана и Дербента за большие услуги перед халифатом. Установив мир между арабскими племенами в армии и использовав феодальную верхушку Закавказья, он разбил хазар и вернул Дербент.

На этом кончается второй этап арабских завоеваний.

С начала IX века наступила полоса сравнительно мирной жизни в Дагестане. Еще предшественник Язида провел в Армении и Дагестане большие строительные работы. В «Ассари-Дагестан» он назван правителем Дербента с 173 года (790). Ему приписывается прорытие канала из реки Рубас для обеспечения дербентских земель водой, создание здесь садов, пашен, огородов, а также строительство мельницы.

С самого начала IX века мы не имеем сведений ни о походах арабов, ни о набегах хазар на Закавказье. Не в силах управлять самостоятельно, арабы привлекают к этому делу местную, особенно иранского происхождения, знать.

Развитие феодальных отношений и усиление власти наместников или эмиров на окраинах халифата привело к усилению их сепаратистских тенденций. Народные восстания расшатали могущество халифата. Различные области одна за другой переставали подчиняться власти багдадских халифов. В IX—X вв. халифат распался на отдельные, фактически независимые области с самостоятельными династиями правителей. Серьезную роль в ослаблении халифата сыграли крупнейшие восстания крестьян и ремесленников в Азербайджане под руководством Бабека (первая половина IX в.) и мощное народно-освободительное движение в Армении (середина IX в.).

Под влиянием восстания Бабека усиливаются антиарабские выступления и в Дагестане. Якуби сообщает о «царях гор и Бабул-Абваба», которые при халифе Васике (842—847) «захватили соседние области», вследствие чего «власть султана ослабла»¹. Это выступление было подавлено. В 851 г. поднялось восстание в Грузии, поддержанное горцами. В сочинении, приписываемом Мухаммеду Рафи, также подчеркивается факт солидарности дагестанцев и народов Грузии. Как сообщает эта хроника, арабы, разорив Кумух, вторглись в земли аварцев. «Царь аварцев Баяр, сын Сураката, называвшийся науцалом», вместе со своей семьей и приближенными нашел убежище в Тушетии. Арабы разрушили резиденцию аварского хана—Хунзах и предали смерти его воинов с союзниками².

¹ Якуби. Указ. соч., стр. 18.

² Тарихи Дербент-наме. Приложение IX, стр. 174.

В середине IX в. борьба с «возмутившимися» на Восточном Кавказе была поручена целиком арабским правителям Ширвана и Дербента. Ширваном в то время управлял Язид ибн-Мазьяд, основатель новой династии, называемой мазьядитско-шейбанитской, или ширваншахской, имевший резиденцию в Шемахе или Дербенте. Просуществовала она до первой половины XI в. Одно-временно в Дербенте в 225—457 гг. (869—1066) существовала отдельная династия Бену-Хашим (хашимитская), зависевшая от ширваншаха, но иногда действовавшая самостоятельно¹.

Правители Ширвана усиливают оборонительные мероприятия. Они дополнительно укрепили Дербент, для чего пришлось вступить в конфликт с правителем Дербента Шараккой ибн-Абдулхашимом, основателем династии правителей города и отобрать у него город в 260 г. (873—4). Затем правитель Ширвана приказывает восстановить разрушенные сооружения крепости, в частности, исправить склад для хранения продовольственных запасов².

Горские племена совместно с хазарами продолжали беспокоить правителей Ширвана и Дербента. В 292 г. (905) «царь» Серира одерживает победу над правителем Дербента, что заставляет правителей Ширвана и Дербента выступить совместно. Однако оба правителя были разбиты в 300 г. (913—914) «серирами, шанданом (вероятно Кайтаком — А. Ш.) и хазарами» и попали в плен, откуда им удалось вернуться только через пять лет³. Интересно, что дата этого события, 300-год хиджры, совпадает с датой похода русов на Каспий. Вполне возможно, что горцы воспользовались моментом, когда арабы были заняты борьбой против русов.

В X—XI вв. русы выступают на Кавказе как значительная политическая сила. Известны грабительские походы их на богатые и многолюдные области южного побережья Каспийского моря в 880, 909, 910 годах⁴. Наиболее значительными были походы 913—914 и 943—944 г. г. Сравнивая эти походы, В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовский указывали, что если первый преследовал грабительские цели, то во втором походе русы выступали с требованием признания их власти.

В походе 943—944 г. г. на Бердаа участвовали и дагестанские племена под именем лезгинов⁵. Факт совместного выступления русов и дагестанских племен находит подтверждение в хронике «Тарихи Дагестан». «Когда обитатели Дагестана, — говорится здесь, — узнали об этом (т. е. о наступлении арабов —

¹ E. Sachau. Ein Verzeichniss muhammedanischer Dynastien. Berlin. 1929, S. 12—14.

² В. Дорн. Versuch eine Geschichte der Schir-Wanschache. Mém. Acad. Sc. Spt, VI, Ser. Sc. pol., 1840, S. 535.

³ E. Sachau, S. 13.

⁴ В. Дорн. Каспий, стр. IV.

⁵ Френ. Письмена древних русов. «Библиотека для чтения», 1836 г., т. XV, отд. III, стр. 57.

Ред.), то все их неверные собрались вместе, сопровождаемые войсками Рус, которые всегда поровну делили с ними добро и зло»¹.

Древнерусское государство представляло собой в X в. внушительную силу. Хазарский царь Иосиф пишет в Испанию, что он охраняет устье Волги и не пускает русов «итти на исмаильтян» и что если бы он не сдерживал их, то они уничтожили бы всю страну до Багдада². Возможно, что опасностью со стороны русов и объясняется укрепление правителем города дербентского мола в первой половине X в.³

Древнерусское государство сыграло решающую роль в разгроме Хазарского каганата. В 966 г. русы захватили Саркел, Итиль и Семендер и разрушили их до основания. Хазарское государство распалось. Как писал Ибн-Хаукаль, Семендер пришел к запустению, и «если там есть виноградный куст или сад, то все, что в нем есть, представляет милостыню для бедных, разве только что господь заставит черенок вновь развиться. Все это погибло вместе со страной»⁴. После завоевания Семендера русы больше не предпринимали набегов на Каспийское море и, по словам того же автора, «кто спасся от их руки, те рассеялись по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними (русами) договор и вернуться под их владычество»⁵.

Дальнейшие события хорошо освещены в сочинении «История Дербента, Ширвана и Аррана», дошедшем до нас в передаче турецкого автора XVII в. Мунаджима-Баши⁶. Как сообщает этот автор, в середине X века «армяне, лакзы и другие неверные» выступают против первого шаддаида Мухаммеда ибн-Шаддада, мусульманского правителя Аррана, начавшего управлять с 340 г. Хиднеры (951 г.)⁷, но терпят поражение. Факты проникновения лакзов в Арран имело место, по-видимому, и раньше, чем можно объяснить приказ Мухаммеда ибн-Шаддада укрепить Дабиль для гарантии безопасности при нападении со стороны лакзов⁸.

Тот же самый автор дает ряд ценных сведений о событиях в Дербенте в последней четверти X века, причем Дербент «обшир-

¹ Дербент-наме. Приложение IX, стр. 172.

² П. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. 1932 г. стр. 102.

³ В. В. Бартольд. Новые известия о стенах Дербента, ЗВОРАО, XXI, ч. I, 1912, стр. IV—V.

⁴ Ибн-Хаукаль. Из «Книги путей и царств». СМОМПК, 38, стр. 114.

⁵ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах, стр. 35.

⁶ В. Ф. Минорский. Русы в Закавказье. Acta Orientalia, 1953, т. III, стр. 207—210.

⁷ W. F. Minorsky. Studies in Caucasian history. London, стр. 3—4. (араб. текст).

⁸ Там же, стр. 4.

ный край, там правители самостоятельные, независимые»¹. В 987 г. Дербентский правитель Маймун ибн-Ахмед, утесняемый «начальниками», вошел в тайную связь с русами, которые прибыли к городу на 18 судах, но население города перебило тех, кто высалился на берег, и суда вынуждены были уйти к устью Куры. В 989 г. этот же эмир имел дружину или отряд телохранителей, состоявший из русов. Гилянский проповедник Муса Тузи потребовал выдачи этих русов для обращения их в ислам, но эмир отказался и ушел в Табасаран². В 1033 г. имело место совместное выступление «русов, алан и сериров» против Ширвана и Дербента, но они были отбиты одним из «начальников» Дербента.

Таким образом, после разгрома Хазарского каганата русы стали принимать более активное участие в делах Восточного Кавказа. Кроме того, с распадом Хазарского каганата открылись перспективы дальнейшего развития каспийской торговли между Русью и восточными странами. Однако захват половцами южно-русских степей и нашествие сельджуков, а затем монгольских орд на Закавказье задержало этот процесс.

§ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ (XI—XV вв.)

К началу XI века в Дагестане был ряд полуфеодалных владений: Серир, Гумик, Филан, Ихран, Зирихгеран, Табасаран и др. Правители этих владений «жили в укрепленных замках, в которых держали своих вооруженных людей, провиант и амунницию, причем у некоторых из них было несколько крепостей, не считая того и города, входившие в их владения, были также укреплены и снабжены всеми средствами обороны и нападения»³.

В XI—XIII вв. эти владения продолжали существовать и развиваться. В них происходило дальнейшее расслоение общества. Об этом пишут Гардизи (XI век) и Якут (XIII век). Последний свидетельствует о том, что владельцу Сериру принадлежала большая часть селений в Арране⁴.

XIII—XV вв. на месте этих владений, в силу дальнейшего развития производительных сил страны, появляются такие относительно крупные феодальные образования, как Аварское ханство (центр Танус), шамхальство Казикумухское (центр Ку-

¹ Там же, стр. 2.

² В. Ф. Минорский. Указ. соч. стр. 209—210.

³ П. К. Жузе. Мутагаллибы в Закавказье. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. III, Тбилиси, 1937, стр. 207—208.

⁴ Якут Хамави. М'оджан-ал-болдан. Русск. перев. П. К. Жузе. Цит. по работе А. Али-Заде. К вопросу о положении крестьян в Азербайджане. Труды ИИФ, т. III, Баку, 1953, стр. 117.

мух), уцмийство Кайтагское (центр Кала-Корейш), майсумство Табасаранское (центр Зиль).

Кроме того, в пагорном Дагестане существовало множество независимых и полуфеодальных владений.

В середине XI в. Азербайджан и Дербент подпали под власть сельджукидов, но в конце этого века Дербент с принадлежащими к нему землями сумел отстоять свою независимость и выделился в особое независимое княжество (меликство) со своей наследственной династией¹.

По сообщению испанского путешественника Аль-Андалуси, бывшего в Дербенте в 1130 г., правителем города был Сайфаддин-Мухаммед. Дербентское княжество тянулось тогда к югу на несколько десятков километров и включало в свои границы город Шабран, к западу простиралось не далее ближайших горных ущелий, а на севере включало часть табасаранских земель. Население дербентского княжества состояло из азербайджанцев, татов, лезгин и табасаранцев. Жили в княжестве и остатки давно осевших здесь персов и арабов. Жители занимались земледелием, садоводством и овцеводством. В Дербенте были развиты торговля и ремесла: ковроткачество, производство полотна, обработка кож, ювелирное и керамическое. Из Дербента в Азербайджан и Русь вывозились кубачинское оружие, лезгинские и табасаранские ковры, паласы, ткани, шерсть, мarena, фрукты. В городе имелись благоустроенные каравансарай и рынок.

Дербентские правители чеканили свою монету. Найдены монеты с именем Муфадфара сына Сайфаддина-Мухаммеда, датированные 1162—1164 гг. Известны имена последующих правителей Дербента — Бекбарс и Бахрам (1173).

Дербентские правители отстаивали свои владения от вторжения кочевников с севера и войск ширваншахов с юга. В 1170 г. правитель Ширвана Ахтисан I и грузинский царь Георгий III совершили совместный поход на дербентские владения и захватили город Шабран. Все же Дербент продолжал оставаться независимым.

Правители Дербента прилагали все усилия к укреплению и украшению города. По свидетельству арабских писателей XI—XII вв., Дербент продолжал оставаться одним из самых больших и богатых портовых городов Кавказа.

Дербентское княжество пало в начале XIII в. под ударами монголов². В 1239 г. монголы взяли Дербент, опустошили его

¹ Е. А. Пахомов. О Дербентском княжестве в XII—XIII вв. Известия Азерб. Гос. НИИИ, т. I, вып. 2, 1930, стр. 1—11.

² После завоевания Батые (1236) дербентское княжество вошло в состав Золотой Орды, и Дербент стал ее крайней южной точкой. Золотая Орда имела в Дербенте своего наместника. При Тимуре, нанесшем Золотой Орде сокрушительные удары, Дербент отошел от нее и вошел в состав Ширвана, управляемого ширваншахом Ибрагимом Дербенди (1382—1415).

земли, а также всю прибрежную часть Дагестана, нарушили экономические и культурные связи Дагестана с соседними странами. Несмотря на это, Дербент в XIII—XIV вв. оставался основным портом на западном побережье Каспия и крупным торгово-ремесленным центром на караванном пути из стран Передней Азии в Закавказье, в Золотую Орду, русские княжества и страны Западной Европы¹.

Правители Ширвана Халиллулах I (1417—1462) и Фаррух-Ясар (1464—1500) старались удержать свое влияние на южный Дагестан, и Дербент с конца XIV в. находился в составе владений ширваншахов. Под влиянием ширваншахов находились также Цахур, Кайтаг и район Ахты. Феодальные порядки, установленные в Ширване, были распространены и на эту территорию, с той лишь разницей, что здесь были и местные правители — князья.

Помимо дербентского феодального владения, в Дагестане все более известными становятся шамхальство Казикумухское, ханство Аварское, уцмийство Кайтагское и майсумство Табасаранское. Феодальные порядки, установившиеся в этих владениях, были различными. Они складывались еще со времени существования княжества Серир, Ихран, Филан, Лакз, Табасаран и др. и в рассматриваемый период неизменно развивались. Мухаммед Рафи сообщал, что в стране существовали многие виды налогов и десятин от всех обитателей в пользу местных правителей.

Сохранились сведения о междоусобных войнах казикумухских шамхалов с аварскими и кайтагскими правителями. «В 1318 г., — сообщает Мухаммед Рафи, — казикумухские шамхалы были низвергнуты соединенными силами хайдаков, аварцев и тюрок»². Но вскоре шамхалы оправились и в последующих войнах не только восстановили свою власть, но даже захватили часть земель кумыков, даргинцев и аварцев.

В XIV в. политическое значение власти шамхалов усилилось. Шамхалы стремились к расширению своей территории. Рассказ Мухаммеда Рафи о борьбе лакских феодалов с аварскими и кайтагскими владельцами следует рассматривать как один из эпизодов борьбы за захват власти, пастбищ и свободных земель. Шамхала, как и других владельцев, привлекал прибрежный Дагестан, где был расположен важный торговый путь, идущий с севера на юг.

На этом пути наряду с городом Дербентом стал возвышаться кумыкский населенный пункт Тарки. У Мухаммеда Рафи Тарки упоминается как немаловажный город, находящийся в зависи-

---

¹ М. В. Фехнер. Торговля русского государства со странами Востока, М. 1952, стр. 29.

² «Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи». Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V, 1878, стр. 7.

мости от лакских шамхалов. До переворота 1318 г. он ежегодно выплачивал шамхалам до 2080 драхм рису с каждого двора¹.

В источниках, повествующих о походах Тимура в Дагестан в 1395—96 гг., Тарки упоминается в числе наиболее крупных центров². Видимо, уже тогда Тарки находился в сфере влияния казикумухских шамхалов и был одним из периферийных его центров. О Тарки, как о крупном пункте в прибрежном Дагестане, упоминает русский путешественник Афанасий Никитин³.

В рассказе Низам-ад-дина Шами, где говорится о совместной борьбе лакцев с Тимуром, шамхалами названы правители Лакии и Аварии: «шаухал казикумухский и аухарский (аварский — М. И.)». Здесь наряду с упоминанием о шамхалах сообщается о наличии в стране множества феодалов, впервые упоминается о кумыкских эмирах, о большом числе старшин — калантар, вельмож (бузург). Во время нашествия Тимура многие дагестанские феодалы путем поклонения ему старались купить себе жизнь и сохранить свое положение. Покорные феодалы были одарены почетными халатами, златотканными одеждами, золотыми поясами для мечей и арабскими конями. Многие феодалы и старшины получили ярлыки Тимура на право владения и взимания податей. Особые льготы завоеватель предоставил появившемуся в стране мусульманскому духовенству.

Крупным феодальным владением в нагорном Дагестане было Аварское ханство. «Земля Авар», сообщает Мухаммед Рафи, была самым могущественным из среды дагестанских владений⁴.

К концу XIV и в начале XV вв. Аварское ханство распространило свою власть далеко за пределы Аварии. Аварский хан, сообщает Мухаммед Рафи, «получал доход со всех владений и ему посылались все подати, налоги и десятины от всех обитателей Дагестана, начиная от страны черкесов до Шемахи»⁵.

Наряду с шамхальством Казикумухским и ханством Аварским, укрепились феодальные отношения в уцмийстве Қайтагском и майсумстве Табасаранском.

Большой интерес для характеристики дагестанских владений, в частности, аварского ханства, представляет сохранившееся завещание аварского нуцала Гандуника, сына Ибрагима, своему наследнику Булач-нуцалу (1485 г.). Из этого завещания видно, что аварский хан Гандуник был крупным владельцем, обладав-

¹ Сб. сведений о кавказских горцах, вып. V, стр. 23—24.

² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.-Л., 1940, стр. 124, 18.—186.

³ Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л. 1948, стр. 145.

⁴ Мухаммед Рафи. Указ. соч., стр. 11.

⁵ Мухаммед Рафи. Указ. соч., стр. 10—11; Аварские народные сказания, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. II, 1869, стр. 6; А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, Б., 1926, стр. 51; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., «Изв. русск. геогр. общества», т. XX, стр. 388.

шим значительной территорией. Завещатель указывает своему наследнику на обширность территории ханства: «Первая граница со стороны запада — Майсугатан (недалеко от Голотля), вторая — со стороны востока, из середины аула Гоцатль, третья — со стороны юга, от Хочода до Голотлинского моста, четвертая — со стороны севера от Салагоры до Таргу... Мой племянник, постарайся охранять эти границы и не уступи чужому даже пяди твоей земли, если ты являешься владельцем, подобно твоим храбрым предкам»¹.

Эти данные говорят о том, что территория северного Дагестана от Салатавских гор до Тарки входила в состав Аварского ханства. Здесь же говорится о том, что в ханстве имелось все, в чем нуждается человек.

Весьма интересны содержащиеся в этом завещании сведения о составе населения страны. «Обрати внимание, — говорится здесь, — на свидетельство наших почтенных предков о численности мужей в Дагестане. В нем 260 тысяч, из них 60 тысяч табасаранского, 30 тысяч хайдакского, 100 тысяч от войска кумухского падишаха, 40 тысяч войска нуцала, и они храбрее всех»².

Впервые в этот период проявляется тенденция к объединению страны. Но феодальная раздробленность и междоусобицы не дали ни шамхалу, ни аварскому хану возможность образовать единое государство. Дагестан продолжал оставаться патриархально-феодальной страной, которая состояла из множества ханств и владений, каждое из которых имело свою территорию, свои вооруженные силы и свои внутренние порядки.

В конце XV в. Авария занимала среди этих владений центральное положение и в военном отношении представляла собой весьма внушительную силу. Феодальные отношения выступали здесь в своеобразной форме, переплетаясь с устойчивыми чертами родового быта.

Определяющим началом в социально-экономической жизни Дагестана к концу XV в. были феодальные отношения. Это не значит, что Дагестан целиком стал феодальной страной. В отдельных малодоступных нагорных местах Дагестана сохранялись дофеодальные общественные отношения.

В феодальных владениях Дагестана эксплуататорами выступали ханы, уцмии, майсумы, беки; эксплуатируемыми были многочисленные слои зависимых крестьян, а также рабы. Зависимые крестьяне обязаны были нести подати и повинности преимущественно натурой — зерном, скотом и т. д. Крестьяне должны были также выполнять сельскохозяйственные и строительные работы в пользу феодала.

---

¹ Завещания Гандуника. Перевод с арабского М. С. Саидова. Рукописи, фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1356, л. 9.

² Там же.

В условиях нагорного Дагестана, где преобладало скотоводство, пастбищные земли и многочисленный скот были основой собственности знати. По мере того, как феодалы постепенно захватывали пастбищные угодья, население оказывалось в прямой зависимости от них. Присвоив общинные земли, феодалы приобрели юридическое основание для своего господства над общинниками.

Ханы, уцмии, майсумы были не только фактическими обладателями пастбищ и прочего богатства, но и верховными правителями в своих владениях. В их функции входили суд, сбор податей, созыв ополчения и предводительство в войнах.

Права феодалов с упрочением ислама были еще более закреплены. Частые войны и грабежи в эту эпоху вынуждали свободных крестьян, как указывал Энгельс, искать «высокого покровителя»¹. Но это покровительство крестьяне приобретали ценой потери земли и свободы. Ханы, шамхалы, уцмии, майсумы и беки все более расширяют захват общинных земель. Феодалная рента, взимаемая с крестьян, узаконивается. Вводится четкая раскладка податей и налогов по числу душ и хозяйств.

О характере существовавшей в Дагестане феодалной ренты наглядно свидетельствует следующий перечень ежегодных доходов дагестанских владельцев. Так, аварский нуцал получал «чистыми деньгами с каждого дома по три серебряных диргема или стоимость оных золотом; зерном с каждого дома килю (мера) из всего того, что главнейшее сеялось: баранами с каждого, кто имел стадо, одного барана со ста; крупной скотиной с каждого ста (домов) по одному быку; тканями с каждого купца по две штуки шелковой материи и по две бумажной лучшего качества; овощами с каждого, кто имел виноградник, по корзине кистей. Сверх того, с каждого, кто убивал кого-либо из своего племени, если только последний сам не был убийца, он брал сотню баранов. С того, который ранил другого, брал он быка. С того, который воровал чужую собственность, также быка. С деревни Варанды (общества Шубут) по пяти лисиц, из числа которых одна должна быть черная, остальные четыре красные. В год воцарения нового государя, после смерти старого, — с каждой деревни пять быков. В год смерти прежнего государя с каждой деревни собиралось на издержки его похорон по лошади (жеребцу) или по кобыле. И с каждой деревни и города брали по корове и по два барана для брачного торжества каждого лица из царской фамилии. Таковы были главные источники дохода, который я не буду исчислять. Этому государю все обитатели Дагестана, большие и малые, повиновались без вражды и сопротивления»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XV, стр. 639.

² Мухаммед Рафи. Указ. соч., стр. 11—12; Дербент-наме, прил. IX. Тифлис, 1898, стр. 167—168.

В этом документе имеется подробный перечень доходов шамхала Казикумухского. Что же касается до податей, которые его (шамхала) подданные были обязаны ежегодно платить ему и которые получал он от них за пастбища в горах, то они заключались в следующем: «на народ Карах наложен был ежегодный платеж 500 овец, на Кусрахи 300 овец, на Кырым 400 овец. За одну гору (пастбище) в Кусрахи взималось 100 овец, а за другую (в Кырым) — 30 коров; с общества Хибилал каждые четыре года положено было брать по овце с дома, с общества Чамалал — 500 овец, с Тиндал 20 быков, на Арчу 130 овец. На народ Хумз было наложено 700 баранов, 700 к'или пшеницы и 60 мер меду, на обитателей деревни Андиб 8 штук шерстяной ткани, на городах Гадар и Аркас половину того, что назначено было Хумза. На жителей Тумал было наложено по барану и по мере пшеницы с каждого дыма, на город Костек — с каждого дыма по рыбе, на жителей Таргу — с каждого дыма по два саха рису, на жителей Губдек — 100 баранов и 170 буйволов, на жителей деревень Усиша и Акуша — 100 быков, на жителей Сюрха или Сарахи с каждого дыма по одному диргему, на жителей деревни Цудахар — 50 быков, на население Чумчукат и Кукба — 6 ослов, навьюченных маслом. На город Зарагкеран (Кубачи) было наложено 30 (мер) пороху и 50 баранов с горы, на жителей селения Баклал (Гумбет) — 30 быков и 30 ягнят, на общество Риш-ор и Лукрах 70 баранов и на общество Куралал (кюринцы) 100 жеребцов и 100 кобыл¹.

Эти любопытнейшие перечни главнейших доходов дагестанских владельцев говорят о том, что в стране прочно утвердилась натуральная рента. Причем изучение приведенных данных явно показывает особое значение продуктовой ренты, взимаемой с пастбищ.

Преобладание натуральной или продуктовой ренты свидетельствует о крайне слабом развитии товарно-денежных отношений. Об этой форме ренты Маркс писал: «Благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, напр., в Азии»².

Кроме верховных правителей в Дагестане существовал многочисленный слой мелких феодалов-беков. Они управляли селениями от имени своих сюзеренов. Беками становились законные и незаконные дети ханов, а также служивая знать. В XVI в. в стране, по-видимому, стало столько беков, что им не хватало деревень. Один из крупных владельцев Дагестана, кайтагский уцмий Мухаммед, решил ограничить число беков и в конце XVI в. издал закон, который четко определил сословие

¹ Дербент-наме, стр. 176—177; Мухаммед Рафи. Указ. соч., стр. 22—24; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 53.

² К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 809.

эмира (беков — М. И.): «сын эмира, рожденный от матери, равной по званию отцу, должен называться эмиром, а в противном случае джанка. Весь Дагестан принял это определение»¹.

Большое значение для характеристики социально-экономического строя Дагестана рассматриваемого времени имеет обычное право — адаты. С незапамятных времен весь общественный и семейный быт народов Дагестана регулировался адатами. Но адаты долгое время никем не были записаны и тем более не были сведены в какой-либо кодекс. Только с внедрением ислама и мусульманской письменности они были записаны и использованы феодальной верхушкой.

Одним из таких древних кодифицированных сборников адатов являются постановления кайтагского уцмья Рустем-хана. Большинство исследователей этого кодекса относят время его возникновения к XVI в. (А. В. Комаров и Ф. И. Леонтович относили его к XII в.)².

Не меньший интерес представляет и другой кодекс—законы Омар-хана (или Умму-хана) аварского. Составление этого кодекса Х. М. Хашаев относит к концу XVI или началу XVII вв.³

Сборники адатов Рустем-хана и Умма-хана вполне применимы для характеристики социального строя Дагестана в XIV—XV вв., а отдельные их статьи — даже и для более раннего времени. Ряд статей этих кодексов позволяют существенно дополнить уже сказанное о социальном строе народов Дагестана. Примечательно, что решать возникавшие спорные вопросы по адату крестьяне без разрешения бека не могли. Так, в постановлении Рустем-хана говорится: «Не читать для того, кто не имеет от бека бумаги с приложением его печати. Если же кадий прочитает для того, у кого нет письменного позволения от бека, то с него, с кадия, взыскивать одну лошадь в пользу бека». Классовый характер носила система наказаний: «Если раб прикоснется к жене узденя с прелюбодейной целью, то его убивать», «если бек прикоснется к жене узденя, то должен дать штраф в пользу общества».

В своде имеются статьи, говорящие о прикреплении крестьян к земле: «Если несколько лиц, сговорившись, пожелают отделиться от общества, то с таких брать тысячу хабцалдику»⁴. Имеются и статьи, охраняющие собственность мечети: «С того, кто украдет что-либо из мечети, взыскивать за украденное вдесятеро и дом его разрушать». Следующая статья говорит о насильственном псаждении религии: «Кто во время месяца

¹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

² Постановления кайтагского уцмья Рустем-хана, написанные в XII в. Р. Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш. (Перев. с арабского), «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, 1868, стр. 80—88.

³ Х. М. Хашаев. Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого) М. 1948.

⁴ Хабцалдик — мера длины (полотна) 30 локтей.

Рамазана не будет соблюдать пост или оставит молитву, с того тысячу кари хабцалдику». О неограниченном произволе бека говорит следующая статья: «За убийство кем-либо бекского раба взыскивать с каждого дома всего общества по одной паре обуви и по мешку саману». О праве бека собирать ополчение говорит статья: «Если бек выедет по тревоге, то должны все ехать; с невыехавшего же по тревоге вместе с беком — тысячу кари хабцалдику».

Конечная статья этого феодального кодекса гласит: «В государстве — без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войске — без разумного, в селе — без головы добра не будет».

Подобные же статьи, выражающие принципы феодального права, содержатся в своде Умма-хана аварского. Приведем несколько статей этого кодекса: «Раб и наемный работник к присяге не привлекается». «Если кто без ведома местного начальства обратится с жалобой непосредственно к хану, то с него взыскать штраф 30 овец». «Если какой-либо аул в течение одного месяца находился без дибира (муллы), то с этого аула ежедневно до назначения дибира взыскивается по одной овце».

В социально-экономическом строе Дагестана находим все основные черты, характерные для феодализма: мелкое производство непосредственных производителей при наличии крупной собственности на землю, пастбища и скот; низкую технику производства, слабое общественное разделение труда, господство натурального хозяйства и, наконец, внеэкономическое принуждение.

В перечне доходов дагестанских владельцев наряду с преобладанием натуральной ренты упоминается и денежная рента. Ее платили некоторые селения, имевшие особые промыслы (Кубачи, Акуша, Анди). Однако условий, необходимых для превращения натуральной ренты в денежную, в Дагестане того времени еще не было. Показательно в этом отношении отсутствие в Дагестане (кроме Дербента) собственной монеты, хотя на территории края найдено множество монет, занесенных сюда в ту эпоху из различных стран. Здесь обнаружены сасанидские, арабские, грузинские и монгольские монеты¹. В этот период внутренняя торговля была преимущественно меновой, а во внешней торговле имели хождение персидские, арабские и монгольские монеты. В эту торговлю был в первую очередь втянут прибрежный Дагестан. В целом товарно-денежные отношения в стране были крайне слабо развиты.

В рассматриваемый период границы феодальных владений Дагестана не были вполне определенными. Между феодалами

---

¹ Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. II, Б., 1938; полевой этнографический и нумизматический материал, собранный автором в Табасаране в 1953 г.

шли частые междоусобные войны. Упорной была и борьба свободных общинников против закрепощения их феодалами. Так, кубачинцы сумели на некоторое время освободиться от своей зависимости от шамхала и уцмья.

Феодалы имели свои дружины—нукеров. Нукеры набирались из независимых крестьян, находились на постоянной службе и освобождались от податей и повинностей. По требованию феодала беки собирали ополчение из всего аульного населения. Таким образом, в случае необходимости отдельные феодалы могли выставить значительную военную силу.

Резиденцией феодалов были крупные населенные пункты (Кумух, Хунзах, Кала-Корейш, Хучни и др.), которые современники называли городами. Помимо того, что эти центры являлись средоточием политической власти, здесь развивались ремесла и торговля. Тем не менее это были типичные аулы, где только небольшая часть населения занималась торговлей и ремеслом, остальная же — сельским хозяйством.

В Дагестане к концу рассматриваемого времени существовало уже довольно много центров домашней промышленности. Выработкой ковров было известно сел. Ахты, ювелирным производством — Кумух, оружейным — Кубачи, обработкой шерсти — Анди, производством сукон — Акуша, гончарных изделий — Сулевкент и Балхар и т. д. Производившиеся в этих центрах изделия славилась далеко за пределами Дагестана.

Единственным большим городом Дагестана был Дербент. Но даже Дербент, несмотря на свою мировую известность, имел небольшое число жителей.

В Дагестане в описываемое время сложился феодальный общественный строй, более развитый в прибрежной и менее развитый в горной части.

§ 5. МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ И БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

В 20 гг. XIII в. в Дагестан нагрянули полчища монголо-татар.

Нашествие монголо-татар носило грабительский характер. Вторгаясь в страну, монголы сжигали селения, захватывали скот и имущество. Подавив сопротивление, монголо-татары устанавливали для населения покоренных земель особый режим феодальной эксплуатации.

В 1222 г. монгольские отряды Джебе и Субудая вторглись в Ширван, а затем двинулись к границам Дагестана. Монголы, как и предшествующие завоеватели, стремились захватить важный в стратегическом и экономическом отношении Дербентский проход. Однако их попытки взять Дербент потерпели неудачу.

Убедившись, что Дербент взять силой невозможно, монголы обошли его и вступили в земли горцев Дагестана. Затем они спустились на плоскость и направились в земли половцев и алан. В кыпчакских степях они соединились с войсками Чингисхана. В 1223 г. при Калке они разбили южнорусских князей, а также половцев (кыпчаков).

Часть разбитых кыпчаков из степей Северного Кавказа устремилась к Дербентскому проходу. Кыпчаки обратились к владельцу Дербента Рашиду с просьбой об убежище. Получив отказ, они хитростью овладели городом. Рашид вынужден был бежать в Ширван, и кыпчаки прорвались через Дербентский проход в Азербайджан. Воспользовавшись уходом кыпчаков, Рашид вновь захватил Дербент и отсиделся в нем от нападения вернувшихся кыпчаков.

В 1225 г. на Азербайджан с юга напали войска хорезмийского султана Джалалэддина, который пытался утвердиться в Закавказье. В 1227 г. Джалалэддин заключил союз с кыпчаками и решил захватить Дербент.

Однако попытка султана взять Дербент не имела успеха. Его войска подвергли ограблению окрестности города и вскоре, под натиском вновь нахлынувших монголов, вынуждены были покинуть пределы южного Дагестана.

Путешественник Вильгельм Рубрук, посланный в 1253 г. французским королем Людовиком IX к монгольскому хану Мангу, был очевидцем монгольского нашествия в Дагестане. Он сообщил, что лезгины, хазары и аланы оказывали мужественное сопротивление монголам¹.

Рубруку принадлежит одно из древнейших описаний Дербента. «Город был, — пишет Рубрук, — окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы, сравнивали со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной»².

Взятие Дербента приписывается предводителю монгольских войск Кукдаю. Ворвавшись в город, монголы жестоко расправлялись с его населением. Дербент превратился в стоянку монгольских завоевателей. Завоевав город, монголы переименовывают его в «Тимур-кахалка», что значит «железные ворота». Дербент вошел в состав владений Батыея. В Дербенте хан Золотой Орды держал своего наместника.

Многие из дагестанских правителей вынуждены были после упорной борьбы признать власть монголов. Покорные феодалы оставались на своих местах в качестве вассалов великого хана. Их всадники должны были участвовать в походах монгольских завоевателей в порядке воинской повинности (калан).

¹ Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб, 1911, стр. 89.

² Там же, стр. 169—170.

На народные массы Дагестана пало тяжелое иноземное иго. Сосредоточив в Дербенте крупные воинские силы, монголы совершали набеги в горы Дагестана (Кайтаг, Табасаран). Население, оказывавшее сопротивление монголам, истреблялось, аулы сжигались, скот и имущество подвергались грабежу.

Имеются сведения, что монгольские полчища проникли и в Лакию. Лакский народ оказал им упорное сопротивление. В одной из местных рукописей говорится, что лакцы рубились с монголами «пока не пали до единого». Столица лакцев Кумух восемь раз разрушалась монголами. Лакские войска были разгромлены, в живых осталось только 1033 мужчин¹.

Вскоре начались длительные войны Золотой Орды с ильханами² за обладание Дагестаном и Азербайджаном. От этих войн больше всего страдали жители прибрежного Дагестана, превратившегося в арену борьбы между двумя монгольскими государствами. Эти войны продолжались почти сто лет.

Особенно опустошительными были нашествия на Дагестан Тохтамыша и Тимура. В конце XIV в. между Тохтамышем и Тимуром разгорелась борьба за Кавказ и Дагестан. В начале 1386 г. Тохтамыш с большим войском вторгся через Дербент и Азербайджан. Зимой того же года Тохтамыш подошел к Тебризу. В 1387 г. войска Тохтамыша снова прошли через Дербент и вышли к реке Самуру. Одновременно с юга в Азербайджан вторглась армия Тимура. Тимур, видя намерение Тохтамыша покорить Азербайджан, решил его предупредить. С этой целью к Самуру, где были сосредоточены войска Тохтамыша, он отправил передовой отряд. Через некоторое время подошло войско Тимура под командой его сына Мираншаха. Произошла битва с основными силами Тохтамыша. Успех склонился на сторону Мираншаха, Тохтамыш повернул назад и ушел к Дербенту. Таким образом, опасаясь Тимура, Тохтамыш вынужден был очистить территорию Азербайджана.

Ширваншах Ибрахим Дербенди, учтя сложившуюся обстановку, подчинился Тимуру, сохранив за собой управление Ширваном на правах вассала. Он был утвержден правителем Ширвана и Дербента.

Успехи Тимура не давали покоя Тохтамышу. После временного перемирия он вновь предпринимает попытку покорить Дагестан и Азербайджан. С этой целью Тохтамыш в 1388 г. направляет через Дербент в Азербайджан огромное войско. После кровопролитного боя с войсками Тимура на реке Куре

---

¹ Из истории лаков. Перевод с арабского Д. А. Хановой. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1642.

² В 1256 г. был образован пятый улус, в состав которого вошли Иран, Южный Азербайджан, Закавказье. Главой этого улуса стал Хулага-хан. Потомки его носили титул «ильханов» (владык народа). Государство ильханов просуществовало до 1350 г.

Тохтамыш вынужден был отступить. Войска Тимура преследовали его, загнали за Дербент и многих воинов взяли в плен.

В 1394 г. Тимур получил известие, что войска Тохтамыша подошли к Дербенту. В феврале 1395 г. Тимур выступил в поход против Тохтамыша.

Войска Тимура прошли через Дербент и дошли до области кайтагов. Кайтаги были активными союзниками Тохтамыша, и этого было достаточно, чтобы Тимур отдал приказ об их истреблении. Большинство кайтагских селений было сожжено, многие из кайтагов были убиты, многие взяты в плен. Затем полчища Тимура спустились в прибрежный Дагестан и стали продвигаться по кумыкской земле на север. Многие селения Дагестана, оказавшиеся на пути полчищ Тимура, были разорены и сожжены, многие жители были убиты и взяты в плен.

Опустошив прибрежный Дагестан, Тимур прорвался на Северный Кавказ и на реке Тереке вступил в решительное сражение с силами Тохтамыша, который потерпел полное поражение. Тимур захватил здесь огромные богатства. В этом же году Тимуром была разгромлена Золотая Орда.

Весной 1396 г., после зимнего похода на Астрахань, Тимур вновь появился на Северном Кавказе, разграбил черкесов, а затем двинулся в Дагестан и обрушился на население, жившее между Терекком и Сулаком. Войска Тимура прошли от нынешнего селения Кумторкала до района нынешнего Буйнакск. На этом пути Тимур занял крепость Капчугай. Сохранилось предание, что Тимур имел лагерную стоянку там, где теперь стоит город Буйнакск. Отсюда Тимур неоднократно предпринимал походы против непокорных горцев Дагестана.

По дагестанским народным преданиям Тимур, покорив кумыков, напал на город Алмак в Салатавии, который имел семь тысяч домов. После упорного сопротивления Алмак был взят и разорен. Оттуда по хребту Салатавских гор Тимур подошел к селениям Берктау, Чубантау и Батлук (развалины их существуют и поныне). Разорив их, Тимур переселил жителей в низменные места (они поселились впоследствии в нынешнем ауле Чиркее). Затем, перебравшись через Койсу и Арат (через Сулак и Ахатли), Тимур осадил город даргинцев Гадар, имевший до 7—8 тысяч семейств.

После опустошения Кумыкской плоскости Тимур обрушился на аварцев и лакцев. Источники сообщают, что полчища Тимура напали на крупный населенный пункт горцев под названием Ушкудже (видимо, Акуша — М. И.). На помощь акушинцам пришли шаукал казикумухский и аухарский (аварский — М. И.) с 3 000 воинами. Отряд горцев потерпел поражение, их предводитель шаукал был убит, и Тимур взял Ушкудже.

В этой связи большой интерес представляет сообщение Шерреф-ад-дина Иезди. Он говорит, что Тимур «осадил две высокогорных и неприступных крепости — Кули и Таус (Танус—М. И.),

владельцы которых, по его мнению, строили против него козни»¹. Совершенно ясно, что здесь идет речь об одних и тех же событиях. В то время, когда Тимур осаждал Ушкудже, ему стало известно, что на помощь осажденным спешат правители Кули и Таус. В отместку за это Тимур не только расправился с осажденными акушинцами и пришедшими им на помощь воинами, но и подверг разрушению Кули и Танус.

Дойдя до области кубачинцев, Тимур вступил с ними в переговоры. Он был осведомлен о высоком мастерстве кубачинских оружейников, и поэтому хотел без боя привлечь их на свою сторону. В результате переговоров кубачинцы подчинились Тимуру. Затем завоеватели спустились через земли кайтагов к Дербенту.

В тяжелую пору монголо-татарского нашествия народы Дагестана неоднократно объединялись для совместной борьбы. Одним из примеров такой борьбы является битва акушинцев, аварцев и лакцев с Тимуром в 1396 г. Повсеместно, куда только ни проникали полчища Тимура, горцы Дагестана оказывали им упорное сопротивление.

О борьбе народов Дагестана с монголо-татарскими завоевателями источники говорят очень мало. Но и имеющиеся немногочисленные данные говорят о мужественном сопротивлении горцев. В народной памяти сохранилось много рассказов и легенд о борьбе с завоевателями. В одном из этих рассказов говорится не о победе Тимура, а об его поражении в Дагестане. «Когда он (Тимур) при морском берегу и на степи грабил и разорял, то, наконец, нашел он нечаянно на Дагестан, дабы оным завладеть вскорости; но их предки тотчас все дороги заняли, на него напали и все войско порубили, так что он едва мог уйти с малым числом людей»². В другом рассказе говорится: «Дабы отомстить сей урон, он скрытно опять туда пришел, чтобы высмотреть... Поняв, что с горцами трудно воевать, заключил с ними дружбу»³.

Ценные данные о борьбе народов Дагестана с Тимуром дает поэтическое сказание лакцев «Парту Патима». Это сказание о героическом подвиге горской женщины относится к периоду борьбы народов Дагестана с Тимуром. В сказании говорится, что гонец принес в Кумух (центр лакцев) весть, что Тимур с многочисленной армией появился в стране. Мирная жизнь была прервана. Со всех концов лакской земли спешили воины в Кумух. В военных доспехах, в кольчуге и шлеме, появилась перед всеми и девушка-героиня Парту Патима. Она возглавила борьбу горцев с завоевателями.

---

¹ Шереф-ад-дин Иезди. Цит. по книге: Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М. 1950, стр. 370.

² Гербер. Известия о землях, находившихся с западной стороны Каспийского моря... М. 1728, стр. 103—104.

³ Там же, стр. 104.

Торопится время, — в дорогу, в дорогу!
Вдали показалась враждебная рать.
Гонцы понеслись, поднимая тревогу,
Глашатаи стали полки собирать.

Две роты сомкнулись, порядки построив.
Как будто на гору упала скала.
Усеялся дол головами героев,
Горячая кровь по земле потекла.

Клинки о щиты ударяться устали,
Друг с другом противники драться устали,
Устали скакать скакуны боевые.
Монгольское войско смутилось впервые.

Тимур не запомнил подобных боев!
Он двинул в сражение отборное войско,
Но ринулись горцы отвагой героической,
Как смелые соколы на воробьев.

А время проходит, а время уходит,
Монгольское полчище хлынуло вспять,
Своих седоков скакуны не находят,
Спасается бегством Тимурова рать.

В конце песни говорится о том, что герои возвращаются после победы к мирной жизни.

Мы честно сражались, дороги открыты,
Вернемся на наши луга и поля.
В родные аулы вернемся, джигиты.
Отныне возвысилась наша земля¹.

В ряде легенд и преданий народов Дагестана рассказывается о бедственном положении горцев в период хищнических походов татаро-монгольских завоевателей. Нечеловеческие притеснения, массовые казни, политический и экономический гнет — вот что пришлось испытать Дагестану времен нашествия татаро-монголов.

К периоду монгольского нашествия относится насильственное насаждение в Дагестане ислама. Кто не принимал ислама, тот подвергался смертной казни.

Вскоре после смерти Тимура (1405 г.) началась борьба между его наследниками. Это привело к ослаблению власти монголов в Дагестане. Повсюду на Кавказе усилились стремления к освобождению от чужеземного владычества. Большую помощь народам Кавказа оказал в то время русский народ, несший всю тяжесть борьбы с татаро-монгольскими завоевателями.

Свержение татаро-монгольского ига дало возможность установить экономические и культурные связи народов Дагестана с Россией. Избавившись от разорительных набегов татаро-монгольских орд, они приступили к мирной хозяйственной жизни.

---

¹ Эпическая песня «О Парту Пагиме». «Поэзия народов Дагестана», Махачкала, 1954, стр. 52-54.

В первой половине XV в. Дербент с прилегающими к нему районами входил в состав Ширвана, управляемого ширваншахом Ибрахимом Дербенди. Памятники этого времени, найденные в Дербенте, Цахуре и Ахтах, говорят о подъеме экономической и культурной жизни, о развитии земледелия, скотоводства, ремесла и торговли.

Но вскоре народам Дагестана стала угрожать новая опасность. Она шла с двух сторон: со стороны Крыма и Турции и со стороны Ирана. В течение XV в. сефевидские войска несколько раз (1451, 1488 и 1500) вторгались в Ширван и южный Дагестан. Персидские шейхи Джунейд и Хейдер под видом «войны за веру» совершали набеги на Дагестан, уводя множество пленных, которых они продавали на ардабильском невольничьем рынке¹. Все же завоевательные стремления персидских шейхов не увенчались успехом.

В конце XV в. возобновляются дружественные связи народов Дагестана с Россией. Со второй половины XV в. в источниках впервые отмечаются официальные дипломатические отношения Ширвана и Дагестана с Москвой. Правитель Ширвана и Дербента Фаррух-Ясар в 1465 г. отправил посла Хасан-бека с подарками в Москву для переговоров об укреплении и упорядочении торговых сношений по Волго-Каспийскому пути. В 1466 г. Хасан-бек возвратился в сопровождении русского торгового каравана во главе с русским купцом — путешественником Афанасием Никитиным.

С этого времени начинаются постоянные связи народов Дагестана с Россией.

§ 6. КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В VI—XV вв.

Народы Дагестана создали самобытную культуру, которая обогащалась и развивалась во взаимодействии с культурой соседних стран.

Археологические данные, хотя они и немногочисленны, дают представление о материальной культуре средневекового Дагестана. В этом отношении большой интерес представляет могильник близ Верхнего Чир-Юрта (V—VII вв.), Агачкалинский могильник и поселение возле него. При раскопках в районе Агачкалы были обнаружены остатки каменных фундаментов зданий, гончарные изделия, гончарная печь, различные изделия ремесленного производства. Как указывает К. Ф. Смирнов, «Материалы раскопок Агачкалинского комплекса характеризуют высокую культуру местного населения... расцвет в Дагестане VII—X вв. строительного дела и различных ремесел — керамического, кузнечного, литейного и ювелирного»².

¹ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л. 1949, стр. 68.

² К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 96.

В Агачкалинском могильнике встречаются женские головные булавки, покрытые зернью, что является свидетельством высоко-го мастерства ювелиров. Искусство зерни было известно и в других местностях Дагестана. При раскопках 1956 г. в урочище Гала близ Хунзаха (X—XII вв.) обнаружены серебряные голов-ные булавки с зернью и позолотой¹, а в одном из погребений Чир-Юртовского могильника² — золотая серьга со вставками из драгоценных камней, украшенная зернью, а также нагрудные бляхи с инкрустацией цветным стеклом.

Дальнейшее развитие ремесленного производства в Дагестане можно проследить на примере Кубачи. В XII—XV вв. здесь изготовляли медные литые котлы и кувшины, мебель, деревян-ную утварь, оружие, светильники, «дагестанские» бронзовые котлы. Жители Кубачи славились как искусные мастера литья, гравировки, насечки³.

Больших успехов горцы Дагестана достигают в области гон-чарного производства. Судя по результатам археологических раскопок, в ряде мест гончарное производство уже выделяется в самостоятельную отрасль, глиняные изделия стали изготовлять-ся на гончарном круге (Ругуджа, Кули, В. Чир-Юрт). Продол-жавшийся еще в V—VII вв. процесс перехода к изготовлению гончарных изделий на круге представлен инвентарем погребений Чир-Юртовского могильника (часть керамики здесь изготовлена вручную, часть — на гончарном круге). Гончарам Сулевкента была известна техника поливной керамики. При раскопках Ку-линского могильника (VIII—XIII вв.) также обнаружена глян-ная миска с поливой⁴.

Раскопки в районе Верхнего Чир-Юрта дают возможность ознакомиться с устройством гончарных печей в раннесредневе-ковом Дагестане⁵. Здесь недалеко от селения, в краю оврага, было обнаружено две гончарные печи, датируемые предвари-тельно VIII—IX вв. Печи выкопаны в вязкой, хорошего качества глине, что позволило строителям обойтись без строительных ма-териалов. Только небольшая часть одной из них была выложена сырцовым кирпичом. Обе печи двухъярусные, округлой формы. Нижний ярус представлял собой топочную камеру, которая была отделена от верхнего (камера обжига) перекрытием с пятью

¹ Раскопки В. Г. Котовича. Археологическая экспедиция Дагестан-ского филиала АН СССР 1956 г.

² Раскопки И. П. Костюченко. Археологическая экспедиция Даге-станского филиала АН СССР 1956 г.

³ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, М.-Л. 1949; И. А. Ор-бели, Кубачинские рельефы и бронзовые котлы. Памятники эпохи Руставели, Л. 1939 г.

⁴ Л. И. Лавров. Раннесредневековый могильник в нагорном Даге-стане. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951, стр. 306; Его же. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 гг. Сб МАЭ, т. XIV.

⁵ Раскопки К. А. Бредэ. Археологическая экспедиция Дагестанского филиала АН СССР 1956 г.

жаропроводящими каналами. Камеры обжига были небольших размеров (первая имела в диаметре 1 м., вторая — 1,2 м.). В одной из печей, а также возле них обнаружена керамика, изготовленная на ручном круге.

Строительная техника в Дагестане VI—XV вв. развивалась по двум линиям: строительство оборонных сооружений (крепости, башни) и строительство жилых, хозяйственных и др. помещений. Местные мастера накопили богатый опыт в строительстве сложных архитектурных сооружений, в использовании при строительстве местного материала (камень, дерево, сырцовый кирпич) и учета особенностей климата и рельефа. Оборонительные сооружения строили из камня, с использованием деревянных конструкций. Жилища строили двух типов — каменные и глинобитные, причем первые преобладали в горах, вторые на плоскости.

В условиях развивавшихся феодальных отношений, междоусобных войн и опасности со стороны внешних врагов строительство крупных оборонительных сооружений становилось необходимостью. Согласно сведениям арабских авторов, в Серире, Лакзе, Хамзине и др. «царствах» имелись крепости или замки. До нас дошло описание (X в.) одного из «замков царя» Серира: «Этот замок находится на вершине горы, он имеет четыре фарсаха в длину и столько же в ширину и окружает его стена из камня»¹. Большие размеры «замка» позволяют заключить, что здесь речь идет о целой системе оборонительных сооружений.

Наглядной иллюстрацией высокого строительного мастерства горцев является целый ряд средневековых оборонительных сооружений (Хунзах, сел. Тидиб Кахибского р-на, Ахты, Кубачи, Ицари и др.), сохранившихся до настоящего времени². Башня в Ицари (близ Кубачи), построенная не позднее XV в., имела пять этажей при высоте 16—18 м. и толщине нижней части стен более 1,5 м.

При строительстве многих монументальных сооружений применяли сухую кладку.

Одним из замечательных памятников периода раннего средневековья являются дербентские укрепления. Укрепления эти состояли из двух параллельно идущих стен, запиравших Дербентский проход с запада на восток. Одним концом стены уходили в море, где они образовали гавань, закрытую цепью. Впоследствии здесь была построена гавань, защищенная каменным молотом. На холме, в который упирались стены, была построена цитадель. За цитаделью, в глубь гор, простиралась многокилометровая цепь оборонительных сооружений, составлявших вместе с дербентскими стенами единый комплекс и защищавших город

¹ Ибн-Русте. Указ. соч., стр. 47.

² Е. М. Шиллинг. Указ. соч.; Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане 1947 г. и 1950 г., Сб. МАЭ, т. XIV; Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. Советская этнография, № 4, 1947.

со стороны гор. В настоящее время сохранились северная стена, цитадель и остатки южной, саманной стены. Сохранившиеся стены имеют около 4 м толщины и местами до 18—20 м высоты¹.

Арабские авторы оставили нам описание строительной техники дербентских укреплений. По свидетельству Ибн-ал-Факиха, дербентская стена была построена из четырехугольного тесаного камня, скрепленного железными болтами; камни были так тяжелы, что пятьдесят человек не в силах были поднять один камень. Историк XI в. Хилял ас-Саби, посетивший Дербент, дает более подробные указания: «Ворота из железа, стена из симметрично расположенных камней, в каждом камне два отверстия, в каждом отверстии по железной палке, облитой свинцом»².

Монументальные сооружения Дербента — продукт не одного года и не одного десятилетия. Они неоднократно разрушались, возобновлялись и перестраивались. В сооружении этих укреплений участвовали многие кавказские народы. Моисей Каганкатвацци пишет, что персидские цари на строительстве дербентских стен «изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы»³. В строительстве дербентских стен воплотились лучшие строительные традиции сасанидской и закавказской архитектуры.

Крайне скуден материал о жилых и хозяйственных зданиях. Имеется единственное письменное известие Мукаддаси (X в.), относящееся к Семендеру: «Домами его служат палатки, жилище семендерцев из дерева, переплетенного камышом; крыши у них острокопечные».

В значительной степени пробел этот может быть восполнен данными археологии, полученными за последние годы. Остатки каменных фундаментов и каменных стен с глиняной обмазкой (Агачкала), а также остатки прямоугольных жилищ на двух поселениях V—X вв. (район Верхнего Чир-Юрта) указывают на высокое искусство народных мастеров-строителей.

Материалы археологических исследований позволяют дать более подробное описание жилища на примере одного из средневековых поселений (датируется X—XIII вв.), расположенного на юге от сел. Миатли (Казбековский р-н). На территории поселения обнаружены остатки четырехугольного двухкамерного дома (размер площади 3 × 4,2 м.), состоящего из комнаты и помещения хозяйственного значения. Сохранившийся цоколь стены, сложенный из горизонтальных рядов плит песчаника, изнутри оштукатурен известковым раствором — прием, неизвестный в предшествующее время. Таким же раствором покрыт и земляной

¹ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Проблемы ГАИМК, 1933, № 9—10; М. И. Артамонов. Древний Дербент, СА, VIII, 1946 г.

² В. Бартольд. Новое известие о стенах Дербента, стр. IV.

³ М. Каганкатвацци, Указ. соч., стр. 105.

пол. В углу комнаты находился открытый очаг, обогревавший обе камеры, благодаря проему во внутренней стене. Рядом с очагом находилась каменная лежанка, покрытая штукатуркой¹.

Широкое распространение в средневековом Дагестане получило достигшее высокого уровня искусство резьбы по камню. Этот своеобразный вид искусства, отличаясь разнообразием сюжетов и технических приемов, знакомит нас с бытовыми сценами далекого прошлого, религиозными представлениями и различными сторонами социальной жизни. До нас дошли многочисленные камни с различными изображениями. Среди них встречаются сцены охоты, жертвоприношений, борьбы, различных игр, изображения всадников, предметов труда и домашнего обихода, различные изображения из мира животных, культовые знаки, растительный орнамент и т. д.²

Почти на всей территории Дагестана мы находим большое число памятников этого вида изобразительного искусства средневековья. В этом отношении особо следует выделить «общество Гидатль» в Аварии (сел. Урада, Тидиб, Чода и др.), служащее своеобразным музеем памятников петроглифики, относящихся к XII—XIV вв., но передающих в то же время наиболее древние мотивы и представления. Здесь можно встретить многочисленные изображения спиралей, круглых и квадратных лабиринтов, руки, различной формы кресты, солярные знаки, а также изображения людей и животных³. Как отметил Е. М. Шиллинг, этнографические параллели резьбы по камню в Аварии можно найти как и в др. частях Дагестана (Кайтаг, лезгинские районы), так и за его пределами (резное дерево хевсуров, сванов, осетин).

Графическая резьба в Аварии и других частях Дагестана, по справедливому замечанию А. С. Башкирова, связана с деятельностью бедных слоев населения и находилась в «глубокой связи с художественными традициями не только соседних областей Кавказа, но и Средиземноморья».

Замечательные образцы резьбы по камню сохранились на надгробных памятниках в Дербенте, Хунзахе, Кумухе и других населенных пунктах.

Дагестанцы были известны также как искусные мастера резьбы по дереву. Образцы тонкой и своеобразной резьбы сохранили нам все народы Дагестана, и особенно среди них можно выделить украшенные замечательной резьбой деревянные двери из сел.

---

¹ В. И. Каневец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. Ученые записки Института ИЯЛ, т. I, 1956, стр. 217.

² А. С. Башкиров. «Петроглифика Аварии». Тр. секции археол. Ин-та арх. и искусствознания. т. 5; Искусство Дагестана. Резные камни. М. 1931.

³ Часть этнограф. материала издана Шиллингом. См. Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. Докл. и сообщения ист. фак. МГУ, 1950, кн. 9, стр. 75—85.

Кала-Корейш (XII—XIII вв.) и деревянные конструкции «дома Хаду Гитино» в сел. Тидиб Кахибского р-на ¹.

Совершенно неизученной областью культуры является средневековый фольклор народов Дагестана. При полном отсутствии записей средневековой народной устной поэзии приходится пользоваться текстами песен, легенд и др., собранными в XIX—XX вв. Все же несомненно, что народы Дагестана в VI—XV вв., как и в предыдущее время, создавали замечательные произведения устного творчества и передавали его из поколения в поколение. Как говорил М. Горький, «от глубокой древности фольклор не отступно и своеобразно сопутствует истории».

Сохранившиеся до настоящего времени календарные обрядовые песни уходят корнями в глубокую древность и связаны с хозяйственной жизнью горцев. У аварцев отмечали праздник «наступления лета», сопровождаемый песнями. Во время летнего солнцестояния жители селения резали баранов, дети же собирали дрова и пели: «Дайте нам дров, если дадите — ваши бараны-производители будут сильны, скот размножится, а не дадите — устроим волчий набег» ². Лакцы песней и музыкой сопровождали время, когда сушили на зиму баранину ³. Песня была неотъемлемой частью древнего обряда у даргинцев, лезгин и др. народов, связанного с земледельческим культом: во время засухи дети покрывали зеленью куклу и с пеннем совершали шествие по аулу. В ряде аварских аулов вместо куклы окутывали в траву и зеленые ветви мальчика и процессию сопровождали песней. Песня должна была оказать магическое воздействие на природу и вызвать дождь.

Народы Дагестана создали богатую содержанием и выразительностью бытовую обрядовую поэзию (свадебные песни, плачи и т. д.), целый цикл сказок о птицах, животных, богатырях.

Большое место в устном народном творчестве средневекового Дагестана занимали исторические легенды и предания. В них народ давал верную оценку историческим событиям. В народе до сих пор сохранились предания об упорной борьбе против персов, арабов, монголов, полчищ Тимура, о христианстве и исламе в Дагестане. Народная кумыкская сказка «Каменный мальчик» правдиво отразила разбойничий характер завоеваний Тимура и любовь героя-мальчика к своему народу.

Сохранилась замечательная кумыкская легенда, в основе которой лежал факт борьбы между язычеством и исламом и конечной победы последнего. Вот вкратце ее содержание: нарт и

¹ А. С. Башкиров. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш. Тр. секции археологии и искусствознания, вып. 2, М. 1928; Г. Я. Мовчан. Указ. соч.

² Г. Ф. Чурсин. Авары. Рукоп. фонд Даг. филиала АН СССР, ф. 1570, стр. 92.

³ Л. Б. Панек. Лаки. Рукоп. фонд Даг. филиала АН СССР, д. 1613, стр. 20.

див вступили в жестокую схватку. В решительную минуту схватки див обращается за помощью к солнцу, а нарт — к аллаху, и нарт побеждает противника¹.

В легендах и преданиях нашло также отражение столкновение интересов христианства и ислама в Дагестане. У дидойцев существует предание о постоянной борьбе «христианских и мусульманских чертей»². Или же, согласно преданию, на Харкасе, горе близ Буйнакса, существовало два враждебных селения. В одном из них жили христиане, в другом — мусульмане³.

Письменные источники и этнографические данные дают довольно обширный материал о языческих представлениях дагестанцев. Пережитки этих воззрений сохранились не только при полном господстве ислама, но отчасти и в настоящее время.

Горцы обожествляли силы природы и животного мира, поклонялись различным животным, птицам, растениям, рощам, воде. Широко был развит культ огня и металла. Тотемические и космогонические представления, уходя корнями в глубокую древность, продолжали существовать и в VI—XV вв. рядом или в смешении с новыми воззрениями.

Как сообщают арабские источники (Хв.), жители Серира поклонялись льву, а жители Хамзина — сухому дереву, не приносящему плодов⁴.

Даже в мусульманском Дербенте, как сообщает Ибн-ал-Факих (X в.), относительно каменных изображений львов и лицицы «жители... говорят, что это талисманы их стены».

Сохранилось множество домусульманских и дохристианских обычаев и празднеств, непосредственно связанных с древним земледельческим культом. Еще в XIII в. Казвини сообщает о паломничестве к мечу Масламы, будто оставленном им в Табасаране, причем «не совершается паломничество к нему иначе, как в белых одеждах. Если кто направится к нему в цветной одежде, — наступают дожди и ветры, и едва не погибает то, что (находится) вокруг холма». Автор XV в. к этому прибавляет, что табасаранцы приносят «в пещеру всякого добра и подаяния, пилигримствуют к этому мечу и делают новые ножны. Когда несут ножны в пещеру, берут с собою около пудовки пшеницы и, идя, бросают ее по земле, пока вложат в новые ножны меч, и тогда возвращаются домой»⁵.

С древним земледельческим культом связан также широко распространенный в Дагестане весенний праздник пахоты, или «выхода плуга» в поле. Обрядовая часть этого праздника состоя-

¹ Сообщение Б. М. Магомедова.

² К. Г. Данилина. Дидои. Рукоп. фонд Даг. филиала АН СССР, д. 1549, стр. 35.

³ Г.-М. Дебиров. Дагестанские предания и суеверия. СМОМПК, вып. 4, отд. 2, стр. 26—27.

⁴ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 124, 125.

⁵ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 103—104.

ла в том, что перед началом вспашки один из состоятельных сельчан проводил плугом две-три борозды, которые тут же засеивались семенами. Пахаря забрасывали снегом, комьями земли и золой, причем восклицали: «Пусть будет хороший урожай! Пусть всего будет много!» После «первой борозды» устраивали состязания, игры и различные увеселения¹.

Во многих местах сохранились пережитки поклонения огню и солнцу. Так, например, в южном Дагестане элементом праздника весеннего равноденствия является зажигание костров на крышах. У аварцев к началу зимы зажигали костры — магический прием, рассчитанный на укрепление солнца в борьбе с холодом². В некоторых аварских аулах высшей формой клятвы считалось выражение «клянусь огнем» или «клянусь светильником»³. У лакцев существовал бог солнца, причем в пантеоне богов он занимал главное место. Лакцы представляли его «в виде прекрасного юноши, озаряющего и согревающего весь свет»⁴. Здесь же мы видим, как обожествленные силы природы приобретают антропоморфные черты.

На ряде примеров мы можем проследить, как постепенно, в процессе проникновения ислама, в местные языческие обряды вкрадывался мусульманский элемент. Так, песня, сопровождавшая обряд вызова дождя, начиналась теперь с упоминания имени бога: «Аллах, да будет ливень, чтобы трава росла». Дидойцы при вызове дождя собирались у речки, бросали камни в кучу и произносили формулу мусульманской молитвы: «Нет бога кроме аллаха»⁵. У лакцев в процессии, связанной с праздником первой пахоты, участвовал также мулла⁶.

Религия была «опиумом для народа», и мусульманское духовенство старалось использовать наряду с исламом также и языческие представления в целях идеологического воздействия на массы и укрепления власти феодальной верхушки.

Нельзя говорить о культуре Дагестана в VI—XV вв. без освещения вопроса о проникновении христианства и ислама.

Находясь в соседстве с государствами, принявшими христианство — Албанией, Арменией и Грузией, Дагестан испытывал на себе влияние этой религии, которая неуклонно проникала в горные районы. Первоначально основными очагами, откуда проникало христианство в Дагестан, были Албания и Армения.

Первые сведения о проникновении христианства в Дагестан относятся к концу IV—началу V вв.⁷. В середине V века возни-

¹ Г. Ф. Чурсин. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана.

² Г. Ф. Чурсин. Авары, стр. 92.

³ Там же, стр. 72.

⁴ С. Габиев. Указ. соч., стр. 12.

⁵ К. Г. Данилина. Указ. соч., стр. 33.

⁶ Л. Б. Панек. Лаки. Рукоп. фонд Даг. филиала АН СССР, д. 1613, стр. 6.

⁷ См. гл. I, § 6.

кают благоприятные политические условия для распространения христианства в Дагестане. Вполне возможно, что именно в это время был создан очаг христианства в Чога (район Дербента). Письменные источники не позволяют судить о времени создания здесь патриаршьяго престола, но они отмечают дату (552 г.) его перенесения из Чога в главный город Албании Партав¹.

Перенесение патриаршьяго престола в Партав не означало отказа от проповеди христианства в районе Чога. Недаром, впоследствии Виро подписывался «католикос агванский, лбинский и Чога»².

Миссионеры Армении и Албании предпринимали также попытки распространить христианство и среди жителей северо-восточной части Дагестана. В первой половине VI в. сюда прибыло два христианских посольства (из Аррана и из Армении).

Второе посольство было наиболее удачным. Армянский епископ Макар был принят весьма благосклонно. Он построил храм и каменное здание в «стране гуннов», «совершил знамения и многих крестил», а также «посадил растения и посеял разные семена», причем гунны «обрадовались мужам, почтили их и каждый звал их в свою страну, к своему народу».

В конце VII в. при албанском князе Вараз-Трдате (669—699) в Варачан, «столицу гуннов», было отправлено посольство во главе с епископом Израилем. Послы вышли из Партава в декабре 684 г. и прибыли в Варачан в феврале 685 года³.

В Варачане не нашли никаких следов деятельности предыдущих миссионеров. Как сообщает Каганкатваци, епископ «плакал над бедствием и сомнительной религией гуннов». Языческая религия (особенно огнепоклонство) господствовала здесь безраздельно. «Гунны» почитали бога Куар, который «производил искры громоносных молний и эфирные огни». Жители Варачана поклонялись также священным деревьям, огню, воде, «богам путей и луне»⁴.

Послы приступили к проповеди нового учения. «Гуннский князь» Алфилутвер и его лагерь «предались игу служения Христу». Затем, по словам автора, христианство приняли все гунны. По приказу епископа были срублены все священные деревья, из которых в Варачане был построен огромный крест. Были также уничтожены все капища «и погибли скверные кожи жертвенных чучел»⁵.

Вплоть до X в. мы не имеем сведений о дальнейшей судьбе христианства в Дагестане. По данным арабских авторов, в X в. в Семендере большая часть жителей были христиане и они имели

¹ Моисей Каганкатваци. Указ. соч., стр. 90.

² Там же, стр. 131.

³ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 134.

⁴ Каганкатваци. Указ. соч., стр. 193—198, 200.

⁵ Каганкатваци. Указ. соч., стр. 203—204, 206.

здесь свои храмы¹. К этому же времени относятся известия о наличии христианских элементов в Хайзане (под Хайзаном вероятно следует понимать Кайтаг), Зирихгеране и Серире. Царь Хайзана исповедовал три религии: «в пятницу он молился с мусульманами, в субботу с евреями, а в воскресенье—с христианами». Значит, не только царь здесь был христианин. Из текста цитируемого автора мы видим, что в описываемый момент (сер. X в.) в Хайзане шла мирная проповедь религий: как заявляет «царь»—«все последователи этих религий призывают к своей вере, и каждый считает, что истина в его руках»².

Проникновение ислама в южный Дагестан ослабляло влияние Армении и Грузии на эту область, постепенно сводило на нет непрочные позиции христианства. Однако следы христианства и политического влияния Армении сохранились и позже, вплоть до наших времен, что явствует из источников, а также из данных топонимики и фольклора, связывающих с именами армян и христиан происхождение отдельных населенных пунктов, поселений, урочищ.

В VIII в. в связи с арабскими завоеваниями началось проникновение в Дагестан ислама.

Если верить некоторым местным хроникам и преданиям, распространение ислама произошло одновременно во всем Дагестане, причем это распространение связывается с походами арабского полководца Масламы (первая половина VIII в.). Масламе же приписывается назначение кадиев и проповедников ислама во все районы Дагестана.

Не говоря уже о том, что ранний ислам не знал миссионерства, почти все источники позволяют утверждать, что вплоть до X в. включительно ислам распространялся в Дагестане крайне медленно и охватывал незначительную территорию (Дербент, часть Табасарана и Лакза).

В северном Дагестане в X в. существовал единственный пункт, где ислам прочно держался — это Семендер, в котором часть жителей были мусульмане, и имели свои мечети.

Действительно, при описании событий X и начала XI вв., все восточные авторы изображают дагестанские племена как «неверных» и выступавших против мусульман. По сообщению ал-Истахрик Дербенту прилежали «разные страны кяфиров»³. Сообщение Ибн-ал-Факиха о том, что из 360 «замков» Баб уль-Абваба 110 находились «во владении мусульман до земли Табасаран»⁴, показывает пределы распространения в X в. мусульманского влияния, не идущего дальше нескольких километров к северу и северо-западу от Дербента. Мунаджим Баши в числе других «невер-

¹ Д. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах... Ибн-Даста, ЖМНП 1868, № 42, стр. 62—63; Ибн-Хаукаль. Указ. соч. стр. 114.

² Ибн-Русте. Указ. соч., стр. 47, 49.

³ Ал-Истахри. Указ. соч., стр. 98; Хамадани. Указ. соч., стр. 11.

⁴ Ибн-ал-Факих. Указ. соч., стр. 11.

ных», выступивших в середине X в. против мусульманского правителя Аррана, называет также лакзов.

Сведения письменных источников находят подтверждение в данных археологии. Материалы раскопок В. Чирюртовского и Агачкалинского могильников не дают никаких следов христианства или ислама. Тот же самый вывод можно сделать по данным Кулинского могильника (ориентация погребенных на север, сосуд с пищей в одном из погребений), датируемого XI—XIII в., являющегося памятником местной языческой культуры¹.

Однако при господстве в X в. языческих представлений почти во всем Дагестане характерен тот факт, что и христианство и ислам уже были приняты правителями ряда «царств». Так, например, в Дербенте все правители принадлежали к мусульманам. Как сообщает Масуди, в середине X в. «цари» Джидана и Табасарана были мусульмане. Царь Хайзана исповедовал три религии. Правитель Серира и его приближенные в X в. были уже христианами.

Классовая сущность религии здесь выступает наиболее наглядно. И христианство и ислам как религии классового общества выступали в роли неопределимого идеалистического оружия в борьбе за упрочение власти «царей» и знати, за утверждение феодальных отношений. Потому усиление процесса социальной дифференциации, дальнейшая феодализация Дагестана диктовали необходимость более усиленной исламизации Дагестана. Это мы и наблюдаем в XI—XV вв.

Однако проникновение ислама и христианства уже не было связано ни с деятельностью армянских и албанских миссионеров, ни с арабскими завоеваниями. Христианство теперь начинает проникать через Грузию, а ислам — через проповедников из Ширвана, Дербента, Гиляна и др. мест, или же насильственно насаждается Тимуром.

Грузинские летописи дают ряд сведений о распространении христианства в Дагестане царицей Тамарой, о наличии христианских храмов в Антцухе, Цахуре, Генухи, о «церкви народа Хундзи»². Грузинский хронограф VIII—XIV вв. сообщает о миссионерской деятельности некоего Пимена Салоса при царе Димитрии Самопожертвователе (70—80 годы XIII века) с целью обратить дагестанцев в христианство³.

Автор XIII века Якут также сообщает о христианском населении Филана и о некотором количестве христиан в Лакзе, «небольшой стране за Дербентом»⁴.

Сохранился также известный средневековый памятник христианства в Дагестане — церковь или часовня близ сел. Датунна.

¹ Л. Н. Лавров. Археологические разведки в Дагестане 1947 г. и 1950 г. Сб. МАЭ, т. XIV, стр. 256.

² Известия грузинских летописей, стр. 43, 50.

³ А. Чикобава. Указ. соч., стр. 324.

⁴ Якут. Указ. соч., III, стр. 932; IV, стр. 324.

О роли христианства в нагорном Дагестане кроме всего этого свидетельствуют средневековые христианские могильники в Хунзахе (два), в сел. Тинди Цумадинского района¹, в сел. Урода Кахибского р-на (X—XIV в.в.)². Здесь же обнаружено сравнительно большое количество каменных крестов с грузинскими, грузинско-аварскими надписями или же без них: в Хунзахе—шесть, Ругуджа (Гунибский р-н), Гоцатле и Гиничутле (Хунзахский р-н), Ашильта (Унцукульский р-н), Чорши (Кахибский р-н)—по одному каменному кресту³.

В XI-XV вв. ислам получает широкое распространение в Дагестане, а в некоторых его районах прочно утверждается. Начиная с X в., мы уже имеем сведения о миссионерской деятельности проповедников ислама. В «Истории Дербента, Ширвана и Ирана» сообщается о гилянском проповеднике Мусе Туси, который прибыл в самом конце X в. в Дербент для обращения в ислам русов-гулямов дербентского правителя⁴. Алкадари приводит сведение о проповеднике ислама в Дагестане шейхе Абдумуслиме, будто прибывшем в XI в. из Аравии. К концу XI — началу XII вв. относится также известие о ширванском хатибе (проповеднике), отправленном в Гумик (Кумух)⁵.

Процесс проникновения ислама в Дагестан был неравномерным и продолжался в течение столетий. Раньше всего ислам упрочился в южном Дагестане. Если в середине X в. «армяне, лакзы и другие неверные» выступают против мусульманского правителя Аррана, то в начале XIII в. среди лакзов, как сообщает историк Ибн-ал-Асир (ум. 1233), были и мусульмане и неверующие⁶. В течение XII—XIV вв. ислам получил здесь широкое распространение, о чем свидетельствует масса памятников арабской эпиграфики, относящихся к этому времени. Как сообщает выше автор XIII в. Закарий Казвини, у жителей «главного города Лакзан» Цахура был «хатиб» (т. е. проповедник), который молился с ними, и кадий, который разбирал тяжбы между ними по учению имама аш-Шафеи... Жители этого города все шафеиты».

---

¹ Раскопки Д. М. Атаева. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР, 1956 г.

² Раскопки В. Г. Котовича. Археологическая экспедиция Даг. филиала АН СССР. 1955 г.

³ Почти все перечисленные кресты обнаружены в разное время Д. М. Атаевым. Два из них изданы в «Материалах по истории Грузии и Кавказа», вып. 30. 1954 г.; Т. Е. Гудаева. Две надписи (грузинская и грузинско-аварская) из Дагестана. Один крест издан А. Чикобава (см. Указ. соч.).

⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 209.

⁵ V. Minorsky et cl. Cachem. Le resuel Transcaucasien de Mas'ud b. wamdar. Journal asiatique. 1949, t. 237. pp. 131—132 (араб. текст).

⁶ Ибн-ал-Асир. Тарих ал-камиль. Пер. с арабск. П. К. Жузе. Баку, 1940, стр. 142.

Что касается лакцев и особенно Кумуха, то, видимо, к XI—XIII вв. и относится время принятия здесь мусульманства. Курд Масуд ибн Намдара писал в начале XII в., что правитель Ширвана сообщил «жителям пограничной области Гумик» о том, что он пошлет к ним проповедника (хатиба), «чтобы он научил вас исламу», и имама, «чтобы научить вас почитать учение корана и очистить вас путем обрезания»¹.

Самые ранние арабские надмогильные надписи, обнаруженные в Кумухе и соседних с ним селениях, относятся к началу XV в., однако число мусульманских имен погребенных свидетельствует о распространении ислама и до этого времени. На надгробном камне, сохранившемся на кладбище аула Сумбат, в 825 г. хиджры (1422 г. н. э.) высечено имя Муслима сына Салмана, а в ауле Хури (недалеко от Кумуха) в 867 г. хиджры (1462) — имя Мухаммеда сына Буддая. Среди жителей Кумуха в это время имелись паломники в мусульманские святыни, о чем говорит надпись на богато орнаментированном надгробном камне на кладбище Табахлу: «Это могила хаджия Мекки и Медины Омара Ахмеда. Дата 889 (т. е. 1484)».

Связи с арабскими странами не ограничивались паломничеством в священные города мусульман. Видимо, среди проповедников ислама немаловажное место занимали представители Аравийского полуострова, особенно Йемена. В Кумухе одно из древних кладбищ называется «Яманитал» (йеменитов), и надпись на одном из надмогильных камней сообщает о смерти от холеры в 854 г. хиджры (т. е. 1451 г) «светоча мира и веры», автора сочинения по мусульманскому законоведению, йеменита шейха Ахмеда сына сеида Ибрагима².

Принятие ислама жителями Кубачи Кала-Корейша относится к самому началу XV в. Кубачинцы, бывшие в XII в. по сообщению Андалуси язычниками, постепенно втягивались в сферу мусульманского влияния. Еще в 1395 году Тимур называл кайтагов «неверными» и приказывал уничтожить их. В 1396 г. Тимур удается подчинить себе кубачинцев и кайтагов и, как сообщают грузинские летописи, он насильственно насаждает в Дагестане религию мусульман. Все это ускорило процесс исламизации Кайтага и Кубачи. В Кубачи, по сообщению акад. Дорна, была обнаружена на здании медресе надпись 1404 года, говорящая о строительстве этого медресе во время перехода кубачинцев в ислам³. В Кала-Корейше же самая ранняя надпись относится к 1422 г.⁴

¹ V. Minorsky et al. Cahen, стр. 131—132.

² М. С. Саидов. Данные о некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1922, стр. 1—9.

³ Mélanges Asiatiques, VI, S. 717.

⁴ Там же.

Среди аварцев ислам также нашел большое число приверженцев, что можно заключить из наличия куфических надписей в Хунзахе, мусульманских имен и единственного (пока) местного произведения на арабском языке, написанного в конце XV в.

Однако на территории нынешнего Акушинского района еще в конце XIV в., по словам Шарафуддина Езди, жители были немусульмане¹.

Следовательно, можно утверждать, что в XV веке была исламизирована только часть (вернее, большая часть) Дагестана. Процесс распространения ислама продолжался и в последующее время.

В непосредственной связи с проникновением христианства и ислама стоит вопрос о письменности в Дагестане.

Выше уже упоминалось о посольстве арранского епископа к гуннам. Как сообщает сирийский источник, Кардост и его священники на седьмой год (544) своего пребывания в «земле гуннов» «выпустили писание на гуннском языке». По предположению Н. В. Пигулевской, знаки письма были согде-макихейские или согдийские. Никаких известий в последующее время об этом «писании» мы не имеем.

Имеются также сведения о письменности у жителей Зирихгерана в XII в. По сообщению Андалуси, жители Кубачи (Зирихгерана) надписывали на мешочках, в которых хранились кости умершего, его имя². Но ни Андалуси, ни Бакуви, повторивший эти сведения, не указывают, на каком языке писались эти надписи.

Сравнительно большое применение находило в Дагестане письмо пехлевийское (р-н Дербента), арабское и грузинское. Многочисленные пехлевийские надписи из Дербента говорят о наличии здесь в VI—VII вв. целого ряда грамотеев-резчиков и более или менее широких кругов хранителей сасанидской культуры³.

В связи с распространением ислама арабский язык в Дагестане стал приобретать все большее значение.

Вот что пишет автор XIII в. Закарий Казвини о сел. Цахур: «В нем медресе; основал его везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Исхак, да очистит аллах его душу. И при нем (т. е. училище) имеется учитель и факихи»⁴. О значении арабского языка в средневековом Дагестане свидетельствует много памятников арабской эпиграфии к XII—XV вв., обнаруженных в южном и центральном Дагестане и особенно в бассейне верхнего течения реки Самур (Гельмец, Лучек, Рутул, Зырых, Ахты, Кумух, Кубачи, Кала-Корейш, Хунзах и др.), Надписи эти, в большинстве

¹ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 99—100.

² *Mélanges Asiatiques*, VI, S. 703.

³ Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента. Баку, 1929.

⁴ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 96.

своим куфическим, представляют большой интерес и для истории культуры, и для изучения исторических событий. Так, одна из них, куфическая надпись 638 г. (1240) из Ричи, сообщает о сражении жителей селения с монголами¹.

В XIII в. арабский язык нашел сравнительно широкое распространение в южном Дагестане и особенно в верховьях Самура и, как отметил еще Ханыков, некоторые надписи, обнаруженные здесь, указывают на философские и литературные представления в Дагестане в XIII веке.

В Лучеке была обнаружена надпись (по форме букв ее можно отнести к XIII в.) следующего содержания: «Вы воздвигаете здания, в которых вы не будете жить. Вы копите богатства, которыми вы не будете пользоваться. И вы рассчитываете на то, что вы не найдете. Так, изнашивая платье употреблением, можно быть уверенным, что не украшаешь его. Это изобразил Лахут Али сын Гиблита»².

Наличие большого количества куфических надписей свидетельствует также и о том, что в Дагестане был налицо не только определенный слой лиц, знавших арабский язык, но также специалистов-резчиков по камню.

Кроме всего этого, источники свидетельствуют о попытках перевода произведений арабских авторов на местные языки. Тот же Закарий Казвини, описывая сел. Цахур, отмечает: «Они перевели «Компендий Музани» на лезгинский язык и подобно этому «Книгу имама ал-Шафеи» и занимаются ими обеими». Известие это о переводе на лезгинский язык — единственное, причем ни один из указанных переводов до сих пор не обнаружен. Возможно, что здесь говорится о попытке создать местную письменность на основе арабского алфавита.

Что касается западных районов Дагестана, то в них находило применение грузинское письмо. Известно, что Тимур запрещал «детям лезгин» (имеются в виду дагестанцы) учиться чтению и письму на грузинском языке³. Грузинские летописи сообщают также о распространении грузинского языка в «стране Антцухской»⁴. В аварских районах обнаружено несколько каменных крестов с письмом на грузинском шрифте. Одна из таких надписей, хранящаяся ныне в Дагестанском краеведческом музее, состоит из двух частей, написанных на грузинском и аварском языках. Надпись относится к XIV в.⁵

Такая же двуязычная надпись XIV в. обнаружена и в Хунзахе. На кресте грузинскими буквами (алфавит смешанный «мргловани» и «нусхури») написано: «Крест Христа... святые двенадцать

¹ Khanikoff. Мém. sur les inscript, p. 126.

² Н. Ханыков. Археологическое известие «Кавказ», № 12, 1850.

³ Известия грузинских летописей, стр. 51.

⁴ Там же.

⁵ А. Чикобава. Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана. Сообщения АН Груз. ССР, т. I, № 4, 1940 (резюме), стр. 324—327.

апостолов, помилуй(те) эристава (?)... помилуй детей, аминь, господи», причем слова «помилуй детей» написаны по-аварски¹.

Обе указанные надписи представляют большой интерес как древнейшие памятники истории аварского языка и письма и грузинско-дагестанских культурных связей.

Постепенная исламизация аварских районов привела к проникновению сюда арабского языка. До недавнего времени на степе мечети в Хунзахе можно было видеть две куфические надписи, в том же селении и поныне стоит арабская надпись 1333 г.²

Из дошедших до нас местных произведений первое по времени относится к XV в. и написано на арабском языке. Это так называемое «Завещание Гандуника», написанное в 1485 г. Али Мирзой из аула Анди. Подлинник «Завещания» был обнаружен в 1941 г. в Хунзахе. В тексте этого письменного памятника XV века содержится 16 аварских слов, написанных арабским шрифтом³.

Здесь мы встречаемся с первыми попытками использовать арабский шрифт для аварского письма. В последующие века была создана «аджамская» система письма (арабский алфавит с огласовкой и прибавлением дополнительных букв), которая стала служить средством создания произведений на местных языках.

Таким образом, значение арабского алфавита огромно, он лег в основу местной письменности. Нельзя отрицать также значение арабского языка, на котором создан целый ряд местных исторических хроник и через который местные ученые знакомились с произведениями восточных авторов, с богатой культурой Востока.

В рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР хранится арабская рукопись XV в., состоящая из произведений средневековых арабских авторов (тематический и толковый словари, сочинение по логике, философии, праву, грамматика и т. д.). В конце рукописи отмечено, что она написана «в селении Ашты рукою Мухаммеда ибн Абдурахмана ал-Хирихгерани (т. е. Кубачинского) в 905 г. хиджры» (1499 г.). Как видно из содержания рукописи, местный ученый хорошо знал арабский и персидский языки и был знаком с сочинениями Абуль-Хасана Али ал-Яздади, Мийдани, Абдурахмана ал-Хамадани, Саалиби и других средневековых авторов.

Имеется также ряд других арабских книг, переписанных в Дагестане в конце XV — начале XVI вв.

---

¹ Т. Е. Гудава. Указ. соч., стр. 195—196.

² Сообщение М. С. Саидова.

³ М. С. Саидов. Возникновение письменности у аварцев. Сб. «Языки Дагестана», Махачкала, 1948 г., стр. 137.

ДАГЕСТАН В XVI—XVII вв.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В XVI—XVII вв.

В начале XVI в. Дагестан попадает в сферу влияния Персии. Укрепившись после победы, одержанной над внутренними врагами, шах Исмаил I начал завоевание Кавказа. В 1502 году он захватил Ширван, а в 1509 г. осадил Дербент и принудил его правителя Яр Ахмед Агу сдаться.

В целях укрепления своих позиций в Дербенте шах Исмаил переселил в город 500 семейств из Тавриза и назначил правителем города Мансур-бека с титулом султана. Под власть Персии попали и некоторые другие владения, в частности союзы лезгинских обществ.

Первый поход сефевидов на Самур-вилаят окончился для них полной неудачей. Шейх Джунейд был убит в сражении на левом берегу Самура. Но, в конце концов, сефевиды подчинили Самур-вилаят и назначили там угодных им правителей. В Ахти-намэ говорится, что шах Тахмасп I, чтобы упрочить свое влияние в Самур-вилайте, привез из Лагиджана 900 семейств и поселил их в ауле Мискинджи.

Завоевание Ширвана и Дербента и меры, принятые сефевидским государством для расширения сферы своей агрессии, вызвали широкое недовольство в Ширване и Дагестане. Ширванские правители, происходившие из рода ширваншахов, получив поддержку со стороны дагестанских правителей, выступили (1547) против персидских шахов. Свергнув персидского наместника в Дербенте, ширваншах Элькас-мирза и дагестанские владетели направили свои войска против шаха в Ширван. Однако это выступление не увенчалось успехом, т. к. оно не нашло поддержки у наиболее могущественных владетелей Аварии и Казикумуха. Потерпев поражение, Элькас-мирза с своими приверженцами бежал в горы. Дербент снова был захвачен войсками шаха и включен во владычество Персии.

Со второй половины XVI в. Дагестан попадает под влияние турецких султанов.

Воспользовавшись недовольством народов Дагестана, Азербайджана и Грузии шахским владычеством, турецкий султан вступил в войну с Персией. В 1578 г. Мустафа-паша начал наступление на Кавказ. В результате военных мероприятий 1578—1587 гг. турецкому султану удалось захватить Дербент и распространить свое влияние в предгорном и горном Дагестане. Сохранилась грамота турецкого султана, относящаяся к 80-м годам XVI в., в которой цахурский правитель Ади-Кур-Кулу-бек был признан правителем Цахура и получил право на владение землями, расположенными в юго-западных пределах Кахской провинции¹.

В период военных действий турецких султанов против Персии Дагестан подвергался жестокому разорению. По словам грузинского посла в Москве, в 1586 г. Дербент был обезлюден и опустошен турками. Дербентские жители во времена турецкого владычества должны были содержать турецкий гарнизон со всем штабом паши².

В 1590 г. после прихода к власти шаха Аббаса между Турцией и Персией было заключено перемирие, причем Дагестан был уступлен Турции.

Заклучив перемирие с Ираном, турецкий султан решил создать прочную базу в Дагестане. С этой целью султан Мурад III начал расправляться с непокорными горцами.

Народы Дагестана не раз поднимались с оружием в руках против турецких завоевателей. Известно крупное вооруженное выступление жителей Казикумуха³ в 1582 г., которое было подавлено турецкими войсками.

Турецкие султаны, провозгласив борьбу с «гяурами», подстрекали феодальных правителей совершать грабительские набеги на Грузию. Грузинские цари через своих послов к русскому царю постоянно жаловались на грабежи шамхала и просили у царя обезвредить его путем изгнания турок из Дагестана.

В 1588 г. кахетинский царь через своих послов сообщил в Москву о злодеяниях, чинимых янычарами турецкого султана в Грузии, а также о набегах шамхала, которые начались с тех пор, как турецкий султан стал «христианскую землю громить»⁴. Поэтому Кахетия просила Московское правительство послать свои войска в Дагестан против турок.

В ответ на жестокое разорение страны и управление ее методами военно-феодального господства ширилось недовольство среди народов Дагестана. В 1601 г. вместе с кубинцами против турецких завоевателей восстали кюринцы, табасаранцы, ругулы и цахурцы. В 1606 г. против турецких наместников выступили жи-

¹ Акты кавказск. арх. комиссии, т. II, стр. 1085.

² Е. И. Козубский. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 54.

³ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 5, стр. 6.

⁴ С. Белокуров. Сношения России с Кавказом. 1580—1613 гг. М. 1889 г., стр. 56.

тели Дербента. Напуганные размахом выступления горожан, городская знать и шиитское духовенство предложили уцмию Кайтагскому Рустем-хану занять город. Рустем-хан осадил город и заставил турок запереться в цитадели Дербента и позорно сдаться¹.

Воспользовавшись ослаблением позиции Турции в Дагестане и Азербайджане, шах Аббас начал наступление на Кавказ. За короткое время шахские войска захватили у османов Ереван, Ганджу, Баку и, наконец, Шемаху. Усиление агрессии шахской Персии в Закавказье привело к тому, что отдельные владетели Дагестана (Кумыкии, Лезгии, Кайтага), чтобы избежать нашествия войск Персии, вынуждены были изъявить покорность шаху.

После разгрома турецких войск в Дербенте сын Хаджи Мухаммеда Дербенди со своими мулязимами (военными слугами) и уцмием Кайтагским отправились к шаху. «Его величество, — говорит Искандер Мунши, — во воздаяние за эту добрую службу одарил их подарками, халатами и пожаловал им сойюргал с их имений (амлак)².

Изъявили покорность шаху также шамхал Казикумухский, майсум Табасаранский, кадий Акушинский и Алибек Цахурский, «что лично явившись к нему, а то послав людей из близких, и тем снискали шахскую милость»³.

Это не означало прямой зависимости дагестанских правителей от шахов персидских. Принимая покорность, они стремились не допустить нашествия шахских войск в Дагестан и сохранить свою независимость. Намерение шахских наместников захватить земли и построить военные крепости в Дагестане вызвало отпор со стороны народов Дагестана и их правителей.

Известно, что до прибытия персидских войск в Дербент во время турецкого господства шабранский магал Кубинского ханства находился под властью майсума Табасаранского. После прихода шахских войск Майсум-хан был призван правителем этих земель. Но, когда шахский наместник в Ширване, договорившись с шахом, начал строительство крепости в Шабране с целью укрепиться там, Майсум-хан выступил против него. Произошло сражение, в котором табасаранский майсум потерпел поражение. Это событие вызвало общее недовольство дагестанских правителей. Шах Аббас, боясь вооруженного выступления в Дагестане, приказал убить Ширванского наместника Зульфукар-хана отправить Майсум-хану Табасаранскому и другим владетелям Дагестана письма и подарки³.

¹ А. К. Бакиханов. Гюлистан Ирам. Б., 1927, стр. 94.

² Сборник статей по истории Азербайджана, Б. 1949 г., стр. 278—279; Сойюргал — предоставление владетелю права взимать в свою пользу налоги, которые предназначены в шахскую казну, сверх того шахским чиновникам запрещался доступ на территорию этого владетеля.

³ Г. Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929 г., стр. 48.

⁴ Там же, стр. 49—50.

Персидский шах не хотел портить взаимоотношения с дагестанскими правителями, надеясь на их помощь в случае войны против своих противников. Так, например, в 1627 г. шах Сефи, давая грамоту цахурскому правителю Магомед-хану, предписывал ему «опустошить и разорить Грузию, ибо царь Теймураз очернил себя» (враждебным отношением в шахскому владычеству в Грузии).

Подобные грамоты присылались дагестанским правителям и последующими шахами Персии. Из дошедших до нас отрывочных сведений видно, что при шахе Аббаса II из шахской казны выдавалось денежное содержание шамхалам и их сыновьям, аварскому Ума-хану и другим правителям¹. В частности, в 1642 г. в грамоте шаха на имя Халил-бека Цахурского указывалось, что «в ознаменование царской нашей милости сыну Мамед-хана Захурского, владение захурское на таком же основании, как оно было во владении его отца, жалуем ему тиуль². (*domaine donné en usufruit*) и 155 туманов Тавризских, производившихся его отцу, назначаем ему в жалованье и повелеваем, чтобы Ширванския должностные лица признавали захурское владение его тиулем и не оставляли производить ему означенное содержание»³.

Притязания персидских шахов распространить свою власть за пределы Дербента в течение всего XVII в. не имели успеха. Верховная власть персидских шахов признавалась только в Дербенте. Дербентское ханство в правление Фарух-хана (до 1634—35), Сияви Султана и шах Верди бек Устаджли находилось в тесной зависимости от шахов Персии.

Несмотря на большую этническую пестроту и феодальную раздробленность, горцы находили в момент наступления сильных противников такие формы объединения своих сил, которые позволили не только дать отпор противникам, но и вынуждали последних платить нечто вроде «дани».

Дагестанская правящая верхушка принимала участие во всех событиях, происходивших на Кавказе и даже в политической жизни соседних с Дагестаном государств. Грузинские цари и многие закавказские правители имели как личную охрану, так и войска из дагестанцев, в особенности из аварцев, дидойцев, ботлихцев, капучинцев, ахваров, лаков, даргинцев и др.

В XVI—XVII вв. в политической жизни Дагестана также произошли важные события, которые были вызваны дальнейшим развитием и укреплением феодальных отношений.

В течение всего XVI в. наиболее крупным феодально-политическим объединением в Дагестане, как и раньше, было казикумхское шамхальство. В состав шамхальства в XVI в., наряду с

¹ Там же, стр. 51.

² Тиуль — один из видов годового жалованья, которое выдавалось из шахской казны владельцам Дагестана.

³ Акты кавказск. комиссии, т. II, стр. 1087.

лакцами, даргинцами и кумыками, входили и отдельные аварские и лезгинские общества. Резиденция шамхалов находилась в Кумухе. В конце XV—начале XVI вв. в Казикумухе правили Улхай-шамхал, а затем его сын также Улхай-шамхал. В середине XVI в. к власти пришел Бугудей-шамхал, который был убит в 60-е годы в одном из набегов на Кабарду. К периоду правления шамхала Чупана территория шамхальства простиралась от границ Кайтага, Кюри, Аварии, Черкесии и реки Терека до берегов Каспийского моря¹.

По сведениям, полученным терскими воеводами, в конце XVI в. шамхал и его сыновья располагали 1.080 всадниками, а его племянники со стороны крым-шамхала имели в своем распоряжении 500 всадников. Кроме плоскостного Дагестана, власть шамхала распространялась еще на Казикумух и другие горские общества, которые также были обязаны выставлять свои вспомогательные силы. Всего шамхал мог выставить около 15.000 воинов. Таким образом, казикумухские шамхалы имели решительный перевес над другими владельцами плоскостного и предгорного Дагестана и даже над уцмием Кайтагским, у которого насчитывалось конных и пеших воинов 1.200 человек.

В союзе с шамхалом в конце XVI в. находились уцмии и табасаранские майсумы. Аварские ханы в то время были уже настолько самостоятельны, сильны и настолько враждебно настроены к шамхалу, что не только не состояли в военном союзе с шамхалом, но и стремились захватить у него отдельные владения².

В начале XVII в. владение шамхалов обнаружило тенденцию к распаду. На Кумыкской плоскости между Терекком и Сулаком образуется самостоятельное владение Эндерейское, управляемое Салтан-Магмутом³. Несколько позже от шамхальства отделилось Мехтулинское ханство, названное так по имени правителя Мехти, происходившего из рода казикумухских шамхалов⁴. Между удельными владельцами Тарки, Кумуха и Эндери начинается ожесточенная междоусобная борьба из-за титула шамхала. Эта борьба принимает особенно острый характер, когда на смелому умершему Сурхай-шамхалу пришел один из старших представителей шамхальской фамилии Андий⁵.

Тарковский князь Гирей, недовольный тем, что шамхалом был

¹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88.

² С. Белокуров. Указ. соч., стр. 292—293.

³ Шамхалы тарковские. Сборник сведений о кавказск. горцах, 1868 г. вып. I, стр. 58; ЦГДА. Кабардинские дела, 1614, № 1. Салтан-Магмут был чанка и не имел с братьями своими, рожденными от дочери Салтан-Ахмеда-уцмия, одинаковых прав на наследство. Постоянная борьба, которая велась вышеуказанными кумыкскими князьями, в течение первой половины XVII в. с Салтан-Магмутом, была направлена на то, чтобы изгнать его из Эндери, как незаконно овладевшего частью наследства отца.

⁴ Мехтулинские ханы. ССОКГ. 1869, вып. II, стр. 1—2.

⁵ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1614, № 1. Андий был старшим сыном Чубан-шамхала, умершего в 1574 г.

избран Андий, получив в помощь отряд русских войск из города Терки, в феврале 1615 г. выступил против Андия. В этой борьбе Андия поддерживали Салтан-Магмут Эндерейский, Алибек-Мурза Казикумухский, Кайтагский уцмий и Турлов князь, т. е. аварский хан. Произошла битва, в которой были убиты «горского Турлова князя сын и казикумухского княжеств Алибеков сын Суркай мурза»¹.

Военные столкновения между удельными владельцами шамхальства, происходившие из-за титула шамхала и распределения пахотных земель и пастбищ, принимали все более и более острый характер. Но бывали периоды, когда междоусобицы на некоторое время прекращались, особенно в случаях внешней опасности. В этих случаях ханы, чувствуя потребность договориться относительно своих взаимоотношений, созывали съезды и заключали договоры.

В 1616 г. в связи с началом персидской агрессии в Тарках собрался съезд², в котором приняли участие тарковский князь Гирей, казикумухский князь Алибек, кайтагский уцмий Андий-шамхал, Салтан-Магмут эндерейский и другие кумыкские князья и мурзы. На съезде было решено прекратить междоусобицу. В обеспечение мира князья даже обменялись аманатами. Съезд признал мир и единство основой дальнейших взаимоотношений между князьями.

Однако, не успели князья разъехаться, как между ними снова возникали кровавые распри, которые всегда заканчивались истреблением и разорением мирного населения Дагестана.

Крестьянские массы Дагестана были заинтересованы в прекращении княжеских междоусобиц. Поэтому в борьбе за ликвидацию междувладельческих раздоров, установление очередности получения достоинства шамхала крестьянские массы — «черные люди» (по терминологии русских источников) — временами принимали активное участие. Под давлением «черных людей» и с их участием дагестанские владельцы вынуждены были созывать съезды для прекращения междоусобиц и решения внешнеполитических дел.

18 декабря 1633 года, под давлением «черных людей» и «убоясь от них убийства», Салтан-Магмут эндерейский и Ильдар-шамхал вынуждены были созвать съезд, в котором приняли участие казикумухский князь и кайтагский уцмий³. Съезд назначил крым-шамхалом (наследником шамхала) Айдемира, сына Салтан-Магмута эндерейского. На съезде было решено прекратить междоусобицы и разбойничьи набеги.

Феодальные договоры, как это было и в других странах в период феодальной раздробленности, не были устойчивыми. Меж-

¹ ЦГАДА. Кабардинские дела, 1615.

² ЦГАДА. Грузинские дела, 1616.

³ ЦГАДА. Кабардинские дела, 1634, № 1.

доусобица, начавшаяся вскоре после «съезда», привела к уничтожению власти шамхалов в Казикумухе. В период правления шамхала Сурхай-Мирзы-хана в Кумухе образовалась сильная оппозиция феодалов и феодализирующейся знати, стремившаяся к уничтожению шамхальской власти.

Начавшаяся борьба завершилась изгнанием шамхала и его сторонников из кумухской феодальной знати. Шамхалов обвинили в том, что они перенесли свою резиденцию в Тарки и только на лето переезжали в Кумух.

Предания¹ рассказывают, что такие переезды и избрание Тарки резиденцией не понравились «гордому лакскому узденству» и многие высказывали по этому поводу свое недовольство. Недовольство это уздени часто выражали избиением шамхальских нукеров. Шамхалы же, не обращая внимание на возрастающее недовольство казикумухских узденей, продолжали свои переезды. Но дело скоро принимает серьезный характер и уздени Казикумуха открыто стали заявлять протест против такого унижения их древней столицы; глухой ропот народа пронесся от края до края небольшой лакской земли. «Во время летних переездов шамхала на него совершали нападения, грабили шамхальские имения и сжигали его посевы и луга».

Опасаясь народного движения последующие шамхалы перенесли свою резиденцию на равнину, хотя сохраняли еще некоторую власть над жителями Казикумуха, продолжая собирать с них незначительные поборы и подати.

Уздени, поддерживаемые феодальными слоями, противниками шамхальской власти, истребили многих представителей шамхальской фамилии. Используя недовольство узденей, феодальная оппозиция добилась замены правителей, назначавшихся шамхалами, правителями, выбираемыми на собрании феодальной знати, получившем название кьатI.

В связи с угрозой военного вторжения Турции и Ирана в Дагестан кьатI ввел новый титул правителя Казикумуха — халклавчи². Первым Казикумухским халклавчи был избран Алибек, который принадлежал к побочной ветви шамхальской фамилии, оставшейся в Кумухе.

Кумухский кьатI, в котором руководящая роль принадлежала феодальной знати, становится хозяином в Казикумухе. Правитель Казикумуха из шамхальского ставленника превратился в носителя исполнительной власти кьатI.

В функции халклавчи входили сбор ополчения и начальствование над ним как при защите от нападения, так и при походах в соседние владения. Он не имел права без согласия кьатI вмешиваться во внутренние дела джамаатов — каждое селение имело

¹ Казикумухские и кюринские ханы. ССКГ, 1869, вып. II, стр. 6. Шамхалы тарковские. ССКГ, 1868, вып. I, стр. 58.

² Халклавчи буквально значит «возвышенный народом».

своего феодального правителя. По делам духовным население Казикумуха обращалось к главному кадию Кумуха. Халклавчи пользовался доходами только с некоторых горных пастбищ и пашен, получал часть подати, взыскивавшейся преимущественно баранами и хлебом, и определенную часть военной добычи¹.

Таким образом, шамхальство, бывшее крупным политическим объединением, в XVII в. распалось на отдельные феодальные владения. Владения эндереевских и тарковских правителей, образовавшиеся на кумыкской плоскости в процессе распада шамхальства, стали играть большую политическую роль в истории Дагестана.

В XVII в. титул шамхала носили только кумыкские правители. В источниках XVII в. из кумыкских шамхалов известны Андий, Айдемир, Ильдар и Будай.

Причины политического распада шамхальства коренились, во-первых, в отсутствии широких экономических связей между отдельными его частями, во-вторых, в этнической пестроте. Кроме того, господство натурального хозяйства, формы взимания натуральной ренты мешали сосредоточению богатства у шамхалов. Большая часть натуральной ренты присваивалась средними феодалами-беками и зажиточной верхушкой узденства. Усилившиеся местные правители проводили собственную политику. Тесно связывая свои интересы с интересами местной феодализирующейся знати, они стремились удержать в своих руках земельные владения и повысить их доходность путем угнетения крестьянства. Распад шамхальства привел к значительным сдвигам в социально-экономической и политической истории кумыков.

В XV—XVII вв. в противовес феодальной раздробленности, которая в шамхальстве развивалась все больше и больше, в Аварии наблюдается процесс централизации политической власти. Аварские ханы, пользуясь преимуществами географического расположения Аварии, в период нашествия Турции и Персии на Дагестан сумели не только сохранить независимость своих владений, но и распространить свое влияние на другие общества. Аварское ханство усиливается при Нуцал-хане (ум. в 1568 г.) и особенно при Ума-хане (ум. в 1634 г.), собирателе и кодификаторе народных обычаев, и его сыновьях — Мухаммеде (ум. в 1668 г.) и Дагьрунуцале (ум. в 1699).

Ослабление шамхальства дало аварским ханам возможность расширить свои владения не только в Аварии, но и за ее пределами. Воспользовавшись убийством ханами Эндери гумбетовского и арунского беков, аварские владетели захватили нижнюю часть Мичигича (Чечен-шали, Герменчук-шали, Атагу и прочие населенные пункты)².

¹ Казикумухский и кюринский ханы. ССКГ, 1869, вып. II, стр. 6.

² А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 90.

В военных мероприятиях аварских ханов на юго-западной границе их владений в XVI—XVII вв. большую роль играют аварские Джаро-белоканские общины, находившиеся до начала XVI в. в сфере влияния кахетинских царей. Вместе с джаро-белоканцами аварские ханы предпринимали военные походы на Грузию.

Усиление аварского ханства привело к тому, что соседние грузинские цари стали искать пути сближения с его правителями. Необходимость такого сближения была вызвана экономическими и политическими соображениями. В связи с налаживанием торговых отношений с Россией, перед грузинскими царями встал вопрос о наиболее безопасном торговом пути из Грузии в Россию. Грузинские послы в Москве считали наиболее удобным и безопасным путь, пролегающий по территории Аварии¹. В царствование Федора Ивановича (1595—1588) через Аварию в Кахетию проходит русское посольство Звенигородского. Оно ехало через Чечню, Гумбет, Аварию, Андалал, Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу. В 1586 г. цари Грузии, налаживая отношения с Россией, опять избрали путь через землю аварского хана. Начиная с 30—40 гг. XVII в., персидским шахам удалось привлечь аварского хана на свою сторону. В связи с этим торговые пути через Аварию в Россию были закрыты для грузинских послов и торговых людей. Грузинский царь Теймураз неоднократно делал попытки восстановить эти пути. Например, в 1640 году Теймураз через Додоэтию вступил в Дагестан и захватил несколько крепостей, но дидойцы, пригласив на помощь войска аварского хана, разбили Теймураза и обратили его в бегство².

Так же как в шамхальстве, в Аварии с ростом и укреплением власти ханов стали заметны противоречия между различными обществами. Например, известны войны между ахвахцами и каратинцами, гидатлинцами и багулалами и ахвахцами, хунзахскими феодалами и багулалами сел. Тлонада и т. д.

В XVI—XVII вв. даргинская территория состояла из уцмийства Кайтагского и ряда союзов обществ, находившихся в большей или меньшей зависимости от кайтагского уцмья. Наиболее известными союзами обществ, образовавшимися на территории даргинцев, являлись союзы Акуша — даргва, Уцуми — даргва, Каба — даргва, Буркин — даргва и Сирхга. Состав и количество обществ, входивших в эти союзы, постоянно менялись. Союзы были непрочными и очень часто из-за внутренних междоусобиц попадали под власть уцмиев и других феодальных владетелей.

Владение уцмья Кайтагского в XVI в. и в первую четверть XVII в. с севера граничило с владениями шамхалов казикамукских, а с 30-х годов XVII в. — с владением тарковских правите-

¹ Русские писатели о Грузии. М. 1948, стр. 20.

² Джанашвили. Известия грузинских историков о Сев. Кавказе и России. «Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1897, т. XXII, стр. 57—58.

лей; на востоке оно омывалось Каспийским морем, на юге граничило с Дербентским ханством, от которого отделялось рекой Дарбах и горными вершинами Гургели и Баума.

По данным источников границы владения кайтагских уцмиев в течение XVI—XVII вв. мало менялись. Территорию владения уцмиев населяли три различные этнические группы; две из них говорили на даргинском и кумыкском языках, третью группу составляло тюркское племя, которое в конце XVI в. поселилось в местности Теркеме с разрешения кайтагского уцмья.

О количестве населения Кайтага в XVII в. имеются следующие данные. В 1633 г. в грамоте терским воеводам уцмий писал, что он принимает русское подданство «с сорока тысячами кайтацкими людьми». В 1635 г. уцмий в своей грамоте в Москву указывал, что он вступает в подданство России «с шестьдесят тысячами... со всеми своими людьми»¹, по всей вероятности уцмий указывал приблизительное количество мужского населения, к тому же — во втором случае — преувеличивал его. Из кайтагских правителей известны Уллубий, Амир-шамхал², Султан-Ахмед-бек, Хан-Магомед, Амир-Хамза-бек, известный по имени великий Амир-Хамза. После смерти Амир-Хамза-бека достоинство уцмья перешло к племяннику Рустем-хану, известному кодификатору народных обычаев.

Политика Рустем-хана была направлена к тому, чтобы выйти из-под влияния Персии. С этой целью он принимает русское подданство. Рустем-хан вел борьбу против усиления влияния шахской Персии в Кайтаге, что объективно совпадало с интересами всего населения Кайтага.

Убедившись в том, что попытки подчинения кайтагцев встречают решительное сопротивление, шах Аббас решил избавиться от враждебных ему феодальных владетелей путем выдвижения на престол уцмья более послушных себе представителей феодальной знати. В 1645 г. шах выдвинул в качестве претендента на престол уцмья племянника Рустем-хана Амир-Хан-Султана. Амир-Хан-Султан прибыл в Кайтаг с шахскими войсками. Произошла битва, в результате которой персидские войска потерпели поражение от войск Рустема и вынуждены были покинуть Кайтаг³.

Разгневанный этой неудачей шах Аббас послал большие силы, в результате чего Рустем-хан был свергнут и на престол уцмья вступил Амир-Хан-Султан⁴. С этого времени до конца XVII в. уцмийство Кайтагское находилось в более зависимом положении от персидских шахов, чем вышеуказанные ханства.

¹ ЦГАДА. Кайтагские дела. 1635 г. л. 52; Кабардинские дела 1631, № 1, л. 9.

² Шамхалом был назван по матери, происходившей из рода шамхалов.

³ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1647 г., л. 259.

⁴ Там же. Кабардинские дела. 1645, л. 180.

Лезгинское население в XVI—XVII вв. в политическом отношении не составляло единого целого. Оно преимущественно входило в независимые союзы сельских обществ. Лезгины Азербайджана входили в Кубинское ханство, а лезгины, проживающие поблизости Дербента, подчинялись дербентским ханам.

Известными политическими объединениями лезгин в рассматриваемое время являлись Рутульский, Хновский и Ахтынский союзы сельских обществ. Об этом свидетельствует письмо шамхала от 1598 г., в котором среди союзных шамхалу войск, упомянуты «Рутульская рать» и «Хновская рать»¹.

Агулы, жившие в Агулдере, также составляли самостоятельный союз обществ, но на рубеже XVII—XVIII вв. попали под власть казикумухского хана.

Цахурское общество было объединено под властью цахурского хана. Вначале земли цахурских ханов находились в пределах современного Дагестана. Но с течением времени в связи с развитием общества и изменением внешнеполитической обстановки, особенно в XVII в. цахурцы продвинулись к югу и расселились в Кахском и Джарском эриставствах (нынешнем Закатальском и Кахском районах Азербайджана), богатых плодородной землей и пастбищами. Как известно, резиденцией цахурских владетелей было селение Цахур, а в XVII в. она была перенесена на территорию Закавказья в селение Елису. Первые сведения о цахурских владетелях мы находим в грамотах персидских шахов и турецких султанов, приведенных выше.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ в XVI—XVII вв.

В XVI—XVII вв. основным занятием народов Дагестана продолжало оставаться земледелие и скотоводство.

Источники свидетельствуют, что жители плоскостной части Дагестана, кумыки, кайтагцы и другие по-прежнему занимались земледелием. Сельскохозяйственные культуры, которые возделывались здесь, находили большой спрос не только внутри Дагестана, но и за его пределами². Почва приморской полосы Дагестана благоприятствовала садоводству. В низменной части Дагестана (в Нижнем Кайтаге, Табасаране, Кумыкии) население занималось разведением винограда, риса, хлопка и особенно шелковичных деревьев³. Недостаток осадков в летнее время и отсутствие благоприятных условий для орошения, равно как и общий низкий уровень развития производительных сил, все же ограничивали рост земледелия и садоводства.

¹ Л. И. Лавров. Рутульцы «Нар. Дагестана», стр. 194.

² ЦГАДА. Кайтагские дела. 1635; Кумыкские дела. 1630. Купцы из Кумыкии и Кайтага привезли в Москву шелк-сырец.

³ Там же.

На плоскости занимались также добычей соли. Соль добывалась на берегу Каспийского моря в местности между реками Малый Бугам и Дарбах и в озере Турали¹.

Распространенным занятием населения было выкапывание корней марены, которая шла на окраску шерстяной и растительной пряжи². Некоторая часть населения Дагестана, преимущественно та, которая жила ближе к Каспийскому морю, занималась также рыболовством³.

В нагорном Дагестане идет дальнейший процесс экстенсивного развития скотоводства, которое все больше и больше требовало освоения новых и новых пастбищ. Наряду со скотоводством в горах занимались земледелием. Земледелие было развито в Хунзахском, Бахлухском, Койсубулинском обществах аварского ханства и в отдельных лакских селениях. В некоторых аварских и даргинских селениях занимались садоводством. Основной системой земледелия в горах было трехполье. Сеяли просо, пшеницу, рожь, кукурузу, ячмень, горох и фасоль. Кроме того, сеяли в очень ограниченном количестве лен, коноплю и овес. Основным сельскохозяйственным орудием являлась соха.

В хозяйственной жизни народов Дагестана большую роль играли домашние промыслы. Уровень развития домашних промыслов зависел от роста и развития основных отраслей хозяйства. У всех народов горной части Дагестана в рамках натурального хозяйства изготавливались сохи, кирки, лопаты, мотыги, серпы и пр. Различные изделия выделывались из шерсти и растительного волокна. Обработка шерсти была распространенным видом домашней промышленности у аварцев, лезгин, даргинцев, лаков. Из шерсти делали войлок, бурки, сукна, платки, носки и др. Производство войлока из шерсти овец особенно было развито в горах, в западной части Дагестана. Выработкой бурок славились селения Анди, Ботлих, Гогатль, Сеух и др.

В Дагестане занимались также производством ковров. Ковроткачество было развито у лезгин в селениях Ахты, Микрах и др. В Унцукуле занимались обработкой дерева, а в Ругудже обработкой камня.

Значительное место в экономике аварского, казикумукского ханства и кайтагского удийства занимала обработка металлов: выделка оружия (кинжалы, ножи, сабли), кузнечное и лудильно-паяльное дело. Металлообработка была развита в аварских селениях Гогатль, Аракань, Согратль, Голотль, Кахиб, Урада, Хучада, Гогатль; в Кайтаге — Кубачи и Амузги, в Лакии — Кумух и др.

¹ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 401; ЦГАДА, Ногайские дела, 1619, д. 1, л. 100.

² Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М. 1935, стр. 231.

³ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906, стр. 502.

Городов в Дагестане в то время не было, если не считать Дербента. Грузинский посол Кирилл в Москве (1604 г.) в своем описании Тарки сообщает: «В Тарки дворов черных с 300 и живут пашенные люди... и без людей в Тарках не бывает. А воинские люди приезжают туто от шевкала временем как хлеб поспеет...; а устроя хлеб, съезжают опять к шевкалу в горы... А Шевкал и дети его живут болши в Казы-Кумыках в горах»¹.

Из приведенного документа видно, что в то время в Тарках еще не выделялось сословие ремесленников и торговцев. Тарки представлял собой укрепленную феодальную усадьбу. Об этом свидетельствует также сообщение приезжавшего через Тарки в 1623 г. русского купца Ф. А. Котова².

В XVI—XVII вв. наряду с Кубачи намечался процесс специализации в определенной отрасли промышленности и в селениях Кумух, Анди, Балхар, Селевкент и др. Балхарские и селевкентские гончарные изделия, андийские бурки находили большой спрос у всех жителей нагорного и равнинного Дагестана.

Разнообразные географические условия, в которых развивалось хозяйство дагестанского населения, породили и некоторые местные особенности. Выше было сказано, что преобладающим занятием населения нагорного Дагестана было скотоводство, а плоскостного — земледелие. На почве такой дифференциации хозяйства и происходил обмен продуктами между населением равнины и гор.

В XVII в. известными торговыми путями, связывающими равнинные и горные районы, были дороги, идущие от Тарки, через Таркалы, Кафыр-Кумух в Казикумух, а затем через Дульти-дагский перевал в Закаталы; из Казикумуха через Турчидагский перевал в Согратль, Чох, Гуниб и далее; из Чечни шла дорога в Гумбет, Аварию, Андалал, Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу в Грузию. Основными средствами передвижения были лошади, мулы и быки. Кладь перевозилась в горах выюками, а на плоскости — на двухколесных телегах типа арбы.

Торговля в Дагестане в XVI—XVII вв. была сравнительно мало развита. Многие аулы, отстоящие от сельских базаров на многие километры и отгороженные хребтами и горными перевалами, ввиду отсутствия проселочных и пешеходных дорог оставались оторванными от внешнего мира и вынуждены были вести замкнутый образ жизни. Большая этническая пестрота, феодальные войны, небезопасность путей также препятствовали развитию торговли в Дагестане.

Внутренняя торговля определяла слабость и примитивность внешней торговли, которая была также мало развита. Предметами внешней торговли были в основном скот (преимущественно

¹ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 404.

² Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. Известия Отделения русского языка и словесности. АН, 1907, вн. I, стр. 79.

овцы и лошади), меха, овчины и кожи, оружие (сабли, кинжалы и пр.). В обмен получали сукна, шелк, медь, железо и др.

Во внешнюю торговлю был больше втянут приморский Дагестан. Здесь на берегу Каспийского моря проходила сухопутная торговая дорога в Закавказье. Она шла из Терков через Тарки, Буйнак и Кайтаг в Дербент и Баку¹. В русских источниках XVII в. очень часто упоминаются «купчины» из Дагестана, привозившие в Москву, Астрахань и другие города России товары из Дагестана, Закавказья и Ирана.

Большое значение для вовлечения приморской части Дагестана во внешнюю торговлю с Россией и Закавказьем имел город Дербент. Здесь жили купцы, занимавшиеся покупкой и продажей товаров, поступающих из плоскостных и горных районов Дагестана. Так, голландский путешественник Я. Я. Стрейс сообщает, что в Дербенте жил богатый купец Хаджи Мухаммед-Салах, торговавший мареной и другими «красильными кореньями, которые в изобилии росли в той местности»².

Торговля велась главным образом с Грузией, Арменией, Азербайджаном, Кабардой и Россией. В Дербент приезжали также купцы из Индии, Китая и других стран Востока³.

Несмотря на то, что торговля играла известную роль в экономике Дагестана, все же она не развивалась до уровня товарно-денежных обращений. Источники свидетельствуют, что Дагестан не имел своей монеты⁴. Из статей кодексов Рустем-хана⁵ и Ума-

---

¹ Посольство Пазухиных Б. Н. и С. А. в Бухару, 1669 г., Русская историческая библиотека, т. 15, стр. 21.

² Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 231.

³ Выдержки из Эвлия Челеби (перев. с турецкого языка Ф. Бабаева). Рук. фонд ИИЯЛ АН Аз. ССР, инв. кн. 1204.

⁴ Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана и других республик, краев Кавказа. Труды ИИЯЛ Аз. ССР, вып. II.

⁵ Подлинник постановления Рустем-хана до нас не дошел. Он известен только в русском переводе XIX в. в двух вариантах: один издан в 1868 г. А. В. Комаровым в I томе «Сборника сведений о кавказских горцах», другой был в руках М. М. Ковалевского, который использовал его в своих работах. Опубликованному А. В. Комаровым тексту постановления предпослано замечание о том, что оно было написано в XII в. н. э. и отдано на хранение кадию магала Гапш. Рукопись, которой пользовался М. М. Ковалевский, в конце XIX в. хранилась в окружном управлении Кайтаго-Табасаранского округа. Составление этого документа предписывается уцмию Рустем-хану, вступившему во владение Кайтагом в 1601 г., после смерти уцмия Ахмет-хана.

Нам представляется правильной датировка, данная в рукописи, которой пользовался М. М. Ковалевский. Вероятно, А. В. Комаров при опубликовании в русском переводе данного источника арабскую датировку его воспринял как приблизительную датировку по русскому календарю. То, что Рустем-хан, которому приписывается составление этого замечательного документа, был кайтагским уцмием в начале XVII в., подтверждается данными ряда источников.

хана ¹ видно, что в Дагестане в то время в качестве общего эквивалента при обмене выступали бараны и грубая домотканная материя.

Процесс развития феодальной земельной собственности усиленно продолжался, еще в связи с ростом имущественного неравенства. Наблюдалось интенсивное наступление ханов и беков на крестьянскую общинную землю.

Свидетельством насилий феодалов над обществом является рассказ о событиях в Урджемильском магале Кайтага в конце XVI в., включенный в сочинение А. К. Бакиханова «Гюлистан-Ирам». В конце XVI в. кайтагский уцмий Ахмед-хан подавил сопротивление крестьян селений Урджемил и Башлы и захватил их общинные земли, на которых основал магал Терекеме, переселив туда терекемейцев, «пришедших из разных мест Ширвана» ². В 1600 г. хунзахские правители напали на общества Нита, Накитль и Датун и заставили их платить подать; с накитлийцев взималось 90 саб зерна, с датунцев — 120. Сами жители засвидетельствовали, что «платимые ими повинности, являются следствием насильственного акта хунзахцев» ³.

К периоду правления Дагьру нуцал-хана аварского (ум. в 1692 г.) относится также переселение крестьян различных обществ на земли хунзахских феодалов в местностях Нита, Накитль «Малиданахъа». Поселенцы обязаны были вносить в пользу хунзахского феодала ежегодно 10 къали (мера равная 14 кг) хлеба с каждого двора ⁴.

В устье р. Койсу (Сулака) до постройки там русской крепости у шамхала были лучшие поливные земли, пашни, сенокосы и «рыбные ловли», которые были захвачены им у сельских обществ ⁵.

О тенденциях феодалов к захвату общинных земель ярко свидетельствует песня о Хочбаре. Гидатлинское объединение сельских общин во главе с легендарным героем Хочбаром долгое время сопротивлялось своеволию хунзахских ханов, которым впоследствии удалось путем обмана убить Хочбара и подчинить это общество своей власти ⁶.

Захват общественных земель производился и в других формах. Так, например, ханы с согласия общества отводили пастбищ-

¹ Кодекс законов Ума-хана Аварского (Справедливого) найден в 1946 г. в горах Дагестана среди старых арабских рукописей. Кодекс впервые опубликован Х. О. Хашаевым в 1948 г. Он составлен в конце XVI или начале XVII вв., т. е. в период правления Ума-хана Аварского, умершего в 1634 году.

² А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88—89.

³ ЦГА ДАССР. Фонд канцелярии военного губернатора, д. 139. лл. 1—3.

⁴ ИИЯЛ. Рук. фонд, д. 199, л. 5.

⁵ Е. Н. Кушева. «Народы Северного Кавказа. Очерки истории СССР к концу XV — нач. XVII вв.». М. 1955, стр. 824.

⁶ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 90, л. 103.

ные участки для выпаса войсковых лошадей, а затем превращали эти участки в свою собственность.

На захваченных землях феодалы поселяли пришлых людей или пленников, которых превращали в лично зависимых крестьян. Так образовались многие раятские селения Дагестана. Например, в Аварии такими селениями считались Ках, Тлайлук, Хиниб, Цельмес¹. Примером такого же заселения является магал Терекме в Кайтаге, образовавшийся в конце XVI в. при уцмийстве Султан-Ахмеда в результате присвоения им земель, принадлежащих крестьянам Урджемила в Башли².

В Казикумухе в ауле Тулезма рядом с узденями жили раяты, посаженные на землю. По местным преданиям, они происходили из Грузии и поэтому назывались гиргиены³.

Грузинский посол Кирилла сообщает, что в хозяйстве Шамхала в Тарках работало много пашенных людей—раятов⁴.

По данным источников XVI—XVII вв. большинство общин были зависимы от ханов. Члены общины по требованию представителя хана становились в ряды его войск, облагались натуральными податями, выполняли натуральные повинности.

Сельские общины с давних времен вносили феодальным владельцам определенную подать за пользование зимними и летними пастбищами. Так, например, жители селения Мюрего в Кайтаге с незапамятных времен пользовались зимними и летними пастбищами на 12 кутанах, принадлежащих Мамурза-беку, за что платили ему подать⁵. В Аварии селения Ародирик и Коло платили нуцалу Ума-хану подать баранами за пользование его пастбищами⁶. Кроме того, свои пастбищные земли ханы, уцмии, майсумы и беки передавали в пользование нуждавшимся в земле узденям соседних народностей Дагестана.

Существовали и другие формы эксплуатации. Например, в Казикумухе в обществах Куба и Чукна с давних пор существовал обычай отдавать молочный скот и овец на выпас кому-либо из данной общины или из сородичей. На такую работу шли члены нуждавшихся семей или тахумов. Прирост поголовья овец шел в пользу хозяина, а молочные продукты делились, причем львиную долю получал хозяин.

Особой формой эксплуатации, существовавшей в сельской общине, была «родовая помощь», известная у аварцев под именем «гвай», у лезгин — «мел», у лакцев — «машвора», у даргин-

¹ Х. О. Х а ш а е в. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в., стр. 34.

² А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

³ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—нач. XIX вв. Рук. фонд ИИЯЛ, д. № 1765, стр. 297.

⁴ С. Белокурова. Указ. соч., стр. 404.

⁵ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 90, л. 103.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. Канцелярия военного губернатора. Даг. обл. д. 133, 1889, л. 44.

цев — «вилкѡа». Помощь эта состояла в том, что обедневшие родственники богача и рядовые члены общины бесплатно выполняли для богачей сельскохозяйственные работы. Это была отработочная форма эксплуатации свободных неимущих узденей, превратившаяся из первоначальной формы родовой взаимопомощи в средство закабаления и эксплуатации бедняков.

В рассматриваемое время развитие феодальных отношений, выразившееся в укреплении крупной земельной собственности, привело к усилению власти беков. Беки составляли обычную свиту хана, оказывали ему помощь советами, собирали ополчение и командовали им. Вассальные отношения беков к хану были основаны на факте принадлежности к бекству и на землевладении.

Источники XVI—XVII вв. свидетельствуют, что беки владели землей на правах полной собственности или при условии несения вассальной службы. В Казикумухе и Аварии, Кумыкии и Кайтаге были селения, которые назывались бекскими. В этих селениях распоряжались беки.

Ряд постановлений Рустем-хана и Ума-хана был направлен на защиту интересов беков. Согласно адатам уздени не имели права кровной мести беку. В случае убийства узденя, совершенного беком, убийца должен был скрываться из аула на два-три месяца. В это время родственники бека старались окончить дело примирением, причем родственникам убитого отдавалась часть имущества убийцы. В случае же убийства узденем бека родственники убитого вместе со своими узденями нападали на дом убийцы, убивали все его семейство, отбирали имущество и сжигали дом.

Беку принадлежали значительные права и в области судебной. Например, постановление кайтагского уцмия не позволяло кадию, у которого это постановление хранилось, читать статьи постановления без разрешения бека; в противном случае кадий подвергался штрафу.

Кодекс Рустем-хана обязывал всех являться на суд бека по первому призыву. В случае ослушания виновному грозил штраф «в сто кари хабцалдыку»¹. С невыехавшего с беком по тревоге взыскивался штраф в 10 раз больший, чем с невыехавшего с «обществом», а по своду Ума-хана — по одной овце с каждого невыехавшего.

Со второй половины XVI в. наблюдается дальнейшее оформление феодальной правовой иерархии. Наряду с беками появляется другая группа феодального класса — чанки.

Чанками назывались дети ханов, рожденные от неравного брака. Они не имели права на наследование земли и не получали звания беков. Это впервые было регламентировано в извест-

---

¹ Кари — мера равная 40 см; хабцалдыка — грубая домотканная материя.

ном постановлении Рустем-хана и нашло применение во всем Дагестане в течение всей первой половины XVII в. В Кумыкии происходила ожесточенная феодальная борьба, вызванная тем, что Салтан-Магмут эндереевский, будучи по происхождению чанкой, незаконно овладел частью наследства шамхала Чупана, умершего в 1574 г. О том, что чанки были лишены права наследования земли, свидетельствует выражение даргинского языка (кайтагский диалект): «ЧанкIа тальхъан», что значит: «голый феодал», т. е. феодал, не имеющий наследственного имущества. Во всех остальных отношениях чанки пользовались такими же правами, как и беки, и несли вассальную службу у ханов. Они собирали подати и решали судебные дела. Не случайно уцмий в своем своде предписывает чанкам, так же как и бекам, руководствоваться при решении дел статьями изданного им постановления.

В Казикумухе джамааты Гьухал, Гьунчукат, Қараши, Қьамаши, Кумы, Турчи, Бегекла, Кигярчи, Тюхчар, Цушар, Хусрах, Вихли и другие с давних времен назывались чанки—бекскими. Очевидно чанки получали эти джамааты от казикумухских ханов для ведения там судебных дел и сбора податей.

К феодальному классу Дагестана можно отнести и духовенство. Духовенство было представлено кадиями и муллами. Особое положение занимал кадий, управлявший Табасараном. Он считался верховным правителем земли подобно шамхалам, уцмиям и ханам. В остальном Дагестане, если не считать цудахарского кадия, были только сельские кадии, основные функции которых составляли разбор судебных дел по шариату и служба в мечетях.

Верхушечная часть духовенства занимала различные должности при дворе ханов. Турецкий путешественник Эвлия Челеби сообщает, что «дагестанское духовенство не платит никаких налогов падишаху (шамхалу), а подчиняется его воле. Духовенство пользуется здесь большими правами и преимуществами»¹. О том, что собственность духовных лиц охранялась законом, свидетельствуют статьи кодекса Рустем-хана, в которых назначается строгая кара за воровство из мечети. Духовенство являлось фактическим обладателем вакуфных земель. Но институт вакуфа не получил в Дагестане такого развития, как в странах Закавказья и Средней Азии, где размеры вакуфов были не меньшими, чем размеры земель других феодальных собственников.

В XVI—XVII вв. в Дагестане обычное право имело решительный перевес над шариатом. К шариату прибегали редко, вследствие чего вмешательство кадия в мирские дела было в то время весьма ограниченным. Несмотря на это, кадии все же выделялись из общей массы населения.

¹ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Отрывки из путешествия Эвлия Челеби. Д. 1157, л. 30—31.

Развитие имущественной дифференциации в сельских обществах — джамаатах — приводило к образованию новых сословий. В XVII в. появляется еще одна группа феодального класса, известная по терминологии русских источников XVII в. «лучшие владетельные уздени». Русский термин «лучшие», или «владетельные», применяемый к этой части узденства в Кумыкской плоскости, дает основание утверждать, что они владели землей, находившейся в пользовании крестьян. Земельное право «лучших узденей» было основано на вассалитете. Они несли разнообразную службу у беков и ханов. Они же назначались в качестве послов или их сопровождающих и составляли главную силу ханских и бекских отрядов¹. В документах XVI—XVII вв. имеется упоминание о «кабаках» (деревнях), принадлежащих первостепенным узденям. Например, в «кабаке» Шурани правил уздень Темирхан, в «кабаке» Какашура — уздень Бурунчи и т. д.

Процесс сближения «лучших узденей» с основными группами феодалов во владениях, находившихся в равнинном Дагестане, шел интенсивнее, чем во владениях, расположенных в горном Дагестане. В горных феодальных владениях процесс дифференциации крестьянства проходил более медленно и был менее четок.

Несмотря на дальнейший процесс развития феодальных отношений, дагестанский джамаат XVI—XVII вв. в известной степени сохранял свои порядки. Выше указывалось, что решение ряда судебных дел в общинах ханы поручали бекам. Однако беки не имели права самостоятельно решать судебные дела, власть их в этом отношении была ограничена. Беки вершили суд не единолично, а при участии созываемых для этой цели представителей общинной знати. Согласно своду узмий, бек был обязан ежегодно собирать «мудрых людей», руководствуясь сводом, разбирать тяжбы, не оставляя без наказания ни вора, ни грабителя.

Бек сам не имел права требовать от жителей, чтобы они шли на войну. Но если бек предварительно соберет «благоразумных людей», т. е. представителей патриархально-родовой знати, посоветуется с ними и на совете требование бека будет удовлетворено, то в таком случае лица, уклоняющиеся от участия в войне, подлежат штрафу. Когда же бек нарушал этот адат и собирал войско самовольно, то подвергался взысканию в пользу общества.

В ряде случаев при решении уголовных и гражданских дел штрафы взимались в пользу общества. Обычай так ревливо охранял вековые права общины, что члену общества запрещалось под страхом штрафа спешить навстречу объезжавшему селения беку или обращаться к хану без ведома общины и общинной администрации. «Если бек или чанка,— читаем в своде узмий,—приедет в какое-либо селение, то никто без позыва не должен приходить

---

¹ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1631, д. № 3, л. 7; Кайтагские дела. 1634, № 1, л. 92; Кумыкские дела, 1651—1653 гг.

к нему». Если же кто пойдет к беку, не будучи позванным, с того брать «сто кари хабцалдику». «Если кто без ведома местного начальства (общинной администрации),—говорится в своде Ума-хана,—обратится с жалобой непосредственно к хану, то с него взыскать штраф 30 овец».

В составе дагестанской сельской общины сохранялись родовые группы, носившие различные названия: тухум, тайпа, кьибил, эвлет, джинс, ковк, урш, ухитц. Стойко сохранялись и некоторые родовые порядки. Так, в кодексах Ума-хана и Рустем-хана подробнейшим образом регламентируется обычай кровной мести, в частности число канлы (кровных врагов); постоянны ссылки на очистительную присягу и на «тусевов», соприсяжников-родственников, число которых в некоторых случаях доходило до 7 человек, а в более важных случаях и до 40 человек. Свод Рустем-хана устанавливал ответственность родственников за преступления членов семьи. Родственники обязаны были убить члена семьи, замеченного в «дурных поступках». Каждый член семьи обязан оказать своему родственнику помощь — в уплате как наложенного судом штрафа, так и «цены крови».

В изучаемый период в Дагестане в значительной мере сохранялась общинная собственность на землю.

Из статей постановления Рустем-хана, а также кодекса Ума-хана видно, что в то время пастбищные земли находились в пользовании общины. Так, например, одна из статей свода Рустем-хана гласит, что если «кто откажется дать присягу им подозреваемому или без причины откажется присягнуть за другого, того скот не принимать в общественное стадо и всем прекратить с ним всякое знакомство». В тех же памятниках «пашня» фигурирует наравне с «домом», как находящаяся в индивидуальном владении. В своде Рустем-хана говорится, что «если в доме своем или на пашне убьет кого-либо без всякой причины, то с того семь пеней и семь канлы».

Из более поздних источников мы узнаем, что и в равнинном Дагестане наряду с мюльками, которые оставались в подворном владении независимо от их размера, в некоторых обществах существовало и общинное владение пахотными землями, которые ежегодно подвергались переделу. Передел производился либо поровну между всеми жителями, либо по количеству тягла. Обработка земли на плоскости производилась деревянной сохой, в которую впрягались несколько пар буйволов. Ввиду того, что отдельные крестьянские семьи не имели полного тягла, обработку земли они вели совместно и затем делили полученный урожай пропорционально числу голов рабочего скота. Во время переделов земли феодалы, которые имели возможность выставить несколько буйволов, получали не один, а несколько наделов, причем не по жребию, а по выбору.

В отличие от плоскостных районов, в горном Дагестане общинных пахотных земель было очень мало. Отсутствие в горных

условиях удобных земель для обработки являлось причиной того, что площади, пригодные к обработке, всецело находились в подворном владении. Небольшие мюльки, разбросанные по ложбинам гор, подготовленные с огромным трудом для посева, задолго до этого считались собственностью отдельной семьи. Владельцы могли передавать эти участки по наследству. Что касается их продажи, то, по шарияту, мюльки разрешалось продавать. Но определенных правил в отношении продажи мюльков не существовало.

В горной части Дагестана существовало совместное пользование пастбищами несколькими общинами. Например, в Аварии горы «Биорта» и «Пичин» с давних времен находились в общем пользовании селения Гидатль и соседних селений; сел. Бежида пользовалось пастбищами на горах «Хонок-меер» и «Боктул-меер» совместно с селениями Жажид, Начада, Тиншуда и Хотлоб. В Казикумухе с давних времен пастбищами на горе «Дуч-рагатаралу» владели девять джамаатов: Кумух, Дуци, Хути, Кулашац, Марки и др. Джамаат Кума с давних пор имел «бартгьурту» сел. Бигикла. Но эти общинные земли все больше и больше попадали в руки феодалов, стремившихся к узурпации крестьянства.

Наряду с узденями и лично зависимыми крестьянами в Дагестане существовали рабы. Источники XVI—XVII вв. говорят о том, что рабы использовались в хозяйстве феодала в качестве чабацов¹ и дворовой прислуги — каравашей. Как уже было сказано, рабов сажали также на землю, что приводило к образованию лично зависимых крестьян-райятов. Известно, что в Казикумухе и в Аварии были целые аулы (Кубра, Четтур, Ках и др.), населенные исключительно рабами.

В правовом отношении рабы были гораздо более унижены, чем другие группы зависимого населения. Согласно сводам Рустем-хана и Ума-хана, убивший раба не подлежал кровной мести со стороны его хозяина или его родственников, цена его крови компенсировалась в форме натуральных взысканий. За убийство раба, говорится в адатах Гидатлинского общества, выкуп (дият) не взыскивается, взыскивается только его стоимость в пользу владельца раба. Если же раб убьет свободного человека, то владелец раба обязан был уплатить полный дият².

В Дагестане был распространен захват людей для продажи их в рабство. Захватывали людей при столкновениях между феодальными владетелями, при набегах на Грузию³, при нападениях на проезжающих по так называемой «дагестанской доро-

¹ ЦГАДА. Ногайские дела. 1628 г., л. 212.

² Х. М. О. Хашаев. «К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. «Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», вып. I, Махачкала, 1956, стр. 76.

³ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 230—250.

ге»¹, пути, проходившем по приморской полосе Дагестана и шедшем из Закавказья на Терский город и Астрахань, с одной стороны, и на Кабарду, Кубань, в Крым и Азов, — с другой. Продавали рабов в Персию и Турцию. Крупными невольничьими рынками в то время являлись Дербент, Шемаха, Эндерей и др., где сбывались рабы из дагестанских феодальных владений. Олеарий в своем описании Шемахи сообщает, что здесь находился рынок, называемый «лезги каравансарай», где работорговцы из Дагестана продавали мальчиков и юношей, девочек и девиц, частью купленных ими, частью захваченных из своих же соплеменников².

Рабство в Дагестане не имело особого значения в общей системе феодальной эксплуатации, не составляло основы производства и носило патриархальный характер.

Итак, в Дагестане мы наблюдаем господство одного способа производства — феодального при наличии устойчивых патриархально-родовых пережитков. Основная масса феодально зависимого крестьянства состояла из узденей, объединенных в сельские общины — джамааты. Число райятов было по сравнению с основной узденской массой незначительным, в особенности в нагорном Дагестане. Господствующей формой феодальной ренты в горах и на плоскости была продуктовая рента. В социальном строе феодальных владений, расположенных в горной и плоскостной частях Дагестана, мы наблюдаем заметные черты сходства, которые в особенности проявляются в правовом положении феодально зависимых крестьян и в форме несения ими повинностей.

Несмотря на всю силу патриархально-родовых традиций, развивающиеся феодальные отношения в Дагестане приводили к классовым противоречиям, выражавшимся в борьбе общин против наступления феодалов на их свободы и в попытках уклонения крестьян от платежа податей и выполнения повинностей. Интересны в этом отношении некоторые статьи сводов Рустем-хана и Ума-хана.

В своде Рустем-хана особая статья указывает, что если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны остановить бека. Другая статья грозит изгнанием тому, кто завещает свое имение «в пользу бека или чанки», и разрушением дома того, кто станет вступаться за этого завещателя. Одна из статей свода, как уже указывалось, устанавливает штраф с бека в пользу общества, если он предпримет поход, не посоветовавшись с «благоразумными», т. т. со старшинами селения.

---

¹ ЦГАДА. Кабардинские дела, 1639 г. и 1638; Кумыкские дела 1650 г; М. А. Полиевктов. Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетню. 1640—43 гг. Тифлис, 1928, стр. 123, 158, 165; Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 236—237.

² А. Олеарий. Указ. соч., стр. 463; ЦГАДА. Кумыкские дела, 1650.

Классовая борьба выражалась также в побегах рабов и крестьян. Одним из вопросов, которые дагестанские владельцы ставили во время переговоров с русскими воеводами Терского города, был вопрос о бегстве «тягловых людей» и «ясырей», т. е. райятов и рабов, в Терский город. В 1640 г. посол эндереевского владельца Казаналипа жаловался в Москве на то, что из Эндери «хóлопы и рабы бегают в Терский город». Несколько позже Казаналип писал в Москву о том же в более общей форме, прося выдавать ему беглых тяглых и подданных людей¹.

Временами от форм глухого протеста классовая борьба переходила сквозь оболочку патриархально-родовых отношений, прикрывавших эту борьбу, в активные действия крестьянства, боровшегося против узурпации феодалами общинных прав и закабаления ими общинников. Недовольные политикой и эксплуататорскими стремлениями феодалов народные массы проявляли свое недовольство в форме отказа от платежа повинностей а порой и в форме открытых восстаний.

В июле 1614 года, когда по требованию шаха кумыкский князь Гирей собирал войска, чтобы идти на помощь персидским войскам против грузинского царя Теймураза, кумыкские люди восстали. Выступление кумыкских крестьян было настолько серьезным, что Гирей вынужден был обратиться к шаху с просьбой помочь ему организовать защиту от восставших². Такого же рода события произошли в Кайтаге, в Урджемильском магале, в конце XVI века. Однажды сын уцмий отправился в Урджемиль для сбора податей и был оскорблен жителями. Прибегнув, будто бы без ведома отца, к своему племяннику — шамхалу, он, взяв у него войско, пришел в Урджемиль и многих из старшин убил. Спустя некоторое время, когда урджемильцы опять стали волноваться, уцмий пригласил к себе старшин и убил зачинщиков. Не удовлетворившись этой расправой, уцмий вызвал из разных мест Ширвана терекемейцев и поселил их на землях урджемильцев и башлинцев³.

Борьба общественных низов против власти ханов и беков нашла свое отражение в устном народном творчестве Дагестана. Так, в замечательной аварской песне о Хочбаре⁴ рассказывается о борьбе гидатлинского общества против засилия аварских ханов. Песня проникнута острой ненавистью крестьянства к своим угнетателям.

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Политическое устройство феодальных владений Дагестана было сравнительно примитивно. Хань по установившимся обы-

1 ЦГАДА. Кабардинские дела. 1644 г. № 5, л. 179.

2 Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб, 1895, т. II, стр. 252—253.

3 А. К. Бакиханов. Указ. соч. Баку, 1926, стр. 89.

4 «Позэни» народов Дагестана». Дагиздат, 1954, стр. 41—46.

чаям выбирались на собраниях беков и представителей общинной знати. Выбор ханов был ограничен членами определенной правящей фамилии по принципу старшинства. Из-за ханского достоинства между членами фамилии шла борьба, имел место насильственный захват власти. Например, в 1631—32 гг. посол уцмия Урустан-хана (Рустем-хана — Р. М.) указывал в Москве, что после смерти уцмия «будут на княженьи братья его Чюкук да Устархан, да сын его Хан»¹.

Порядок передачи ханского титула по старшинству не был прочным. Иногда из-за ханского достоинства между членами рода возникали кровавые распри. Так, в 1645 г. в Кайтаге против уцмия поднялся племянник его, сын прежнего уцмия, Магомет-хан, которому удалось захватить престол после кровопролитной междоусобной борьбы². Во второй половине XVI в. в Табасаране в роде майсумов началась междоусобная борьба за достоинство майсума, во время которой были истреблены почти все члены этого рода, а оставшиеся переселились из Хошни в Джерах (Южный Табасаран). Об этом свидетельствуют уцелевшие в сел. Джерах надписи на надгробных памятниках майсумов³.

Переход престола хана по старшинству наблюдался также в Аварии и Казикумухе. Аварские и казикумухские ханы избирались на собрании представителей патриархально-феодальной знати. Соблюдалось правило, что первым кандидатом считался старший в роде. При этом требовалось, чтобы избираемый не был чанка, а происходил от равного брака.

Власть ханов как на плоскости, так и в горах далеко не была неограниченной. При решении вопросов о войне и мире, а также при решении судебных дел права ханов были ограничены общинной организацией.

Основные функции по управлению несли беки и чанки. Влиятельное положение при дворе занимал муфтий. Хань окружали себя муфтиями и вассалами, благодаря чему приобрели большую политическую власть. Эвлия Челеби, посетивший дворец шамхала в Тарках, свидетельствует, что «Шей-ул-ислами сидит не рядом с падишахом, а немного выше его, а глава армии сидит ниже падишаха. Советники и визири сидят напротив шамхала, стоя обслуживают хана. В распоряжении визиря находится 3000 солдат»⁴.

Развитие торговых и политических связей с другими странами приводило к необходимости создания разных институтов

¹ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1634, № 1, л. 12

² ЦГАДА. Кабардинские дела. 1645, ф. 1, лл. 201—202.

³ ЦГА ДАССР. Записка о сословно-поземельном строе в Сев. и Южн. Табасаране, ф. 150, оп. № 1, д. 1, л. 2.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1157, л. 90.

феодалной администрации для внешнеполитических сношений. С этой целью ханы используют своих аталыков¹ и молочных братьев — имельдышей.

Как известно, обычаи аталычества и связанного с ним молочного родства были в известной мере распространены и в Дагестане. В более отдаленные времена практика аталычества была присуща всем социальным слоям кавказских народов². В рассматриваемое время аталычество приняло определенный классовый характер. Детей отдавали на воспитание в родственную группу, стоящую ниже на лестнице феодального подчинения.

В русских источниках XVII в. упоминается существовавшая в Дагестане должность абыза, т. е. писца. В дагестанских феодальных владениях государственный аппарат был неразвит, неоформлен, и дядьки — аталыки, молочные братья и абызы выступают в качестве доверенных лиц ханов и исполнителей их поручений.

Ряд обязанностей по управлению несли нукеры, набравшиеся из верхушки узденства, а также из райятов. Нукеры выполняли разнообразные поручения при осуществлении финансово-административных и судебных дел, составляя вместе с тем постоянные военные отряды ханов и уцмиев. Источники свидетельствуют, что подати беки собирали также с помощью своих нукеров. То, что беки сами ездили по селениям для сбора податей, подтверждается рассказом, приведенным Бакихановым, о событиях в Урджемиле и в Башлах³.

Административное устройство в частновладельческих феодальных владениях было еще проще и примитивнее. Бекский двор по сравнению с двором хана был меньше и беднее, с меньшим числом нукеров и рабов.

Несложно было и местное управление. Вся территория ханства делилась на магалы, или союзы общин — джамаатов. Магалы в свою очередь распадалась на джамааты — сельские общины.

В сводах Ума-хана и Рустем-хана имеется перечисление должностей общинной администрации, выбиравшейся на собраниях джамаатов или назначавшейся ханами. Например, в своде Ума-хана упоминаются кадий, чоуш, нарочный, старик и ученик.

Обязанности дибира (кадия) и будуна (или мудуна) заключались в чтении корана в мечети, оглашении призывов на молитву, наблюдении за порядком в мечети и сохранении в целости имущества мечети. Кадий и мудун имелись только при главной мечети селения, в мелких мечетях службу несли муллы.

¹ Аталык — лицо, бравшее ребенка на воспитание. Аталычество состоит в том, что ребенок вскоре после рождения переходит на некоторое время в другую семью, а затем возвращается к своим родителям.

² М. О. Косвен. Аталычество. «Сов. этнография». 1935, 2; С. В. Юшков. К особенностям феодализма в Дагестане. Свердловск, 1938, стр. 20.

³ А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88—89.

Они не имели права решать дела ни по шариату, ни по мас-лагату.

Сельские старшины у кумыков носили название карт, что значит «старик», «почтенный». У аварцев старейшины назывались чукби и адиль-заби, у лакцев — куначу; в Табасаране сельские судьи назывались кеуха. Число сельских старшин зависело от величины селений. Во многих селениях Дагестана сельские старшины назначались ханами и беками. Так, одна из статей кодекса Ума-хана гласит, что «без надлежащего разрешения администрации ханства нельзя назначать ни сельских судей, ни глашатаев».

Но были джамааты, в которых продолжал существовать порядок ежегодного выбора старейшин. Об этом свидетельствует запись в журнале Лопухина, посланного из Шемахи в Москву, где говорится, что «в Кубачи управителей из своей братии имеют погодно»¹.

Оглашение и исполнение приказаний кадиев и картов, наблюдение за порядком, надзор за общественными землями и посевами лежала на тургаках. У аварцев они назывались елями, у даргинцев, лакцев и лезгин — чоушами и т. д. Назначались они в количестве от 1 до 4 человек на срок от месяца до года, с согласия кадия и картов.

Все дела в сельской общине разбирались по адату. Никто не имел права спорить с чоушами или мешать осуществлению их обязанностей. Виновный в этом подвергался штрафу.

Феодальные владельцы поручали старейшинам сбор податей и мелкие полицейские дела. Сосредоточение в руках старост разнообразных административных функций являлось предпосылкой того, что в будущем в лице их выделится верхушка, отличавшаяся своим богатством от других членов общины. Это был процесс имущественного расслоения в общине.

Общины Дагестана не были по своей структуре однотипными. В тех общинах, которые находились в нагорной части, общинные порядки сохранились лучше, чем в тех, которые находились на равнине.

Для борьбы с непокорными общинами, для грабительских набегов и для защиты своих владений ханы нуждались в войске. Так же, как центральное местное устройство, военная организация в феодальных владениях Дагестана была весьма простой. Постоянной и, если можно так выразиться, профессиональной армии в феодальных владениях не было. Дагестанские феодалы держали при своем дворе лишь небольшие отряды из нукеров, набравшихся из первостепенных узденей. В случае войны ханы созывали беков и первостепенных узденей, которые приводили с собою военные отряды, выставляемые общинами. Эти отряды

---

¹ С. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л. 1949 г. Стр. 195.

находились под непосредственным командованием беков. Выйти на войну считалось обязанностью каждого человека. Свод Ума-хана гласит: если кто по тревоге не выйдет без уважительных причин, то взыскивается по одной овце с каждого невышедшего; уважительными причинами являются болезнь, преклонный возраст, несовершеннолетие (недостижение 20 лет) и наличие вражды с кем-либо.

В постановлении удмия также указывалось, что «никто не должен отказываться выйти с беком во время тревоги». Невыехавший с беком подлежит штрафу в размере «тысячи кари хабцалдику». По-видимому, в большой поход шло народное ополчение, хотя в целом народ перестал уже быть войском.

Дагестанские владетели строили крепости для защиты от внешних врагов. Таковы типичные средневековые крепости: в Кайтаге — Ицари, в Хунзахе на вершинах гор — Гакару и Чина, остатки которых сохранились до настоящего времени. Крепости служили не только для защиты от внешних врагов, но и являлись укрепленными резиденциями ханов.

Основу вооружения составляли холодное оружие (кинжалы, сабли, копья) и огнестрельное оружие. Когда отправлялись в походы, надевали броню и шлем¹.

Перед феодальными владениями Дагестана стояли задачи как внутривосточного, так и внешнеполитического характера. Для выполнения их вооруженное войско являлось необходимостью.

§ 4. КУЛЬТУРА

В XVI—XVII вв. народы Дагестана развивали и обогащали культуру своих предшественников.

В устном творчестве народностей Дагестана нашли свое отражение самые разнообразные стороны жизни горцев: политические события, борьба с ирано-турецкими захватчиками, с насилием местных феодалов и т. д. Наиболее распространенным произведением устного народного творчества, запечатлевшимся в памяти горцев, является песня о Хочбаре Гидатлинском, относящаяся к концу XVII в.

Хочбар — легендарный герой «вольного» общества Гидатль, боровшегося против хунзахских пуцалов (ханов). В песне о Хочбаре нашел яркое отражение протест масс против угнетателей — ханов и горячая симпатия, которой пользовался в массах Хочбар. В этой песне образ народного героя переплетается с образом искусного певца. Герой гибнет, силой увлекая на костер наследников ненавистного тирана. Песня характерна не столько идеей мести, сколько идеей борьбы. Это чувство ненависти к аварским ханам хорошо передано в словах Хочбара, обращенных к хану.

¹ Я. Я. Стрейс. Указ соч., стр. 218—228.

«Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль увел у хунзахцев быков?»
«Вы сами считайте, как много увел,
Но ими дарил я одиннадцать сел».

«Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль угнал у хунзахцев овец?»
«Вы сами считайте, как много угнал,
Но я беднякам их без счета давал!»

Эту песню высоко оценил Л. Н. Толстой, сказав, что «Песня о Хочбаре — удивительна».

В Дагестане широкое распространение получили такие формы устного народного творчества, как пословицы, анекдоты, сказки и т. д. В них отражалась тяжелая доля народа и беззаботный образ жизни ханов. Так, одна аварская пословица гласит: «Нущал (аварский хан) куда бы ни пошел, найдет пир; бедняк хотя бы на пир пошел, найдет труд».

Весь период XVI—XVII вв. проходит под знаком борьбы народов Дагестана против турецко-персидских захватчиков. События этого периода отражены в эпических песнях и сказках народов Дагестана. Широкое распространение получили песни-плачи, достигшие высокой силы выразительности. Свою жизненность эта поэзия сохранила до настоящего времени. Наряду с этими песнями бытовало множество героических песен.

В XVI—XVII вв. усиливается проникновение в Дагестан арабской культуры. В целях распространения и укрепления ислама в Дагестане при мусульманских мечетях открывались школы, в которых обучали корану, арабскому языку и письменности. В 1639 г. известный ученый-арабист Шаабан, сын Исмаила из аула Обода (Авария), возвратившись с Ближнего Востока, где он учился долгие годы, организовал в Аварии арабскую школу¹.

В то время в Дагестане вырабатывалась особая форма арабской письменности, которая облегчала перевод с арабского языка на язык народов Дагестана. До нас дошли комментарии известного дагестанского арабиста Тайгиба (1563—1668) на аварском языке, написанные на полях рукописи арабской книги «Аль Вафийэ шерх-аш-шафийэ»². Аварские слова и выражения, данные Тайгибом в качестве перевода текста и комментариев³, дают возможность представить, в какой степени в XVII в. был разработан аварский алфавит. Дагестанские ученые при чтении и изучении арабоязычной литературы из-за сложности арабского синтаксиса сталкивались с рядом трудностей в понимании смысла текстов. Поэтому ими была выработана своеобразная система

¹ М. С. Саидов. Возникновение письменности у аварцев. «Языки Дагестана». Махачкала, 1948 г., стр. 138.

² Там же.

³ И. Ю. Крачковский. Арабская литература на Сев. Кавказе. «Известия АН СССР», вып. I, 1948 г., стр. 16.

пояснительных знаков, которая облегчала перевод арабских текстов на языки Дагестана¹. Известной рукописью, снабженной пояснительными знаками, является «Тафсир» (комментарий к корану) аль Байдави, переписанный Мухамедом Кудутлинским².

В XVI—XVII вв. учеными-арабистами, известными не только в Дагестане, но и на мусульманском Востоке, были Мухамед Кудутлинский (из сел. Кудугль), Дамадан (из сел. Муги), Тайгиб (из сел. Харахи), Шаабан (из сел. Обода) и др. Произведения этих ученых носили не только религиозный характер. Среди них встречаются сочинения математические, по астрономии — для вычисления точного времени молитв и постов, по логике и философии и т. д.

Нельзя отрицать и положительной роли, которую сыграла арабская культура в Дагестане. Вместе с схоластической литературой сюда проникали и произведения передовых представителей арабской науки. Через арабскую мусульманскую литературу дагестанцы знакомились с греческой, индийской и древне-персидской культурой.

Однако арабская литература и язык не были распространены среди основной массы населения Дагестана. Арабский язык и культура были доступны преимущественно представителям привилегированных слоев. Преподавание же в примечетских школах было направлено на механическое заучивание догматов корана. Такое обучение мешало проникновению культуры передовых народов мусульманского мира, оно служило орудием для оправдания эксплуатации одного класса другим.

Известное развитие в Дагестане получила в то время медицина. Дагестанцам издавна было знакомо лечение травами, обладающими целебными свойствами, а также другими лекарствами собственного изготовления. Народные врачеватели (хакимы) не обладали теоретическими знаниями и были зачастую бессильны в лечении внутренних болезней, но зато показывали высокое искусство в лечении переломов костей и ран. В своем описании сел. Эндери Эвлия Челеби говорит о наличии в нем многих ученых и поэтов, считающихся «знатоками множества наук. Среди них бесчисленные хирурги и врачи, которые пользуются достаточной известностью»³. Дагестанские хакимы опирались на практические навыки и опыт, накопленные многими поколениями горцев. В противовес народному врачеванию муллы распространяли суеверия, веру в чудодейственное вмешательство божественных сил.

---

¹ А. М. Барабанов. Пояснительные значки в арабских рукописях и документах. «Советское востоковедение», вып. III, 1945 г. стр. 208.

² Там же, стр. 207.

³ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1157, л. 98.

В XVI—XVII вв. развивалось и прикладное искусство: архитектура, резьба по камню, дереву и др. Основным архитектурным сооружением того времени оставался жилой дом. При этом зодчество уже ярко отражало социальное расслоение. Наряду с жилыми домами простейших видов существовали «дворцы» ханов и беков.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби говорит, что в Тарках «имеются прекрасные здания, как дворец шамхала, ханский дворец, дворец Хурхурбека, дворец Улибека, дворец Касумбая и дворец Алиб-бая»¹. Жилища богатых отличались от жилищ бедных не только своей архитектурой, но и своими размерами, в частности, наличием нескольких комнат для гостей и помещений для скота.

Материалом для сооружения домов служил отесанный камень, собираемый прямо с горных осыпей, или колотый, со скал. Горцы умели делать арки. Материалом для покрытия домов служили дерево и каменные плиты.

Народные мастера создали замечательное искусство художественной обработки камня и дерева. Известными памятниками искусства резьбы являются уцелевшие каменные дома с арабской датой 1673 г. в ауле Корода².

Искусство Дагестана, как свидетельствуют археологические данные, носит следы тесных связей с соседними областями Северного Кавказа, Закавказья и России. Эти связи проявляются прежде всего в художественном орнаменте изделий из камня, глины и металла. В кубачинском искусстве известен узор в виде «букета симметрического или же не симметрического изогнутого», носящего название «Москов»³. Он мог появиться в XVI—XVII вв. в связи с ростом спроса у русских на товары кубачинского производства.

Наиболее известными центрами гончарного производства в Дагестане были Балхар и Селевкент. Глиняная утварь балхарцев обладала высокими художественными достоинствами, своеобразным изяществом форм, орнаментом, в котором сочетались элементы растительные, геометрические и стилизованные изображения птиц и животных.

Для лезгинских, табасаранских, аварских, кайтагских и кумыкских ковров, чеканной гравировки, медных кувшинов, ювелирных изделий лакцев и кубачинцев и деревянных изделий аварцев из селений Унцукуль и Куяда был типичен сложный растительный узор со стилизованными изображениями птиц, животных, человеческих фигур, с мотивами бараньих рогов, спиралей и пр.⁴.

¹ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1157, л. 89.

² А. С. Баширов. Петрографика Аварии. М. 1931, стр. 132.

³ Н. Бакланов. Указ. соч., стр. 57.

⁴ Н. Бакланов. Златокузницы Дагестана. 1926.

Приведенная здесь краткая характеристика культуры Дагестана в XVI—XVII вв. показывает, что несмотря на большую этническую пестроту, экономическую и политическую раздробленность страны и непрерывные нашествия ирано-турецких захватчиков, культура народов Дагестана была в основе своей общей, идейно сходной и самобытной.

РУССКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В XVI—XVII вв.

История Дагестана XVI—XVII вв. характеризуется укреплением политических связей Дагестана с Россией.

Чтобы оценить значение русско-дагестанских отношений как для народов Дагестана, так и для русского народа, надо прежде всего изучить характер экономических связей и одновременно показать ту сложившуюся напряженную международную обстановку, которая оказывала сильнейшее влияние на процесс образования русского многонационального государства.

В противоположность застойным формам социально-экономических отношений в султанской Турции и в шахском Иране Россия примерно с XVII в. вступает в «новый период» своей истории, определивший ее развитие по капиталистическому пути. В России развивается производительные силы и товарное производство, рассчитанное уже на широкий сбыт, складывается всероссийский рынок.

В этих условиях вопрос о внешних рынках приобрел большое значение. Однако торговые отношения с Западом были затруднены — в течение XVI и XVII вв. Россия оставалась отрезанной от балтийских портов. Зато с присоединением в середине XVI в. Казани и Астрахани Россия вышла к Каспийскому морю. В течение второй половины XVI в. и в XVII в. торговый обмен со странами Востока, с Закавказьем, Ираном и Средней Азией приобрел систематический характер, что было важно как для России, так и для Востока.

Из России вывозились предметы мелкой промышленности (железные и деревянные изделия, кожи и кожанные изделия, льняные ткани) и промыслов, особенно меха, сбыт которых на Востоке имел существенное значение для русской казны; на восточной торговле складывался крупный купеческий капитал, который впоследствии способствовал промышленному развитию. С востока вывозились местные текстильные изделия, шелк-

сырец, хлопок, сафьян, нефть, марена, пряности, драгоценные камни. Часть восточных товаров шла транзитом на Запад¹.

Азербайджанские, грузинские, армянские и средне-азиатские купцы постоянно торговали в Астрахани и приезжали в Москву. Русские купцы, спустившись в Астрахань по Волге, ездили отсюда на Кавказ и в Иран, — сухим путем через Дербент, а морем, высаживаясь обычно в Низабате, на так называемой «Низовой» пристани между Дербентом и Баку; отсюда шел путь на Шемаху. Можно сказать, что в течение XVII в. подготовлялось включение Закавказья и стран Средней Азии в систему всероссийского рынка, что служило предпосылкой их присоединения в будущем к Русскому государству.

С открытием волжско-каспийского торгового пути в товарообмен Руси с Востоком включились и феодалы Дагестана с их «купчинами», тем более, что сухопутная дорога из Астрахани в Закавказье и Иран проходила через Дагестан, через «дербентские ворота». Феодалы Дагестана брали с проезжих восточных и русских купцов пошлину, обычно натурой, например, «со вьюка по киндяку да по бязи лощенной» или «со вьюка по 3 киндяка», благодаря чему в их руках скапливались восточные товары². Пользовались они и средневековым обычаем ограбления морских судов, разбитых непогодой у дагестанского берега; посылали своих «людей», т. е. рабов и купчин на восточные рынки для закупки товаров, чтобы отправить их в Астрахань и Москву.

Тотчас после присоединения Астрахани к Русскому государству в 1556 г. к русскому воеводе в Астрахани была «присылка» из Шемахи, из шамхальства и из Тюменского ханства (в устьях Терека) «о миру» и о торговле. В 1557 г. опять из шамхальства, из Дербента, Шемахи и Юргенча сообщали о приезде весной в Астрахань «со многими торги»³. Послы из шамхальства и из Тюмени в 1557 г. хлопотали между прочим и о том, чтобы «торговым бы людям дорогу... чисту учинить»⁴.

В течение XVII в. торговые связи приняли систематический характер. Обычно с каждым дагестанским послом в Москву приезжал купчина того или иного дагестанского феодала, приво-

---

¹ М. Ф. Фегнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М. 1952; А. Я. Шпаковский. Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв. — «Сб. Историко-этнографического кружка при У-нте св. Владимира», Киев, 1915, в. VII; А. В. Панков. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Сб. «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927; А. Чулошников. Торговля Моск. государства с Ср. Азией в XVI—XVII вв. Сб. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л. 1933.

² ЦГАДА. Кумыкские дела. 1632, л. 93; Ф. А. Котов. Хождение на Восток... Известия отделения русск. языка и словесности Ак. наук, 1907, т. XII, кн. 1, стр. 80.

³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 277, 281.

⁴ Там же, стр. 284.

живший восточные товары на крупные суммы и покулавший товары для отправки в Дагестан. Приведем несколько примеров.

В 1621, 1623 и 1627 гг. в Москву приезжал купчина Эльдара Тарковского и привозил товаров на 1980 р., 2893 р. и 3684 р.; в 1642—43 гг. посол шамхала Сурхая привез товаров на очень большую сумму — 8110 р. Привозили в Москву товары и купчины уцмия Кайтагского. Купчин по челобитью обычно освобождали от уплаты таможенных пошлин.

Торговые связи шамхалов с Астраханью были постоянными. Шамхалы добились освобождения от пошлин товаров на 600 руб. ежегодно, но присылали на значительно большие суммы, например, в 1631 г. два человека шамхала Эльдара привезли в Астрахань товаров на 2133 р., в 1641 г. человек таркаловского мурзы — на 700 р. Присылали караваны торговых людей и в Терский город. В привозе были преимущественно восточные товары, шедшие через Дагестан транзитом, — всевозможные шелковые и бумажные материи из Азербайджана, Ирана и Средней Азии, шелк-сырец и шелк крашенный, сафьян, шелковые кушаки. К местным северо-кавказским товарам можно отнести попоны черкасские, овчины, шубы бараньи. Из России в Дагестан купчины привозили сукна, меха, кубки, котлы, по специальному разрешению предметы вооружения — пищали, сабли, панцири и тоже по специальному разрешению — татарских пленников — ясырь¹.

Этот торговый обмен был выгоден для дагестанских феодалов, которым правительство русского феодального государства оказывало поддержку, укрепляя их положение. Характерно, что купчины торговали не от своего имени, а прикрывались именем феодалов. Это указывает на неразвитые формы торговли в Дагестане. Надо подчеркнуть и то, что товары были преимущественно привозные, не местного производства.

Более интересны сведения о тех повседневных экономических связях, которые установились у населения Дагестана, преимущественно его плоскостной части, с русским Терским городом, возникшим в устье Терека на его протоке Тюменке в 1588—89 гг.

Терский город очень скоро после основания стал не только сильной крепостью, но и крупным местным торговым пунктом с этнически смешанным населением. Через него проходили пути в Дагестан, Закавказье и Иран, в Кабарду и через Кабарду и Осетию, по Дарьяльскому проходу, в Грузию, на Дон и Азов, на Русь и Москву через Астрахань и через Рязск. Недалеко от Терского города проходил и основной северо-кавказский путь, пересекавший весь Северный Кавказ и шедший на Дербент. Торговое значение этого пути в XVI—XVII вв. отмечено тем,

---

¹ ЦГАДА. Кумыкские, Кабардинские и Кайтацкие дела. ф. Посольского приказа.

что в русских острожках, не раз возникавших у перевоза через Сунжу, брали таможенную пошлину¹. Была таможня и в Терском городе. В 1678 г. терский таможенный сбор был пожалован из Москвы кабардинскому князю Каспулату Муцаловичу, служившему в Терском городе, за участие с местными северо-кавказскими силами в Чигиринском походе русских войск против Турции². Из Терского города «со вьюками» было 5 дней езды до Тарков и 8 дней — до Дербента³.

В Терском городе было значительное русское и нерусское население. Гарнизон состоял из 1½—2 тыс. стрельцов, служилых людей — годовальщиков, по временам в XVII в. присылались на Терек и солдатские полки нового строя. Там постоянно бывали и жили русские торговые люди, трудовое население, обслуживавшее заходившие сюда морские суда и работавшее на рыбных промыслах.

Значительное русское население, состоявшее преимущественно из беглых крепостных крестьян, было в казачьих городках — в Гребенях и по Тереку. В XVII в. из Терского города выдавалось денежное и хлебное жалование на 500 гребенских казаков, но в действительности взрослое мужское население было многочисленнее этого комплекта⁴.

Вскоре после основания русской крепости под ее стенами обосновалось многочисленное местное население. В 1590 г. сюда выехали служить два кабардинских князя с их узденями и «холопами», бежавшие от междоусобных распрей. Так было положено начало многолюдной «Черкасской слободе». Несколько позже возникла слобода «Окоцкая» — она была основана ушедшим с гор ингушским обществом Акко, которого притесняли кумыкские мурзы. В Терском городе «окочане» попали в вассальную зависимость от кабардинского князя Сунчалаея и вынуждены были выполнять на него барщинные работы — «пашня пахати и сено косити»⁵.

Новокрещенская и Татарская слободы были населены крещеным и некрещеным местным населением, в том числе и кумыкским. Из Дагестана сюда выезжали на постоянное житье и в одиночку, и небольшими группами в несколько десятков человек, а иногда и значительными — в несколько сот человек⁶.

По отзыву русского торгового человека, проезжавшего через Терский город в 1623 г., слободы его были «велики», около города было «садов много» и находились пашни русского и нерус-

¹ Акты исторические, т. VI, № 52.

² ПСЗ, П, № 743.

³ Ф. А. Котов. Указ. соч.

⁴ Акты исторические, т. IV, № 96, 169; т. V, № 215, 221; ЦГАДА. Кумыкские дела. 1623 г., и др.

⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 4, 553—561; ЦГАДА. Кумыкские и Кабардинские дела.

⁶ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1643, № 1, л. 425—426. Кумыкские дела.

ского населения — поливные из протоков Терека. В казачьих городках по Тереку уже тогда начало развиваться виноградарство и виноделие, начали разводить и тутовые деревья. В устьях Терека и на море занимались рыболовством; на о. Чечен, по свидетельству того же торгового человека, «ловят рыбу терские люди и тарковские кумычане и горские черкесы»¹. В 1626 г. терский воевода писал, что «на Терек приезжают многие горские мурзы и уздени и их люди многие и живут на Тереке вместе с русским людьми, и опасенья от них и береженья к ним нет ни которого»².

Терский город рано приобрел и торговое значение. В нем были «русские ряды» и гостиные двory — старый, новый и гилянский, где торговали русские люди и тезики — восточные купцы из Ирана, Закавказья и Дербента, и приезжие, и обосновавшиеся здесь надолго. Так, в 1629 г. тезик Хозянур сообщал, что он живет в Терском городе уже лет 20 и торгует «сложась» с русскими людьми. Два раза в неделю в городе были базарные дни, был и конский базар³. В рядах и на гостиных дворах торговали преимущественно привозными товарами — восточными и русскими, но надо отметить торговлю и местными, северо-кавказскими продуктами и изделиями.

В период интервенции начала XVII в., когда прекратился подвоз в Терский город хлебных запасов из Руси по Волге и Каспийскому морю, терские стрельцы и служилые люди покупали хлеб «у кабардинских черкас, и у кумыкских людей в Тарках и в Карабудаках, и у гилянских и у дербентских тезиков», привозивших хлебные запасы для продажи на Терек. В 1614 г. «Кумыках... и в Черкасах (т. е. в Кабарде) хлеб не дородился», и русское население города оказалось в трудном положении⁴. Подвоз зерна и муки продолжался и позднее. Очень интересен дошедший до нас случайный факт — в начале 1630-х гг. один из кайтагских беков прислал в Терский город на продажу 30 кулей пшеничной муки⁵. Привозили также фрукты, орехи, марену. К изделиям местного производства надо отнести такие товары, как «ковры, попоны, овчины, шубы бараньи». Наконец, пригоняли скот и приводили на продажу лошадей, а также отгоняли их в Москву в так называемых «ордобазарных станицах». Дагестан-

---

¹ Ф. А. Котов. Указ. соч.; А. И. т. IV, № 40, 63 и др.

² ЦГАДА. Кабардинские дела. 1625, № 1, л. 34; Р. Г. Маршаев. Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в 1-ой пол. XVII в. М. 1954 (автореферат), стр. 13.

³ ПСЗ. т. III, № 1585; ЦГАДА. Кабардинские дела. 1645, лл. 28—31 и др.; Персидские дела. 1629, № 5 и др.

⁴ Отдел рукописей и древних актов Ин-та истории АН (в Ленинграде), ф. Астрах. приказной палаты, картон II, № 299.

⁵ ЦГАДА. Кайтагские дела. 1635 г.

ские аргамаки — быстроходные лошади — высоко оценивались в Москве¹.

Экономические связи далеко не всегда осуществлялись в мирной обстановке. При провозе товаров по «дагестанской дороге» на Дербент надо было платить пошлины каждому феодалу, через владения которого проезжали купцы. Часты были и грабительские нападения на торговые караваны. С другой стороны, на северо-кавказской дороге, особенно на перевозах через реки, купцов как русских, так и нерусских подстерегали казаки, для которых такого рода «промысел» был обычен. Постоянно встречаются в архивных документах и жалобы на злоупотребления терских воевод, которые чувствовали себя безнаказанными в далеком от столицы городе и занимались прямым вымогательством. Несмотря на эти препятствия, экономические связи постепенно укреплялись.

Для XVI—XVII вв. их значение не надо преувеличивать, они еще мало влияли на натуральный характер хозяйства в Дагестане. Но установившиеся регулярные сношения, несомненно, способствовали возникновению и укреплению здесь ориентации на Россию.

Еще сильнее в том же направлении действовали политические связи, развивавшиеся в напряженной внешнеполитической обстановке.

В международной обстановке, сложившейся в XVI в. на Востоке и на Кавказе, одной из важнейших сторон были отношения между султанской Турцией и шахской Персией. С конца XV в. через весь XVI в. идут кровопролитные турецко-персидские войны—войны 10-х и 30-х гг. XVI в., война 1548—55 гг., наконец длительная война, начавшаяся в 1578 г., затихшая в 1590 г., снова разгоревшаяся в начале XVII в. И та, и другая сторона стремились к завоеванию Кавказа, население которого подвергалось опустошительным нашествиям и тяжелому гнету со стороны завоевателей.

Острая борьба шла за овладение Азербайджаном с его шелковым районом мирового значения и за Дагестан. Здесь привлекал Дербент и приморские районы. Кроме того, Дагестан имел и важнейшее стратегическое значение — через Дагестан в Закавказье проходил путь, которым в тыл персидским войскам могли проникать войска вассалов султана—крымских ханов, подкрепленные турецкими отрядами. В войсках шаха конница была основной силой, поэтому использование конного татарского войска было для турецких пашей-военачальников особенно важно. В войну середины XVI в. турецко-татарские силы прошли через Северный Кавказ, по-видимому два раза, в 70-е — 80-е годы XVI в. — не раз туда и обратно. Через Северный Кавказ могли осущест-

¹ Акты исторические., т. IV, № 40; ЦГАДА. Кабардинские дела. 1644, № 5, л. 20 об; Кумыкские дела.

вляться сношения султанов и с ханами Средней Азии, возможными союзниками против шаха.

Однако агрессия как султанов, так и шахов в сторону Северного Кавказа столкнулась с упорным сопротивлением местных народов. Правда, оно было разрозненным и ослаблено тем, что на разных этапах султанам и шахам удавалось склонить на свою сторону тех или иных феодальных правителей, причем султаны в широкой степени использовали и мусульманскую пропаганду войны суннитов против кизылбашей — шиитов. Но борьба с агрессивней продолжалась.

Для успеха ее чрезвычайно важное значение имели сношения народов Северного Кавказа с Россией, установившиеся с середины XVI в. Они отвечали интересам политики и русского правительства — интересам обороны от турецко-татарской опасности и укрепления экономических и политических связей с Востоком, с Закавказьем и особенно с Грузией.

Во время турецко-персидской войны 1548—1555 гг. установилась вассальная зависимость от русского правительства адыгейских племен Северного Кавказа и тесные связи Москвы с ногаями. Это чрезвычайно затруднило для султана использование северо-кавказского пути и разрушило турецко-татарские планы овладения Астраханью¹.

Присоединение Астрахани к Русскому государству в 1556 г. было фактом крупнейшего значения для развития русско-кавказских связей.

Выше уже приводились сведения о торговых связях шамхальства с Астраханью. Но посольства из Дагестана затрагивали и другие темы, открывая для русского правительства пути влияния на внутренние взаимоотношения на Северном Кавказе. Уже в 1557 г. через Астрахань из шамхальства и Тюменского ханства пришли в Москву послы с просьбой «о холопстве» и об оберегании «со всех сторон»². В 1559 г. тюменский князь Мамай Агишев просил из Астрахани военной помощи против своего дяди. Позднее два брата Агишевы выехали служить Москве, крестились (Василий и Роман Агишевы Тюменские) и постоянно принимали участие в походах русских войск во время Ливонской войны.

Очень интересно и другое известие того же года, дошедшее до нас в лаконичной летописной записи: о том, что из шамхальства просили государя (Ивана Грозного), чтобы он «прислал рать на крым-шевкала, а им дал иногу, а они всею землею холопи государевы неотступны»³. Следует предположить, что

¹ Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. «Исторические записки», № 34, 1950; Г. Д. Бурдей. Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI в. 1953. (автореферат).

² ПСРЛ, т. XIII 1-я пол., стр. 284.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я пол., стр. 322; Сибирский сборник, т. I, М. 1845 Разрядная книга 7067—7112 гг.

в этой записи речь шла о самом шамхале. По-видимому, в связи с этим посольством, а также в связи с просьбами из Кабарды, с которой у московского правительства установились самые тесные отношения, в 1560 г. видный воевода Ивана Грозного Черемисинов ходил из Астрахани морем на Тарки, взял и сжег город и заставил шамхала уйти в горы¹.

Следующее посольство из Дагестана в Москву относится уже к 1567 г.; от шамхала² прибыл его имельдеш «с великими поминками», т. е. подарками (в числе которых был слон). Шамхал «бил челом» Ивану Грозному, что «хочет быть в его воле». Ответное посольство из Москвы в шамхальство 1568 г. поставило вопрос о постройке русского города на реке Овечьи воды, и шамхал «дал» Овечьи воды³. Это название надо скорее всего отнести к р. Койсу—Сулаку, т. к. речь шла о постройке русской крепости в северной части Дагестана. Точных сведений о том, была ли возведена эта крепость, нет, но известно, что в 1567 г. по просьбе кабардинского князя Темрюка Айдаровича, тестя Грозного, был построен русский острог у впадения р. Сунжи в Терек, у перевоза через Сунжу. Благодаря этому северо-кавказский путь оказался под русским контролем и полностью запертым для Крыма и Турции.

Постройка русской крепости на Северном Кавказе вызвала для России очень тяжелые последствия и дипломатического и военного характера. Из Крыма и Турции требовали снести крепость на Тереке и «отперети дорогу» в Закавказье и Среднюю Азию. В переговорах с русским послом в Константинополе паша заявил, что «то все земля, черкасы и кумыки и крымшевкалы, государя нашего (т. е. султана) и вера наша ж». Для Турции вопрос о северо-кавказском пути стоял в 60-е годы очень остро в связи с подготовкой к новой войне с шахом. В 1569 г. турецко-крымские войска предприняли большой, но неудачный поход на Астрахань, чтобы открыть путь в «Кизылбаши» в обход Северного Кавказа по Дону, через Переволоку, и по Волге.

Неудача этого похода вызвала организацию набега хана Девлет-Гирея в 1571 г. на Русь. Это был один из самых крупных татарских набегов, с участием турецких сил, в результате которого Москва была сожжена дотла. Второй набег 1572 г. был отбит. Так как в это время Россия вела войну на западе с Ливонией, набег 1571 г. имел тяжелые последствия, и русское правительство было вынуждено удовлетворить требование султана,

---

¹ Там же, стр. 330. Русская летопись не знает имени этого шамхала. Надпись на надгробном памятнике, прочтенная Л. И. Лавровым, называет его Бугудей-шамхалом и сообщает, что он погиб в 1566—67 гг. в походе на Кабарду. По сведениям Л. И. Лаврова, после Бугудея шамхалом был его сын Сурхай, похороненный в Кумухе в 1588—89 гг.

² По-видимому, уже от шамхала Сурхая, сына Бугудея.

³ Е. Н. Кушева. Указ. соч, стр. 275.

снести город на Тереке и временно ослабить свои кавказские связи¹.

В 1578 г. турецко-персидская война возобновилась. С помощью татарских войск, прошедших в 1578 и 1579 гг. через северо-кавказские степи, турки овладели Закавказьем и Дагестаном и вышли к Каспийскому морю. Военные действия, происходившие на территории Кавказа, из-за которого между султанами и шахами шла борьба, несли ужасные бедствия местному населению. Войска снабжались за счет населения и грабили его, разрушались производительные силы, беспощадно уничтожались культурные ценности.

Турецкие завоевания были закреплены в 1590 г. договором с шахом, который отдал султану свои кавказские владения. В Ширванском беглербегстве было образовано 14 санджаков, в Дербентском — 7. На Каспийском море появился турецкий флот, причем военные суда—катарги — строились в той самой Низовой пристани между Дербентом и Баку, которая ранее была обычной стоянкой торговых русских судов. Турки установили непосредственные сношения через Каспийское море со Средней Азией. С бухарским ханом Абдуллой шли переговоры о военном союзе². Это был период наибольших успехов султанской Турции на Кавказе, когда решалась самая судьба кавказских народов.

В этой обстановке снова усиливается ориентация местных сил на Россию, для которой выход Турции к Каспийскому морю создавал непосредственную угрозу Астрахани и потерю восточных рынков, т. к. турецкие корабли нападали в море на русские бусы.

В 1578 г. по просьбе из Кабарды был возобновлен русский город на Сунже. Когда крымское войско возвращалось в Крым из Ширвана, оно было разбито «на голову» при переправе через Терек русским отрядом, вышедшим из крепости³. Крымский хан снова потребовал снести город. Русское правительство и на этот раз уступило, но фактически русский контроль за северо-кавказским путем сохранился—его осуществляли гребенские и терские казаки, обосновавшиеся здесь еще с середины XVI в.

В 1583 г. турецкий Осман-паша шел через Северный Кавказ из Дербента в Крым для того, чтобы наказать крымского хана Магомед-Гирея, отказавшегося от повторного похода в Закавказье. Казаки напали на турецкое войско на перевозе и причинили ему значительный урон.

---

¹ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. I, 1946; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 282—286.

² В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924; Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. т. I, СПб, 1890, стр. 429; т. II, 1892, стр. 4.

³ Памятники дипломатических сношений древней России. Т. I, СПб, 1851, стр. 941—943; Турецкие дела, кн. № 2, лл. 248, об.—249.

В дальнейшем попытки турок и крымцев сносятся через Северный Кавказ и Дагестан с турецкими пашами, действовавшими в Азербайджане, кончались тем, что турецкие «чауши» и «капы-чен» попадали в руки казаков, отводивших их в Астрахань или в Москву. Дорога на «Темиркопу» оставалась для турок отрезанной¹.

Влияние султана на дагестанских владельцев ослабело. В 1584 г. «на турецкого стали заодин кизылбашской с шевкальским да с тюменским и с иными князьями, а ныне стоят на турецкой границе блиско Шамахи и в те города, которые поймал турецкой у кизылбашского, ис Царягорода и во Царьгород людей воинских не пропускают»². Шамхал принял бежавших из Крыма сыновей убитого турками хана Магомед-Гирея, один из которых — Мурта-Гирей — взял в жены дочь шамхала. Позже крымские «царевичи» выехали служить на Русь и обосновались в Астрахани.

С этими событиями были связаны проекты двух походов турецкого Османа-паши из Крыма — осенью 1584 г. и весной 1585 г. — на Астрахань и на Терек с тем, чтобы поставить там три турецких крепости. Проекты эти не были осуществлены³. В середине 80-х гг. шамхал присылал в Москву своего посла Хамбулата с просьбой об обороне «от недругов» и о том, чтобы на р. Терек были поставлены русские воинские люди «для турецких людей приходу, чтоб турецкие люди, пришед, на Терке города не поставили»⁴.

Последующие годы в истории Дагестана отмечены ожесточенной междоусобной борьбой между шамхалом и крым-шамхалом. Шамхал принял турецкую ориентацию; крым-шамхал, вместе с кахетинским царем Александром, обратился за помощью к России; за крым-шамхала стояла «половина Кумыцкой земли». Русской ориентации придерживались также аварский нуцал и так называемый «черный князь», через владения которых шел удобный перевальный путь в Кахетию⁵.

В 1587 г. кахетинский царь Александр принес присягу в русском подданстве, и по его просьбам о военной помощи и по просьбам из Кабарды в 1588 г. был снова поставлен город на Терке, на этот раз у устья Терека на одном из его протоков Тюменке. Постройка города была приурочена к тому времени, когда в Астрахани закончили каменную крепость, а в 1589 г. построили крепость Царицын, которая должна была предотвратить возможность повторения похода 1569 г. Сам Терский город был хорошо укреплен, снабжен «парядом», т. е. артиллерией. В гар-

1 ЦГАДА. Турецкие дела, № 2, лл. 277, 325—330 об., 415 и пр.

2 Там же, л. 382 об.

3 Там же, лл. 357 об. 466 об.

4 С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 113—114.

5 Там же, стр. 133, 163, 184, 202, 213, 256, 291 и др.

низоне основную силу составляли стрельцы, вооруженные «вогненным боем», т. е. пищалями, что имело важное значение.

Этот Терский город просуществовал до начала XVIII в. и стал центром русских сношений с Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем. Из Терской крепости в 90-х гг. XVI в. и в начале XVII в. был предпринят ряд походов против шамхала, целью которых было прервать его сношения с Крымом и Турцией, отрезать крымско-турецким силам путь в Закавказье и укрепить положение Кахетии.

Поскольку в этот период велись дипломатические сношения русского правительства с шахами Худабенде и Аббасом о военном союзе против султана и о присоединении к России городов Дербента, Баку и Шемахи, можно считать, что походы в Дагестан преследовали и более общую цель расширения границ Русского государства в сторону Дагестана и Закавказья. Планы эти поддерживались сообщением из Дербента и из Шемахи, оккупированных в то время турками, о том, что «арменя и бусурманя, в тех во всех городах жилецкие люди, говорят и желают все, чтоб им были за великим государем... царем и великим князем Федором Ивановичем..., и нам бы во все земли торги отворилися невозбранно»¹.

В 1590—91 гг. «воевал шамхала» русский воевода Григорий Засекин. Тогда же был возобновлен на «старом городище» Сунженский острог у впадения Сунжи в Терек. Таким образом, северо-кавказский путь был для турок и крымцев потерян.

Султан принял ряд мер к тому, чтобы вытеснить русских с Северного Кавказа. В 1588 г., в год постройки Терского города, ждали прихода «турских пашей» к Астрахани. В 1591 г. крымский хан Казы-Гирей предпринял большой набег на Русь с целью дойти до Москвы и разорить ее. В его войске были «янычване с вогненным боем» и турецкая артиллерия. Поход не удался, т. к. после пожара Москвы 1571 г. были приняты серьезные меры к обороне южных границ Русского государства и подступов к Москве. После похода султан писал русскому царю, что хан ходил на Москву по его приказанию из-за того, что «на Шемаху отнята дорога» и грозил новым татарским набегом в том случае, если русские города на Северном Кавказе не будут снесены².

Однако сношения русского правительства с Кахетией, крым-шамхалом и Аварией продолжались. По настойчивым просьбам кахетинского царя «посадить» в Тарках «государевых людей», чтобы обеспечить сообщение с Кахетией через Кумыкскую землю, в 1593—94 гг. из Москвы был предпринят большой поход

¹ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 298—299, 371 и сл. 449. В виду дефектности документов сведений о том, состоялся ли договор о союзе царя Федора с шахом, не сохранилось.

² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 119, 123, 131, 133 и др., 181, 185, 193, 244; Синбирский сборник; I, стр. 96—97; Турецкие дела, кн. 3.

под начальством кн. Андрея Хворостинина. Хворостинин поставил сильный острог на р. Койсу, где был оставлен гарнизон в 1 тыс. стрельцов. Во время похода было сожжено Эндери, взят кумыкский «полон»; шамхал был ранен. Но в Тарках, которые были на время заняты, «города» поставить не удалось — в переписке с царем Александром русские дипломаты объясняли эту неудачу тем, что обещанная со стороны Кахетии и от крым-шамхала помощь запоздала¹. Хворостинин, потерпев поражение в бою с кумыкским войском, «разорил» Тарки и ушел в Терский город. В 1595 г. был еще поставлен город у устья Яика (Урала) с тем, чтобы предохранить Астрахань от нападения союзника султана бухарского хана Абдуллы и в связи с действиями турецкого военного флота на Каспийском море².

Таким образом, к середине 90-х гг. была создана целая система русских крепостей на Каспийском море и на Тереке — город у устья Яика, у устья Волги — Астрахань, Терский город у устья Терека, Койсинский острог у устья Сулака и, наконец, Сунженский острог у перевоза через Сунжу на так называемый «Османовской дороге», т. е. на той самой дороге, которой в 1583 г. шел Осман-паша из Дербента в Крым. Астраханский кремль был каменным, остальные остроги деревянные и земляные. Все они были снабжены артиллерией и гарнизонами стрельцов. Из Терского, Сунженского, Койсинского городов поддерживались постоянные сношения с Кабардой и Кахетией, принявшими русское подданство, с Аварией, с шамхальством и «горскими землицами» Дагестана.

После похода 1594 г. была предпринята попытка договориться с шамхалом. В Терской город приезжал посланец от шамхала, в Тарки был послан сын боярский и толмач с тем, чтоб шамхал дал присягу — «шерть» — и дал бы в заложники в Терский город своего сына. Но эти переговоры не привели к успеху. В 1598 г. к шамхалу приехал посол турецкого султана Аспан-бек, привез ему жалованье и вел переговоры с тем, чтобы в устье Койсы вместо русского острога поставить турецкую крепость³. В связи с этим шамхал отказал в присяге России, ставя ее условием сноса Койсинского острога. В грамоте царю шамхал откровенно объяснил причину своего отказа, писал о турецком после, который передал ему приказание султана «не одиначитись с Теркою» и готовится к совместному «с крымскою ратью» походу против Койсы. От султана на Каспийское море были присланы из Турции плотники, которые близ Баку делали катарги — морские суда, поднимавшие каждое более ста человек. Персидский посол

¹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 242, 266, 275 и др.; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 362—363.

² Сибирский сборник, I, стр. 129; ЦГАДА. Рукопись б. Главн. Архива. МИД, № 110/156, лл. 805—807, Город этот был вскоре оставлен.

³ Н. И. Веселовский. Указ. соч. т. II, стр. 4, 49.

сообщал: «хотя деи турецкие люди итти к Астрахани и на Терку и к Койсе»¹.

Но позиция шамхала не находила поддержки у ряда удельных владельцев Дагестана, даже у сыновей самого шамхала. В 1602 г. в Москву прибыл посол сына шамхала кафыркумукского владельца Андия, а в 1603 г. посол «шевкаловых детей» Салтан-Магомеда эндерейского и «Суркай-Шевкала» тарсковского о службе русскому царю; послы были отпущены с жалованьем².

В 1604—1605 гг. был предпринят новый большой поход в Дагестан под начальством Бутурлина и Плещеева, которые взяли Эндери и Тарки. Этот поход надо ставить в связь не только с русско-грузинскими отношениями, но и с возобновлением шахом Аббасом войны с Турцией за Закавказье и стремлением русского правительства путем военных действий обеспечить успех переговоров с шахом об уступке Дербента, Баку и Шемахи. По всей вероятности в Москве были осведомлены и о сильном антитурецком движении, возникшем в начале XVII в. в Дербенте и в Азербайджане.

Несмотря на крупные силы (в походе участвовали три полка), русские воеводы потерпели тяжелую неудачу. К Таркам пришло кумыкское войско и турецкий отряд из Шемахи—«паша и с ним турецкие люди и енычя». Бутурлин «учинил мир» с турецким «пашой», «чтоб его выпустить на Терек здорово». Условие не было выполнено, и при отступлении русские понесли большие потери—более 7 тыс. человек. Сунженский и Койсинский остроги были повинуты. Однако на Терский город турки не решались идти, и эта сильная позиция осталась в русских руках³.

Несмотря на неудачу 1604 г., итоги русско-кавказских связей второй половины XVI в. надо признать значительными и в военном, и в политическом отношениях. Это был период наибольших успехов турецкого военно-феодального государства в турецко-персидских войнах. Но стратегические замыслы султанов, связанные с планами овладения Кавказом, оказались чрезвычайно сложными благодаря сопротивлению народов Кавказа и возникшей на местах ориентации на сильное русское государство. Мусульманская пропаганда, которой турецкие султаны пользовались, чтобы восстановить суннитов против шиитов и дагестанцев-мусульман против христианской Грузии, а отчасти и Кабарды, не оказывала решающего действия.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что политика русского правительства, направленная к тому, чтобы обеспечить волго-каспийский путь и не дать туркам и крымцам утвердиться на Север-

¹ Н. И. Веселовский. Указ. соч. т. I, стр. 22, 37.

² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 364—366. По-видимому сын шамхала «Суркай-Шевкал» сам шамхалом не был.

³ ПСРЛ, т. XVI—I-я пол., стр. 57—58; А. Попов. Изборник словенских и русских статей... М. 1869, стр. 322—323.

ном Кавказе и в Закавказье, требовала большого напряжения сил Русского государства и вела по временам к тяжелым для России последствиям, как это было во время набегов крымского хана 1571 г. и 1591 г., особенно первого.

В начале XVII века обстановка на Северном Кавказе по сравнению с концом XVI века значительно изменилась. В 1603 г. возобновилась война между Персией и Турцией за Закавказье, окончившаяся в 1612 г. победой шаха Аббаса. В результате войны турки были вытеснены из Восточной Грузии, Азербайджана и Дербента и место их заняли войска шаха. В непосредственном соседстве с дагестанскими ханствами было образовано Дербентское наместничество. Начался период сильной агрессии шахов в сторону Северного Кавказа.

Шах Аббас предпринял попытку овладеть Дарьяльским проходом и со стороны Грузии подчинить себе Кабарду, чтобы «сю сторону» — Северный Кавказ — очистить «и до Крыма». «Ратные люди» шаха повоевали «многие кабардинские места, которые подошли к Иверской земле близко». Устрашенные этим, некоторые из кабардинских князей выразили покорность. Так, вассалом шаха сделался кабардинский князь Мудар Алкасов, владение которого было расположено при выходе из Дарьяльского ущелья. Несмотря на уговоры других князей — оставаться с ними «в совете» и «в одиначестве» и не бить челом шаху, под угрозой, что Мудар будет им в том «недруг во веки», он ездил к шаху «в Кизылбаши», вернулся оттуда «шаховыми людьми» и по приказу шаха укрепил свои кабаки «надолобами», чтобы перенять грузинскую дорогу, а «шах Басовым бы людям тою дорогою ездити было бесстрашно»¹.

В 1614 г. в Кабарде разнесся слух, что сам шах Аббас из Грузии «идет войшою на ... кабардинских черкас великою ратью» с большим пушечным «нарядом», т. е. с артиллерией, «прямой дорогой» через перевалы Кавказского хребта. Судя по сообщениям, целью этого похода было зайти с севера в Дагестан. Повидимому, именно об этом походе шаха сохранились предания осетинского народа, которые рассказывают о борьбе против шахских войск в горах Осетии. На северо-кавказскую плоскость войска шаха не вышли — шах на Кабарду «не нашол дороги»².

Действуя со стороны Дербента, шах стремился поставить в зависимость от себя дагестанские владения, включая Эндери, что встречало сильное сопротивление. Когда в 1615 г. по приказу шаха со стороны Дербента должно было выступить войско, чтобы воевать Кумыкскую землю, «кумыцкие люди» говорили, «что им шах Басу не бивати челом и ему не служивати», стояли

¹ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1615 г. № I, лл. 28—29; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, СПб, 1892, стр. 381; т. III, СПб, 1898, стр. 125.

² В. Миллер. Осетинские этюды. ч. I, М. 1881, стр. 140—141; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 540—541; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 381.

против него «головами своими, а в землю его не пустити». Но серьезное сопротивление не могло быть оказано вследствие разрозненности сил.

Боясь, как бы «шах Бас не разорил» их земель, «что и грузинскую землю»¹, тарковские владельцы Эльдар и Гирей Сурхаевы² с сыновьями и братьями и бывшие с ними «в одиначестве» ханы признали себя «холопами» (кули) шаха, являясь к нему по его вызовам и выставляя по его требованию конные отряды в войнах с Грузией или против непризнававших зависимости от шаха дагестанских же земель. Сохранить независимость от шаха удалось только некоторым владельцам в самой северной части Дагестана.

В этой обстановке среди населения Дагестана в XVII в. очень сильно сказывалась ориентация на Москву, в покровительстве которой видели противовес персидскому наступлению и военной помощью которой, при близости Терского города к дагестанским владениям, было важно заручиться в войнах с «недрузьями».

Еще в 1610 г., в самый разгар московской разрухи, шертовали перед терским воеводою на верность русскому царю тарковские владельцы Гирей и Эльдар Сурхаевы и бывшие с ним «в одиначестве» 7 князей и мурз. В 1614 г. шерть была повторена, и тогда же от Гирея тарковского с грамотой к царю поехал первый посол, вернувшийся с ответной царской грамотой и подарками. Посольством устанавливалась вассальная зависимость тарковских владельцев и их земли от России. В 1615 г., когда ожидался поход шахских войск на Кабардинскую и Кумыкскую земли, из Москвы к шаху Аббасу был послан специальный гонец с грамотой, где наряду с заступничеством за Грузию писалось и о том, чтобы шах «на Кабардинскую и на Кумыцкую землю не наступал», как на земли русских поданных. Когда в 1616 г. в Дагестане разнесся слух о намерении шаха ставить город в Тарках, и на кумыкских князей и мурз нашел «великий страх», помощи «кумыцкие люди все» ждали «из Москвы»³.

За 28 лет—с 1614 по 1642 гг. — в Москве побывало 13 посольств от тарковских ханов и 2 от соседних с ними — таркаловских. Так как в это время тарковские ханы уже были «холопами» шаха, они оказались в двойной вассальной зависимости — от Персии и от Руси, в чем их послы и выпущены были не раз признаваться перед московскими дьяками, от внимания которых не ускользали печати на тарковских грамотах, с надписями «шахов раб (кули)» такой-то.

В первые десятилетия XVII в., когда продолжалась турецко-персидская война, шахи Аббас и Сефи, заинтересованные в том, чтобы запретить для крымско-турецких войск «дагестанскую до-

¹ ЦГАДА. Кабардинские дела, 1614, № 1, л. л. 46—47.

² Сыновья тарковского владельца «Суркая-Шевкала», умершего после 1603 г.

³ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 353, т. III, стр. 125.

рогу», не возражали прямо против такого «опчего холопства» и не препятствовали дагестанским посольствам к русскому царю. В Москве внимательно следили за отношениями дагестанских владельцев к шаху, но, избегая конфликтов с ним, резко вопроса о Дагестане не ставили. Однако, в официальных сношениях с Дагестаном и Персией русские дипломаты всегда называли кумыков поданными русского царя¹.

Одним из условий вассальной зависимости была взаимная помощь ратными людьми «на недругов». Очень часто целью тарковских посольств в Москву были просьбы о ратных людях на Салтан-Магомеда (Салтан-Мута). Во многих случаях эти челобитья удовлетворялись, и терские ратные люди не раз ходили на Эндери. Из ряда сообщений видно, что тарковские ханы предпочитали в этот период русскую военную помощь персидской, к которой обращались тогда, когда терские воеводы отказывали в их просьбах о ратных людях.

Русское правительство поддерживало хана Эльдара против Салтан-Магомеда и в 1623 г., когда после смерти шамхала Андия возник спор о шамхальстве. Вопреки решению съезда 1621 г. после Андия быть шамхалом Салтан-Магомеда, а Эльдару — крым-шамхалом, Эльдар отправил в Москву посла с просьбой «велети в Кумыках в большом чину быть» ему, «а не иному». По справке терских воевод о том, что «Ильдар государю Салтан Магмута прибыльнее» и в связи с известиями о связях эндерейского владельца с крымскими ханами, Эльдару в 1623 г. была дана из Москвы жалованная грамота на шамхальство с большою государственною печатью². В 1626—27 гг. шамхал обратился в Москву с новой просьбой — дать ему годовое жалованье, которое и было «учинено» против жалованья тогдашнего старшего кабардинского князя Куденета Камбулатовича.

Обращение Эльдара в Москву вызывалось надеждой запясть таким путем более независимое от шаха Аббаса положение. Именно так объяснял его Эльдаров посол в тайном разговоре 1623 г. с думным дьяком Иваном Грамотиным, говоря, что «Ильдар у шаха ратных людей на Салтан-Магмута з братьею имати и под шаховою рукою быти не хочет, ведая то, что шах бусурман безверен...» (т. е. шиит)³. Но достигнуть полной независимости от шаха не удалось, так как Москва не хотела идти на открытый конфликт с Персией.

В дальнейшем Эльдар опять-таки оказался «общим холопом» шаха и царя. Выполняя приказание шаха Сефи, он собирал в 1630 и 1631 гг. ратных людей в помощь кизылбашскому войску, которое под предводительством перешедшего на службу к шаху крымского царевича Шагин-Гирея должно было выступить из Да-

¹ ЦГАДА Кумыкские и Персидские дела за XVII век.

² ЦГАДА Кабардинские дела. 1623, № 2.

³ Там же, л. 92.

гестана, чтобы ставить «шаховы городы» на Сунже, на Татартупе и на Елецком городище под Кабардой на Северном Кавказе.

Планы шаха укрепиться на Северном Кавказе заставили русское правительство изменить политике поддержки Тарков против Эндери. В июле 1631 г. сын Салтан-Магомеда Айдемир, вызванный в Терский город, шертовал Михаилу Федоровичу «за своего отца, за себя, за дядю, за братью и за своих узденей» на том, что «будет Шин-Гирей пойдет с кизылбашскими людьми на Елецкое городище ставить город и ему Айдемир мурзе с... государевыми людьми быть заодно и с Шан-Гереем биться до смерти»¹. Около 1635 г. по просьбе Салтан-Магомеда, на Сунже, т. е. именно там, где шах предполагал поставить город и где ранее, в XVI веке, не раз ставились русские города, был возобновлен русский острог. Планы шаха и на этот раз были расстроены.

Смерть Эльдара в 1635 г. снова поставила вопрос о шамхальстве. Кумыкские люди давали шамхальство Салтан-Магомеду; тот «за старостью» поменялся с своим старшим сыном Айдемиром, вместе с которым ездил в Казы-Кумух, «где даетца по их обычаям шевкальство», одаривая всех кабацких узденей лошадьми, быками и овцами. Айдемира признала шамхалом «вся Кумыцкая земля», опричь тарковского прежнего Ильдар шевкала детей и племянников»².

Это событие, в связи с ориентацией эндерейских владельцев на Турцию и Крым, вызвало попытку шаха выдвинуть на шамхальство своего ставленника — тарковского владельца Сурхая Гиреева, племянника шамхала Эльдара, которому кизылбашские ратные люди помогали и в его внутренней борьбе с Эльдаровыми детьми. Шах старался заручиться в этом деле поддержкой русского царя. В 1637 г. в Москву прибыло посольство от Сурхая Гиреева с официальным челобитьем о шамхальстве, которое подкреплялось грамотой к царю шаха Сефи, сообщавшей, что шах «учинил» Сурхая шамхалом, — «и вам бы для нашего прошенья его ж шевкалом учинить по нашему братству и дружбе и любви».

В Москве не поддержали ходатайства шаха и, одарив Сурхаева посла обычными подарками, отпустили его домой с царской грамотой к Сурхаю, в которой царь принимал его «в холопство», но ни слова не говорил о пожаловании шамхалом. Вопреки желанию шаха, шамхалом остался не получивший инвестиции ни от шаха, ни от царя Айдемир (до своей смерти — в 1641 г. в неудачном походе на кабардинцев)³.

В 1642 г. Сурхай возобновил в Москве просьбу об утверждении его шамхалом, умалчивая на этот раз об оказанной ему по-

¹ ЦГАДА. Ногайские дела. 1632, № 1, л. 79.

² ЦГАДА. Кумыкские дела. 1635, лл. 28—29.

³ ЦГАДА. Кумыкские дела. 1637 и 1642 г.

вым шахом — Аббасом II — поддержке, и получил, подобно Эльдару, пожалованную грамоту на шамхальское достоинство¹.

В первой половине XVII в. установили связи с Россией и уцмий кайтагские, владения которых примыкали непосредственно к Дербентскому ханству, где правили шахские наместники. И здесь, как и в других дагестанских ханствах, эти связи вызывались стремлением найти в России поддержку для освобождения от шахской зависимости².

Кайтагский уцмий Рустем-хан впервые вступил в сношения с воеводами Терского города в 1616 г., т. е. как раз в год опустошительной карательной экспедиции шаха Аббаса в Закавказье. В 1631 г. уцмий категорически отказался помочь в постройке шахского города на Северном Кавказе (действовавший от имени шаха царевич Шагин-Гирей «прошал» у него «200 топоров до 200 телег для городового дела») и отправил в Москву посла о «холопстве» и о «службе».

В 1633 г. уцмий со всеми людьми своего владения принес присягу русскому царю в «прямом холопстве» с обязательством «к турецкому салтану и в Крым и в Погай и ни в которые государства от царского величества не отступить». В 1635 г. в Москву прибыл новый посол уцмий с подтверждением присяги. Русская ориентация уцмий явилась в первой половине XVII в. одним из серьезных препятствий распространению шахской власти на Дагестан.

После заключения в 1639 г. между шахом и султаном мира политика шаха в отношении Дагестана меняется: шахи более ревниво следят за взаимоотношениями Дагестана и России, стараясь не допустить дагестанских посольств в Москву. Однако в последней четверти XVII в. государство шахов слабеет, сношения шамхальства и уцмийства с Русским государством возобновляется. Что же касается эндерейских владельцев, вступивших в 1640-х гг. в русское подданство, то власть шахов за Койсу не распространялась.

Обзор политических сношений народов Дагестана с Русским государством в XVII в. показывает, что установившиеся связи имели большое значение и для Кавказа и для Руси в первые десятилетия XVII в.; в период наибольшего усиления персидского государства, эти связи помешали укреплению шахов на Северном Кавказе и плану постройки здесь шахских крепостей.

Как и в XVI веке, агрессия Турции и Крыма в сторону Северного Кавказа в XVII веке не прекращалась. На разных этапах

¹ Известия об этих событиях в труде А. Бакиханова «Гюлистан-Ирам», стр. 99, очень неточны. Указание Л. И. Лаврова о том, что Сурхай-шамхал умер в 1639—40 гг., опровергается современными русскими документами. Шамхал Сурхай был еще жив в 1659 г. ЦГАДА. Кумыкские дела за 1659 г.

² События в уцмийстве специально изучены в кандидатской диссертации Р. Г. Маршаева «Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в I-ой половине XVII в. См. автореферат диссертации. М. 1954.

она преследовала различные цели и наталкивалась на укрепившееся здесь с XVI века влияние Русского государства.

До 1639 г. турецко-персидские войны продолжались с явным перевесом Персии. Вопрос о привлечении сил крымского хана для войны с Персией за Закавказье стоял перед турецким правительством очень остро. Вместе с тем вставал и вопрос о возможности провести войска через Северный Кавказ. Для успешного осуществления такого рода походов надо было не только благополучно пройти мимо Адыгеи, Кабарды и русских крепостей, но и обеспечить себе поддержку дагестанских владельцев, чтобы пройти в Азербайджан с севера.

В течение первых четырех десятилетий XVII века походы крымских войск через Северный Кавказ предполагались несколько раз. Так, в 1606 г. турецкий султан обещал ширванцам помощь крымцев именно с севера. В 1608 г. в Посольский приказ сообщали, что крымский царь, стоя в новом городе на Кубани, собирает войска, чтобы идти на шаха с помощью не только черкесов, но и кумыков¹.

В 1616 г. предполагалось, что крымский царь пойдет «войною на шаха», «а путь ему подле гор через Османовщину». Хан уже переправился с войском из Крыма на Таманский полуостров и установил связи с дагестанскими владельцами с целью поднять их против шаха. Шах послал в Дагестан бежавшего из Крыма и служившего ему крымского царевича Шагин-Гирея для того, чтобы собрать против хана кумыкское войско. Терский воевода выслал отряд на перевоз через Сунжу с приказанием стоять отдельно от кизылбашских людей. Поход хана, как и предыдущие, не состоялся².

В 1629 г. новый хан Джанибек-Гирей посылает грамоты в Эндери, к шамхалу и другим кумыкским князьям с предложением ехать к нему для совещания, а кабардинским и черкесским князьям приказывает готовиться на лето к походу на шаха. Однако шамхал, Салтан-Магомед и ряд кабардинских князей воздержались от поездки в Крым³. В 1635 г. снова предполагался поход на Персию хана — на этот раз Инайет Гирей — через Северный Кавказ.

Ни один из намеченных походов не состоялся — войска крымских ханов не раз принимали участие в турецких походах против Персии, но всякий раз шли не сухопутной дорогой, а перевозились в Синоп на турецких транспортных судах, причем приказания султанов о таких походах постоянно вызывали в Крыму недовольство⁴. Сложившиеся на Северном Кавказе условия—

¹ ЦГАДА. Ногайские дела. 1608, № 1, л. 37.

² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в I-ой пол. XVII в. М.-Л. 1948, стр. 94—95.

³ ЦГАДА. Кумыкские дела. 1629 г.

⁴ А. А. Новосельский. Указ. соч. стр. 87, 99, 113, 171, 176, 246; В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 479—480, 506—507.

наличие сильного гарнизона в Терском городе, русский контроль над северо-кавказским путем, подданство России кабардинских и дагестанских земель — не позволяли крымцам совершать поход «через Османовщину».

Укрепление связей народов Северного Кавказа с Русским государством в XVII в., особенно во второй его половине, получило большое значение в плане русско-крымских и русско-турецких отношений.

Русско-польская война начала 30-х гг. XVII в. была осложнена неожиданным для русского правительства союзом польского короля с крымским ханом, союзом, вызвавшим тяжелые набеги крымцев и погаев Малого Ногай на Русь. В этих условиях был предпринят поход местными силами со стороны Астрахани на Малый Ногай (предполагалась возможность и войны с Крымом). Организация похода оказалась возможной потому, что в 1631 г. русскому правительству шертовали эндерейский владелец и кабардинские князья, следовательно, русское войско смогло пройти через Северный Кавказ, не опасаясь удара с тыла.

Аналогичный поход был организован против Крыма в 1646 г. При подготовке его царские грамоты с предложением принять участие в походе посылались шамхалу, уцмию и эндерейскому владельцам — как «к подданным»¹. Аналогичные грамоты были посланы в 1654 г. в связи с началом русско-польской войны из-за Украины.

Война Русского государства с Турцией и Крымом в последние десятилетия XVII в. обостряет положение на Северном Кавказе: Турция и Крым стремятся направить против России часть местных сил, применяя методы религиозной пропаганды и широко пользуясь лозунгом «священной войны» против «неверных», «гяуров».

В 1672 г. с началом войны Русского государства против Турции и Крыма крымский хан вышел в Кабарду с намерением идти на Терский город. В Москву сообщали из Терского города о планах хана «ставить города на Суиже и в Андрееве деревне». Поморив людей и лошадей, хан вернулся обратно².

Крымско-турецкая пропаганда имела известный успех в Дагестане, и в 1673 г., во время похода русских войск на Крым, шамхал из Тарков и эндерейский владелец совершили нападение на Терский город, но были отбиты³. О характере пропаганды дает яркое представление лист крымского хана «горским владельческим князем, тарковскому Будай шевкалу да кумыцкому Чепалаю и всем градским (т. е. горским) владельцам», доставленный в Москву в 1675 г. кумыцким мурзой Балатаем. Хан

¹ В походе приняли участие отряды из нерусского служилого населения Терского города, главным образом кабардинского.

² ЦГАДА. Кабардинские дела. 1672 г.

³ Акты исторические, т. IV, № 237, стр. 510.

извещал, что «нынешней весной» он пойдет «в Московскую страну на русских людей войною» и призывал «горских князей» идти к нему «в помочь на бой» для общего нашего закона и веры—... в которых из наших неприятели будут побивать, и тех вменяем со святыми»¹.

Однако уже то обстоятельство, что «лист» был доставлен в Москву кумыком, показывает, что русско-дагестанские связи не прерывались. Подкрепленные систематическими экономическими сношениями, они способствовали постепенному процессу втягивания народов Дагестана в состав Русского многонационального государства.

Процесс этот развивался в условиях господства в России феодальных отношений, и русское правительство в интересах своего феодального класса поддерживало феодалов и на местах. Но процесс этот был объективно прогрессивным, так как народы Дагестана включались в русло прогрессивного экономического развития России.

---

¹ ЦГАДА. Кумыкские дела. 1675 г.

ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

§ I. ХОЗЯЙСТВО

XVIII век характеризуется в истории Дагестана некоторым оживлением хозяйственной жизни по сравнению с предыдущим периодом. Хотя крайняя раздробленность, бесконечные междоусобицы, опустошительные походы шаха Надира 30-х и 40-х годов тормозили развитие страны, тем не менее некоторый рост производительных сил привел к подъему народного хозяйства. Это сказалось в известном развитии земледелия и скотоводства, которые оставались, как и в предыдущие века, основными занятиями народов Дагестана.

Хозяйственный подъем был более заметен в приморских и предгорных районах, в которых почвенно-климатические условия благоприятствовали развитию всех отраслей хозяйства. Эти районы были многолюдны и богаты плодородными землями, в них было много больших селений, окруженных хорошо обработанными пашнями, прекрасными садами, огородами и пастбищами, местные жители получали большие урожаи хлеба, риса, марены, овощей, различных фруктов, разводили скот. Здесь было распространено также искусственное орошение.

Сельское хозяйство оставалось менее развитым в высокогорных районах Дагестана. Географические условия существенно ограничивали здесь земледелие. В отдельных местностях жители почти не имели возможности заниматься земледелием, и их основным занятием оставалось скотоводство.

Однако природа не очень-то благоприятствовала здесь и скотоводству. Альпийские луга и склоны гор не могли обеспечить скот кормом на зиму. На это время скот перегонялся в прибрежные равнины, а иногда и за пределы Дагестана, в Азербайджан и Грузию¹. Все же некоторые очевидцы свидетельствуют о подъе-

---

¹ И. Гербер. Известия о находившихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения к пользе и увеселению служащие» 1760, стр. 310.

ме скотоводства в горных районах. Так, Гербер наблюдал здесь «великое множество скота и овец»¹. Согласно его указанию, у отдельных нагорных обществ было более ста тысяч голов рогатого скота и овец².

В XVIII веке отмечается также некоторое развитие рыболовства. Рыболовство на Сулаке и на дагестанском побережье Каспия обратило на себя в это время внимание русских промышленников, которые стали брать рыбные промыслы на откуп у местных владельцев³.

Известное оживление мы наблюдаем и в области промышленного производства. В Дагестане распространено было в это время изготовление различных изделий из металла, шерсти, глины, хлопка и др. В Тарки, Кадаре, Эндирее и ряде других населенных пунктах изготовлялись различные орудия труда, оружие, порох, посуда, ткани, шали, бурки, ковры и т. д.⁴. Особенно развито было промышленное производство в Дербенте и Кубачи⁵. Дагестанцам был известен ряд отраслей домашней промышленности и в предшествующие века. Но эти отрасли везде, за исключением Дербента, были тесно связаны с сельским хозяйством и удовлетворяли потребности местных жителей. Особенность этой области производства в рассматриваемое время заключалась в том, что начавшийся еще в предыдущие века процесс отделения домашней промышленности от сельского хозяйства дал в это время новые результаты. По свидетельству Лопухина и Гербера, все жители сел. Кубачи были мастерами, «питались» своим ремеслом и выполняли работы на заказ из материала заказчика⁶. Рейнегс отмечал сугубо подсобный характер плодоводства и скотоводства в Кубачи⁷.

Ограниченность данных не позволяет точно установить, многие ли районы Дагестана были охвачены этим процессом. Однако во многих аулах нагорного и центрального Дагестана (Анди, Унцукуль, Балхар, Сулевкент и др.) домашнее ремесло постепенно отделялось от сельского хозяйства.

В рассматриваемое время сравнительно распространен был в Дагестане и обмен. Дагестанцы обменивали свои продукты в Тарки, Дербенте, Эндирее, Кубачи, Кази-Кумухе, Хунзахе,

¹ Там же, стр. 111, 121, 126.

² Там же, стр. 107.

³ Гюльденштедт. Географические и статистические описания Грузии и Кавказа 1770—1773 гг. СПб. 1809.

С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823, ч. III, стр. 201.

⁴ ЦГАДА. Персидские дела, 1718 г., д. I, л. 28; И. Гербер. Указ. соч., стр. 111.

⁵ И. Гербер. Указ. соч., стр. 47; ЦГАДА. Персидские дела, 1718 г., д. № 2, л. 28; Лерх. Указ. соч., стр. 75; ЦГВИА. ф. ВУА, д. 18474.

⁶ И. Гербер. Указ. соч., стр. 47; ЦГАДА. Персидские дела, 1718 г., д. 2, л. 28.

⁷ Е. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М. 1949, стр. 24, 218.

Анди и других населенных пунктах края, а также в некоторых городах Азербайджана и Грузии¹. Дагестанцы продавали производимые ими простые сукна, ковры, бурки, масло, сыр, скот, шерсть, шафран, оружие, марену и т. д.², покупали хлеб, нефть, соль, бумажные, а иногда и шелковые ткани и т. д.³. В Дагестане распространена была работорговля. В XVIII веке Дагестан посещали азербайджанские, грузинские, армянские и другие купцы⁴.

Более интенсивный характер носили в ту эпоху и торговые связи Дагестана с Россией. Они значительно выросли в период присоединения прикаспийских районов к России, когда для снабжения русских гарнизонов потребовались различные местные продукты. По приказу Петра I покупка этих продуктов должна была производиться «наличными деньгами»⁵. Основным центром торговых связей народов Дагестана с Россией стала в это время основанная Петром на реке Сулак крепость Святой Крест. Здесь жили русские, азербайджанские, грузинские и армянские торговые люди⁶. По словам Лерха, сюда «татары» (так называли тогда русских жителей северо-восточного Кавказа) ежедневно приезжали с гор торговать на рынке⁷. Как рассказывает Лерх, генералом Левашовым были приняты меры, чтобы дагестанцы привозили в Святой Крест побольше продуктов⁸. Буйнакцы снабжали местный гарнизон различными съестными припасами⁹.

В Тарки жили десятки русских купцов. В свою очередь таркинцы посещали Святой Крест и ездили в Астрахань со своими товарами¹⁰.

После упразднения Святого Креста в 1735 году кумыки, кайтагцы и другие народы Дагестана продавали свои продукты в Кизляре. Горцы Дагестана ездили для торговли и в Астрахань.

Торговые связи их с русскими значительно усилились к концу XVIII века, поскольку к тому времени страна оправилась от последствий разорительных нашествий Надира. Из Дагестана вывозили скот, масло, шерсть, мед, вино, фрукты, шали, марену и т. д. Из России привозили тонкие сукна, сахар, чай, шелковые, бумажные и холщевые ткани, писчую бумагу, нефть, серебро,

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 1—69; Гюльденштедт. Указ. соч., стр. 115—134; С. Бурнашев. Описание областей азербайджанских в Персии и их политическое состояние. Курск, 1793.

² Гмелин. Указ. соч., стр. 21; Гербер. Указ. соч., стр. 33; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18794, лл. 1—69.

³ Там же.

⁴ И. Гербер. Указ. соч., стр. 196—204; Белл. Указ. соч., ч. III, стр. 166.

⁵ Белл. Указ. соч., стр. 166.

⁶ Гербер. Указ. соч., стр. 20, 33, 39.

⁷ Лерх. Указ. соч., стр. 83. Белл. Указ. соч., стр. 69.

⁸ Лерх. Указ. соч., стр. 13.

⁹ Там же, стр. 68.

¹⁰ Гербер. Указ. соч., стр. 69.

золото, олово, сталь, железо, свинец, стальные, железные и медные вещи домашнего обихода и т. п.¹.

В Дагестане не было своей монеты, и торговля оставалась преимущественно меновой. Но в условиях сравнительного расширения торговых связей с Россией появилась потребность в денежном обращении. Гербер сообщает, что кубачинцы, делавшие турецкие и персидские серебряные деньги, «начали также рублевки делать»², причем эти русские деньги ходили везде в Дагестане³. Обращение русских денег в Дагестане еще более возросло к концу XVIII века⁴. Следует, однако, сказать, что торговлей занимались в основном, как и в предыдущий период, феодалы и феодализирующаяся верхушка дагестанского общества. Внутренней торговлей занималось также и узденство.

Казалось, после того как торговый путь через Россию и Дагестан в Иран, установившийся в связи с кризисом средиземноморских связей европейцев с Востоком, потерял для европейцев прежнее значение, можно было ожидать в хозяйственной жизни Дагестана упадка, как это наблюдалось, например, в переднеазиатских странах. Однако вышеприведенные данные о состоянии сельского хозяйства, промышленности и торговли Дагестана в XVIII веке не только не позволяют говорить об упадке в хозяйственной жизни страны, но, наоборот, свидетельствуют о некотором его подъеме.

Этим Дагестан обязан прежде всего благотворному влиянию русской экономики и культуры на основе роста хозяйственных и культурных связей с русским народом. Как уже говорилось в предшествующих главах, начиная с утверждения русского государства в бассейне реки Терека, когда границы владений Ивана IV вплотную подошли к Дагестану, Россия все более вовлекала дагестанские народы в орбиту своего культурного и экономического влияния. В рассматриваемый период, когда Россия достигла в своем развитии крупных успехов и сношения ее с дагестанскими народами усилились, влияние ее на Дагестан еще более возрастает. Это особенно стало заметно после персидского похода Петра I, когда прибрежные районы Дагестана в течение 13 лет находились в составе русского государства. Связи с Россией особенно усилились к концу XVIII века, когда Дагестан успел оправиться от последствий разорительных нашествий Надира. О том, что указанный сдвиг в хозяйственной жизни края был вызван главным образом усилением связей дагестанских народов с русским народом, свидетельствует вышеприведенное сообщение о повсеместном хождении русской монеты в Дагестане.

¹ Гмелин. Указ. соч., стр. 100; ЦГВИА. ф. ВУА, д. 18474, лл. 1—69.

² Гербер. Указ. соч., стр. 47.

³ Там же.

⁴ Гмелин. Указ. соч., т. III, стр. 221.

Не следует однако преувеличивать значения подъема хозяйственной жизни Дагестана в рассматриваемое время. Вне всякого сомнения, здесь по-прежнему господствовало натуральное хозяйство, особенно в высокогорных районах. В условиях крайней раздробленности Дагестана, бесконечных междоусобиц, борьбы против иноземных захватчиков, нельзя было и ожидать большего развития народного хозяйства.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В условиях роста производительных сил Дагестана в XVIII веке происходили соответствующие изменения и в его общественно-политическом строе. Как и в предыдущий период, в более развитых в экономическом отношении районах страны продолжался процесс развития феодальных отношений. Ханы и беки являлись в этих районах верховными собственниками пахотных и пастбищных земель, причем частью этих земель владели на правах вотчины. Крестьяне находились в зависимости от хана или бека и отбывали различные повинности. Имело место и прикрепление крестьян к земле. Однако и в этих районах сохранились сильные пережитки первобытно-общинного строя, в частности, устойчиво сохранялась сельская община, джамаат. Но эта община уже зависела от феодала и была превращена им в орудие эксплуатации крестьян.

В остальных, менее развитых районах Дагестана наблюдается сочетание развивавшихся феодальных производственных отношений с отживавшими первобытно-общинными отношениями. Здесь, в частности, сельская община еще не потеряла своей независимости. Но и в этих районах имело место имущественное неравенство. Верхушка общества успела захватить значительную часть пахотных и пастбищных земель, имела много скота, использовала рабский труд и участвовала в торговле. В связи с этим усиливалась и общественно-политическая роль этой верхушки. Именно из нее выбирались управители общества, которые всячески старались подчинить его себе. Нажим на общину особенно усиливался во время владычества иноземных захватчиков, на поддержку которых местная знать могла рассчитывать.

Эти стремления знати вызывали сильный отпор со стороны рядовых членов общества. Интересен в этом отношении дошедший до нас рассказ о Шахмане. Шахман был изгнан из своего общества соплеменниками за покушение на их вольность, но вернулся с войсками во главе с Надиром и при их поддержке вновь пытался подчинить себе соплеменников. Поражение иранцев в борьбе с дагестанцами повлекло за собой провал планов Шахмана¹.

¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, СПб, 1871, стр. 600—604.

Главы общины пытались иногда опереться и на соседние ханства, что было на руку ханам, стремившимся подчинить себе данные общины. Чаще же всего общины вели борьбу против этих захватнических планов.

Дагестан по-прежнему был разделен на те же ханства и «вольные общества», которые существовали в XVI—XVII веках. Только к числу ханств после изгнания иранских захватчиков прибавилось новое — с центром в Дербенте.

Наиболее крупными владениями были ханства Казикумухское и Аварское. В начале XVIII в. в Дагестане Сурхай-хан к своим владениям присоединил часть территории южного Дагестана и Шемаху, а также местность Вуркуи-даргуа.

Наибольшего могущества Аварское ханство достигло при Умахане. Он принудил грузинского царя Ираклия II платить ежегодно дань в размере 5 тыс. рублей серебром, подчинил своей власти многие села западного и северного Дагестана, ранее независимые от Аварского ханства. Междоусобные войны за захват чужих территорий, которые вели владельцы Дагестана, тяжело сказывались на положении трудящихся масс. О росте податей и повинностей во владении ханства Аварского говорит перечень податей, собираемых Ума-ханом с подвластных ему сел.

С жителей Верхнего Арадериха по две мерки голого ячменя с дыма; у кого имеется стадо овец — с него бзж¹ и два ягненка, две шали, они же должны платить 3 хвалченбухьи² (надеть шапку) стоимостью каждый 6 руб., всего 18 руб.

С жителей Среднего Арадериха по мерке голого ячменя с каждого двора; у кого стадо овец, то с него бзж и два ягненка, с жителей аула — две шали (сукно кавказское) и хвалченбухьи, стоимость которого составляет 18 руб.

С жителей Нижнего Арадериха (Энцила) с каждого двора два бзж с каждого, у кого имеется стадо овец — два ягненка, со всего аула — две шали (сугъур) и стоимость хвалченбухьи — 18 рублей.

С жителей аула Игали — 25 мерок виноградного сока для правителя; кроме того, они (игалинцы) обязаны хунзахскому Майиндурю 16 мерок виноградного сока, 12 мерок лука и 8 мерок лаклак³.

С жителей аула Верхн. Инху 25 корзинок винограда.

С жителей Нижн. Инху 33 мерки виноградного сока и одну козу, для того, чтобы зарезать сборщикам подати.

С жителей аула Читль 6 мерок виноградного сока или же 12 мерок кукурузы или другого зернового хлеба.

¹ Слово, видимо, арабское и его значение выяснить не удалось.

² Дословный перевод: ношение сабли. Видимо, налог, установленный в честь совершеннолетия ханского сына, вносимый всеми гражданами аулов.

³ Значение слова не выяснено

С жителей аула Тлох: с бештисел 2,5 мерки виноградного сока, у кого стадо овец — два ягненка, у кого козы — два козленка.

С жителей аула Килатль две с половиной мерки пшеницы и две мерки проса с каждого двора.

С жителей аула Хиндалал с каждого двора по одной мерке и 3 четверти¹ пшеницы, две мерки проса и один трехгодовалый петух; с (тех), у которых овцы имеются — бзж, у тех, у которых имеются козы — годовалый козел.

С жителей аула Хиндал 60 посохов толщиной в указательный палец и длиной 3 локота (натI), белые, гладкие, ровные и 60 жалобов и шесть мерок золы из дерева грецкого ореха, просеянной (через сита).

С них с каждого двора по две мерки пшеницы и по мерке проса и полумерки проса, называемой богол рикьи. Если ослы вошли во двор, где собраны подати, и мочилась там хоть одна корова до взвешивания пшеницы, с виновного взимается в виде штрафа телка.

С рода Окоалал из Хиндаха 40 (мерок) пшеницы. Со всего населения 32 мерки худухь муш², которые получают в кунацкой, и 40,5 мерки проса, называемого лъел рикьи³. Они же должны 40 мерок пшеницы очищенной, готовой к помолу, четыре мерки пшеницы, называемой якунж⁴ и 12 мерок овса.

С жителей аула Харахьи 264 мерки, из них половина — пшеница, а другая половина — просо; в местности Хогрикь с каждого дома Хиндалала, но не с горцев по 4 саха⁵ проса; однако Солтан Ахмедхан снизил с них подати до 2 четвертей пшеницы и двух четвертей проса, один бзж с пастуха овец. Харахинцы обязаны были повести пшеницу и просо в дом нуцала и развести удобрения нуцала на своих ослах к пахотным местам нуцала; когда хунзахцы начинают полевые работы, они должны явиться со своими ослами, мешками и веревками и не имеют права вернуться домой до тех пор, пока не расчистят окончательно конюшни и хлевы нуцалов.

С жителей аула Амишта 30 мерок голого ячменя и один ратал⁶ железа.

С жителей аула Целмес с каждого двора по 3 мерки пшеницы; с каждого, у кого окотилось десять овцематок, полагается отборный ягненок и со всего аула один ратал железа.

С жителей аула Мушули с каждого двора по одной мерке пшеницы и по одной мерке проса; раньше с них полагалось по две мерки пшеницы с каждого двора.

С жителей аула Бакда Амуши с каждого двора по две корзины (гъегь) винограда, по одной мерке чеснока, по одной мерке

¹ В оригинале сaгI.

²⁻⁴ Значение слова не выяснено.

⁵ В оригинале сaгI.

⁶ 6¹/₂ фунтов.

лука, со всего аула один ратал железа; у кого стадо овец — бзж, у кого козы — годовалый козел (хлоргец).

С жителей аула Хонда Амуши с каждого двора по мерке чеснока, по мерке лука; с них полагается и 34 корзины винограда; у кого из них имеется стадо овец, полагается бзж, у кого из них имеются козы — годовалый козел (хлоргец); один ратал железа.

С обоих аулов также полагается 40 мерок виноградного сока наряду со всеми вышеуказанными податями.

С жителей аула Ортаколо с каждого двора по одной мерке лаклак, по одной мерке лука и по одной корзине винограда. С жителей аула Муни 180 мерок лаклака, сорок корзин винограда, три шали (сугьур) и с каждого хлева в местности Дангиз по одной шали.

С жителей населенного пункта Хонолги 4 овцы и 4 ягненка.

С жителей населенного пункта Кеселу 12 овец и 4 ягненка.

С жителей населенного пункта Жонсо с каждого двора по овце и одной корове.

С жителей населенного пункта Пашини по овце с каждого двора.

С жителей населенного пункта Хлаширу то же самое.

С жителей населенного пункта Ламаг Жари то же самое.

С жителей населенного пункта Кахлчараб то же самое.

С жителей населенного пункта Къакъади 3 овцы и одну козу.

С жителей населенного пункта Чичиник одну корову и 6 руб. (гьуруш).

С жителей населенного пункта Хлалти 100 мерок ячменя.

С жителей аула Гьима 60 овец и 3 козы.

С жителей аула Кванхи 21 шт. овец.

С жителей аула Чадири 50 овец и 3 годовалых барана.

С жителей аула Къиди, Сасикъ, Сильди, Гъакъу с каждых 20 овец, находящихся на пастбищной горе, по одному ягненку.

С жителей Сили и Гъаквари с каждого чабана на пастбищной горе Гьагмал по две овцы.

С жителей Верхнего и Нижнего Хъваршини, Сихал, Батлалги тридцать овец.

С жителей аула Хушати один бык.

С жителей аула Метрата 30 мерок пшеницы и 30 мерок голого ячменя.

С жителей селения Эчеда 40 овец и один ягненок.

С жителей аула Цумади 30 мерок голого ячменя.

С жителей Хъари, если они будут пасти свой скот на горе Хули, полагается 5 руб., а с каждого из чабанов, которые будут там пасти свой скот, по одной овце.

С жителей Томсода 23 руб.

С жителей Ракъу-Пахъвал — 33 руб.

С ахваццев — 20 овец и 20 мерок ячменя.

Перечень аулов Бакългюлал; Циликь, Сиюхъ, Цунди, Ингишу, Шаблукъ, Ичичали, Данухъ, Гпаркьухъ, Аргъваниб, ЛъаратIа, МелъелтIа.

Из числа жителей вышеуказанных аулов полагалось с тех, у которых имеются овцы, независимо от количества их — десяти или сотни — по одному ягненку, за пользование пастбищной горы с жителей этих аулов полагалось сто годовалых овец Сиюхцы, в случае, если они арендовали пастбищную гору, платили 8 туманов.

С жителей аула Хилди Хариб с каждого двора по одной овце.

С жителей Акпада 2 быка.

С жителей Ангъида то же самое.

Эти аулы входят в Тиндал.

С жителей аула Ришнял один бык и 12 руб.

С жителей аула Буртуб 3 овцы и один козел.

С жителей аула Цолода 70 бзж, 33 ягненка, еще 20 бзж для энхел, еще одна отборная корова и хвалчен бухьи ценою 18 рублей и 30 шт. кругляка, 3 балки, 3 столба, 20 мерок голого ячменя.

С жителей аула Энгердах 46 бзж, один годовалый козел (ХЮргец). У кого количество овец превышало 50 голов и его стадо переходит воду ХИарихъ, с того полагается два ягненка.

С жителей аула Местерух 46 бзж и один ягненок. У кого стадо овец переходило Къварильти, с того полагались отборный бзж и отборный ягненок и двадцать мерок голого ячменя.

С жителей Токита полагалась дань больше, чем с вышеупомянутых двух аулов, а именно: по одной мерке голого ячменя, овца и ягненок, две мерки с каждого, кто имел двух сыновей; затем Солтан Ахмедхан освободил их от этого, когда он примирился с Сурхай-ханом.

Жители вышеупомянутых четырех аулов, а именно: Цолода, Энгердах, Местерух и Токита обязаны были косить траву в местности Тобот.

С жителей аула Къваниб 160 мерок пшеницы.

С чабанов аула Сиюх с каждого по одному ягненку спустя один год и сиюхцы должны поставлять 60 ратIал топленого масла.

С жителей аула Гозолоколо полагалось с каждого, у кого имеется десять овец,—два ягненка.

С жителей аула Цада с каждого, у кого окотилась овца, даже одна единственная, полагался ягненок.

С жителей аула Эбута то же самое.

С жителей аула Кванхидатль 90 мерок соли.

С жителей аула Энхелу 40 мерок виноградного сока и 10 мерок соли.

С жителей аула Ботлих, когда правитель отправляется в Бурт, шесть козлов.

С жителей аула Миарму двадцать мерок проса и тридцать мерок виноградного сока.

С жителей аула Годобери 30 ягнят после стрижки шерсти.
С жителей аула Тандо 25 овец.
С жителей аула Ансалта 25 овец.
С жителей аула Зибирхалиб 40 бзж.
С жителей аула Бурти 20 овец, 2 ягненка или козленка.
С жителей аула Хириб (Хьыриб) по одному ягненку с каждого двора.

С жителей Абасу (Габасу) 20 овец.

С жителей населенных пунктов Сатлу, Гьинди, Маккйичла также 20 овец.

С жителей населенного пункта Лъондох 10 овец.

С жителей населенного пункта Зикариб 20 овец.

С жителей населенных пунктов Хаду и Монох то же самое.

С жителей аула Щекъери 34 овцы и с каждого двора по козе или по два ягненка.

С жителей населенного пункта Хъару 40 овец и 40 ягнят.

С жителей аула Гьакъмада то же самое.

С жителей аула Лъинду 12 овец и 12 ягнят.

С жителей населенного пункта Санакъори 20 овец.

С жителей аула Желатлури с каждого двора по две мерки голого ячменя и с тех, у кого окотилось десять овец,—два ягненка.

Основным населением этих политических образований было крестьянство — простые уздени, чагары, райяты и другие. В противоположном лагере находились феодалы и старшины.

Источники не позволяют более подробно, чем это сделано в предыдущем очерке, охарактеризовать жизнь ханств и «вольных обществ». Можно лишь констатировать некоторое обострение классовых противоречий в ханствах, вызванное усилением феодального гнета. Броневский пишет, что сребролюбие дагестанских владельцев изнуряет их подданных налогами¹.

Положение народных масс еще больше ухудшалось во время междоусобных войн феодалов, которые боролись за расширение своих владений и за увеличение числа эксплуатируемых крестьян. Отдельные беки, разбогатев и усилившись, уже не хотели признавать над собой ханской власти.

Междоусобицы феодалов особенно усилились во второй половине XVIII века. Броневский сравнивает феодальные войны в Дагестане, с междоусобицами в удельной Руси. «Российская история времен удельных княжеств, — пишет он, — есть живое изображение нынешнего политического существования Дагестана. Соперничество до невероятной степени и непримиримой злобы допускается между единокровными феодалами, вооружение брата на брата, сына против отца не считалось в стране за диковину»². Буйнакский владелец Мехди, сосланный Надиром в Астрабад по причине его ссоры с шамхалом Хасбулатом, вернувшись

¹ Броневский. Указ. соч., стр. 24.

² Там же.

после смерти Надира, затеял войну с Хасбулатом и, при поддержке хана кубинского Фет-Али, заставил его отдать ему его прежнее владение Буйнак¹.

С именем хана кубинского Фет-Али связаны бесконечные феодальные войны в Дагестане и Азербайджане. В 1765 г. он, воспользовавшись недовольством дербентских жителей их ханом, захватил Дербент. Затем начинается его вражда с уцмием Амир-Хамзой, который пытался отобрать у него Дербент. Воспользовавшись междоусобной войной табасаранских феодалов, Фет-Али утвердил свою власть в Табасаране. Впоследствии ему удалось укрепить свое влияние и в шамхальстве, также воспользовавшись междоусобной борьбой претендентов на шамхальское звание. Ведя сложную политику, направленную на подчинение себе всех азербайджанских и дагестанских ханств, Фет-Али восстановил против себя многих из них. В результате, феодалы Азербайджана и Дагестана оказались разбитыми на два враждовавших между собою лагеря. Между этими группировками происходили кровавые военные столкновения. Происходили войны и между вольными обществами.

В условиях войны насильник-феодал подвергал своих крестьян еще большему разорению. Крестьянам, жившим под властью буйных и хищных ханов и беков, всегда приходилось опасаться за жизнь и имущество.

Не удивительно, что в рассматриваемое время в Дагестане происходит обострение классовой борьбы. Об этом говорит прежде всего тот факт, что усиливаются побег крестьян от своих эксплуататоров. Крестьяне находили спасение в горах и лесах, откуда они совершали неожиданные нападения на владения ханов и беков. Чаще же всего они бежали в пределы русского государства. В 20-х годах XVIII века бегство крестьян в подвластные России районы Северного Кавказа приобрело настолько серьезный характер, что феодалы пытались прекратить это путем переговоров с русским правительством. Последнее обязалось вернуть всех перебежчиков, за исключением принявших христианство, либо уплатить за каждого человека тридцать рублей².

Особенно усилилось бегство крестьян в пределы русского государства во второй половине XVIII века. Тогда, в частности, произошел побег значительного числа крепостных крестьян из владений кайтагского хана, послуживший предметом длительных препирательств между кайтагским ханом Амир-Хамзой и русским правительством. Не получив удовлетворительного ответа на свои просьбы о возвращении беглых крестьян, Амир-Хамза захватил в плен академика С. Г. Гмелина, проезжавшего через его владения.

---

1 А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926, стр. 132.

2 ЦГАДА. Персидские дела, 1721, д. 2, л. 7.

Иногда борьба крестьян против феодалов выливалась в форму активного протеста, причем происходили кровавые столкновения между крестьянами и феодалами. «Подданные (дагестанских владельцев), — пишет Броневский, — тайно или явно споспობствуют низвержению своих тиранов в чаянии лучшего жребия при перемене владельца, хотя довольно часто в том обманываются»¹.

§ 3. КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА.

Вопрос о развитии культуры Дагестана накануне его присоединения к России изучен недостаточно. Однако имеющийся материал позволяет утверждать, что в этот период культура народов Дагестана получила известное развитие.

Замечательным плодом народного творчества горцев Дагестана является их богатый фольклор. В сохранившихся в народе с древнейших времен песнях, поговорках отражались интересы, чаяния и надежды народных масс, их стремление к справедливой жизни. Эти народные произведения отличаются социальной заостренностью. В них высмеиваются духовные лица, беки и отражается быт и повседневные занятия крестьянских масс. Распространены были также лирические, мифологические и героические песни. Измученные войнами и задавленные нуждой и произволом беков и ханов и иноземных поработителей, народные массы изливали в песнях и рассказах свое горе и скорбь.

В исторических и героических песнях ярко отражены эпизоды борьбы и подвиги народных масс, защищавших родные земли от иноземных завоевателей. Патриотизм, верность родине и мужественный отпор иноземному врагу наиболее яркое отображение получили в сохранившихся в памяти народа превосходных эпических произведениях неизвестных нам народных поэтов XVIII века на лакском, аварском и лезгинском языках, посвященных героической борьбе дагестанцев против шаха Надира. В этих произведениях образно описываются боевые столкновения народных масс Дагестана с полчищами шаха, их отвага и мужество. Стойкость народов Дагестана в борьбе с войсками Надира уподобляется в этих произведениях гранитному утесу, высящемуся перед морским прибоем в бурю. В них образно описывается, как дагестанцы сражались с воинами Надира, как у них заржавели от вражеской крови мечи и как они гибли, ни на шаг не отступая от занятых позиций. «Как родники в низовьях превращаются в реки, — рассказывает лакский эпос, — как из ливня получается бурный поток, дагестанцы различных районов от злости к врагу, от кипучей мести в груди разлились потоком. Они клялись, что не повернут спины к врагу, если даже реки начнут течь вверх. Либо смерть, либо победа... Грохот охватил горные долины, дрог-

¹ Броневский И. Указ. соч., стр. 24.

нули и помрачились небо и земля. То не гром гремел, низвергая ливень, а дагестанцы метали пули на вражеские рати, обрушиваясь свинцом на них. Крепко держа длинные пики, мчались на быстроногих скакунах и, развевая по ветру андийские бурки, как орлы двинулись на врага отряды дагестанцев. Цудахарский кремень сыпал огненные искры, как огонь лился на врага горячий свинец. Люди были подобны зернам на жаровне, стоящей на огне. От грохота глохли уши, от яркого пламени ослеплялись глаза, как будто ад извергал огненное пламя. Разыгралась битва, словно небо сражалось с землей»¹.

Содержательность, многообразие форм и образность определяют художественную ценность устной народной поэзии Дагестана.

В XVIII в. в связи с дальнейшим упрочением ислама в Дагестане широкое распространение получили примечетские школы, мактабы и медресе. Хотя обучение в них в основном сводилось к заучиванию корана и произведений арабских схоластов, все же в тех конкретно-исторических условиях оно играло некоторую положительную роль. В арабских школах горцы знакомились с такими науками, как философия, астрономия, математика, юриспруденция и филология. Особенно большое влияние на них оказывала восточная поэзия. Этим можно объяснить, что в Дагестане для каждого, кто старался стать ученым, считалось обязательным знать поэтику. «Наука эта, — писал позднее Абдулла Омаров, — составляла любимое муталимами развлечение потому, что изучая красноречие арабского, рассуждают вообще о лучших произведениях древних арабских поэтов»².

В описываемое время в Дагестане были выдающиеся ученые, писавшие на арабском языке: Дамадан Мугинский, Магомед Убринский, Гаджи-Дауд Усишинский, Абубекир Аймакинский, Магомед Акушинский и др. Они приобрели известность далеко за пределами Кавказа.

Деятельность их не ограничивалась рамками науки. Вместе с изучением наук они занимались и литературой, о чем говорят дошедшие до нас отдельные отрывки из их стихотворений, причем Аймакинский и Кудияу Кудалинский писали на аварском языке. Стихи их отличаются большой художественной силой и самобытностью.

К концу XVIII — началу XIX в. относится расцвет поэтической деятельности известного ашуга Саида Кючхурского, творчество которого занимает важное место в создании лезгинской литературы.

Стихи Кючхурского, дошедшие до нас в устном творчестве, пропитаны духом ненависти к угнетателям и любви к своему народу:

¹ Перевод Ю. Хаппалаева.

² ССОКГ. Вып. I, Тифлис. 1869, стр. 48.

Будь проклят свет, где ты рожден на свет,
Будь проклят свет, где тьма, где правды нет.
Кровавый хан — источник наших бед,
Скажи, докуда нам терпеть, проклятый?
Ты разорил аулы наших гор,
Вверг в ад мужей, а женщин вверг в позор.
Терпеть нам это все до коих пор?
Когда, скажите, грянет час расплаты?!

Одним из больших достижений XVIII в. в области письменности является окончательная разработка аджамской системы письма у аварцев, лаков и др. Создание аварской письменности связано с именем Дибир-Кади из Хунзаха (1742—1817) — переводчика «Калилы и Димны» на аварский язык и автора многочисленных стихов на аварском языке. Дибир-Кади был высокообразованным ученым своего времени, прекрасно владел рядом восточных языков. Его перу принадлежит целый ряд трудов (толковый словарь персидско-тюркско-арабского языков, учебник персидского языка). Учился Дибир-Кади сначала в Дагестане, затем в Персии и Турции.

Алфавитом, созданным Дибир-Кади (т. е. аджамской системой), аварцы пользовались вплоть до Октябрьской революции².

Сохранившиеся от XVIII века памятники зодчества, стеной и миниатюрной живописи, ювелирного дела дают некоторое представление о состоянии искусства в Дагестане того времени.

О зодчестве можно судить путем ознакомления с мавзолеем семьи Фет-Али-хана, сохранившимся на дербентском кладбище в полуразрушенном состоянии. Особенно удивлял современников своей оригинальностью дворец, построенный Фет-Али в Дербенте. Комнаты и галереи дворца были украшены оригинальными фресками.

Орнаментальное творчество являлось одной из древних отраслей искусства дагестанских народов. Дагестанские народные мастера изобразительного искусства проявляли высокое художественное мастерство в резьбе по металлу, камню, дереву и кости. Они делали из различных металлов, дерева и кости всевозможные предметы труда и изделия домашнего обихода, предметы конского набора и т. п. и проявляли большую умелость в украшении их орнаментом.

Особое мастерство проявляли дагестанцы в изготовлении оружия и ювелирных изделий. Наибольшей популярностью пользовались изделия кубачинцев, создававших превосходные образцы подлинного искусства. Как свидетельствует Гербер, на их изделия «с восхищением взирали даже за границей»³.

Печать подлинного народного искусства носила в Дагестане резьба по камню. Образцы этой отрасли народного искусства

1 Пoesия народов Дагестана. М. 1954, стр. 139.

2 М. С. Саидов. Указ. соч., стр. 138.

3 Гербер. Указ. соч., стр. 47.

встречаются в архитектурных сооружениях и на надгробных камнях. Народные мастера украшали стены мавзолеев и надгробные камни орнаментом с изображением оружия или предметов домашнего хозяйства. Наиболее удачными примерами этого вида искусства могут служить сохранившиеся от XVIII века орнаментальные украшения мавзолея семьи Фет-Али в Дербенте, а также надгробные камни кладбища дома шамхалов в сел. Тарки. Сохранились от XVIII века и красиво отделанные надгробные камни в Казикумухе.

Замечательными образцами дагестанского народного искусства являются также узоры, которыми украшались ковры, арба-баши, книги и т. д.

В XVIII веке в Дагестане имела распространение вокальная и инструментальная музыка. На свадебных торжествах и народных праздниках играли на зурне, тепе, чугуре, комузе и других инструментах. Игра сопровождалась танцами и пением лирических и героических песен. Нередко на таких празднествах выступали народные артисты.

§ 4. ИЗГНАНИЕ СЕФЕВИДОВ ИЗ ДАГЕСТАНА

Протесты и восстания крестьян в XVIII веке были особенно часты в подвластных сефевидам районах Дагестана, в которых крестьяне испытывали двойной гнет. Тяжелое положение крестьян усугублялось здесь все более растущими обложениями и грабежами. Известно, что начавшийся в XVII веке экономический упадок сефевидской монархии приобрел к началу XVIII века крайнюю остроту. Падали земледелие, ремесла, внешняя торговля, сократились поступления военной добычи и контрибуций. Все это вызвало сокращение доходов государственной казны и феодальной знати.

В целях пополнения казны шахским правительством вводились новые налоги и подати¹. «Если в 1698—1701 гг. было проведено очень резкое увеличение налогов и податей и уже в 1702 году они взымались во вновь назначенном размере, — пишет Есай Хасан Джалалян, — то не прошло и года, как шах ввел в стране (автор имеет в виду Ширван, куда входил ряд районов Дагестана — А. Т.) новые налоги»². При взимании налогов принимались в расчет размеры земель, количество воды, сады, пастбища, скот и «все то, что необходимо человеку»³.

В то же время местные ханы и беки, опираясь на своих хозяев, все более усиливали эксплуатацию крестьянских масс.

¹ И. Петрушевский. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Ленинград, 1949, стр. 83—84, 332—333.

² «История страны агванов». Эреван. 1868, стр. 14 (на армянском языке).

³ Там же.

Прямым результатом этого явилось резкое обострение противоречий между двумя основными общественными классами в сефевидской монархии. Не удивительно, что сефевидское государство было в это время охвачено восстаниями и междоусобицами¹.

Восстания особенно дали о себе знать в окраинных областях сефевидской монархии, с населением неиранского происхождения, где тяжелый гнет сочетался с национальными гонениями и религиозными преследованиями. Восстания происходили в Курдистане, Туркменистане, Хорасане, Армении, в южном Азербайджане, в Грузии и ряде других областей.

В начале XVIII века поднялись на борьбу против феодального гнета и крестьяне подвластных Ирану районов Дагестана (совместно с азербайджанскими крестьянами). Если принять во внимание утверждение Беневени, что контингент восставших состоял «из деревенских жителей»², а также если учесть, что Дагестан и Азербайджан были в то время отсталыми крестьянскими странами и что восстание разгоралось именно в сельских местностях, то станет очевидным, что оно было крестьянским восстанием.

Восстание началось в нагорных районах Азербайджана среди населения Джара. Собственно, джарцы восстали не из-за тяжести налогов. Они вовсе не платили налогов в шахскую казну, наоборот, они сами получали от сефевидских шахов денежные средства, якобы за сторожевую службу на окраине государства, а точнее просто с тем, чтобы они не делали набегов на подвластные Ирану провинции и находились бы в подданстве у шаха³.

Однако, как сообщает Ханвай, в последние годы из-за неурядиц в Иране и злоупотреблений ширванских беглербеков полагающегося джарцам жалования не платили⁴. Это послужило причиной тому, что джарцы напали на резиденцию ширванского беглербека — Шемаху. В районе Шемахи к ним присоединились крестьяне. Восстание охватило ряд районов Дагестана. Повстанцы нападали на дружины местных феодалов. Весь род кубинского хана, за исключением одного ребенка, был истреблен⁵.

Восстание было направлено против гнета местных феодалов и сефевидских захватчиков, но впоследствии, когда во главе его оказался представитель суннитского духовенства Хаджи-Дауд

---

¹ Е. Зевакин. Указ. соч., стр. 15; Ключюк-Челеби-заде. Тарихи Челеби-заде. Истамбул. 1153 г. гиджри, лл. 16—17 (на турецком языке).

² Донесение Ф. Беневени из Шемахи 1-го июля 1720 года. См. А. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарою. «Записки русского географического общества». Кн. IX. СПб, 1853, стр. 352.

³ В. Левиатов. Указ. соч., стр. 66.

⁴ Д. Ханвай. Указ. соч., т. II, стр. 215.

⁵ Гербер. Указ. соч., стр. 116—117; П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. СПб. 1869. т. I, стр. 96.

Мускурский, оно постепенно приобрело исключительно антииранский характер.

Чуждый интересам повстанцев и ставивший своей целью создание своего государства, Дауд-Хаджи, ловко играя на религиозных чувствах отсталых крестьянских масс, объявил себя человеком, призванным аллахом избавить местное суннитское население от шиитской сефевидской тирании¹. Он провозгласил среди населения Азербайджана и Дагестана лозунг газавата против шиитских «гяуров» и тем самым сумел дезориентировать повстанцев. В этом играла известную роль и Турция. Готовясь воспользоваться ослаблением сефевидской монархии — векового противника Турции, турки установили связь с Дауд-Хаджи. Они притворно выступили союзниками и покровителями повстанцев и всячески разжигали пожар войны. По расчету Дауд-Хаджи, связи с Турцией должны были укрепить его позиции среди повстанцев и облегчить осуществление его тайных замыслов.

Дауд-Хаджи проявил большую энергию в расширении восстания и старался придать ему возможную организованность. Ему удалось расположить к восставшим Сурхай-хана Казикумухского. Он ездил в Қайтаг, установил контакт с уцмием Ахмед-ханом и совместно с ним составил план изгнания сефевидов из Азербайджана и Дагестана².

Восставшим удалось захватить населенные пункты Азербайджана и Дагестана. В руках их оказывались резиденции иранских правителей, но они не старались закрепить эти резиденции за собою. В этом заключается характерная особенность движения до 1721 года. Повстанцы ограничивались внезапными нападениями на иранские отряды и резиденции иранских сатрапов.

Во второй половине 1721 года восстание приобретает более организованный характер и его размах значительно увеличился. Как говорит Гербер, народы приставали к Дауду толпами³. Дело в том, что в это время афганцы вторглись в пределы Ирана, стремительно двигались к столице шаха Исфагану, создавая тем самым благоприятные условия для успехов восставших дагестанцев и азербайджанцев.

Правильно оценив обстановку, повстанцы напрягли все силы, чтобы нанести иранцам решительный удар именно в этот момент. Восставшие захватили многие населенные пункты, в частности гор. Шемаху. Успехи повстанцев произвели на дербентского султана такое устрашающее впечатление, что он поспешил со своим семейством удалиться в Иран⁴. Сефевиды были изгнаны из Дагестана и северного Азербайджана.

¹ Гербер. Указ. соч., стр. 228.

² Бакиханов. Указ. соч., стр. 102.

³ Гербер. Указ. соч., стр. 223; Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 8.

⁴ Ханвай. Исторический очерк британской торговли на Каспийском море. Лондон, 1762, стр. 95.

В то время, когда наступил критический момент в истории сефевидской державы, Турция, стремясь воспользоваться бедственным положением своего соседа, готовилась к восточному походу. Она усилила связи с Дауд-Хаджи и Сурхай-ханом и намеревалась, в частности, овладеть Дагестаном.

§ 5. «ПЕРСИДСКИЙ» ПОХОД ПЕТРА I

Имея в Закавказье и Иране важные экономические и политические интересы, Россия не могла оставаться равнодушной наблюдательницей действий Турции. Известно, что XVIII век был для России веком быстрого роста производительных сил, веком развития промышленности, торговли и культуры. Торговля с Закавказьем и Ираном сулила русским купцам огромные барыши. Русская промышленность была заинтересована в получении сырья из прикаспийских областей Кавказа¹.

Господствующие круги России того времени придавали большое значение и Каспийскому морю. По мысли Петра I, для того, чтобы усилить торговлю России с Востоком и направить торговые связи Европы с Востоком через Россию, нужно было превратить Каспийское море в русское озеро. С другой стороны, овладение Каспийским морем должно было снизить роль Турции в торговле Востока с Европой.

Утверждение турок на Каспийском море означало бы для России провал всех этих ее планов. Поэтому русское правительство внимательно следило за событиями, происходившими в сефевидском государстве. Еще до этого времени русское правительство проявляло интерес к прикаспийским владениям сефевидов и собирало сведения о политическом состоянии этих стран, о дорогах и природных богатствах. Посланные русским правительством в Иран А. П. Волынский, а за ним Д. Баскаков и другие возвратились в Россию с подробными сведениями. В 1720 году была составлена карта Каспийского моря. Были установлены связи с грузинскими царями, армянскими меликами, азербайджанскими и дагестанскими ханами. Некоторые дагестанские феодалы приняли русское подданство еще в 1719 году.

В 1722 году Петр принял решительные меры. Закончив войну со Швецией, он стал энергично готовиться к персидскому походу. Поскольку иранское правительство не было в состоянии оградить свои прикаспийские владения от турецкого захвата, Петр решил присоединить их к России. Чтобы формально оправдать свой поход, Петр в манифесте, изданном 15 июня 1722 г., объявил, что русские войска выступают на помощь его другу шаху Гусейну против Хаджи-Дауда и Сурхай-хана, которые пошли против «государя своего» и нанесли ущерб русским купцам. При этом Петр заверял население прикаспийских областей, что ему не при-

¹ В. Лысов. Персидский поход Петра I. М. 1951, стр. 16—34.

чинят вреда в том случае, если оно не будет противиться русским войскам и не окажет помощи Дауду и Сурхаю.

Русские были приняты в Дагестане дружелюбно. Шамхал Адил-Гирей, принявший русское подданство в 1719 г., встретил Петра с подарками, предложил ему свои военные силы и оказывал всяческие услуги¹. Аварский хан, прибыв в лагерь русской армии, настойчиво просил Петра «принять его под свою руку»². Дербентский наиб Имам-Кули-бек преподнес Петру ключи от «Железных ворот», уподобив его Александру Македонскому, легендарному основателю города³. Еще при получении царского манифеста, извещавшего о выступлении русских войск в поход, жители Дербента «на оное отозвались, что ждут с радостью»⁴. В письме, обращенном к сенату, Петр писал: «Сии люди не лицемерно любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»⁵. Петр получил письма от разных городов, ханов, княжеств Азербайджана, Грузии и Армении с просьбами защитить от турецкой угрозы и освободить от иранского ига.

Русской армии было оказано сопротивление в Эндрее, Утамыше и сторонниками Хаджи-Дауда.

Симпатии местных народов к России возросли после того, как ряд районов Дагестана был фактически присоединен к русскому государству, и после того, как народы Дагестана вступили в более близкие хозяйственные и культурные связи с русским народом. В 1727 году князь Долгорукий писал из Дербента Екатерине I: «Во всех провинциях все... просят меня, чтобы я принимал их в протекцию российской империи..., а которые в турецком владении — так ожесточены, вконец разорены и такое ругательство и тиранство турки делают, как большего быть нельзя. И так, все народы как христиане, так и бусурмане, все против них готовы, только просят, чтобы были надежды на нас»⁶.

От Дербента Петр хотел идти через Низабад к Баку и Шемахе. 28 августа 1722 года он приказал генерал-адмиралу графу Апраксину собрать сведения «о дороге, как удобнее с так великою армеею дойти в оба места, то есть в Шемаку и в Баку, послать до Низовой для осмотра доброго человека»⁷. В силу создавшихся условий 29 августа того же года Петр отдал приказ о возвращении значительной части армии в Россию и сам вернулся в Москву. Прикаспийские области Азербайджана были присоединены к России без личных действий Петра.

Таким образом, прикаспийские районы Дагестана и Азербайджана, приобретение которых русское правительство считало

¹ Ф. Соймонов. Указ. соч., стр. 87.

² Гербер. Указ. соч., стр. 136.

³ Там же, стр. 233.

⁴ В. Лыцов. Указ. соч., стр. 122.

⁵ С. Соловьев. История России. Т. XVIII, стр. 677.

⁶ С. Соловьев. Указ. соч., т. XVIII, стр. 955.

⁷ Лыцов. Указ. соч., стр. 123.

наиболее важным для обеспечения своих экономических и политических интересов на Каспийском море, были заняты русскими войсками. 23 сентября 1723 года в Петербурге был подписан договор России с Ираном, согласно которому шах Тахмасб признал власть Петра в занятых русскими войсками городах Дербенте и Баку, с прилегающими к ним прикаспийскими районами, а также уступал России прикаспийские провинции Ирана — Гилян, Мазандаран и Астрабад. В свою очередь Петр обещал Тахмасбу помощь в умиротворении Ирана, изгнании афганцев и утверждении его на шахском престоле.

Успехи Петра I в Дагестане и Азербайджане, а также заключение договора 1723 года между Россией и Ираном произвели сильное впечатление в Константинополе. В глазах турок это являлось серьезной угрозой для Турции. Особенно сильно реагировали господствующие круги Турции на известие о связях Петра I с Грузией. В Константинополе шла лихорадочная подготовка к походу на Восток. Хаджи-Дауд был официально объявлен турецким вассалом и признан ханом Ширвана¹.

Еще в то время, когда русская армия во главе с Петром двигалась вдоль побережья Каспия, Дауд все более усиливал свои связи с Турцией. При создавшемся положении он не мог рассчитывать на сохранение власти в своих владениях. Попытки русского правительства договориться с ним не увенчались успехом. Дауд выдвигал нереальные условия. Волынский писал Петру, что «Дауд-бек ни к чему не потребен, ... хочет что ваш труд, а его польза»².

Признав Дауда правителем Ширвана, турки обязали его стараться вытеснить русские войска из Дербента и других занятых ими районов Дагестана и Ширвана³. С другой стороны, турки вступили в сношения с афганцами, предлагая им оборонительный и наступательный союз против России. Было решено принять помощь от Англии, которая старалась использовать турок в своих интересах, натравливала их на Россию и заняла враждебную позицию по отношению к стремлению Петра проникнуть в Закавказье. Английский посланник в Константинополе прилагал все усилия к тому, чтобы толкнуть Турцию на войну с Россией⁴. В противовес усилиям турок и стоявших за их спиной западных держав, Петр I усилил меры по укреплению положения России в присоединенных к ней прикаспийских областях.

Весною 1723 года эрзерумский паша вступил с войсками в Картлию⁵. В том же году в то время, когда генерал Матюшкин взял город Баку, турки подошли к границам северного Азербай-

¹ ЦГАДА. Персидские дела, 1722, № 14—17; Гербер. Указ. соч., стр. 227; Указ. соч., стр. 64.

² С. Соловьев. Указ. соч., кн. XVIII, стр. 669.

³ Там же, кн. IV, стр. 691, 695, 700.

⁴ ЦГАДА. Персидские дела, 1722, № 14—17; Гербер. Указ. соч., стр. 227.

⁵ Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 52.

джана, направляясь к берегам Каспия, и потребовали от русских освобождения занятых ими областей. Турецкое правительство настаивало на том, что только ему принадлежит законное право на наследство мусульманской державы сефевидов. Но Петр I ответил, что Россия не допустит, чтобы Турция имела владения на Каспийском море, и потребовал от турок прекращения военных действий.

Война между Россией и Турцией была неизбежна. В конце концов, в 1724 году, после долгих переговоров между Россией и Турцией, был заключен договор, согласно которому занятые русскими войсками прикаспийские области, в частности побережья Дагестана, были признаны за Россией. Лишь нагорные районы южного Дагестана в числе многих остальных районов, входивших в состав владений Ирана, были уступлены Турции.

Но туркам не удалось подчинить эти районы себе. «Турки, — свидетельствует Гербер, — многожды покушались привести их (дагестанцев) к послушанию, однако они этому противились и знали вольность свою удержать»¹. Дагестанцы не только не пускали турок к себе, но и нападали на захваченные турками районы Азербайджана. В частности, дагестанцы не давали Дауду спокойно хозяйничать в его ханстве. Особенно усилилась эта борьба тогда, когда на сторону борющихся дагестанцев перешел Сурхай, обиженный на турок за то, что они предпочли ему Дауда. Турки и Дауд оказались беспомощными в борьбе с дагестанцами.

В такой обстановке турки предпочли пойти на уступки Сурхаю с тем, чтобы дезорганизовать сопротивление дагестанцев. Дауд был заменен Сурхаем. Таким образом, Сурхай, став ханом ширванским, вновь превратился в орудие агрессивных планов Турции.

Дауд, а за ним Сурхай, выполняя задания султана, всячески старались возмутить население прибрежных районов Дагестана, занятых русскими войсками, против России. Но из этого ничего не вышло, и им пришлось ограничиться разбойничьими набегами и грабежами торговых караванов.

Россия, обеспечивая свои позиции в Дагестане, построила укрепления в наиболее важных в стратегическом отношении районах, занятых русскими войсками. Так, по приказу Петра была построена большая крепость на реке Сулак под названием Святой Крест. Сюда были переселены жители и гарнизон города Терки, который был разрушен. Окрестности Св. Креста были заселены донскими и терскими казачьими семействами. Вдоль реки Сулак возникли новые населенные пункты.

Присоединение прикаспийских областей, в частности побе-

---

¹ Гербер. Указ. соч., стр. 119; Соловьев. Указ. соч., кн. IV, стр. 122—129, 673—701.

режья Дагестана, к России имело важное значение для хозяйственного и культурного развития местных народов.

Еще в первые годы установления русской власти в прикаспийских областях были приняты меры к эксплуатации природных богатств этих областей. Петр I дал местным начальникам указания об улучшении хлопководства, рыболовства, садоводства, виноградарства и т. д. Петр прислал в Дербент для усовершенствования виноделия венгерца майора Туркула, который занимался этим делом в течение нескольких лет. Русское правительство обратило внимание и на возделывание шафрана¹. Петр старался усилить торговые связи прикаспийских областей с русскими городами.

С присоединением прикаспийских районов Дагестана к России связано и усиление в России интереса к истории и быту народов Дагестана. По приказанию Петра было переведено сочинение по истории Дербента — «Дербент-наме». Походу Петра мы обязаны и работами Гербера, Соймонова и других. Эти сочинения имели и донныне сохраняют большое значение для изучения истории и этнографии народов Дагестана.

Включение прикаспийских районов Дагестана в состав русского государства благоприятствовало экономическому и культурному росту края и избавлению местных народов от турецкого и иранского ига.

К сожалению, это присоединение оказалось недолговременным.

§ 6. ПРОВАЛ ПОПЫТОК ИРАНА ВНОВЬ ЗАВОЕВАТЬ ДАГЕСТАН

К 30-м годам XVIII века Иран усиливается. Афганцы были изгнаны из Ирана. Тахмасб, сын свергнутого афганцами шаха Гусейна, занял столицу. Но фактическим правителем Ирана стал Надир, под руководством которого страна была освобождена от афганцев.

Покончив с афганцами, Надир выступил против Турции, которая успела к тому времени захватить многие владения сефевидов, в частности ряд районов Азербайджана и Дагестана. В результате крупных поражений, Турция, согласно договору 1736 года, вынуждена была отказаться от захваченных ею владений Ирана. Согласно договору 1735 года между Россией и Ираном, русские гарнизоны были эвакуированы из прибрежных районов Дагестана. Лишь территория, лежащая левее р. Сулак, осталась за Россией.

После смерти Петра I русское правительство стало проявлять к прикаспийским приобретениям России меньший интерес. Еще в 1726 году было признано целесообразным уступить эти области

¹ Броневский. Указ. соч., т. II, стр. 339.

Ирану. Районы южнее р. Куры были уступлены Ирану в 1723 году. В 1735 году русское правительство, готовившееся к войне с Турцией, решило использовать уступку оставшихся еще за ним районов Дагестана и Азербайджана в целях заключения союза с Ираном или, по крайней мере, для поддержания добрососедских отношений с ним. Русское правительство считало нужным привлечь Иран на свою сторону и поддерживать с ним хорошие отношения, тем более, что складывавшаяся на западе антирусская коалиция в составе Англии и Франции прилагала все усилия к тому, чтобы вовлечь в эту коалицию Турцию и объединить ее с Ираном против России.

Надиру удалось в 1736 году расправиться с нежелавшим подчиниться Ирану свободолюбивым населением Дагестана. Борьба народов Дагестана, раздробленных на множество ханств и «вольных» обществ, носила неорганизованный характер. Каждое ханство и каждое «вольное» общество боролось против Надира в одиночку. Случалось, что даже жители отдельных аулов пытались самостоятельно отстаивать свою независимость.

На данном этапе борьбы нельзя было ожидать от дагестанцев объединения их сил против общего врага. С другой стороны, объединению народов Дагестана препятствовал и сам НаDIR, сеявший между ними вражду. Ему удавалось подкупать отдельных дагестанских ханов, беков и глав «вольных» обществ обещаниями, дорогими подарками, расширением их прав и т. п. Не удивительно, что в результате похода 1736 года НаDIR получил заложников от ряда дагестанских обществ и ханств и счел себя властелином страны. В действительности же это не означало, что сопротивление народных масс Дагестана сломлено и что борьба кончилась.

Не успел НаDIR, уходя в Иран, переправиться через реку Аракс, как дагестанцы возобновили борьбу с еще большим ожесточением¹. Они нападали на иранские отряды и на нукеров местных ханов — иранских приспешников. Попытки иранских полководцев подавить это восстание кончались неудачей. Так, в 1739 году в одном сражении был разгромлен большой отряд Ибрагим-хана, родного брата шаха. Ибрагим-хан и многие его военачальники пали в этой битве². Подъем борьбы сопровождался новым стремлением борющихся дагестанцев заручиться поддержкой русского государства. С другой стороны, турки вступили в связь со своими сторонниками из дагестанских феодалов Сурхаем и другими.

В 1741 году во главе огромной армии в 150 тыс. человек вновь двинулся в Дагестан «гроза вселенной», как стали называть Надира после его военных удач в Индии. Прибыв в Шемаху в 1741 году, шах направил часть иранских войск во главе с Гай-

¹ Хроника войн Джара в XVIII веке. Баку, 1931, стр. 27—29.

² Там же, стр. 31.

дар-беком через Дербент, Кайтаг и шамхальство на территории Дженгутайского ханства, где Гайдар-бек должен был ожидать дальнейших приказаний шаха¹. Когда этот отряд был остановлен кайтагцами, на помощь ему был отправлен 20-тысячный отряд Лютф-Али-хана. Основная же масса шахской армии во главе с Надиром направилась в Казикумух и Аварию через Хосрек по труднопроходимым ущельям².

Оказывая захватчикам посильный отпор, основные силы дагестанцев отступали в глубь страны в недоступные высокогорные районы. Остальное население, укрываясь в горах, лесах и других удобных местах, совершало нападения на врага, устраивало засады, захватывало обозы и затрудняло снабжение армии шаха. В наиболее удобных местах, заняв выгодную позицию, дагестанцы наносили военным силам шаха большой урон.

Дагестанцы надеялись нанести полчищам Надира поражение во внутренних высокогорных районах страны, используя преимущества горной местности. Это представляло собой испытанный в течение веков прием борьбы против вторгавшихся в Дагестан агрессоров.

По прибытии в селение Хосрек Надир связался с Сурхаем. Последний, потеряв надежду на успех борьбы с Надиром, почел за благо договориться с ним. 8 августа 1741 года он прибыл в лагерь шаха³. 14 августа Надир захватил Казикумух, после чего занялся ликвидацией очага сопротивления в своем тылу. Кайтагцы, вытесненные из своих земель войсками Люфт-Али-хана и Гайдар-бека, засев в селении Кубачи, оказывали героическое сопротивление 24-тысячному отряду Ата-хана Афганского. Но уцмий Кайтагский предал защитников и перешел на сторону шаха. 12 сентября Надир проник на территорию Андалала и расположился со своими войсками в районе селения Чох, имея опорным центром Турчидаг. Многие шахские отряды были расположены на других горах, вблизи наиболее крупных населенных пунктов — Согратля, Уриба, Мегеба и других, занимая выгодные позиции.

В свою очередь дагестанцы также готовились к решительному бою. Со всех сторон Аварии стекались всадники на территорию Андалала. Из тыла вражеских войск пробирались в Аварию лакцы, даргинцы, кубачинцы, джарталийцы, лезгины, кумыки, кайтагцы и другие. «Они клялись, — говорит эпос, — не стать к врагу спиной, если даже реки начнут течь вверх. Либо смерть, либо победа!».

Народные массы, несмотря на предательский переход нескольких ханов на сторону врага, остались до конца верными своей

¹ Т а р и х и С а м и, Ш а к и р и С у б х и. Стамбул. 1199 г. гиджри, лл. 219—221.

² Б а к и х а н о в. Указ. соч., стр. 121.

³ Х а н в а й. Указ. соч., стр. 408.

родине. Более того, по свидетельству источников, в народных массах в ходе нарастающей борьбы против полчищ Надира зародилось и постепенно нарастало сознание необходимости объединения сил Дагестана, а также сознание преимущества согласованной и организованной борьбы. В данное же время, когда враг непосредственно угрожал покончить с независимостью народов Дагестана, когда страна очутилась перед лицом смертельной опасности процесс объединения населения достиг возможной полноты. Наблюдались случаи, когда ранее враждовавшие общества, отбрасывая свои распри, объединялись для борьбы против общего врага¹. Хан аварский, не дожидаясь вторжения иранской армии в его владения, поспешил со своими людьми на территорию Андалала. Население дженгутайского ханства, а также аварцы, лакцы, кайтагцы согласовывали свои действия в борьбе с врагом.

Все это говорит о том, что в понимании преимущества согласованной борьбы дагестанцы сделали к этому времени серьезные успехи. Все же борьба против общего врага и в это время сохраняла черты стихийности. Нельзя даже сказать, что эта борьба руководилась каким-нибудь определенным лицом или из какого-либо одного центра. Правда, в отдельных источниках упоминаются имена тех или иных ханов, якобы руководивших этой борьбой. Но они не могли реально способствовать организации сил борющихся народных масс, хотя были заинтересованы и старались использовать эту борьбу в своих личных целях. Только железная, хотя и недостаточно организованная, воля народных масс противостояла громадным, дисциплинированным силам врага.

Пропустив войска Лютф-Али-хана и Гайдар-бека в Аймакинское ущелье, дагестанцы напали на них и истребили их. Лишь начальникам этих войск удалось с некоторой частью воинов выбраться живыми².

Затем дагестанцы вступили в борьбу с основной частью иранской армии, которая во главе с Набиром расположилась по горам Андалалского общества. Здесь военные действия начались одновременным нападением шахских отрядов на селения Согратль, Мегеб, Обох, Чох и другие. Завязалась решительная битва. Хорошо знавшие свои горы дагестанцы истребляли отдельные отряды шаха, захватывали обозы, лошадей и совершали налеты на ставку шаха. Положение шахских войск, находившихся в незнакомой местности, в окружении враждебного населения, становилось все более тяжелым. Шахские отряды один за другим терпели поражения.

Решающее значение имело для дагестанцев сражение при селении Чох, где огромная шахская армия, не выдержав натиска

¹ Хроника войн Джара. Стр. 35—36.

² Т а р и х и С а м и, Шакир и Субхи, стр. 219—221.

дагестанцев, бросилась бежать¹. НаDIR потерял в этой экспедиции более половины своих людей и почти всех лошадей. Недалом секретарь шаха, Мехти-хан Астрабади, назвал Андалал «областью несчастий», куда солдаты Надира пришли «в добычу врагам»².

Отступив в район Дербента и готовясь к затяжной войне с дагестанцами, НаDIR занялся возведением укреплений и сторожевых постов вдоль предгорья. Для своей ставки он построил к северу от Дербента во владениях уцмия Кайтагского большую крепость, которая впоследствии получила название «Иран-хараб», т. е. «Гибель Ирана», с высокими валами и башнями. Здесь он сосредоточил запасы провианта из многих районов своей монархии³. Сюда же стекались рекруты, набираемые им в различных провинциях⁴.

Из своих укреплений шахские отряды совершали набеги на Табасаран, Кайтаг, Аварию, даргинские, кумыкские и лезгинские аулы. Эти отряды уничтожали посеы, сады, разрушали жилища, угоняли скот, убивали людей, всячески стараясь сломить сопротивление дагестанцев.

Испытывая на себе всю тяжесть неравной борьбы с врагом, народы Дагестана с надеждой смотрели на Россию и просили принять их под русское покровительство. В 1742 году Братищев писал, что дагестанцы готовы принять русское подданство и с нетерпением ждут того дня, когда русские войска придут в Дагестан, чтобы совместными усилиями изгнать иранцев⁵. В 1743 году Долгорукий доносил Елизавете Петровне, что кайтагские, аварские и дженгутайские владельцы и горские старшины твердо намерены стать вечными и верными ее подданными⁶. Со своей стороны дагестанцы писали в Кизляр: «Мы посылаем наших выборных от имени всего народа, умоляя..., чтобы ее императорское величество приняло нас под свое могущественное покровительство»⁷.

Соблюдая договор 1735 года, русское правительство не спешило с удовлетворением просьбы дагестанских народов. Кроме того, оказавшись в состоянии войны с Швецией, располагавшей поддержкой Франции, Россия по мере возможности старалась сохранить добрососедские отношения с Ираном и избежать войны на два фронта. К тому же Иран, держа Турцию под угро-

¹ Мирза-Мехти-хан Астрабади. «Тарихи-Надири». Исползован перевод В. Джонса на франц. яз. 1770 г., стр. 124—125.

² Хроника войн Джара, стр. 36.

³ Астрабади. Указ. соч., ч. II, стр. 226.

⁴ Астрабади. Указ. соч., стр. 127.

⁵ Хроника войн Джара, стр. 137.

⁶ П. Юдин. Россия и Персия в конце 1742 года. (Из писем переводчика Братищева к канцлеру князю Черкасскому). «Русский архив», 1899, № 3, стр. 369.

⁷ ЦГАДА. Персидские дела, ф. 15, д. 65, л. 3—4.

⁸ Ханвай. Указ. соч., стр. 411.

зой с востока, лишал ее возможности вмешательства в европейские дела, в то время как Швеция и стоявшая за ее спиной Франция прилагали все усилия к тому, чтобы натравить турок на Россию.

Именно этой ситуацией и объясняется, почему русское правительство, вопреки советам русских резидентов при Надиршахе умерить гордого шаха смелой политикой, вынуждено было считаться с Ираном. «Вы должны, — писали из Петербурга Калушкину, русскому резиденту при Надири, — стараться всеми средствами войти в кредит у шаха Надира и при всяком случае заверять его в нашем истинном намерении жить в дружбе с персидским государством»¹. Положение изменилось лишь тогда, когда Надир стал вести себя в Дагестане весьма подозрительно. Он вступал в тайные связи с некоторыми ногайскими, кабардинскими, калмыцкими, а также кумыкскими ханами, беками и мурзами, которые были поданными русского царя. Через них шах собирал данные о городах, крепостях и путях сообщения в России.

В такой обстановке, когда обнаружались явные признаки нарушения шахом договора 1735 г. и он стал угрожать соседним с Дагестаном владениям России, когда интересы последней настойчиво требовали поддержки независимости Дагестана, русское правительство не могло уже игнорировать просьбы дагестанцев. Оно вступило в тесную связь с ними, и многие дагестанские ханы и главы «вольных» обществ стали подданными русского государства. Наряду с этим крепости Кизляр и Астрахань были приведены в боевую готовность. Из России стали прибывать войсковые части в пограничные с Дагестаном районы². Отдельные отряды русских войск были размещены в ряде пунктов Кумыкской плоскости, севернее Сулака.

Русские войска ожидали приказа о совместных с дагестанцами действиях против общего врага³. Но русское правительство, учитывая успешность сопротивления дагестанцев, пока не спешило с приказом, ограничиваясь моральной и материальной поддержкой дагестанских народов. В частности, оно стремилось осложнять кампанию шаха путем запрещения продажи иранцам продовольствия из пограничных районов.

Тем временем дагестанцы оказывали иранским захватчикам все возрастающее сопротивление. Одухотворенные верой в справедливость своей борьбы, они отвечали ударом на удар, непрерывно совершали стремительные контрнабеги, постоянно тревожа иранцев в их укреплениях. Они врзались в лагерь шаха, истребляли проходившие отряды врага, захватывали его провиант и

---

¹ Соловьев. Указ. соч., кн. V, стр. 84.

² Соловьев. Указ. соч., стр. 200—204.

³ Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 212.

угоняли лошадей¹. Дагестанцы старались перерезать пути сообщения с Ираном, дабы нарушить снабжение армии Надира.

Военные операции Надира почти всегда кончались неудачей. В мае 1742 года Надир во главе 30-тысячного войска трижды обрушивался на Табасаран, но всякий раз отступал с большими потерями². В том же году шах со своей армией двинулся вдоль предгорья к северу, но в районе Тарки она разделилась на две части. Одна часть под командой самого шаха направилась в Аварию. Вторая часть двинулась против северных кумыков, озлобивших шаха своими набегами на его лагерь, захватом людей и угоном лошадей. Но поскольку северные районы Кумыкской плоскости входили в состав русского государства и поскольку русское правительство решительно напомнило шаху, что согласно договору 1735 года река Койсу признана границей русского и иранского государств, этому отряду пришлось отказаться от своих намерений³. Без всякого успеха вернулся и другой иранский отряд из Аварии.

В августе Надир снова отправил в Аварию шеститысячный отряд. Ему удалось было пробраться в горы, но в конце концов и этот отряд оказался изгнанным «с немалым уроном»⁴. В сентябре сам шах с войском, снабженным топорами, еще раз отправился в Аварию. Однако и эта операция не принесла ему успеха. В поябре того же года в верховьях реки Дарбах шах был снова разбит и отступил с тяжелыми потерями⁵.

Наступила суровая зима и в войсках шаха начался голод. В армии свирепствовали различные болезни. Как свидетельствуют очевидцы, на улицах Дербента и за городом валялись трупы. Лошади, верблюды и мулы падали от бескормицы. Солдаты шахской армии питались их трупами. Наблюдались даже факты людоедства⁶. Дисциплина в армии падала с каждым днем. Надир приказывал выкалывать глаза участникам «беспорядков». По Дагестану и Азербайджану толпами бродили ослепленные иранские воины⁷. Но самым страшным для Надира было дезертирство солдат его армии и их переход на сторону дагестанцев.

В конце концов шах убедился в тщетности своих попыток добиться покорения Дагестана силой оружия. Испытанный им в Индии, Афганистане и других странах метод террора и жестокой карательной политики на дагестанской почве оказался недействительным. В Дагестане, — говорит Ханвай, — шах встретил народ непокорный, сильный, закаленный и непобедимый⁸.

1 Тарихи Сами, Шакир и Субхи, лл. 219—221.

2 Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 213.

3 Астрадади. Указ. соч., ч. II, стр. 186.

4 Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 215.

5 Астрадади. Указ. соч., ч. III, стр. 127.

6 Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 226—227.

7 Лерх. Указ. соч., стр. 92.

8 Ханвай. Указ. соч., стр. 408—411.

В октябре 1742 года Надир прекратил военные действия в Дагестане. Теперь он старался привлечь дагестанцев на свою сторону путем применения «кротких» средств¹. Он требовал от них аманатов и выделил специальный фонд для подкупа старшин обществ и феодалов. Надир отказался от дани и не требовал от дагестанцев людей для пополнения своей армии. Но Надиру не удалось добиться своих целей и применением «кроткой» политики. Даже те из дагестанцев, которые переходили на сторону шаха, «льстясь на кафтаны и подарки», оказывали ему лишь притворное послушание. При первом же возможном случае они истребляли шахские войска и добивались подданства у России².

15 февраля 1743 года Надир с остатками своего войска отступил на юг. За шахом числился в Дагестане лишь город Дербент с прилегающей территорией. Дагестанцы направили свои силы на очищение от завоевателей и этого района. В 1744 году были взяты и разрушены отдельные укрепления. Гарнизоны их перешли на сторону дагестанцев. Спустя некоторое время дербентский султан Мухаммед-Алихан, видя неминуемую гибель если не от рук нападающих дагестанцев, то от рук самих городских жителей, оставил город и направился в Иран.

1747 году шах Надир в результате заговора своих приближенных был убит. Персидское государство было отвлечено от Дагестана внутренней междоусобной борьбой.

---

¹ П. Ю д и н. Указ. соч., «Русский архив», 1899, № 3, стр. 381.

² Там же, стр. 380.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

Как уже отмечалось, владычества над Дагестаном в течение столетий добивались правящие круги Турции и Персии. Беспрепятственные ирано-турецкие нашествия, в результате которых уничтожались посевы, угонялся скот, разрушали производительные силы, обрекали горцев на голод и нищету. Особенно тяжелым для народов Дагестана оказалось опустошительное нашествие шаха Надира.

Изгнание шахских войск из Дагестана, приобретение фактической независимости еще не означало, что миновала угроза иноземного нашествия. Пользуясь ослаблением Ирана, Оттоманская империя стремилась прибрать к своим рукам не только провинции Кавказа, которые Персия все еще считала своими, но и земли, принадлежащие России. «В царствование султана Махмуда, — писал историограф турецкого двора Джевдек-Паша, — задумано даже было овладеть Дагестаном»¹. В 1762 г. государственный канцлер М. И. Воронцов также указывал на намерение турок «учинить приобретение над Персиею, особливо близ Каспийского моря»². Одновременно по указке Турции крымские ханы вели подготовку к захвату Кабарды. Осуществление всего этого ставило под угрозу восточные границы России.

Если Турция захватит северо-восточный Кавказ, писал Воронцов, «то не трудно им (туркам — В. Г.) не токмо заведенной на том море российский торг испровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы Российские»³. Поэтому русское правительство стало усиливать свои позиции на Кавказе. Был укреплен Кизляр, из терских казачьих станиц была образована Кизлярская линия. В 1763 году была заложена крепость Моздок,

¹ Д ж е в д е к - П а ш а. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению Оттоманской империи от 1192 до 1202 гг. (1775—1784). Перевод с турецкого. Отрывок из «Истории Турции». «Русский архив», 1888, стр. 572.

² Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир (его подготовка и заключение). М. 1955, стр. 47.

³ Е. И. Дружинина. Указ. соч., стр. 47.

ставшая одним из опорных пунктов самодержавия на Северном Кавказе. В 1769 г. между гребенскими казачьими городками по реке Терек было поселено около 600 семейств волжских и 250 семейств донских казаков. Тем самым была протянута Кавказская военная линия от Кизляра до Моздока.

В то же время русское правительство старалось привлечь к себе горцев Северного Кавказа. В 1762 г. по указу Екатерины II товары горских народов были освобождены от пошлин. В 1765 г. кабардинцы и кумыки были освобождены от уплаты пошлин как при продаже «собственных произведений и скота», так и при покупке товаров в Кизляре. Одновременно самодержавие развернуло на Северном Кавказе и миссионерскую деятельность.

Таким образом, в середине XVIII в. на Северном Кавказе возникли острые противоречия между Турцией и его вассалом — Крымским ханом, с одной стороны, и Россией, с другой.

В условиях захватнических поползновений больших государств экономически и политически раздробленный, раздираемый непрекращающимися феодальными распрями, многоязычный Дагестан не мог оставаться независимой страной. Его народы должны были либо подпасть под власть Турции и Персии, либо присоединиться к России. В этой чрезвычайно сложной обстановке феодальные правители Дагестана, исходя из своих корыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию и Персию.

Из документов явствует, что в середине XVIII в. большинство владетелей Дагестана искали покровительства России. В 1750—1751 гг. шамхал Тарковский «искал быть под покровительством Российским», преемник его шамхал Муртазали в 1764 г. «уверял российский двор о своем к оному усердии». В 1753 г. владетель Аварии Магомед-Муса-хан «просил о принятии его с подвластными в Российское подданство». Немного ранее «Маматхан-Сурхай, владетель Казикумухский, просил о принятии его в Российское подданство». В 1757 г. к России с изъявлением желания быть в российском подданстве обращалось «вольное» Андийское общество».

Эти и другие обращения к России прежде всего объясняются тем, что над Дагестаном по-прежнему висела опасность иноземного нашествия. В создавшихся условиях покровительство такой сильной державы, какой была Россия, стало практической необходимостью.

Усилению ориентации Дагестана на Россию способствовало также неуклонное развитие торговых связей, которые были необходимы для восстановления хозяйства, пострадавшего в результате разорительных походов Надира.

На Россию ориентировались не только феодальные владетели, но и простой народ. Правда, дошедшие до нас сведения об отношении трудящихся горцев к России весьма скудны. Тем не менее они дают возможность судить об ориентации трудового

народа на Россию. «Многие тавлинцы, сообщает Бутков, отдавались в подданство России».

О такой ориентации горцев говорят и факты побега крестьян в пределы России. Народные массы, которые испытывали не только иноземные пабеги, но и все возраставший феодальный гнет, покидали свои места и селились в русских крепостях.

Однако, говоря о желании горцев принять покровительство, было бы неправильным не видеть разницу в ориентации на Россию различных классов Дагестана. В то время как феодальные круги, руководствуясь принципом наживы, стремились укрепить свое положение, приумножить имущество, усилить феодальный гнет, трудовые массы Дагестана «недовольные своими властителями, как по тяжким на них налоговым податям, так и по наиболее междоусобной брани... и нападениями их вконец»¹ разоряющим, рассчитывали с помощью России избавиться от постоянных иноземных нашествий и междоусобных войн, ограничить социальный гнет и произвол ханско-бекского сословия. В этом, конечно, сказывалась забитость трудящихся горцев, рассчитывавших с помощью России освободиться от социального гнета. Царизм, разумеется, не имел и не мог иметь желание поддержать подобные стремления.

Сказанное не означает, что все горцы Дагестана уже в то время ориентировались на Россию. Были и такие, которые придерживались протурецкой ориентации. К числу их прежде всего относятся представители мусульманского духовенства и некоторые феодалы. В описываемое время, например, Эндириевский владетель, резиденция которого являлась центром работорговли, «посылал к крымскому хану и к турецкому султану, чтобы с турецкой стороны прислано было войско для взятия Дербента и Баку, обнадеживая вспоможением»².

Протурецкой ориентации придерживалась также феодализирующаяся верхушка владений, отдаленных от приморского Дагестана и от торговых дорог, и так называемых «вольных» обществ.

Несмотря на то, что шамхалы и ханы обращались к России, и несмотря на то, что самодержавие было заинтересовано в присоединении их владений, все же политика царизма, в конечном счете направленная на занятие Кавказа, носила очень осторожный характер. Это объясняется тем, что еще не была решена черноморская проблема.

В 1768 г. Порта развязала первую русско-турецкую войну. До начала военных действий, и особенно в период войны Турция употребляла «всевозможные усилия, чтобы привлечь на свою

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 257.

² П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 257.

сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских»¹. С этой целью Порта переправила на Кавказ, в том числе и в Дагестан, большое число своих агентов. Хотя некоторые феодалы и придерживались турецкой ориентации, все же настойчивые призывы агентов Турции не имели среди горцев успеха. Турецкие историки, явно фальсифицируя исторические события, объясняют провал турецкой авантюры на Кавказе плохим руководством со стороны правящих кругов Порты. Но этот провал скорее всего объясняется нежеланием народов Кавказа, в том числе и Дагестана, поддерживать чуждую им политику Турции.

Первая русско-турецкая война закончилась полным поражением Оттоманской империи и заключением в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора. Согласно этому договору, Россия присоединила Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн. Было подтверждено присоединение Кабарды. Крым был объявлен независимым от всякой посторонней власти. Черное море и проливы были открыты для русского торгового флота. Турция признала за Россией право покровительства над Молдавией и Валахией, а также обязалась уплатить 4,5 млн. рублей контрибуции.

Кючук-Кайнарджийский договор имел большое значение не только для России, но и для народов Кавказа. Это был сильный удар по Турции. Он подорвал престиж султана, ослабил его влияние на кавказских мусульман, способствовал дальнейшему укреплению и развитию экономических и политических связей Дагестана с Россией. С этого времени влияние России «росло с каждым годом»².

После поражения Порты в войне 1768—1774 гг. Россия приняла меры для дальнейшего упрочения своих позиций на Кавказе. В 1777—1780 гг. царизм образовал укрепленную линию от Моздока до Азова, продолжал налаживать политические и экономические связи с феодалами Дагестана и Закавказья, вмешивался во внутренние дела феодальных владений. Характеризуя политику России на Кавказе в этот период, Бутков писал: «наблюдаемо было правило древних римлян, что для пользы Кавказского края ссорить между собой разных кавказских народов, дабы они ослабляли силы свои».

Однако, проводя утонченную и очень осторожную колонизаторскую политику, царизм и после войны 1768—1774 гг. не решался присоединить прикаспийские провинции Кавказа, т. к. это было бы оценено как нарушение только что заключенного мирного договора. Между тем на северо-восточном Кавказе усилились междоусобные войны. На этот раз вспыхнули междоусобицы между ханом Аварии, с одной стороны, и Фет-Али-ханом

¹ Д ж е в д е к - п а ш а. Указ. соч., стр. 372.

² К а в к а з. Описание края и краткий исторический очерк его присоединения к России. СПб, 1911, стр. 42.

Дербентским, с другой. Причиной междоусобицы некоторые авторы считали желание Нуцал-хана отомстить Фет-Али-хану за убитых при ширазской битве детей хана Магомед-мирзы и Пулача. Бесспорно, в Дагестане феодальные междоусобицы усугублялись и осложнялись широко распространенным обычаем кровной мести. В данном случае обычай «утолить кровь» был не единственным поводом к междоусобной войне. Главными причинами феодальных неурядиц в тех конкретно исторических условиях были, во-первых, феодальная раздробленность и, во-вторых, стремление каждого феодала укрепить свое положение за счет грабежа и захвата соседних владений. В 1774 году Нуцал-хан, воспользовавшись отсутствием Фет-Али-хана, овладел Шемахой. Однако вскоре Фет-Али-хан со значительным войском из кубинцев, дербентцев и даргинцев встретился с ханом Аварии. В этой битве Фет-Али-хан одержал верх.

Владетели Дагестана Амир-Гамза Каракайтагский, Магомед-хан Казикумухский, Магомед Казанищенский и другие, обеспокоенные успехами Фет-Али-хана, выступили против него. В степной местности Кубинского ханства под названием Гавдушан произошло кровопролитное сражение. Фет-Али-хан был разбит наголову и бежал в Сальяне. Магомед-хан Казикумухский подчинил своей власти ханство Кубинское, а Амир-Гамза пытался овладеть Дербентом, но безуспешно. Вскоре Фет-Али-хану удалось тайно с небольшой свитой через мушкюрский магал пробраться в Дербент. Тогда Амир-Гамза блокировал Дербент. Фет-Али-хан обратился за помощью к России. Хотя русское правительство, как отмечалось выше, и не предпринимало чего-либо решительного, все же оно решило оказать помощь Фет-Али-хану, тем более, что поводом для вмешательства послужил арест, а затем и смерть академика С. Гмелина в заточении у узмий.

В 1775 году в помощь Фет-Али-хану были отправлены русские войска под командованием генерала Медема. К ним присоединились и шамхал Тарковский Муртузали. Когда русское войско достигло местности «Иран-хараб», Амир-Гамза, девять месяцев державший в осаде Дербент, выступил против Медема. Русские войска в сражении близ сел. Чокуль разбили Амир-Гамзу.

Фет-Али-хан уговорил Медема занять Дербент, отправил ключи от города Екатерине II, а сам совместно с русскими войсками совершил поход в Табасаран и Кюру. В результате действий генерала Медема Амир-Гамза, Рустам-кади присягнули на подданство России и представили в Дербент аманатов. Но русское правительство, не желая осложнять отношения с Турцией, «предписало г. Медему не считать подданство этих владельцев действительным и возвратить аманатов. В тех же видах не принято было подданство Фатали-хана и возвращены ему ключи Дербента»¹.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. I, д. 18, л. 15.

Через некоторое время Медем, оставив отряд, вернулся в Кизляр. Этот отряд оставался в Дербенте до весны 1776 года и был отозван после того, как Фет-Али-хан примирился с уцмием Каракайтагским, ханом Казикумуха и владельцем Табасарана.

Благодаря помощи, оказанной Россией, Фет-Али-хан вновь подчинил своей власти Шемаху, Шабран, Баку, Сальяне. Это не могло не оказать влияния и на правителей Дагестана. В 1783 г. шамхал Тарковский Муртузали в письме русскому командованию на Кавказе писал: «Я со всеми моими сыновьями и братьями и всеми мне принадлежащими людьми верно и усердно е. и. в. служить намерен». Тогда же в Кизляр с письмом обратился аварский владетель Ума-хан. Обещая «заслужить... дружбу и благосклонность», он просил принять его в подданство России. Письма аналогичного содержания были получены и от других владетелей Дагестана.

В 1783 году по Георгиевскому трактату под протекторат России была принята Грузия. «Русский двор,—писал Бутков,—приняв в покровительство Грузию и обращая виды свои на Армению, старался усугубить число зависимцев своих в Дагестане»¹.

Как только весть о подписании трактата стала известна (наиболее влиятельные владетели были извещены П. Потемкиным), феодалы Дагестана также стали добиваться протектората России. «Первые андреевцы, вторые костековцы,—говорится в официальном документе,—признали самодержавную власть Российского двора». В подданство России было принято и «вольное» Андийское общество. «Мы, нижеподписавшиеся андийские старшины и народ,—говорилось в присяге,—обещаем и клянемся перед самим всемогущим богом и пророком его Магометом в том, что, будучи издревле верными Российскому престолу..., возобновляем нашу присягу и, почитая себя счастливыми, что удостоены мы в числе верноподданных, постановляем за святое правило использовать и повиноваться беспрекословно, себя же собственно предаем высочайшему покровительству».

Одновременно подданства России добивался шамхал Тарковский Баммат, уцмий Каракайтага, ханы Аварский и Казикумухский и другие владетели Дагестана. «Я, Амир-Гамза,—писал уцмий Каракайтага Потемкину,—с четырьмя моими сыновьями, со всеми моими подчиненными обращаюсь к службе е. и. в. всегда быть готовым против неприятелей ее быть неприятелем, а против друзей другом». Аварский владетель Ума-хан заверял, что «превзойдет тех князей и прочих народов службой и будет усерднее оказывать услуги России».

В 1785 г. на Северном Кавказе возникает движение Ушурмы (шейха Мансура). Но огромное большинство народов Дагестана не примкнуло к этому движению. Просьба Ушурмы в Дагестане,

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 134.

доносил П. Потемкин, «во всех местах находит отказ¹. Более того, многие феодалы, отвергнув домогательства Порты и Ушурмы, по-прежнему добивались протектората России».

В 1786 году в подданство России было принято шамхальство. Намечалось также принятие под протекторат России ханств Дербентского, Аварского, Казикумухского, удмийства Кайтагского, майсумства Табасаранского и др. Однако и на этот раз указанные владения не были приняты в подданство России, ввиду того, что в 1787 г. началась вторая русско-турецкая война, и международные отношения осложнились.

С началом войны усилилась деятельность турецкой агентуры. Эмиссары Турции самым широким способом использовали религию, подкуп и запугивание. Однако вопреки ожиданиям правящих кругов султанской Турции трудовые слои народов Кавказа, в том числе и Дагестана, не поддались призывам турок. Больше того, распространившийся слух о прибытии русских войск они встретили сочувственно. «В черном народе, — сообщает русский лазутчик, посетивший Дагестан и Азербайджан, — молва идет, что в Персию² грядут русские войска и ожидают через прибытие оных избавиться от междоусобиц и налогов»³. Что же касается феодалов Дагестана, то большинство из них, узнав о начале русско-турецкой войны, поспешили заверить Россию о своей преданности. «Письма, в которых искали моей дружбы, — писал П. Потемкин, — были получены от всех владельцев Дагестана».

Тем не менее с начала войны для определения «касательно верности тех владельцев в расположении к России и выяснения нет ли подсылок от Порты» в Дагестан был направлен кизлярский татарин Навруз-Али Иманкулов. По возвращении он показал, что феодалы Дагестана остаются верны России. Свидетельство Иманкулова не только подтверждает сообщения Потемкина, но и позволяет понять, почему дагестанские феодалы устояли перед богатыми подарками турок, не вняли корану Магомета и не приняли приглашения султана. Это произошло по той причине, «что все жители желают безмерно» быть «под покровительством России. Почему ханы и страшатся преклониться на приглашение Порты»⁴.

Весьма интересны в этом отношении также донесения другого русского лазутчика. В то время, когда Ума-хан Аварский совместно с другими феодалами готов был нанести удар своему недругу Фет-Али-хану Кубицкому, а прибывшие к предводителям ополчения турецкие эмиссары стали уговаривать напасть на Грузию и соединиться с войсками султана, «все войско» отказалось идти к туркам и «просило его (Ума-хана) возвращение в

¹ ЦГВИА, ф. 52, д. 377, л. 47.

² Персией называли тогда также Дагестан и Азербайджан.

³ ЦГВИА, ф. 52, д. 286, л. 92.

⁴ ЦГВИА, ф. 52, д. 487, л. 17, 25—30.

свои дома»¹. После этого Ума-хан Аварский через «нарочно-присланного Магомед-агу» письмом от 27 января 1789 г. заверял русское командование, что «пребудет навсегда в благорасположении своем непоколебимым»². Об ориентации горцев Дагестана на Россию свидетельствуют генералы Алексеев, Горич и даже официальные историки Турции³.

Вторая русско-турецкая война, несмотря на поддержку Порты западноевропейскими государствами, окончилась поражением Турции. Блестящие победы русских войск под командованием А. В. Суворова при Фокшанах, Рымнике и Измаиле заставили Турцию просить мир. В 1791 г. в Яссах был подписан мирный договор, по которому Турция подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и признала присоединение к России Крыма. Согласно статье III русско-турецкая граница была установлена по Днестру. Турция отказалась от притязаний на Грузию, обязалась обеспечить безопасность южных границ России, а также признала русский протекторат над Молдавией и Валахией.

Если бы в это время борьба с французской революцией не отвлекала внимания царской России, то, несомненно, Турции пришлось бы принять более тяжелые условия. Однако, несмотря на то, что условия Ясского договора далеко не соответствовали ни довоенным планам царизма, ни успехам русского оружия во второй русско-турецкой войне, все же для России этот договор имел важное значение. По условиям его Россия закрепила за собой все присоединенные земли на юге и жизненно важное для страны Черноморское побережье, а также обеспечила свободу черноморской торговли.

После победы над Турцией царские власти на Кавказе стали сооружать новые крепости. В течение 1791—1793 гг. были построены Шелковская, Кавказская, Усть-Лабинская и другие крепости.

Что же касается Дагестана, то самодержавие признало желательным сохранять «приверженность» шамхала Тарковского, ханов Дербентского, Аварского, Казикумухского и других владетелей. Для этого решено было всех их обнадеежить русским покровительством и «объяснить им, что по мере усердия их к престолу изменится на них... и наша милость». В доказательство же преданности владетелям Кавказа было предложено прислать в Петербург депутации с прошением о принятии их под покровительство России. Екатерина II велела главнокомандующему на Кавказе Гудовичу «употреблять все возможные средства, привлечь к нам различных владельцев, возбуждая в них любочестие и желание быть удостоверенными отличностей от руки

¹ ЦГВИА, ф. 52, д. 487, л. 53.

² ЦГВИА, ф. 52, д. 516, л. 40.

³ Д ж е в д е к - п а ш а. Указ. соч., стр. 331.

нашей, а другим внушая какое обогащение, польза и выгоды последовать могут им и их подданным от спокойного владения и от торговли с россиянами, который покровительствовать и поощрять паче всего нужно»¹.

Все это стало давать свои результаты. Враждующие между собой феодальные владетели Дагестана, рассчитывая с помощью России укрепить свое положение, наперебой обращались в Петербург. Каждый из них вместе с просьбой принять его в подданство России старался скомпрометировать другого.

В апреле 1793 г. царское правительство приказало главнокомандующему на Кавказе склоняться от принятия в подданство России владения, находящиеся «в западно-южной стороне» Каспийского моря, чтобы «не вызывать лишние и неприятные хлопоты».

Что же касается владетелей северо-восточного Кавказа, желающих вступить в подданство России, то их разрешалось принимать. Если же кто-либо из владетелей, указывалось в приказе, захочет «противопоставлять какие либо препоны», осмелится оказать себя врагом нашим «то такого обуздать».

Согласно этим указаниям генерал Гудович привел «на вечное подданство России» кумыкских князей и шамхала Тарковского. 19 апреля 1793 г. вместе с бриллиантовым пером (в знак шамхальского достоинства) ему была вручена грамота, подтверждающая подданство шамхальства России. Шамхал был пожалован чином тайного советника с жалованием 6 тысяч рублей в год. К шамхалу назначен был пристав Минеев.

В октябре того же 1793 года Ших-Али-хан Дербентский в знак присяги на подданство России в присутствии русского офицера целовал коран и отослал в Петербург своего посланца. Переговоры о принятии подданства России вели и другие владетели Дагестана.

Параллельно с укреплением политических связей развивались и экономические связи Дагестана с Россией. В Кизляр и Астрахань из Дагестана вывозили марену, скот, продукты скотоводства и изделия кустарной промышленности. Из России в Дагестан привозили разнообразные товары русской и западноевропейской промышленности. Торговые связи Дагестана с Россией особенно расширились в конце XVIII в. Россия уже в ту пору занимала первое место в торговле Дагестана.

В конце XVIII в. над Кавказом нависла угроза иранского нашествия. Овладев после многолетней борьбы властью в Иране, Ага-Мухаммед-хан в 1795 г. с многотысячным войском вторгся в пределы Кавказа, захватил Тифлис, ограбил его и разрушил. Вслед за этим он потребовал покорности и от горцев Дагестана. Владельцы Дагестана — шамхал Тарковский, уцмий Каракайтагский, кадий Табасаранский, Али-Султан Дженгутаевский и дру-

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 286—287.

гие, «крайне встревоженные», собрались на общий совет и единодушно отвергнув требования Ага-Мухаммед-хана, «положили принять все меры к оказанию сопротивления» и обратились «о помощи к России»¹.

Нашествие Ага-Мухаммед-хана на Кавказе задевало внешнеполитические интересы России. В связи с этим самодержавие решило предотвратить завоевание Кавказа.

Если же Ага-Мухаммед-хан, говорилось в рескрипте Екатерины II ген. Гудовичу, «вступит в Ширван и займет Шемахню и Баку и тем приблизится к Каспийскому морю и к пределам нашим, тогда уже по учинении всех нужных приготовлений и принятии всех надлежащих мер, должно будет предупреждать елико возможно его движение в Дагестан и занятием Дербента от наших войск оградить безопасностью и не оставить без покровительства подданного нашего шамхала Тарковского, уцмий Карахайдакского и самого хана Дербентского»².

Действуя согласно данным поручениям, ген. Гудович в «помощь» владельцам Дагестана отправил с Кавказской линии отряд русских войск под командованием ген.-лейт. Савельева. Владелец же Дагестана было предложено вместе с русским отрядом действовать против персидского шаха. «Шамхал, уцмий и кадий (Табасаранский — В. Г.) изъявили готовность исполнить указания Гудовича». К ним присоединились и Акушинский кади, Али Султан Джеңгутаевский, Ума-хан Аварский³ и др. Шейх-Али-хан Дербентский на требование Савельева отказался впустить русские войска в ханство. Обратился к Ага-Мухаммед-хану с просьбой оказать ему помощь, а сам заперся в Дербенте. Вслед за этим ген. Савельеву было приказано занять Дербент, «если новое требование отворить город русским останется без успеха»⁴. В то же время русское правительство, признав, что Савельев не мог предпринять решительных мер, снарядило на Кавказ особую экспедицию. Главнокомандующим был назначен ген. В. Зубов, ему же были подчинены русские войска, сосредоточенные в Грузии, отряд Савельева и русский флот на Каспийском море. Весной 1796 г. Зубов с 30-тысячной армией при 100 орудиях вступил в пределы Дагестана. К нему присоединились отряды Магомед Шамхала, Рустам-хана Каракайтагского, Рустам-кади Табасаранского и других владельцев Дагестана. В феврале Зубов подошел к Дербенту. Шамхал-хан Дербентский решил оказать сопротивление. К нему на помощь явился с 20-тысячным войском Сурхай-хан Казикумухский, а Гусейн-кули-хан прислал 2 пушки. Русские войска штурмовали Дербент, но не

¹ Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе, т. III, стр. 60—61.

² Там же, стр. 60—61.

³ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. I, д. 18, л. 19.

⁴ Н. Бутков. Указ. соч., т. III, стр. 273.

смогли взять его. Тогда по совету кадия Табасаранского был отправлен отряд в обход крепости. Десятитысячный отряд ген. Булгакова с артиллерией прошел через Дарвагское ущелье и появился на южной стороне Дербента. Русские войска стали бомбардировать крепость с севера и с юга. Городские жители требовали сдачи крепости. Попав в безвыходное положение, Ших-Али-хан 10 мая 1796 г. сдал Дербент.

Назначив правительницей Дербента сестру Ших-Али-хана Париджи-ханум и оставив в помощь ей отряд русских войск, Зубов выступил из Дербента. Правящие круги султанской Турции, зорко следившие за всем тем, что происходило на Кавказе, вели разнузданную антирусскую пропаганду. К Сурхай-хану «прибыл турецкий эмиссар, байрактар Осман, с большою суммою денег и письмами от серасклера анатолийского. Письма и подарки были отправлены Ума-хану Аварскому»¹ и другим владельцам.

В связи с создавшейся обстановкой Сурхай-хан созвал старейшин. При обсуждении писем турецкого султана более дальновидные старшины высказались за то, чтобы оставить без внимания предложение турецких эмиссаров. Они предлагали хану заключение мира с Россией и наладить дружественные связи. В противном же случае, говорили они хану, «горцы не могут выгнать своего скота на плоскость и должны от того разорившиеся». Но Сурхай-хан не послушал их и приказал быть готовыми к выступлению². Что же касается Ума-хана Аварского, он отказался участвовать в борьбе против России. В это время он вел с Зубовым переговоры о вступлении Аварии в подданство России и опасался «быть сравненным с мелкими владельцами». Он потребовал, чтобы ему было выдано «содержание за год вперед и за два года вперед выдать те деньги, которые ему следует получить от грузинского царя». Эти требования владельца Аварии Россия, разумеется, не приняла. Переговоры не привели ни к чему.

В то время, когда Зубов вел переговоры с Ума-ханом, отряд русских войск под командованием Булгакова выступил против Сурхай-хана и бежавшего из плена Ших-Али-хана. Султан-хан Казикумухский принужден был изъявить покорность и дать присягу верноподданства³. Ших-Али-хан скрылся в горы. В результате похода Зубова к России были присоединены Дербент и прибрежная часть Дагестана.

В 1797 году в связи с изменением внешнеполитического курса царизма русские войска были отозваны с Кавказа. Согласно рескрипту Павла I граница России на Кавказе была определена по рекам Кубань и Терек. Из владений Дагестана и Азербайджа-

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., т. III, стр. 160.

² Там же.

³ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 146.

на решено было создать федеративное объединение, зависящее от России, «дабы в случае надобности соединенными силами они могли стать против покушающихся на них врагов» и самодержавие «меньше имело надобности вступаться за них вооруженною рукою». Главнокомандующему на Кавказе Гудовичу предлагалось также «внушить Персии не устраивать на Кавказ нашествия»¹.

Попытка организовать на восточном Кавказе федерацию, зависимую от России, была обречена на провал, так как не было силы, способной соединить воедино разнородные и вечно враждовавшие между собой феодальные владения. Утопичной была и мысль одними внушениями добиться прекращения нашествий персов на Кавказ. Однако все это не означало, что самодержавие отказывалось от присоединения Кавказа.

Известно, что в этот период русский царизм вместе с Англией, Австрией и другими государствами принимал активное участие в борьбе с французской республикой. Вместе с английским и русским флотом против Франции был брошен и турецкий флот. Союзнические отношения между Россией и Турцией были закреплены русско-турецким договором, подписанным в Константинополе. Согласно секретным статьям этого договора, Россия получила право проводить свой Черноморский флот через Босфор и Дарданеллы. В этих условиях не в интересах России было вести активную политику на Кавказе. Вот почему самодержавие вынуждено было на время отложить включение Кавказа в состав России.

Но после того, как среди участников коалиции возникли противоречия и царская Россия вышла из нее, самодержавие снова начало активизировать свою политику на Кавказе. В 1799 г., одновременно с вступлением русских войск в Грузию, особой грамотой Павла I шамхальство Тарковское вновь было признано в подданстве России. Мегди-шамхал был возведен в генерал-лейтенанта русской службы с ежегодным жалованием 6 000 рублей для «содержания войск в готовности к службе ими все-российскому двору и на защиту шамхалова владения»². Тогда же в подданство России вошли владения Аксаевское, Костековское, Андреевское и «вольное» общество Андийское.

В июне — сентябре 1799 г. в русское подданство были приняты следующие владения Дагестана: а) уцмийство Кайтага, владелец которого Рустам был возведен в чин 4 класса с ежегодным жалованием в 2 000 рублей; б) Табасаран, владелец которого также был пожалован чином 4 класса, «коему... за ревность... к службе здешнего (русского) двора производится по 1.500 (руб.) в год жалования»; в) ханство Дербентское; хотя

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 23, л. 18—20.

² Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940, стр. 58. в дальнейшем «Материалы».

Ших-Али-хан и оказал «некоторую превратность» и он был снова принят «в подданство и покровительство и пожалован чином в 3 классе»¹.

Но говоря о вступлении отдельных феодалов в подданство России, нельзя забывать, что феодальные владельцы часто меняли внешнеполитическую ориентацию. Так именно было и с Ших-Али-ханом. Несмотря на данную клятву быть верным России, он имел тайные связи с шахом, плел интриги, готовился передаться Персии. Но осуществить свои планы ему не удалось, так как партия, ориентировавшаяся на Россию, послала с Хаджи-Такием и Ага-беком прошение Павлу I, прося об утверждении ханом Дербента Гасан-Али-хана, известного как сторонника России. Ханство Дербентское было разделено на два самостоятельных владения. Ханом Дербента был признан Гасан-Али-хан, а Ших-Али-хан стал владельцем Кубинского ханства.

Летом 1801 года к Александру I с прошением о принятии в подданство обратились Рази-бек Табасаранский, Сограб-бек и брат его Махмуд-бек, Дербентский Гасан-Али-хан, Рустам-хан, Рустам-кади и многие другие². Александр I, как отмечает Гасан Алкадари, оказал уполномоченным упомянутых владельцев «милость и внимание, и обещал осуществить указанное желание, а также, написав ответы тем владельцам, приказал, чтоб они имели терпение, там спокойно друг с другом ладили»³.

Изменение внешнеполитического курса самодержавия в начале царствования Александра I было причиной того, что феодальные владения Дагестана тогда же не были присоединены к России. Но такой курс длился весьма недолго, и уже в сентябре 1801 г. был предreshen вопрос в пользу окончательного присоединения Грузии. В ответ на неоднократные обращения феодальных владельцев Дагестана и Азербайджана Александр I велел главнокомандующему на Кавказе ген. Кноррингу «установить между помянутыми ханами и горскими владельцами, для... их и народов их блага... союз», под верховным покровительством России⁴.

Предприимчивая такой шаг, царизм рассчитывал, не осложняя отношений с Персией, которая продолжала претендовать на Азербайджан и Дагестан, обеспечить безопасность и тишину, а главное наладить торговые связи с Кавказом и Персией.

Согласно рескрипту Александра I, владельцам было предложено прибыть в Георгиевск для обсуждения условий союза. В переговорах, начавшихся в сентябре 1802 г., принимали участие: от шамхала Тарковского — Оразай-бек, от Ших-Али-хана Дербентского — Медет-бек, от каракайтагского владельца уцмий

¹ Материалы, стр. 58; то же, см. Акты, т. III, стр. 384.

² Там же, стр. 71—78.

³ Г. Алкадари. «Асари Дагестан», стр. 112.

⁴ Н. Дубровин. Закавказье от 1803—1806 г., СПб, 1866, стр. 66.

Рустам-хана — Ахмет-Ага, от Табасаранского кадия Рустам-хана — Магомет-бек «и высоко степенных сей же табасаранской округи владельцев Сохраб-бек Маасума... Нур-Магомет Ага Мустафаев, и Магмута, брата владетеля табасаранской, кадия Ших-Муллы», а также посланники ханов Бакинского, Талышинского и Шемахинского. 26 декабря 1802 года переговоры закончились подписанием так называемого Георгиевского договора.

Договаривающиеся обязались соблюдать преданность России, «оставаясь все спокойными»; удерживать и ограждать свои владения, «принимая всегда заблаговременно надлежащие меры к тому»; разбирать все споры «по-дружески» и в случае несогласия решать их третейским судом, «когда же спорящим будет сие не угодно, относиться им» за решением к русскому правительству; в случае нападения Персии «ополчаться единодушно» и оказывать посильную помощь своими войсками. Рядом статей (5, 6, 7, 8, 9) договора предусматривалось обеспечить наилучшим образом развитие торговли России с Дагестаном, Азербайджаном и др., а также развитие судоходства на Каспии¹.

Георгиевский договор имел большое значение для укрепления и развития политических и торгово-экономических связей Дагестана с Россией.

В следующем 1803 г. в подданство России было принято Аварское ханство. Султан-Ахмед-хан — владетель Аварии, говорится в официальном документе, в торжественной обстановке, «в собрании многих знаменитых подвластных» и «в присутствии капитана Мещерякова» дал клятву, принял и утвердил «собственноручным подписанием и печатью хана» предложенные Россией условия². По ним Султан-Ахмед-хан обязывался в случае нападения Персии на подвластные России владения оказывать помощь войсками. Российским купцам, приезжающим для торговли в Аварию, предоставлялись равные права с аварцами, как «людям одного государя».

Хан Аварии принимал на себя обязательство не участвовать в нападениях на подвластных России горских владельцев, ограждать безопасность границ Грузии, разбирать ссоры с соседями третейским судом, а в случае затруднения обращаться за разрешением спора к императору России. И, наконец, в условиях было указано, что «постановление сие делается на вечные времена»³.

Одновременно (март-апрель 1803 г) русские войска под командованием ген. Гулякова покорили Джаро-Белоканское «вольное» общество, где жили аварцы, лаки и др. народы Дагестана.

Вступление Аварии в подданство России и присоединение Джаро-Белокан оказало огромное влияние не только на феодалов

¹ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 485—491. Приложение № 2. Документ автором извлечен из Архива мин. иностр. дел России.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 17, л. 3; д. 2231, л. 196.

³ Акты, т. 2, стр. 766.

Дагестана, по и на феодалов Закавказья. Многие феодальные владетели поспешили заверить русское правительство в своей готовности вступить в подданство России.

Развязанные Ираном и Турцией русско-персидская (1804—1813 гг.) и русско-турецкая (1806—1812 гг.) войны отрицательно сказались на процесс включения Дагестана в состав России. С началом военных действий на Кавказе, в том числе в Дагестане, усилилась подрывная деятельность не только ирано-турецких, но и западноевропейских агентов¹. Однако ирано-турецкие захватчики и их покровители и на этот раз не достигли желанных результатов. Горцы Дагестана, за исключением некоторых феодалов (Ших-Али-хана Дербентского, Сурхай-хана Казикумухского и др.) отвергли домогательства зарубежных агентов. «Через... нарочного Баба-бека, — доносил ген. Булгаков, — Ших-Али-хан упрасивал дагестанских владельцев идти с войсками на Ширван и противостоять нам». Однако, табасаранцы отказались помогать Ших-Али-хану².

Жители Казикумухского ханства не только отказывались выступить против русских, но и высказывались за укрепление дружеских отношений с Россией. Так, один из жителей Кумуха по прозвищу Курлику (КъурликIу) прямо говорил Сурхай-хану: «Перестань без надобности беспокоить народ идти на согласение и дружбу с русскими»³.

В 1806 г. к правителю Грузии Литвинову обратилась депутация 12 лезгинских селений, возглавляемая Абакаром Муртузаловым. «Они, — доносил капитан-исправник Телава, — идут в подданство России по двум причинам: дабы обитать под владением монарха, славно превознесшегося непобедимым оружием и чтоб не возбранимый был им пропуск ездить для торговли в край под державою России находящийся». «Со своей же стороны, — продолжает он, — дают они обещание служить с выгодами российскому правительству»⁴.

Народы плоскостного и предгорного Дагестана также отказались выступить против России. Больше того, они оказывали посильную помощь проходящим через Дагестан войскам ген. Глазенапа — чинили и строили за свой счет «в удобных местах мосты» через «быструю реку Сулак, учредили достаточное число паромов, так что через сие... неутомимое старание все войска с тяжелою артиллериею и обозом безостановочно прошли». Они

---

¹ Акты, том II, стр. 144, 145, 161—167, 555, 556, 562—563, 785—786, 812, 820, 826, 886. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1664, ч. 40, л. 103 и др. часть 50, д. 6171, л. 32 и др.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1664, ч. 50, л. 339.

³ Материалы по истории лакцев (лакский язык). РФ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1642, л. 80.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 466, л. 3.

сопровождали курьеров, «безопаснейшим образом доставляя в совершенной целости все с ним отправляемое»¹.

В местечке Буйнак к Глазенапу присоединились отряды шамхала Тарковского. Жители Дербента, узнав о продвижении русских войск, «возмущаясь беспорядочными действиями Ших-Али-хана... изгнали его из Дербента и, избрав своим правителем Али-Пехаи-бека, отправили навстречу русским войскам выбранную депутацию для изъявления своей преданности России». 21 июля русские войска вошли в Дербент. При сем добровольном покорении, — читаем в документе, — жители дербентские, сами выгнавшие Ших-Али-хана, на другой день приведены к присяге на вечную верность и подданство России². За проявленную верность русское правительство объявило гражданам Дербента благодарность и освободило их «от повинности давать подводы для войск». Ханство же Дербентское в августе 1806 г. было передано в управление Мехти-шамхалу Тарковскому.

Из Дербента русские войска выступили против Сурхай-хана. Уцмий, кадий, майсум и другие более мелкие феодалы вышли навстречу русским войскам и дали клятву на верность России. Тогда же они были приняты в подданство России.

Вслед за этим Ших-Али-хан, видя безвыходность своего положения, обратился к ген. Булгакову с просьбой простить ему «ошибки» и в знак покорности России прислал заложников. Ген. Булгаков, по собственному признанию, хотя и прекрасно знал цену его заверениям, все же решился привести его к присяге с тем, чтобы расстроить «вредный нам союз» его с Сурхай-ханом. Одновременно Булгаков отправил к Сурхай-хану адъютанта Кривцова и майора Тарасова с «трактатом примерного руководства» для приведения хана к присяге. В декабре 1806 г. Сурхай-хан присягнул на верность России³ и обязался платить ежегодно по 3 000 червонцев.

Между тем русские вооруженные силы одержали ряд побед над Ираном и Турцией, несмотря на всестороннюю помощь наполеоновской Франции. «Иранский шах, — писал официальный историк тегеранского двора Джамил Гузапу, — был намерен продолжать войну, но ни денег, ни войск обученных и вооруженных в достаточном количестве не было. Две регулярные армии, созданные в последнее время, в течение трех лет войны были истреблены. Третий год войны был таким годом, что для ведения войны требовалось создать все снова». Все это, а также подписание Тильзитского соглашения вызвали изменение внешнеполитической ориентации Ирана. Вместо союза с Наполеоном шах заключил договор с Великобританией. Теперь, получая из Англии

¹ Г. Алкадарн. «Асари Дагестан». Стр. 120; ЦГИЛ, ф. ВУА, д. 6164, ч. 50, д. 342.

² ЦГИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 56, лл. 25—28.

³ ЦГВИА. ф. ВУА, д. 6164, лл. 140—144.

вооружение, боеприпасы, а также ежегодную субсидию в сумме 120.000 фунтов стерлингов, шахский Иран сумел снова подготовиться к войне и, учинив нападение, «в разных пунктах открыл военные действия».

В январе 1809 г. был подписан англо-турецкий договор, после чего Порта также возобновила войну с Россией. Тогда же Турция и Иран «для возбуждения жителей и лезгин» переслали крупные суммы денег феодалам Кавказа, в том числе и Дагестана. Непосредственное участие в антирусской пропаганде принимали и чиновники английского посольства в Иране.

Ших-Али и другие феодалы широко применяли обман, подкуп, а где это не давало реальных результатов, то и насилие. Али-Султан, сообщает очевидец, «силою выгоняет к Ших-Али акушинцев с угрозами, что, кто не пойдет, у того отнимут вола и разорят дом»¹. Сколотив таким образом отряд и пользуясь тем, что русские войска из южного Дагестана были передвинуты к театру военных действий, Ших-Али-хан сделал было попытку овладеть Дербентом. Но горожане без помощи русских войск отразили это нападение². Против Ших-Али-хана выступило большинство владетелей Дагестана. «Шамхал Тарковский, уцмий Каракайтэгский, кадий Табасаранский и др., — писал Ших-Али первому министру Ирана Мирза-Шефи, — изменили богу и шаху», они «усердны и соединены с русскими»³.

Летом 1809 г. к русским властям на Кавказе прибыл Гитинав Сагитов и объявил, что он прислан от Шадродинского и Ансалтинского обществ сообщить об их желании «вступить в повиновение» России. Если начальству будет угодно, — заявил далее он, — Каратинский старшина Курбит и сам Гитинав в помощь русским могут «привести сюда лезгинские войска». Тогда же с аналогичной просьбой обратились старшины Балхадарского, Тиндальского и других «вольных» обществ южного и центрального Дагестана. Вслед за этим для принятия в подданство России «вольных» обществ в Дагестан были отправлены офицеры Кавказской армии.

После того, как в присутствии русских офицеров и «всего народа» старшины от имени своих обществ «поклонились на верно-подданство и подписали условия», отдали по обычаю времени аманатов из лучших семейств, в подданство России были приняты общества Балхарское, Ансальтинское, Шадродинское, Тиндальское, Рогенческое, Бижитинское, Калакское, Мааламское, Чугское, а также «вольные» магалы: Ахтынский, Алтыпаринский, Мискинджинский, Докузпаринский и др.⁴. Осенью 1810 г. было принято в подданство России «вольное» общество Чох.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 64, л. 284—285.

² Там же, лл. 28—29; Акты т. IV, стр. 640.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 68—69.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 282. Акты т. IV, стр. 606, 630, 953.

Вступление в подданство России так называемых «вольных» обществ Аварии и Самурской долины вместе с ростом ориентации трудящихся масс Кюра-Казикумукского ханства на Россию поколебало положение Сурхай-хана. Сурхай-хан, заявлявший, что он никогда не был склонен «да и впредь не намерен» принять подданство России, вынужден был изменить свою политику. Теперь он готов был принять любые условия, предложенные русским командованием¹.

Летом 1810 г. в присутствии Джафар-Кули-хана, присланного русским командованием, и народа Сурхай-хан вторично присягнул на подданство России и отдал двух аманатов из «лучших казикумукских старшин».

В 1810 г. русские войска в Закавказье одержали ряд побед над Ираном и Турцией, в результате чего был нанесен серьезный удар по ирано-турецкому военному союзу. Победы русского оружия вызвали переполох в Иране и Турции и серьезно встревожили Англию. Правящие круги Великобритании приложили все усилия, чтобы не допустить прекращения войны Ирана с Россией. Англия предоставила Ирану 600 тыс. туманов (трехгодичную субсидию), несколько тысяч ружей, артиллерию и другое военное снаряжение. Вместе с новым английским послом Аузли в Иран было отправлено много инженеров и военных инструкторов, «которые незамедлительно занялись обучением персидских войск..., литьем пушек, исправлением крепостей и построением новых». Одновременно в Иран, не без влияния Форнен-Оффиса, прибыл визирь турецкого султана Азии с чрезвычайными полномочиями «для подтверждения союзного трактата» и для выработки совместных действий в Закавказье².

Готовясь к новым схваткам, Иран и Турция значительно усилили подрывную деятельность на Кавказе. Эмиссары шаха и султана «с помощью английского золота» должны были «возбуждать к возмущениям и набегам» горцев Дагестана. К Сурхай-хану прибыли «турецкий хаджи и чиновник персидский с письмами и деньгами». От Баба-хана прибыл к Али-хану Галиб с деньгами и лошадью «с прибором в подарок». В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахты, Мискинджи, Докузпару и другие дагестанские владения и «вольные» общества вместе с щедрыми подарками были разсланы фирмы шаха и султана с призывом подняться на священную войну против русских и оказывать содействие войскам Ирана и Турции в Закавказье.

Ших-Али и Сурхай-хану удалось вторгнуться в Кубинский уезд. Что же касается широких слоев народа Дагестана, то, как свидетельствует комендант Кубы генерал-майор Гурьев, «начи-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6168, лл. 113—114, д. 6164, ч. 64, л. 51; Акты, т. IV, стр. 630.

² Акты, т. IV, стр. 675, 761.

ная от Тарков до Койсу и до Кизляра, никто не согласен принять сторону Ших-Али»¹.

Тем не менее против Ших-Али-хана были отправлены русские войска под командованием генерал-майора Хатунцева. К ним присоединился и отряд Аслан-бека Казикумухского. В начале 1811 г. русские войска разбили и прогнали Ших-Али-хана и Нух-бека, после чего в ставку Хатунцева прибыли «почетные лица» от разных обществ южного Дагестана. Они изъявили покорность и просили принять их общество в подданство России.

В феврале 1811 г. было подтверждено и документально оформлено вступление так называемых «вольных магалов» южного Дагестана — Ахтынского, Алтыпаринского, Докузпаринского, Мискинджинского и других в подданство России на следующих условиях:

Отрицая отныне и навсегда самовластие обязались признавать над собой только власть России и подчиняться русскому правительству, в Кубе находящемуся; за разрешение беспрепятственно пастись скот на пастбищах в Азербайджане с каждой сотни баранов отдавать одну в казну. «Сверх того, в знак всеподданнейшего усердия обязались вносить с овечьих стад с сотни одну, где бы они не паслись с 1813 г. в первые же зимние месяцы без побуждения правительства»².

Вслед за этим Хатунцев с отрядом Аслан-бека выступил против Сурхай-хана. Последний, оставив сел. Курах, где в то время проживал, бежал в Кази-Кумух. В Курах к Хатунцеву прибыли «со всех деревень кюринского владения старшины... с двумя старейшинами с каждой деревни и с покорностью просили помилование и покровительство Всероссийской империи»³.

В январе 1812 г. кюринское владение было присоединено к России и передано в управление Аслан-беку. Он обязался вносить в казну 3 000 червонцев и по 3 000 четвертей хлеба.

Тогда же в Курах прибыли из Казикумуха Хасан-бек и Фет-Али-бек и настоятельно просили принять их в подданство России. При этом Хасан-бек доложил, что Ших-Али, оставленный всеми, имеет намерение удалиться в Персию и делает нужные к этому приготовления, Сурхай-хан же беспокоится, как бы русские войска вместе с Аслан-ханом не двинулись на Кумух, «потому что-де не находит себе способов собрать значительное число войск, в пособии которых как аварцы, так и акушинцы, дуздахарцы (цудахарцы) ему отказывают».

Однако генерал-майор Хатунцев не воспользовался удобным случаем для изгнания Сурхай-хана и вместо того, чтобы направиться в Кумух, вернулся в Кубу, оставив незначительный отряд в помощь Аслан-хану. Это несколько улучшило положение

¹ Акты, т. IV, стр. 675.

² Акты, т. V, стр. 162, т. VI, ч. II, стр. 1—2.

³ «Материалы», стр. 101.

Сурхай-хана и он стал тайно провоцировать ахтынцев, рутульцев и других против России.

Кавказское командование вынуждено было вторично отправить русские войска против Сурхай-хана. 17 июля 1812 г. в Каракайтаг к Хатунцеву Сурхай-хан прислал с сыном своим Муртузали «присягу, утвержденную им по обычаю на святом коране надписью и печатью, извиняясь, что сам он по причине старости и слабости здоровья... видеться не может»¹.

Одновременно казикумухцы и другие соседние народы Дагестана «собрались и имели между собой совещание. Благоразумные и добронравные из них посоветовали назначить» в Кумухе ханом Муртузали, который по матери доводился братом Аслан-хану, «в том соображении, что они будут неизменны в службе русской державе... и разногласие исчезнет»². Сурхай-хан оказался вынужденным передать ханство в управление Муртузали, а сам бежал в Персию.

Летом к Хатунцеву прибыли «от акушинского и всего даргинского народа кадии и почетнейшие старшины». Они просили принять в подданство России и от имени всего даргинского народа «равномерно учинили присягу на верность его императорскому величеству и почтеннейшие из них утвердили оную своими печатями»³.

В войне с Россией ирано-турецкие агрессоры, несмотря на всестороннюю помощь Англии, терпели поражения. Русские войска под командованием ген. Котляревского в Закавказье наголову разбили в несколько раз превосходящие силы турок и 8 декабря 1811 г. «Ахалкалакская крепость, — как писал Торماسов, — понизив надменное чело свое, перед русским оружием пала»⁴.

В то же время на Балканах великий русский полководец М. И. Кутузов одержал ряд блестящих побед, в результате которых 12-тысячная турецкая армия оказалась вынужденной капитулировать. «Погиб цвет отборного турецкого воинства, — отмечает историк русско-турецкой войны. — Впоследствии Порты никогда не могла выставить в поле армии подобной, какую в 1811 г. предводительствовал Ахмед-Паша»⁵. Турция запросила мир. В мае 1812 г., после продолжительных переговоров, за месяц до вторжения Наполеона в Россию, был подписан Бухарестский мир.

Русская дипломатия, желая закончить войну в Закавказье, тогда же предложила Ирану прекратить военные действия, «по-

¹ Материалы, стр. 107—110; Акты, т. V, стр. 617—618.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 917, лл. 36, 37.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 518—523.

⁴ ЦГИА, ф. ВУА, д. 2889, л. 67.

⁵ А. И. Михайловский - Данилевский. Описание турецкой войны в царствование Александра I с 1808—1812 гг. СПб. 1843, стр. 230—231.

ставив границы по местам тех владений, которые ныне находятся под властью России»¹, вместо прежних по Куре, Араксу и Арпачаю. «Персы, побуждаемые более от англичан, кои, обучая их войска европейской тактике, снабдили своими офицерами, канонирами, артиллериею и ружьями»², и ободренные восстанием в Кахетии, отклонили предложение России. Вторжение Наполеона в Россию усилило надежды персов на легкие успехи в Закавказье.

Даже в столь ответственное время, когда русский народ вступил в единоборство с набранными по всей Европе полчищами Наполеона, английский посланник в Иране, нарушая условия русско-английского союзнического договора 1812 г., по-прежнему вел антирусскую политику. Покровительство Англии привело к тому, что «персидское правительство с гордостью, кичась заведенными... регулярными войсками и иностранной артиллерией, отвергнув самые снисходительные и полезные» для нее предложения, предприняла новое наступление³. Отряды под начальством француза Друвиля заняли крепость Ленкорань, а передовые отряды майора английской службы напали «на укрепленные нами места в надежде одним ударом разрубить стену», но одолеть силой оружия русских они не смогли⁴. В своем донесении майор Веселой прямо указывал, что «с англичанами имею дело, а не с другими коими-либо... Они действуют единодушно с персами против нас, несмотря на заключение мира с Англией»⁵.

В октябре 1812 г. русские войска под командованием генерал-майора Котляревского, опередив персов, переправились и стремительно атаковали главные силы неприятеля и наголову разбили их. Сам Аббас-Мирза едва спасся бегством. В этом бою «персидскими регулярными войсками командовал английский майор Криссати..., а артиллерией армии управлял... капитан Лидсней»⁶.

Внушительные победы русского оружия, несмотря на все старания Англии, вынудили Иран отказаться от прежних своих «требований и снизить до согласия поставить мир на основании status quo and present»⁷.

В октябре 1813 г. между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский мирный договор, по условиям которого за Россией закреплялась вся территория, занятая русскими войсками. Шахская Персия отказывалась от притязаний на Дагестан, Северный Азербайджан и Грузию. Согласно 5 статье договора

¹ Акты, т. V, стр. 649.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4528, ч. 4, лл. 175—176.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 1380, л. 1—2.

⁴ Акты, т. V, стр. 593.

⁵ Б. Соллогуб. Биография ген. Котляревского, СПб, 1901 г., стр. 150, 151.

⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 1380, л. 1—2.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. 4, лл. 901—904.

Персия признала за Россией исключительное право иметь военный флот на Каспийском море. Купцы обеих сторон получили право на свободную торговлю в Иране и России. Кроме того, русским купцам предоставляется ряд льгот, пошлины на ввозимые товары устанавливались в размере 5%, они освобождались от внутренних пошлин и других сборов. Россия обязывалась оказывать помощь наследнику престола в случае возникновения борьбы за трон между сыновьями шаха, причем царь не должен был вмешиваться до тех пор, пока Иран не обратится за помощью.

Гюлистанский мирный договор юридически оформлен вхождением Дагестана в состав России. «Чем больше я размышляю, — писал Энгельс, — тем яснее мне становится, что... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль Черного и Каспийского морей»¹. Присоединение Дагестана к России независимо от целей и намерений царизма имело объективно-историческое прогрессивное значение. Однако, говоря об объективно-прогрессивных последствиях присоединения Дагестана к России, ни в коей мере нельзя забывать жестокого колониального режима царизма, являвшегося врагом всего передового, прогрессивного, врагом трудового народа.

Прогрессивные перемены в жизни народов Дагестана произошли вопреки царизму и против его воли.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 221.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАН В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ко времени присоединения к России различные районы Дагестана в значительной мере отличались по своему экономическому развитию. При общем низком уровне развития производительных сил края в относительно лучшем состоянии находилась экономика плоскостной части и прилегающей к ней территории предгорной зоны, а также ряда районов внутреннего Дагестана. Ведущей отраслью хозяйства здесь было земледелие.

За свою многовековую историю народ накопил большой хозяйственный опыт, создал сельскохозяйственный календарь, изучил свойства почвы, узнал трехпольную систему. Высоко развиты были искусственное орошение и удобрение полей.

Основными орудиями труда были тяжелый четырех-шестипарный деревянный плуг (сабан) с железным лемехом (в плоскостной части), соха (пуруц в горном Дагестане), деревянные бороны, молотильные доски, усаженные камнями, серп. Железные плуги, которые стали появляться здесь с середины XIX века, как результат экономических и культурных связей с Россией, были в основном достоянием помещичьих хозяйств. При низкой, рутинной технике крестьянину трудно было обеспечить получение удовлетворительных урожаев. Во многих районах средний урожай на поливных землях часто не превышал сам-4—5, на неполивных сам-3.

В полеводстве первое место занимало возделывание зерновых культур (пшеницы, ячменя, проса, кукурузы, риса). Кроме зерновых возделывались плоды, овощи, виноград, шафран, шелковица, лен и хлопок. Присоединение Дагестана к России и установление связей с центральными районами страны способствовали широкому развитию в плоскостной части культуры марены. Дагестанская марена находила большой спрос на рынках центральной России, так как считалась лучше импортной. По данным некоторых авторов (Клапрот, Березин и др.), население отдель-

ных районов Дагестана занималось, главным образом, культурой марены. На маренных плантациях применялся не только труд местных зависимых крестьян, но и наемный труд горского населения.

В тех частях горного и высокогорного Дагестана, где площадь пахотнеспособных земель была очень мала, преимущественным занятием населения было скотоводство. Из-за отсутствия достаточного количества кормов для содержания всего скота в зимний период здесь преобладала отгонная система. Значительная часть овец и некоторая часть поголовья других видов скота перегонялась за зимние пастбища, расположенные как в самом Дагестане, так и за его пределами. За пользование кутанами скотоводы горных районов вынуждены были отдавать шамхалу Тарковскому, уцмию Кайтагскому, кумыкским князьям и другим феодалам продукты животноводства и часть своего скота.

Дальнейшее развитие получили в Дагестане кустарные промыслы, которые удовлетворяли потребности населения в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и огнестрельном оружии. В ряде населенных пунктов усилился процесс отрыва домашних промыслов от земледелия и превращения их в ремесло и мелкое товарное производство.

Из природных ископаемых кустарным способом разрабатывались месторождения нефти и соли в приморской полосе, селитры и серы для производства пороха — в горной части. В районе Карабудахкента в небольшом количестве вырабатывалось железо.

В Дагестане, в особенности в его горной части, преобладала натуральная форма хозяйства. Большая часть продуктов сельского хозяйства и изделий кустарных промыслов шла на удовлетворение нужд непосредственных производителей. Развитию торговли препятствовали феодальная раздробленность с сопутствовавшими ей бесчисленными пошлинами (рахтарами), которые каждое феодальное владение взимало с провозимых товаров. Однако происходившее здесь общественное разделение труда и возникновение в феодальных владениях простого товарного производства постепенно вели к усилению торговых связей как внутри страны, так и с соседями, среди которых к началу XIX в. первое место заняла Россия (Астрахань и Кизляр).

Основными предметами вывоза из Дагестана были скот, шерсть, марена и шафран, сухофрукты и орехи, сукна и бурки, ковры, сумахи и паласы, холодное оружие. В Дагестан ввозили, главным образом, хлеб, рис, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные ткани и бакалейные товары.

Торговля в пределах самого Дагестана производилась на базарах, которые периодически устраивались в крупных и узловых населенных пунктах. Главными центрами торговли являлись

Дербент, Эндирей, Кумух, Тарки, Анди. Сюда собирались купцы не только со всего Дагестана, но и из различных районов России, а также из Персии. Торговля внутри Дагестана большей частью носила меновой характер.

В 30—40 гг XIX в. русская администрация на Кавказе всячески поощряла торговые связи народов Дагестана с центральной Россией, Северным Кавказом и Закавказьем. Она организовала специальные меновые дворы, разрешала местным купцам проезд в торговые центры России и т. д. Русские товары обходились горцам Дагестана значительно дешевле, чем персидские, поэтому они находили большой спрос, в то время как торговля с Персией падала.

Социальные отношения в Дагестане отличались большой пестротой. В плоскостной части Дагестана и в его приморской полосе, через которые проходил торговый путь, связывавший север с Закавказьем, преобладали отношения, характерные для сравнительно высокой ступени феодализма. В остальной части страны господствовали отношения, свойственные ранней стадии феодализма.

В начале XIX века на территории Дагестана существовал ряд феодальных владений. Это были шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Дербентское, Аварское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, майсумство Табасаранское, владения кадия Табасаранского, владения Эндиреевское, Аксаевское и Костековское. Вместе с тем существовал и ряд так называемых «вольных обществ» и их союзов. Все эти политические образования не только различались по своему этническому составу, но и в той или иной мере отличались друг от друга уровнем своего общественно-экономического развития.

Сложны были в Дагестане и земельные отношения. Во многих его районах, наряду с феодальной и общинной собственностью на землю, существовали мелкие частновладельческие земли (мюльки), а также вакуфы, т. е. земли, переданные по завещанию мечетям для использования их в религиозных и благотворительных целях. Феодальные владения, занимавшие значительную часть всего земельного фонда, состояли из потомственных и временных (условных) владений. Вакуфы представляли собою небольшие участки и сдавались мечетями в аренду за определенную долю урожая. В засулакских феодальных владениях, вошедших в состав России еще в XVIII в., были также казенные земли.

Во многих феодальных владениях как общественные земли, так и отведенные феодалами сельским обществам пахотные и покосные земельные участки периодически переделывались или находились в подворном владении с правом передачи по наследству. Передел производился либо поровну между дворами, либо по числу плугов. Право первого выбора участка при переделах принадлежало феодалам, которые, в отличие от крестьян, полу-

чали не один, а несколько наделов, причем не по жребью, а по собственному выбору.

Общество делилось на два класса. Хань, беки, чанки, духовенство и сала-уздени составляли класс феодалов. Крестьянство состояло из узденей, раят, чагар, которые находились в разной степени зависимости от феодалов. Однако большинство узденей в горной части Дагестана было свободным.

Основной производящей массой крестьян в феодальных владениях являлись второстепенные и третьестепенные уздени, жившие как на бекских, так и на собственных землях. Они несли подати и повинности в пользу феодала, но пользовались правом свободного перехода от одного владельца к другому.

На положении крепостных находились так называемые чагары и райаты, которые по сравнению с узденской массой представляли собой менее значительную группу.

Чагары составляли категорию крестьян, посаженных на владельческие земли, лично зависимых и не имеющих никаких прав на землю. Если владелец продавал эту землю, то чагары могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено их собственным трудом. Все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. Феодал, хотя и наделял своего чагара землей, имел право в любое время заставить чагара работать на него. Более того, чагары могли быть проданы в другие руки, наказаны и т. д. Название «чагар» употреблялось в унижительном смысле и переходило из поколения в поколение.

В аналогичном положении находились и райаты. Главные и общие почти для всех райат обязательства состояли в том, что они должны были несколько дней в году работать на владельца: сеять, косить, убирать хлеб, возить его в дом владельца и т. д.

Следующим, правда немногочисленным, эксплуатируемым классом были кулы и каравашы (рабы и рабыни), лишенные всяких гражданских прав: личных, семейных и имущественных. Они составляли, главным образом, прислугу при дворах феодалов, выполняли домашние и полевые работы. По мере концентрации земли в руках феодальной верхушки и роста производительности труда, рабов сажали на землю и превращали в крепостных крестьян.

Одна из специфических особенностей феодализма в Дагестане заключалась в том, что самая значительная группа зависимых крестьян была представлена не чагарами и райатами, т. е. крепостными, а зависимыми, но не закрепощенными узденями.

Все категории феодально зависимых крестьян платили владельцам земли ренту. В начале XIX века народам Дагестана были известны все три формы докапиталистической земельной ренты: отработочная, продуктовая и, в значительной мере, денежная.

В наиболее тяжелых условиях находились чагары и райаты. В Эндиреевском владении, например, где господствовала барщина, каждый чагарский дым должен был возить с поля хлеб и сено владельцев на своих подводах, по очереди выставлять арбы для поездок женщин—членов владельческого дома, доставлять по 12 арб дров на зиму, строить конюшни, кухни, кунацкие комнаты, заборы и пр., а равно доставлять строительный материал на своих арбах. На обязанности чагарских женщин лежала обмазка и штукатурка домов, приготовление зерна для помола (просеивание, очистка, сушка), починка тары, порою помол зерна на мельнице и т. д.

Особенно тяжелы были подати и повинности, отправляемые райатами, в Кайтаге и Табасаране. Например, райаты Терекемейского участка Кайтага за пользование бекской землей (вся земля здесь фактически была собственностью беков) платили беку с пары рабочего скота 20 сабу пшеницы, 5 сабу ячменя и 1 чали самана; кто имел фруктовые деревья, участки, засеянные чесноком и луком, занимался разведением шелкопряда, должен был вносить беку определенную часть урожая этих культур, либо часть продуктов их переработки. Кроме того, райаты несли ряд натуральных повинностей: обрабатывали рисовое поле бека, убирали рис, молотили и доставляли его беку, выкапывали марену на плантациях, принадлежащих беку.

Этим не ограничивались подати и повинности райат. Они должны были при постройке беком дома подвозить своим транспортом камень, глину, саман, общими силами строить для бекского стада зимние помещения и т. д. Беки широко пользовались системой штрафов, которые уплачивались, главным образом, натурой.

Развитие товарно-денежных отношений создавало стимул к расширению сельскохозяйственного производства. В частности, производство хлеба возрастало как за счет сокращения наделов крестьян, так и за счет роста барщины и оброка. Адат о числе дней барщины совершенно не соблюдался, как не соблюдались и установленные нормы других повинностей. Нередко крестьяне вместо 3—4 дней отработывали барщину 6—7 и более дней в самый напряженный период работ.

Среди зависимого крестьянства феодальная рента была распределена неравномерно. Чем состоятельней были крестьянские хозяйства, тем меньшую долю их продукта и труда составляла земельная рента, и наоборот.

Таким образом, трудовое крестьянство Дагестана подвергалось тяжелой эксплуатации, что вызывало многочисленные жалобы на феодалов. Эти жалобы не приводили, однако, к какому-либо улучшению их положения. Царское правительство стояло на страже прав местной земельной аристократии и поддерживало ее притязания.

Тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся Дагестана и повинности, отправлявшиеся ими по требованию царской администрации (подводная, конная, квартирная), а также всевозможные денежные и натуральные налоги. Характеризуя тяжелые работы на строительстве крепости Бурной, Н. Н. Муравьев отмечал, что «жители приходили в изнурение, лишались скота и не переставали из страха к наказаниям повиноваться». Помимо предоставления людей и транспорта на строительные работы, переброску провианта, войсковых частей и т. д., население обязано было систематически обеспечивать сеном и дровами находящиеся здесь войска. В 1820 году, например, каждый дым шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского должен был заготовить для войска по одной арбе сена и по 2 арбы дров.

Тяжелое экономическое и правовое положение, обременительные, постоянно растущие подати и повинности неоднократно вызывали открытый протест, а в ряде случаев отказ от уплаты налогов целыми обществами. Антифеодальные крестьянские восстания происходили в Табасаране, шамхальстве Тарковском, ханствах Аварском и Мехтулинском и в уцмийстве Кайтагском.

В «вольных» обществах население делилось на духовенство, узденскую верхушку и простых узденей. В отдельных селениях, входивших в состав «вольных» обществ, проживали представители ханских домов (беки и чанки), которые владели лучшими земельными угодьями. Уздени, то есть свободные крестьяне, составляли преобладающую часть населения. В «вольных» обществах происходил процесс сосредоточения земли и скота в руках крупного духовенства и узденской верхушки. Богатая верхушка духовенства и узденства владела рабами, которые состояли преимущественно из бывших военнопленных (ясырей).

Существование тухумов и выборность сельских должностных лиц в «вольных» обществах привели М. М. Ковалевского, Г. В. Гидуланова и некоторых других исследователей к неверному выводу о том, что в этих обществах господствовал родовой строй. Родовая община, как известно, покоится на коллективном труде и на коллективной собственности на средства производства. Между тем в «вольных» обществах господствовали индивидуальное производство и индивидуальное присвоение продукта собственного труда на основе частной собственности на средства производства, кроме большей части пастбищных земель, которые находились в основном в общественной собственности.

Наличие мелких частновладельческих земель (мюльки), применение рабского труда, развитие ремесла и меновых отношений привели к имущественному и социальному расслоению «вольных» обществ. В этих обществах еще задолго до присоединения Дагестана к России возникли и развивались характерные для ранней стадии феодализма социально-экономические отношения, переплетавшиеся с пережитками родового строя.

Необходимость защиты от внешних нападений тогда же привела к образованию союзов «вольных» обществ. Однако междоусобицы и недостаток пастбищ (особенно зимних) вынуждали эти общества искать покровительства у соседних феодалов. Многие «вольные» общества впадали в экономическую и политическую зависимость от феодальных владетелей, входили в состав их владений, вовлекались в их социально-экономическую жизнь, несли определенные повинности и были обязаны выставить вооруженные отряды по требованию феодалов.

Захват земли феодалами и концентрация земли и скота в руках верхушки «вольных» обществ вели к росту имущественной и социальной дифференциации, ухудшению материального положения трудящихся и обострению классовой борьбы.

Присоединение Дагестана к России создавало условия для ускоренного развития экономики и культуры его народностей. Однако эти возможности в сколько-нибудь значительной мере не могли быть претворены в действительность ввиду военных действий в Дагестане. В этой обстановке до 60-х годов XIX в. производительные силы горного Дагестана не могли получить своего развития, более того, — они разрушались. Но уже в этот период на равнинной части Дагестана сказалось положительное влияние присоединения к России. Царское правительство, правда, в своих колониальных интересах, проводило мероприятия, объективно содействовавшие развитию производительных сил страны.

Положительным событием в социальной жизни народностей Дагестана, происшедшим в рассматриваемый период, была ликвидация бесконечных междоусобных войн феодалов, запрещение и строгое преследование работорговли. Кроме того, царское правительство отменило многочисленные таможенные пошлины и установило регулярное пароходное сообщение, связавшее Дербент и вновь возникший город Порт-Петровск (ныне Махачкала) с Астраханью и другими портами Каспия. Эти мероприятия способствовали усилению торговых связей Дагестана с другими районами страны, росту товарно-денежных отношений и развитию экономики плоскостной части края. Значительно расширились площади под мареной, развились плодоводство, виноградарство, виноделие и ремесла, возникло промышленное рыболовство, появились новые торговые центры, среди которых видное место заняла Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск), превратившаяся в начале 30-х годов из небольшого селения в город.

В этот период упрочаются связи трудящихся Дагестана с русскими трудовыми людьми, работавшими с ними бок о бок на мареновых плантациях и на рыбных промыслах.

В то же время царское правительство проводило политику, ведущую к усилению эксплуатации крестьян феодалами. Найдя в них себе опору, царское правительство отдавало феодалам «в вознаграждение услуг» часть общественных земель, усиливало двойной гнет крестьян, способствовало более четкому оформле-

нию социальных граней, углублению и обострению классовых противоречий в дагестанском ауле.

Тяжелое положение крестьян Дагестана усугубляли налоговый процесс царизма, а также бекские подати. До введения единой налоговой системы трудящиеся Дагестана платили царской казне различные налоги и отбывали для царских войск множество повинностей. Так, например, жители шамхальства Тарковского отбывали аробную, дорожную, конную и квартирную повинности и кроме того платили 3600 руб. деньгами. Жители Мехтулинского ханства выполняли те же повинности, что и жители шамхальства, и уплачивали 1540 руб. деньгами. Трудящиеся Даргинского округа были обложены налогами на 1145 рублей, доставляли за ничтожную плату дрова для войск и бесплатно отбывали различные натуральные повинности. Жители Терекемейского участка Кайтаго-Табасаранского округа платили земский сбор по 2 рубля со двора, выставляли 24 чапара, содержали за свой счет 64 нукера, исполнявших обязанности земской стражи, отбывали аробную и дорожную повинности.

Селения, которые принадлежали уцмию и были переданы в пользу казны (Великент, Берикей и Уллу Терекеме), вносили натурой 198 четвертей пшеницы и 181 четверть ячменя, шелкасырца на 12 р. 50 коп. и риса на 150 руб. серебром. Бекские селения этого участка отбывали тяжелые подати и повинности бекам. Жители Гамринского магала платили земский сбор по 2 руб. с дыма, содержали за свой счет 25 чапаров и 82 нукеров, выставляли арбы под этапы и воинские команды, исправляли мосты и дороги. Кроме того, они вносили подати: 160 баранов, 50 четвертей пшеницы и 4 бурдюка масла (4—4½ пуда). Евреи из Маджалиса платили 198 руб. в год податей в пользу казны и выставляли арбы по мере надобности.

Жители райятской части Северного и Южного Табасарана платили земский сбор по 2 руб. с дыма, выставляли 377 нукеров и арбы для проходящих команд по мере надобности и платили подати в натуре в пользу беков.

Жители Ахтыпаринского, Докузпаринского и Рутульского наибств платили по 1 руб. 50 коп. с дыма в год и выставляли чапарских лошадей на почтовом тракте. Жители Горного магала платили земский сбор 3 685 руб. 65 коп. в год. Жители Кюринского ханства вносили в казну 2 500 четвертей пшеницы, 500 четвертей ячменя и 1 000 червонцев деньгами, отбывали чапарскую повинность в количестве 60 вьючных лошадей для войск. Жители Ахмарлинского магала (Южн. Табасаран) вносили в казну 352 рубля. Кроме того, они отбывали в пользу правителя десятину (даяк) хлебом, маслом и баранами. Еврейское население платило ему 540 руб. и отдельно за посев марены 1 200 руб. Кроме того, оно выставляло арбы по надобности. Жители Казикумухского ханства платили в пользу казны 8117 руб. В период с 1837 по 1843 г. жители многих аварских обществ отбывали тяжелые

повинности по строительству различных укреплений и переброске провианта для войск, а также по обеспечению их топливом.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Многие феодальные владения Дагестана, в частности шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, Табасаран, ханства Дербентское, Аварское, Казикумухское, Мехтулинское, а также отдельные «вольные» общества (Акуша, Анди) одновременно принимали подданство России еще до XIX в. Однако окончательное присоединение Дагестана к России произошло по Гюлистанскому договору, заключенному между Россией, и Персией 12 октября 1813 г. До этого момента дагестанские феодальные владельцы, входя в состав России, сохраняли за собой большую самостоятельность. Они рассматривались как союзные России владения и главы их получали чины и жалованье, но не были обязаны нести какие-либо подати и повинности — от них требовалось только сохранения верности России.

В связи с окончательным присоединением Дагестана к России отдельные феодальные владения и «вольные» общества должны были не только соблюдать верность царизму, но и нести определенные подати и повинности в пользу царской казны. Царизм теперь уже не стеснялся лишать дагестанских феодалов титулов и власти, если эти феодалы нарушали его интересы. Владетели находились под контролем командиров воинских частей, введенных в Дагестан в середине 1806 г.

В первой половине XIX в. царизм сохранял в Дагестане прежнее управление с незначительными изменениями: феодальные владельцы управляли своими владениями «на ханских правах» с формальным ограничением права на смертную казнь, увечащие наказания и отчуждение имений, не принадлежащих им на правах частной собственности. Не подвергалось особому изменению также бекское и сельское управление. Однако высшая власть в Дагестане была сосредоточена в руках военного командования, причем формы ее часто менялись. Отсутствие единой системы управления в этот период объясняется как разнообразием условий и форм прежнего управления в Дагестане, так и военной обстановкой.

Засулакская Кумыкия (владения кумыкских князей) была разделена на 3 административных участка: Андреевский, Аксаевский и Костиковский; каждый участок имел частного пристава и старшего князя. Во главе всех приставов стоял главный кумыкский пристав. Уголовные дела рассматривались в военных судах, гражданские и маловажные уголовные дела — князьями и кадиями. Жалобы на решения последних передавались на рассмотрение Андреевского городского суда, который состоял из председателя — коменданта крепости Внезапной, одного члена из числа русских чиновников, 6 членов из числа богатых узденей

и Андреевского кадия. В суде должны были присутствовать представители Аксая и Костека. Городовой суд руководствовался адатом и шариатом.

Салатавия 21 июля 1841 г. была включена в состав Северного Дагестана и управлялась по прежним обычаям. Впоследствии засулакская Кумыкия и Салатавия вместе составили Хасавюртовский округ, который входил в Терскую область.

Шамхальство Тарковское к началу XIX в. находилось под управлением Магомед-шамхала, тайного советника, получавшего жалованье из царской казны в 6 000 руб. серебром. Сын его, Мехти, став шамхалом, в 1806 г. получил чин генерал-лейтенанта русской армии. Одновременно он был возведен в достоинство дербентского хана, получив во временное владение Улусский маггал, ранее входивший в Дербентское ханство. В этом магале шамхал держал своего поверенного для получения от жителей податей и повинностей. Магалом управлял русский пристав. В 1820 г. Мехти-шамхал получил во владение удел Султан-Ахмед-хана Мехтулинского, куда он также назначил своего наиба для управления и взимания податей.

Мехти-шамхал еще в 1809 г. хотел стать Кубинским ханом, а в 1830 г. просил сделать его правителем всего Дагестана. Чрезмерное усиление шамхала не входило в намерения царизма, который руководствовался правилом «разделяй и властвуй», поэтому эти просьбы шамхала не были удовлетворены.

Шамхал управлял на прежних правах, бекское и сельское управление также оставалось прежнее. Жители шамхальства отбывали тяжелые повинности по строительству укреплений и дорог, по перевозке провианта, по обеспечению войск сеном и топливом и т. д. В Тарках, Темир-Хан-Шуре и Казанищах были построены укрепления, в которых находились воинские части. При шамхале Абу-Муслим-хане состоял русский офицер в качестве помощника шамхала, который все больше и больше вмешивался во внутренние дела шамхальства. Так шамхальство управлялось до 1867 г.

В состав шамхальства не входили селения Ишкарты, Каранай, Эрпели, Чиркей, Чир-Юрт, Миатлы, Султан-Янги-Юрт и Отар-аул. Они управлялись старшинами или беками и находились в подчинении командиров воинских частей: Ишкарты, Каранай и Эрпели — командира Дагестанского пехотного полка, находившегося в Ишкартах; Чир-Юрт, Чонт-аул и Отар-аул — командира Нижегородского драгунского полка в Чир-Юрте и, наконец, Чиркей — начальника Евгеньевского укрепления.

В 1818 г. ханство Мехтулинское за измену хана было ликвидировано Ермоловым. Однако в 1820 г. он же предложил вернуть владение детям хана. В ханском достоинстве был утвержден Ахмед-хан, который с 1836 г. был и Аварским ханом. После смерти Ахмед-хана в 1843 г., до совершеннолетия его сына, правительницей Мехтулинского ханства была Нух-бике, получав-

шая 1500 руб. жалованья. В 1844 г. в помощь Нух-бике был назначен русский штаб-офицер, который фактически управлял ханством. Так продолжалось до 1855 г., когда сын Ахмед-хана, Ибрагим-хан, был назначен ханом. В 1859 г., в связи с назначением Ибрагим-хана Аварским ханом, в ханском достоинстве был утвержден его младший брат Рашид-хан. Мехтулинские ханы управляли через беков и сельских старшин. Более половины населения ханства состояло из зависимых крестьян и отбывало тяжелые повинности феодалам и казне.

Кайтагом в начале XIX в. управлял уцмий Рустем на ханских правах. Он принял подданство России в 1799 г., имел чин 4 класса и получал 2 000 руб. жалованья. В 1804 г., по смерти Рустема, уцмием стал его двоюродный брат Алихан, который управлял Кайтагом до 1809 г. В этом году уцмием стал Адиль-хан, управляющий Кайтагом до 1819 г. Связавшись с бывшим Дербентским и Кубинским ханом Шейх-Али, выступавшим как платный агент шахской Персии, Адиль-хан отказался подчиниться дербентскому коменданту и не явился по его вызову в Дербент, ссылаясь на обет, данный им брату Алихану, не являться в город, где утвердилась русская власть. В 1818 г. комендант Дербента Бухвестов писал, что Адиль-хан просит отпустить его на богомолье и утвердить его сына Хан-Магомед уцмием Кайтагским в нарушение обычая, по которому уцмием должен быть не сын, а старший в фамилии. Шамхал Мехти, на дочери которого был женат Хан-Магомед, также просил удовлетворить просьбу уцмий Адиль-хана.

Однако Ермолов, усмотрев в этом возможность чрезмерного усиления шамхала, всячески оттягивал решение вопроса. Наконец, было решено за изменнические действия наказать уцмий. В октябре 1819 г. генерал Мадатов разбил ополчение уцмий, разрушил многие селения, в том числе и Терекемейские, жители которых давно просили избавить их от власти уцмий и принять под покровительство России. Население Кайтага принесло присягу на подданство России и в январе 1820 г. Ермолов объявил, что уцмийство Кайтагское больше не существует. Кайтаг был оставлен под управлением беков, которые находились под наблюдением русского пристава, имевшего резиденцию в сел. Великенте. Доходы, шедшие раньше в пользу уцмий, в том числе и подати от уцмийских райят, были переданы казне.

В 1838 г. генерал Фези поручил управление Верхним Кайтагом Джамав-беку, сыну Адиль-хана. В 1840 г. Кайтаг был включен в состав Дербентского уезда. В 1843 г. управление всем Кайтагом было поручено Джамав-беку. При Джамав-беке находился помощник из русских чиновников. В 1857 г., после смерти Джамав-бека, Кайтагом управлял до 1860 г. Ахмед-хан-бек.

Табасаранские правители Рустем-кади и майсум Сограб-бек приняли подданство России 15 октября 1799 г., имели чин 4 класса и получали по 1 500 руб. жалованья. Беглецу Шейх-Али-хану

Дербентскому удалось возмутить население сперва Кубинской провинции, а затем и Табасарана. Изгнанный генералом Лисановичем из Кубы, он вместе со своим зятем Абдулла-беком Табасаранским укрепился в местности Ерси. Здесь отряд Шейх-Али-хана был разбит, и он с Абдулла-беком бежал в горы. Кадия Табасаранского генерал Хатунцев арестовал в 1815 г. за связь с Шейх-Али-ханом. Управление Табасараном было возложено на коменданта гор. Дербента, а позже было поручено бекам майсумского и кадийского происхождения, которые управляли Табасараном до образования Кайтаго-Табасаранского округа.

Дербентское и Кубинское ханства, игравшие в XVIII веке главную роль в междоусобных войнах в Дагестане, в 1806 г. перестали существовать. Узнав о приближении отряда русских войск под командованием генерала Глазенапа, Шейх-Али-хан убежал из Дербента и до своей смерти (1821 г.) скрывался в разных местах Дагестана.

Жители Дербента 24 июня 1806 г. принесли присягу на подданство России. В городе было сохранено управление наиба, которым был назначен Алпан-бек, управлявший под контролем коменданта. В 1812 г. в Дербенте было учреждено главное управление Дербентской и Кубинской провинции. Для внутреннего управления был учрежден городской суд (диван). Председателем суда был комендант крепости, членами 2 бека и два жителя города, из коих один армянин, другой магометанин — мулла. Члены суда избирались сроком на один год, но это не исключало возможности их переизбрания. Состав суда утверждался через окружного начальника главнокомандующим. Задача суда была «примирять трудящихся и прекращать распри». Суд разбирал гражданские и маловажные уголовные дела, руководствуясь обычаями, а при их отсутствии — российским законом. В виде наказания суд имел право «употребить в работу» виновного и взыскать с него штраф. Дела по важным преступлениям (измена, нарушение верноподданнической присяги, убийство, разбой, похищение казны, вывоз российских денег за границу, фальшивомонетничество и т. д.) по расследовании полицией отсылались на рассмотрение в военный суд, который состоял из военных командиров.

Кюринское и Казикумухское ханства до 1812 г. составляли одно владение. В 1812 г. было выделено Кюринское ханство, правителем которого был назначен Аслан-бек, племянник Сурхай-хана Казикумухского. Сурхай-хан, хотя и дал присягу на подданство России, все же ориентировался на Персию, ездил туда дважды, держал связь с Шейх-Али-ханом и несколько раз пытался захватить Кюринское ханство. 12 июня 1820 г. генерал Мадатов разбил отряды Сурхай-хана в Чирахе, а 15 июня того же года занял Кумух, жители которого не только дали присягу на верность России, но и не пустили в Кумух Сурхай-хана, который вынужден был бежать в Аварию, где он и умер в 1826 г.

В июне 1820 г. Казикумухское и Кюринское ханства были объединены в одно ханство, правителем которого сделался Аслан-хан. После смерти Аслан-хана в 1835 г. ханством управляли его сыновья Нуцаль-ага (умер в 1836 г.) и Магомед-Мирза (умер в 1838 г.). В 1839 г. Кюринское и Казикумухское ханства были вновь разделены. Кюринским ханством управлял Гарун-бек, затем Юсуф-бек. В Казикумухском ханстве правительницей была оставлена вдова Аслан-хана Умии-Гюльсум-бике. С 1839 г. по 1842 г. ее помощником состоял Махмуд-бек, который в 1842 г. ушел к Шамилю. Правительница была уведена мюридами, но вскоре освобождена. В этом же году управляющим к ней был назначен Абдурахман-бек. При нем был создан совещательный орган в составе Казикумухского кадия и 2 старшин из числа богатых узденей. Каждому из них выплачивалось по 300 руб. жалованья в год. Затем ханом Казикумухским был утвержден Агалар-бек, который в 1858 г. умер. С мая 1859 г. ханством управлял князь Тархан-Мурахов, а в октябре 1859 г. было утверждено гражданское управление во главе с штаб-офицером.

Акушинский союз «вольных» обществ и Сюргинское «вольное» общество были покорены и принесли присягу в декабре 1819 г. Управление в них было сохранено прежнее, т. е. общества эти управлялись наследственными и выборными кадиями, а для разбора судебных дел выбирали старшин. Ермолов сменил акушинского кадия Мамеда и назначил на его место Зухум-кади, установив ему жалованье в 500 руб. серебром в год.

Общество Дарго, состоявшее из 6 малых обществ (Акушинского, Цудахарского, Усишинского, Мегебского, Мекегинского, Урахинского), в 1844 г. было преобразовано в Даргинский округ, а малые общества — в магалы, которые управлялись кадиями. Кроме начальника округа, офицера Оленича, его помощника, переводчика и двух писарей здесь полагалось иметь 14 нукеров из почетнейших семейств округа. Каждый магал, в свою очередь, имел нукеров, содержавшихся на средства общества. Общее их число в округе достигало 100 человек. В 1844 г. Оленич был убит сторонниками Шамиля и управление Акушинского кадия возобновилось. Оно сохранялось до 1854 г., когда вновь было организовано окружное управление, во главе которого был поставлен подполковник Лазарев. Даргинский округ входил в состав Дербентской губернии, а затем в Прикаспийский край.

Представители Самурских обществ в 1812 г. подписали с генералом Хатунцевым соглашение о вступлении их под покровительство России и согласились уплатить со ста баранов два барана — одного за пастьбу скота в Кубинской провинции, а другого как дань. Самурские общества номинально находились под контролем коменданта г. Кубы. В 1839 г., после ликвидации отряда Ага-бека Рутульского, Рутульский магал вошел в состав владений Даниял-бека Елисуйского, а из остальных самурских обществ был организован Самурский округ. В 1840 г. Самурский округ

был присоединен к Кубинскому уезду. В помощь окружному начальнику был назначен главный духовный кадий и диванные члены (бекили) от каждого магала по одному. При разборе дел придерживались обычая. Духовные дела разбирал кадий. В 1846 г. начальник округа был подчинен Дербентскому губернатору.

Аварский хан Ума-хан в ноябре 1800 года произвел большой набег на Грузию и на реке Иори был разбит соединенными силами русских и грузинских войск. После этого он через своего посланца просил царя принять его в русское подданство. Просьба его была удовлетворена, но пока ответ дошел до него, он умер. Ханом Аварским стал племянник Ума-хана, Султан-Ахмед-хан Мехтулинский, который в октябре 1802 г. был принят в подданство России с уплатой ему ежегодно 5000 руб. жалованья. Султан-Ахмед обязался не вступать в союз с противниками России, оказывать России военную помощь, если это будет необходимо, не нападать на союзные с Россией владения и т. д. При утверждении Султан-Ахмед-хана в достоинстве хана княжне Абашидзе, вдове Ума-хана, была назначена пенсия в размере 500 руб. в год.

Султан-Ахмед-хан вступил в связь с Шейх-Али-ханом и грузинским царевичем Александром. В 1818 г. за измену он был лишен ханского достоинства и вскоре умер. Более 10 лет в Аварии не было официального хана. Жена Султан-Ахмед-хана Бахубике, пока дети были малы, не хотела уступать ханство кому-либо другому, а Сурхай-хан (сын брата Ума-хана Гебека), объявленный в 1819 г. Ермоловым ханом Аварии, не имел большого влияния на народ и находился во враждебных отношениях с Бахубике. Ее сыновья все больше завоевывали влияние в Аварии. В 1828 г. Авария уже была разделена между Сурхай-ханом и сыном Бахубике Абу-Султан-Нуцалом. Обоим был присвоен чин полковника русской армии и положено жалованье по 2000 руб. в год.

В 1830 г. молодой Абу-Султан-Нуцал разбил ополчение горцев во главе с Кази-Муллой, который имел намерение завладеть резиденцией ханов — Хунзахом. После этого Паскевич вручил Абу-Султан-Нуцалу подарки, знамя и грамоту на ханство всей Аварии. В 1834 г. имам Гамзат-бек истребил аварских ханов, причем был убит и Сурхай-хан. Ханом Аварии на этот раз стал второй племянник Ума-хана Аслан-хан Казикумухский и Кюринский, а после его смерти — сын его Нуцал-ага. В 1836 г. ханом Аварии был утвержден Ахмед-хан Мехтулинский, который первые годы правил Аварией вместе с Хаджи-Мурадом. Ахмед-хан возненавидел Хаджи-Мурада и добился его ареста, но Хаджи-Мурад во время следования в Темир-Хан-Шуру убежал и стал шамилевским наибом в Аварии.

После смерти Ахмед-хана в 1843 г. для управления Аварией было создано правление во главе со старшиной — прапорщиком

Айтбером. Хунзахский кадий Магомед был утвержден главным кадием. Разбор дел осуществлялся по адату и шариаду. Начальнику хунзахской цитадели майору князю Орбелиани был поручен общий надзор за ним, но вскоре Авария вошла в состав имамата Шамиля. Только в 1859 г. Аварское ханство было вновь восстановлено, и ханом Аварии был утвержден Ибрагим-хан Мехтулинский.

В 1809 г. приняли присягу на подданство России общества Шодрога, Согратль, Маали, Ботлих, Карата, Ансалта, Анцух, Томарал. Общество Чох приняло подданство в 1810 г. Ансалтинцы и каратинцы стали подданными России в 1812 г. Позднее, в 1820 г., просили принять их в подданство и унцукульцы, но Ермолов отказал им в этом по тем мотивам, что Шейх-Али-хан скрывался в селении Араканы.

Ханы и прочие владельцы, власть которых была полностью сохранена в первой половине XIX века, жестоко угнетали трудящихся Дагестана и деспотически расправлялись с ними.

«Для наблюдения за общественным спокойствием, — писал И. Н. Березин, — существует в Тарху-кала бек (городничий) из татар, при нем находятся юзбаши (сотники) и чауши (городовые)... У главных ворот находится тюрьма — выкопанная в земле яма, в которую на веревке спускают преступника»¹. Основными видами наказания в шамхальстве были казнь или ослепление, телесные наказания и заключение в темную сырую яму, из которой редко кто выходил живым. Об отце шамхала Мехти Дубровин писал: «Ум его в тесных границах, а водка российская есть самый лучший предмет его управления»². В пьяном виде он давал распоряжения казнить людей даже за маловажные проступки³.

Аслан-хан Кюринский налагал на кюринцев чрезмерные подати, отбирал у своих подданных дочерей и менял их чеченцам на лошадей. Многих кюринцев он казнил⁴.

О жестокостях казикумухского хана Агалара рассказывал в своих воспоминаниях Абдулла Омаров. Агалар-хан ездил по селениям своего владения и устраивал кутежи, подвергал жителей избиениям, заключал в тюрьму. Девушки из Вицхинского магала, бывшие «артистками» хана, пели песни у одного чиновника, находившегося в неприязненных отношениях с Агалар-ханом, и за это были убиты. У одного из слуг Агалар-хан заметил платок, подаренный им раньше служанке, и слуга пропал без вести. Только весной его труп выплыл из Казикумухского озера. За то, что с ханского двора волк унес гуся, у зрителей и карауль-

¹ И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 74.

² «Русский вестник», 1874, 3, стр. 19.

³ Записки П. Н. Муравьева-Карского. «Русский архив», 1888, 7, стр. 332.

⁴ А. Б. Комаров. Казикумухские и кюринские ханы. «Сб. свед. о кавк. горцах», вып. II; Акты, т. VI, докум. № 15.

щиков были отрезаны уши. Автору воспоминаний Металлима А. Омарову Агалар-хан проколол шилом язык и воткнул в отверстие палочку. Свои жестокости хан оправдывал ссылкой на коран и бога. «Не сказано ли в коране, — спрашивал он Омарова, — повинуйтесь богу, пророку его и властям вашим? — Сказано. Я не власть ваша? — Власть. Так знай же, что вы послушались бога, ибо вы сделали то, что я запретил. Того же, кто ослушается бога, я имею право, даже должен казнить, так что если я тебя убью, то не только не сделаю греха, но еще исполню свою обязанность»¹.

Во дворе этого хана пропало 200 рублей. В связи с этим пытали караульщиков. На грудь двоих положили раскаленные древесные угли, третьего пытали каленым железом, четвертому обрили голову, потом из теста сделали на голове чашку, дном которой служила бритая голова, и в эту чашку налили кипящее масло. Но караульщики не сознались и умерли в муках².

Об аварском хане Ибрагиме Козубский писал: «Говор, бывший в народе (имеется в виду 1862 год), молва довела до сведения хана в виде заговора против него и его семейства. Он приехал в Хунзах и многих арестовал, иные успели скрыться и приезжали к Лазареву, прося его заступничества и суда... Лазарев с одним из явившихся к нему аварцем, гамушинским жителем Гаджи Магома-оглы, послал к Ибрагим-хану письмо, прося его приостановить наказание обвиняемых до разбора этого дела следствием. Хан, вероятно раздраженный такую просьбою, приказал тотчас же подателя письма связать и сбросил его с хунзахской скалы»³.

В письме Карцева к Бярятинскому о Юсуп-хане Кюринском говорится следующее: «Кюринский хан жестокостями своими, непростительным корыстолюбием и разного рода несправедливостями довел народ почти до открытого восстания против себя. Начиная с 1860 года, поступали на него к начальнику Южного Дагестана и к самому кн. Меликову беспрестанные частные жалобы. Наконец, в прошедшую осень народ открыто и единодушно отказался ему повиноваться, не прибегая еще к оружию, кюринцы выбрали до 200 человек поверенных и отправили в Шуру с жалобой, которая была выражена такими словами... За что же нас, никогда не враждовавших против русских, отдали вместо пастухов злому волку, который нас грабит»⁴.

Подобных примеров жестокостей и произвола ханов можно привести немало, но и сказанного достаточно для того, чтобы убедиться, в каком тяжелом положении находились трудящиеся Дагестана при феодальных владетелях.

¹ ССКГ, вып. II, стр. 30—31.

² Там же, вып. I, стр. 14.

³ Е. Козубский. Памятная книжка Дагест. области. Т.-Х.-Шура, 1895.

⁴ А. Зиссерман. Кн. Бярятинский. Т. II, стр. 420—421.

Ко времени присоединения Дагестана к России в сельских общинах горной части Дагестана, где масса крестьян не была окончательно закрепощена, сохранилась выборность сельских судей, кадиев и других подобных лиц. Однако круг избираемых лиц все более суживался, охватывая лишь представителей влиятельных фамилий. Тем не менее господствовала выборная форма власти, видимость народоправия. Власть феодальных элементов общины не успела еще обнажиться, она прикрывалась пережитками первобытно-общинного строя.

Ханы Аварский и Казикумухский и уцмий Кайтагский обладали наследственной властью. При ханском дворе имелась постоянная дружина — нукеры, а в случае войны объединения общин, входивших в ханство, были обязаны выставить воинов на собственном содержании.

В Кумыкии, шамхальстве Тарковском, ханстве Мехтулинском, майсумстве Табасаранском, южной части уцмийства Кайтагского власть общин, особенно в райятских селениях, не играла особой роли. В них господствовала власть ханов и беков, которые являлись неограниченными властелинами. Деспотизм и корыстолюбие их достигли крайних пределов.

В первой половине XIX века царизм не только сохранил, но и усилил власть феодальных владетелей Дагестана. Особую заботу о дагестанских феодалах царское правительство проявляло со времени назначения наместником Кавказа Воронцова, т. е. с 1844 года. С этого момента вплоть до ликвидации ханско-бекского управления в Дагестане делалось все для возвышения феодалов. По рескрипту 1846 г. за многими беками в Южном Дагестане было признано право собственности на те земли, которые раньше им не принадлежали. Одновременно происходило самовольное увеличение податей и повинностей, отбываемых зависимым крестьянством ханам и бекам.

Однако главноначальствующие на Кавказе не оставляли мысли создать централизованное и сильное управление в Дагестане. Так, в 1830 г. Паскевич возбудил ходатайство о введении в Закавказье гражданского управления. Был составлен проект, который обсуждался в Государственном Совете и в основном был одобрен, но ввиду категорического возражения сменившего Паскевича в 1831 г. главноначальствующего на Кавказе Розена проект был передан для дальнейшего изучения. В марте 1837 г. была создана комиссия для изучения местных условий Закавказья и разработки проекта управления Закавказьем. Комиссию возглавлял Ган, по предложению которого 10 апреля 1840 г. было введено новое положение по управлению Закавказьем. По этому положению Дагестан входил в Каспийскую область. Дербентский и Кубинский уезды были оставлены под управлением дербентского военно-окружного начальника, который подчинялся непосредственно главноначальствующему.

В 1846 г. для управления Дагестаном была установлена должность военного губернатора с резиденцией в гор. Дербенте. Губернатор ведал гражданской частью, при нем был создан губернский суд, состоявший из председателя, 2 советников и 4 заседателей от высшего и торгового сословия.

В 1847 г. был создан Прикаспийский край во главе с командующим войсками, которому подчинялись все владельцы, управлявшие на прежних правах, и начальники окружных управлений. Прикаспийский край просуществовал до образования в 1860 г. Дагестанской области.

§ 3. БОРЬБА ГОРЦЕВ ПРОТИВ ЦАРИЗМА И МЕСТНЫХ ФЕОДАЛОВ

Вступив на территорию Дагестана, царизм стал всецело опираться на ханов и беков и через посредство их проводить жестокую колониальную политику.

Царские генералы, пользуясь услугами местной аристократии, принуждали горцев выполнять работы связанные со строительством крепостей и других военных объектов. Кроме того, по первому требованию царских властей горцы обязаны были выставлять подводы и лошадей для перевозки различных грузов. Этот вид повинностей, чрезвычайно отягощавший трудящихся, стал источником дохода для ханов и беков. То небольшое вознаграждение, которое население должно было получать за свой труд и транспорт от правительства, присваивалось ханами и беками.

«Подати и повинности, отбываемые жителями, — говорится в официальном документе, — были чрезвычайно разнообразны, и к тому же эти повинности неслись жителями так различно, что привести их в общую цифру и разделить их по дымно, приведет к ошибочности относительно налогов на каждое селение отдельно»¹.

Если трудящимся приходилось выплачивать местной аристократии многочисленные подати и к тому же вносить большие натуральные и денежные налоги и выполнять повинности разных видов царским колонизаторам, то не удивительно, что народ повсюду волновался. «Скрытно, — говорится в документе, — они ропщут на притеснения и несправедливости шамхала, и ропщут на правительство русское, допускающее утеснять народ повинностями, которые и без того уже отягощали»².

Ханы и беки, управлявшие большинством населения Дагестана, усилили политический и экономический нажим на своих подданных, обостряя тем самым классовые противоречия внутри страны, и без того уже достаточно обозначившиеся. Крепостная

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 113, л. 3.

² ЦГА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 344, л. 9.

зависимость, прямое рабство, непосильные подати и повинности не позволяли горцам свободно дышать.

Местные аристократы, «чувствуя свои руки совершенно свободными, действовали очертя голову, руководясь единственно кровожадным деспотизмом, животными побуждениями и неутомимой жаждою к стяжанию богатств». По словам Шамиля, «всякого рода насилия, взятки и поборы, а в случае сопротивления открытый грабеж, нередко сопровождавшийся убийством, составляли ежедневные заботы дагестанских владетелей; похищение отличавшихся красотою девушек, хотя бы они были объявленные невесты; похищение их из родительских домов, иногда из дома мужа, еще не успевшего увидаться со своею молодою женою; наконец, увод их в ханские гаремы открытою силою, — было делом самым обыкновенным». Беспочеловечное угнетение со стороны местных ханов и беков привело к тому, что народ вынужден был выступить. В документе далее говорится: «Беспорядки обнаружались не вследствие проповедей Курали-Магомы, а благодаря грабительствам Арслан-хана Казикумухского и всякого рода жестокостям, которыми он угнетал народ... Не столько тарикат побудил имамов призвать соотечественников к оружию», сколько деспотизм ханов и беков¹.

Из сказанного следует, что причины возникновения движения горцев надо искать в социально-политической обстановке, сложившейся в горах Дагестана и Чечни в 20-х годах XIX века.

Недовольство угнетенных началось давно и, как это было свойственно тому времени, выражалось в религиозных течениях. Феодалы относились к религии весьма прохладно, идеологически обосновывая свою власть «адатами», закреплявшими феодальную организацию горского общества. Хань и беки начали преследовать шариат и тарикат, их наставников и глумиться над исполнителями тариката.

Царские власти не только не пресекали гонения ханов на исполнителей тариката, но и сами потворствовали этим гонениям. Предоставив местным владетелям право управлять населением на прежних основаниях, царские власти подкрепили это право, до этого шаткое, пушками и штыками.

«Шамиль, зная характер, образ мыслей и действительные нужды своего народа, воспользовался всем, чем пренебрегали его предшественники или что было для них недоступно. Первое произнесенное им слово было не газават, — потому что народ и без того знал, для чего избрал его имамом, — а «равенство», в котором горцы так пуждались после долговременного тяжело-го гнета своей аристократии². Истребив или отняв у нее решительно все права, Шамиль сравнял ее с народом.

¹ АКАК, т. XII, стр. 1499—1501.

² АКАК, т. XII, стр. 1500.

Шамиль окончил бы свое приращение подобно другим имамам, если бы народ не знал, что в основании его действий лежит идея равенства, идея освобождения большинства из-под ига меньшинства. Собственно поэтому, доведенный одно время (после Ахульго) царскими войсками до последней крайности, скитаясь из общества в общество, из селения в селение, Шамиль везде находил не только приют, но и готовность разделить его судьбу, невзирая на всю опасность такого участия. Если бы на его месте был кто-нибудь другой, действовавший по другим принципам, он с первых же шагов был бы выдан русским, или убит своими же сородичами.

Поэтому настоящею причиною восстания в Дагестане были не мюридизм, а деспотизм дагестанских владетелей, коварство их и корыстолюбие, умышленные или неумышленные ошибки их и, наконец, покровительство им со стороны царских войск¹.

Это можно подтвердить словами Шамиля, который говорил: «Прежде всего, уничтожьте ханскую власть и дворянское звание, держите беков в таком же черном теле, в каком держал их я. После того делайте, что хотите, горцы во всем будут вам послушны, и вы будете ими довольны»².

Говоря о политике царизма в Дагестане, ни на минуту не следует забывать, что эта политика отражала захватнические интересы правящих классов, стремившихся приобрести источники сырья и рынки сбыта. Что же касается трудового русского народа, то ему глубоко были чужды планы порабощения других народов. Русский народ ненавидел кровопролитную, длительную войну на Кавказе, уносившую десятки тысяч жизней простых людей. Не случайно передовые представители русского народа, и прежде всего революционные демократы, резко осуждали колониальные войны царизма.

Рассматривая вопрос о захватнической колониальной политике царизма, прежде всего следует установить его классовую природу. Колониальная политика царизма не является политикой угнетенного и поработанного русского народа. Эта политика была политикой помещичьего класса, интересы которого выражало царское правительство.

Активная завоевательная политика самодержавия на Северном Кавказе началась в царствование Александра I, именно в тот самый период, когда русский царизм вел оголтелую реакционную внутреннюю политику. Это были годы, когда в стране создавались военные поселения, когда реакция в России торжествовала не только в политической жизни, но и в идеологии и в просвещении, а сам русский народ терпел бесчеловечное насилие и произвол крепостников. Это были годы, когда над Европой нависла тяжелейшая реакция трех монархов, душителей освобо-

¹ Там же, стр. 1501.

² АКАК, т. XII, стр. 1500.

дительного движения народов, когда этими и им подобными колониальными державами «народы покупались и продавались, разделялись и соединялись ровно в такой мере, в какой это разделяе всего соответствовало интересам и целям их правителей»¹.

Подобно тому, как государства — члены «священного союза» подавляли стремление народов Европы к национальной независимости, один из главных вдохновителей этого союза — русский царизм выступил душителем народов Северного Кавказа, которые стремились к национальному и социальному освобождению.

По велению Александра I, в угоду крепостнической реакционно-самодержавной дворянской верхушке, Ермолов в 1818 году сравнивал аулы с землей, огнем и мечом подавлял движение горцев Дагестана.

Сам Ермолов цинично признавал: «Я истребил... деревни дженгутайские, в коих осмелились они (горцы) поднять оружие против нас и вместе с оными предал я огню все дома и имущества... Оных изменников никогда не будет на той земле и вечно скитаться будут в горах, ибо я весьма умею наказать изменников великого моего государя»². Одновременно генерал-майор Пестель ворвался в сел. Башлы, «откуда, по словам того же Ермолова, прогнал всех изменников и совершенно истребил гнездо разбойничье, одним словом в Башлах не осталось камня на камне и следы основания его совершенно изглажены»³.

Эти и подобные им действия царских администраторов способствовали тому, что народы Дагестана, Чечни и западного Кавказа выступили против царских войск и решили до победного конца бороться против колонизаторов. Историк С. Эсадзе писал, что «одна из главных причин, заставившая соединиться всех мусульман в общую организацию, была система, принятая Ермоловым по отношению к мусульманским провинциям»⁴.

Под командой царских генералов на Дагестан была двинута большая армия с целью скорейшего его покорения и присоединения к России. В 1829 году Николай I направил генералу Паскевичу письмо, в котором говорится: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз — гораздо более важное — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»⁵.

Для царя и его генералов горцы Дагестана оказались сильными противниками, которые наносили удар за ударом царским

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 13.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 648, л. 68.

³ Там же.

⁴ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис. 1907, стр. 34.

⁵ Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 105, док. 342.

войскам. 1838 г. в ответ на донесение генерала Головина Николай I дал указание: «Покорить и усмирить горный Дагестан... ибо без него ни покоя, ни верного владычества на Кавказе иметь не можем».

Война царизма против народов Дагестана велась варварски, сопровождалась истреблением горцев. В своей работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс говорит: «Генерал Кауфман летом 1873 г. напал на татарское племя иомудов, сжег их шатры и велел изрубить их жен и детей, «согласно доброму кавказскому обычаю», как было сказано в приказе»¹. По этому «кавказскому обычаю» царские генералы истребляли горцев Дагестана, их жен и детей, разоряли и превращали в пустыни заселенные места.

В период завоевания Кавказа царизм приступил к лишению горцев пастбищ и пригодных к севу земель. По указанию царя, у горцев нередко отбирались лучшие земли под строительство крепостей и других военных объектов.

Отобранные у народа пастбища, леса, соляные озера присваивались генералами, военными и гражданскими чиновниками, казаками.

Сбор многочисленных податей и повинностей обеспечивался применением вооруженных сил. В одном из документов говорится что «койсубулинцы никаких повинностей раньше не вносили,... генерал Фези возложил на них платеж по одному барану в год и по 1 рублю серебром с дома... Предложено мною генерал-адъютанту барону Розену взыскать с них силою оружия следуемую с них дань с давних времен»².

Даргинцы Журкальского магала, да и все жители Каракайгагского уцмийства царской администрацией были обложены податью; кроме того, жители, находившиеся в зависимости от уцмий, платили ему подати ячменем, пшеницей и баранами. Сверх того жители Даргинского округа отбывали натуральные повинности: аробную, дорожную (как и прочие жители северного Дагестана) и дровяную (поставка дров для войск)³.

Жители Салатавского общества были обложены ежегодной податью по полтора рубля серебром с каждого семейства. Салатавцы при покорении их обязались платить «с одних деревень по 3, а с других по 4 барана с каждого двора»⁴.

Царское правительство старалось привнести в Дагестан порядки, хорошо известные внутри России. Вот документ, красноречиво говорящий об этом: «Настоящая система управления в дагестанских провинциях... сходствует с прежнею ханскою системою, которая основывалась на одном произволе ханов, которая прежде была без всяких форм, держала народ в постоянном

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. 1945, стр. 95.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 5007, лл. 7—13.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 113, лл. 3—8.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 6774, лл. 2—8.

угнетении... хан располагал провинциею как собственностью, и угнетал народ... В настоящее же время коменданты соединяют в себе все черты этой власти, от них налагаются все требования повинностей, они... заведывают полицейскою частью в городе и провинции; по их распоряжению производятся следствия, под их представительством решаются следственные и тяжёбые дела, они делают раскладку податей. И при всей важности этой должности, при обширности власти и круга действий, коменданты не имеют определенных правил в руководстве, так же точно в этом отношении, как прежние ханы, они основывают все свои действия на собственных соображениях более или менее, но всегда произвольные. Те недостаточные формулы, которые теперь введены в управлении... более тяготят народ, ибо не ограждают его от произвола... на самом деле пынешний образ управления вреден обоюдно и для народа и для правительства»¹.

Более убийственную картину управления завоеванным краем русской администрацией вряд ли кто-либо мог бы дать. Так же как при ханах народ терпел невыносимый произвол, который еще больше усилился с водворением здесь колониальных порядков.

Народ выступал против такого колониального угнетения со стороны царизма. Характерным в этом отношении является письмо жителей плоскостных районов русскому командованию: «Вы успели обмануть людей наших красноречием своим, уверяя нас, что государь ваш не притесняет и не обманывает никого, напротив того словами вашими, и беками, находившимися при вас, мы были обмануты и через этот обман вы сделались над нами начальниками и влезли на голову нашего народа, обременяя нас несноснейшей тягостью. Сверх того вами отняты были у нас места наши без согласия хозяев, словом: вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землею и небом притеснениями, так что для нас день превращен в ночь, в которой мы старались долго, по неимению другой защиты. Наконец, теперь, находя желанного защитника, мы уже проснулись со сна и находим вас неблагоприятными, а следовательно, вы должны оставить места наши»².

Для содержания разбухшего военного аппарата царизм ввел в Прикаспийском крае чрезвычайно большие подати, которые тяжким бременем ложились на плечи горцев. Так, например, по всему Прикаспийскому краю сумма податей на 1841 год составляла вместе с недоимками 1.061.630 руб. серебром³.

Народ волновался и отказывался платить непосильные налоги, но царское командование в целях устрашения местных жителей организовывало карательные экспедиции в горы.

---

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 5007, лл. 7—13.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6563, лл. 10—11.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 7442, л. 11.

Подати с населения собирались не только деньгами, но и натурой (хлеб, ячмень, сено, масло, яйца). Зная о таком беззаконии, правительство не только не приняло мер к прекращению произвола, но само позаботилось о его усугублении. Так, например, министр финансов предписал: «Все сборы по завоеванным областям и городам, как те, кои уже известны и введены в общий счет по расписанию о доходах, так и те, кои сверх того открыты могут, равно как и самые остатки сих сборов от прежних лет с казенной экспедиции хранящиеся причислить к общим своим доходам»¹.

Кустарный промысел, который являлся большим подспорьем в хозяйстве горцев Дагестана, приходил в упадок из-за таможенных препятствий и конфискации всех видов изделий. О притеснении горцев подробно говорится в имеющихся документах. Характерным в этом отношении является рапорт генерал-майора барона Вреде командующему войсками генерал-лейтенанту Вельяминову I: «Едущие туда и обратно останавливаются объезжиками, и ежели окажется у кого бездельная сумма в червонцах и серебре или кусок какой-нибудь материи, представляют в таможеню для взыскания узаконенных с него пошлин, при том случается, что чиновники застав задерживают даже и тех из жителей, кои собственные свои произведения и изделия в своих границах перевозят из одного места в другое. ... И люди недостаточно торгующие собственными изделиями и произведениями оставляют свою малозначительную промышленность единственно потому, что употребляемые ими по сей обязанности издержки несоразмерны с состоянием торгующих и доводят их до убытка вместо приращения... Многие из сих отвозят родственникам своим разные малозначительные вещи в подарок, как-то: узды, чулки, пеньковые веревки и тому подобное, а от них заимствуются бумажными тканями; другие... ходят для работ в означенные ханства и провинции, где получают вместо денежной платы бязь и прочие материи, и с сими-то вещами должны они отправляться в Баку для уплаты пошлинных денег тамошней таможене»².

Торговля горцев с плоскостью была крайне необходима для их существования. Соль, хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, а также хлопчатобумажные ткани горцы могли приобретать только на Тереке, в плоскостной части Дагестана и в Закавказье.

Хорошо зная, что эти торговые отношения горцев для них являются жизненно необходимыми, царские колонизаторы вели ожесточенную борьбу, стремясь лишить горцев и этого. «Вы, — писал в своем рапорте главнокомандующий Кавказской армией военному министру, — объявили мне волю государя императора относительно необходимости приступить ныне к той

¹ Там же, д. 821, лл. 5—6.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 614, лл. 8—9.

решительной мере, которую доселе препятствовали исполнить обстоятельства военные... что одним из вернейших средств принудить аварцев к исполнению наших требований и держать их в страхе было бы занятие и укрепление деревни Темирхан-Шура, служащей единственным проездом из Аварии в Тарковскую область. На сие последнее честь имею ответственовать, что главные народы аварцев, заставляющие их иметь торговые сношения с определенными Российскими областями, состоят в соли, хлебе (не в значительном количестве) и в зимовых для стад пастбищах. Селение Темирхан-Шура лежит на втором из сих путей, между Черкеем и Тарками. Занятием оного в некотором отношении стеснится промышленность ближайших по сему направлению аварцев, но сие стеснение послужит единственно в пользу продавать им соль за высокую цену, а присутствие нашего отряда удержит только в спокойствии и повиновении жителей... Одно занятие главных пунктов по линии Койсу могло бы стеснить чувствительным образом промышленность аварцев с Дагестаном и споспешествовать достижению ожидаемой пользы, если в то же время совершенно загорожен будет и третий торговый пункт в Андреев. ... При наблюдательнейшем надзоре удержать андреевских и кизлярских евреев и армян от оборотов торговых с жителями разных Аварских округов»¹.

Для горцев были закрыты все пути на плоскость и в соседние области. В то же время и к ним никто не допускался для ведения торговли.

Горцев лишили пастбищ на плоскости, в результате чего гибнул скот, лишили хлеба, привозимого с плоскости, к тому же горцы лишены были всякой возможности вести торговлю, везде и всюду конфисковалось их имущество, а их сажали в тюрьмы и отправляли в Сибирь. Главнокомандующий на Кавказе дал распоряжение грузинскому гражданскому губернатору, чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи в Грузию; в случае же тайного привоза оных, конфисковать их и доносить мне в то же время, как о именах тех, кому оные принадлежат»².

В эти годы казикумухцы и даргинцы были мирными по отношению к России. И андийцы, по признанию генерала Фези, тоже изъявили покорность русскому царю. Жизнь их в значительной степени зависела от торговли и ее оборота. Конфискация продукции и запрещение вести торговлю, ставили народ в крайне тяжелое положение, обрекая на полуголодное существование.

Генералами давались предписания не допускать дагестанцев к торговле, пока царизм не убедится в окончательной покорности горцев. Все изъятые товары власти продавали с публичного торга, внося вырученные деньги в казну.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. I, д. 2231, лл. 9—14.

² Там же, д. 2573, л. 2.

В результате таких мер соль в горах стала настолько редким продуктом, что царизм стал производить обмен соли на перебежавших к горцам русских солдат и офицеров. «Государь император повелеть соизволил: дабы местное начальство требовало возвращения воинских чинов, скрывшихся у горцев, изъявивших нам покорность, но отнюдь не выкупая их, старалось соглашать непокорных к выдаче дезертиров за соль»¹.

Известно, что жителям гор приходилось ездить на заработки, наниматься на работу к состоятельным людям на Тереке, на плоскости, в Закавказье. То, что жители гор уходили в мирные края, общались и сближались с русскими, должно было радовать русское начальство. На самом же деле горцев арестовывали, отправляли в Сибирь. Только в одном Кизляре было арестовано более 594 работавших там горцев. По всему Закавказскому краю было дано строгое распоряжение арестовывать и сажать в тюрьмы дагестанских горцев, которые окажутся где-либо на работе в этом крае. «Тотчас прикажите, — говорится в документе, — посадить (горцев) в крепость, заковав в железа, а самих дидойцев, когда по коммерции их и другим надобностям будут приезжать в Кахетию, велите арестовать и содержать под строгим караулом, равно и приходящие от них караваны конфисковать в пользу казны»².

Представители царской власти своими действиями отталкивали покоренных и присоединившихся горцев. Стремясь избежать тяжелого колониального гнета, горцы, которые уже успели испытать его на себе, везде и всюду восставали и присоединялись к Шамилю. «Оному поводом служило не то, чтобы особенно любили и уважали Шамиля, или имея надежду и упование на многочисленные его войска в защиту их, но понудили к этому со стороны генерал-майора Пулло нетерпимые нужды, сделавшись для них излишне обременительными и неспособными, кои он в прошлую зиму им с войсками нанес без разбора покорного и преданного, с непокорными изменниками вместе наказав; почему и говорят они, чем быть у Пуллы под жестоким несправедливым наказанием, лучше предаться Шамилю»³.

Невзирая на то, что царскими генералами для горцев были созданы невероятно тяжелые политические и экономические условия, Шамиль и горцы были склонны оставаться в мирных отношениях с Россией. Свидетельством этому является письмо Шамиля генералу Розену: «От бедного раба (аллаха) Шамиля генералу Шура. Сообщаю тебе, что я желаю мира и остаться так, как до сих пор. И с моей стороны не произошло плохого для вашего присутствия. Знайте же, что я не намерен нарушать мир, заключенный с вами до тех пор, пока я жив, но вы не вери-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 359, л. 1.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, л. 966, л. 2.

³ Там же, ф. 1083, оп. 6, д. 293, л. 279.

те моим словам, хотя я говорю правду, а верите кляузникам, хотя они вруны. Если у вас есть ум хоть с зернышко весом, то подумайте, что будет потом. Я удивляюсь вашей нерассудительности»¹.

Шамиль и его наибы дали клятву быть покорными России, но с тем, что царизм даст возможность распространить шариат среди горцев и освободиться от ненавистных ханов, причем царские генералы не должны вмешиваться во внутренние дела. Достигнув на таких основах соглашения, Шамиль и все общества нагорного Дагестана выдали царским генералам по несколько человек от каждого аула заложников. В 1836 году их было до 3000 человек. Среди них были женщины, дети, старики, люди, пользовавшиеся большим уважением в обществе.

Казалось бы, после изъявления покорности и выдачи заложников царские генералы должны были установить с горцами такие отношения, которые вызвали бы у горцев уважение к ним. Но генералы и высшие должностные лица царизма даже не помышляли об этом. Война была чрезвычайно выгодна для военной верхушки, штабных чинов, интендантов, поставщиков. Она являлась для них источником славы, отличий, орденов, быстрого продвижения по службе и огромной наживы на поставках, подрядах, армейском довольствии. При этом война против горцев была для царской армии боевой школой.

В одном из источников мы находим ярко выраженную мысль царских генералов-крепостников. «Я так, откровенно скажу, желаю, чтобы Кавказская война продолжалась как можно дольше... Эта война единственная боевая школа для всей русской армии. Подсчитайте, скольких дельных военачальников она уже выдвинула, а сколько выдвинет еще. А опыт! На маневрах под Красным селом небось тому не научились, чему мы выучиваемся от наших врагов в непрестанной войне с ними. Этого всего мало — Кавказская война нам еще иную службу служит. Без нее нас бы на маршировке, да вахтпарадах давным давно в конец задушили бы. Только благодаря Кавказским войнам, на деле доказывающим, что не умея маршировать в один носок и «отбрасывать» фокусию ружейные приемы, можно прекрасно бить врага, совершать чудеса храбрости».

Сложенные в горах десятки тысяч голов «чудо-богатырей», «серой солдатской скотинки» в расчет, конечно, не принимались. От этого никто убытка не терпел, а русское крепостное крестьянство по принуждению царизма покорно поставляло на смену уничтоженным новые, свежие силы.

Нередки были случаи перехода солдат на сторону горцев. В бою при Дарго в 1845 году в рядах горцев сражался против своих соотечественников крупный отряд русских солдат. Боль-

---

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, письма Шамиля, папка 28, конв. 3.

шую часть шамилевской артиллерии обслуживали русские перебежчики. Об отношении к ним Шамиля ярко свидетельствует его письмо наибама: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни»¹.

К концу сороковых годов количество беглых русских солдат в Дагестане было настолько значительным, что на съезде горцев в Анди Шамиль поставил вопрос: на чьи средства их содержать, и было решено содержать их на средства Байтул-мал (государственное казначейство). Следует отметить, что если «отсталый азиат, варвар» Шамиль проявлял к русским перебежчикам и военнопленным такое гуманное отношение, то иным было отношение «цивилизованных» европейцев к «азиатским» перебежчикам и военнопленным. «Часто встречаются случаи, что в действии войск наших против горских народов, достаются пленные в руки наши... Полезно и самые народы, коим они принадлежат, утратить примером удаления в Россию, почему таковых доселе отсылали в Сибирь на поселение и работу, а молодых людей, полезных службе — на Камчатку. Дальний путь, чрезвычайная перемена климата и самая пища для них необыкновенная лишает их многого, из числа коих нельзя жалеть потери»².

Из заложников, которые были отданы Шамилем царским войскам, на родину не вернулся почти никто, хотя их были тысячи. Об этом говорят документы: «По повелению господина генерала из числа аманатчиков 29-ти, семнадцать повешаны, а остальные двенадцать содержатся в крепости»³. С каждым годом количество горцев, отправленных в Сибирь, увеличивалось, и вдали от родины они погибали.

Все это вызывало гнев и возмущение против царских колонизаторов.

Мобилизовав местное население и транспорт, царские генералы приступили к сооружению крепостей в Ундзукуле, Моксобе, Цитанихе, Балаханах, Гергебиле, Ахалчи, Хунзахе, Ароте, Ботлихе, Чохе, Гунибе и др. В эти укрепленные пункты они ввели свои войска.

Шамиль, видя, что царизм вместе с ханами готовит ему войну, и чтобы опередить противника, выступил со своими войсками. Так горцы вынуждены были обнажить свои шашки против царских войск.

Самодержавие вместе с ханами и беками направило против восставших горцев большое количество войск, вело беспощадную истребительную войну. «Ураганом проносились по горным зем-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, письма Шамиля, папка 16, конв. 4.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 865, лл. 2—4.

³ Там же, д. 9173, л. 1.

лям, особенно по Чечне и Дагестану, большие отряды русских войск, оставляя за собой кровавые следы и груды развалин».

Вопреки высказываниям дворянских историков, которые стремились изобразить кавказские войны как самооборону царизма от «варваров», «диких», «разбойников», своими набегами терроризировавших мирное население, в действительности, как это показывают приведенные документы, борьба горцев была в буквальном смысле борьбой за существование.

Народам Дагестана оставалось на выбор — голодная смерть или решительная борьба со своими притеснителями не на жизнь, а на смерть.

Об этом говорит, например, письмо ряда обществ Дагестана царским властям: «Вы же всегда разоряли имущество наше, жгли деревни и перехватывали людей наших... но притеснения эти мы противу желания носили на себе до сего времени, потому, во-первых, что не имели нужных инструментов и оружия, и, во-вторых, что между нами находились люди глупые, которые из видов своих предавались вам, ради временной пользы непостоянного света... теперь мы сговорились между собою доказать верность свою смертью против неверных»¹.

В письме даргинских обществ командованию русской армии говорится: «Войска русские пришли в Дагестан для подачи просителям помощи и через сие были построены здесь укрепления, с обложением здешних обывателей повинностями, которые жители не в состоянии были отбывать и вынуждены были прибегнуть под защиту имама Шамиля... а потому теперь народ Дагестана решительным образом приготовился действовать против русских... Наконец, теперь цель нашего желания состоит в том, чтобы вы оставили Дагестан и возвратились в Россию, мы беспрестанно и упорно будем продолжать с вами войну, до тех пор, пока живы»².

Колонизаторская военная, политическая и экономическая политика царизма привела к тому, что весь Дагестан восстал. Началась длительная война.

Идея длительной войны осадного характера первоначально нашла свое выражение в сооружении так называемых линий, представлявших цепь укрепленных пунктов. Официально они предназначались для предотвращения набегов горцев на районы, оккупированные царизмом, в действительности же они служили средством отрезать горцев от плоскости, блокировать горы и являлись опорными пунктами для продвижения царских войск в глубь гор. Проникновение в глубь гор осуществлялось посредством особых экспедиций, часто предпринимавшихся царскими войсками. Во время этих экспедиций царские войска сжигали аулы, убивали жителей, вытапывали посевы, вырубали сады.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6563, л. 4.

² Там же, лл. 6—7.

Из сказанного следует, что в основе движения горцев против феодалов и царизма лежали как внутренние социальные причины, вытекавшие из экономических и политических интересов народов Дагестана, так и нестерпимая колониальная политика. Корни движения лежат в том переплете классовых взаимоотношений, который сложился в Дагестане в начале XIX века.

Имамы, в том числе и Шамиль, являющиеся представителями узденства и духовенства, истребили в Аварии почти всех светских феодалов. Наиб Шамиля Аличулла уничтожил всех феодалов аулов Киди и Соситль, Гамзат-бек истребил феодалов Султаниловых в ауле Ругуджа¹. Кебед Магомед уничтожил телетлинских, гидатлинских и других беков и чанков. Известен факт поголовного истребления Гамзат-беком аварских ханов. Им же был казнен сын Сурхай-хана в Хунзахе². Шамилем был казнен владетель Эрпелинский, уничтожено Дженгутайское ханство.

Естественно, что большинство феодалов не были сторонниками Шамиля и выступали против движения горцев. Только Елисуйский султан Даниэль-бек, изменив царизму, выступил против России вместе с Шамилем. Но такие феодалы насчитывались единицами. Основная же масса феодалов вела борьбу с Шамилем, выслуживаясь перед царизмом и получая за это чины, подарки, земли.

Таким образом, Шамиль был выразителем интересов не феодалов, как говорили некоторые исследователи, а широких слоев горцев Дагестана. Но возникает вопрос, если движущей силой были народные массы, то можно ли утверждать, что это движение было реакционным и руководители его были англо-турецкими агентами?

Имеющиеся документы говорят об обратном. Турки не только не помогали, а наоборот, мешали участникам польского восстания проникнуть в Дагестан или оказать возможную помощь горцам. Вот что мы находим в документе: «Г. посланник наш при Порте Оттоманской в дополнение сведений, доставленных им министерству, сообщил мне, что Турецкое правительство вызвалось содействовать недопущению каких-либо кораблей к черноморским берегам и для достижения сей цели уже изготовлено Визирское предписание к Трапезондскому паше, имеющему надзор над Анатолийскими берегами; г. Бутенев, препроводив с означенного предписания перевод, присовокупляя, что Порта, в ознаменованье искреннего своего содействия предложила ему доставить оное паше через посредство нашего консульства в Трапезонде»³.

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1744, ч. II, л. 76.

² Неверовский. Об истреблении аварских ханов в 1834 г. СПб, 1848, стр. 26.

³ ЦГИА Гр. ССР, д. 11, д. 567, л. 1.

Теряется всякая логика, когда Турции приписывается заслуга в деле оказания помощи горцам Дагестана, которые были отрезаны от всего внешнего мира. Если бы даже Турция хотела оказать такую помощь, она бы не смогла это сделать, ибо для этого ей нужно было бы пройти земли Армении, Грузии, Азербайджана или с севера — земли Черкесии, адыгов, балкарцев, кабардинцев, осетин.

Другой документ не оставляет сомнения в том, что Турция не была заинтересована в оказании какой-либо помощи народам Дагестана в их борьбе против царизма. Вот что говорится в этом документе: «До сих пор турецкое правительство, связанное взаимными выгодами политического сближения своего с Россией, благоразумно удерживается от заманчивого для него вмешательства в горские интриги в Константинополе. Но если бы нашелся охотник, способный принять предводительство над враждующими там племенами, если бы при дальнейшем развитии польского вопроса Порты, склонясь на происки наших многочисленных врагов, подпала искушению облечь его в полномочие султанского посланца, если бы партия мира, истощенная внутренним бессилием, принуждена была и сама приложиться к торжествующему большинству, тогда по всей вероятности пламя восстания охватило бы все покорные нам племена и война на Кавказе могла бы принять характер упорной и истребительной борьбы, поддерживаемой внушениями и пособиями запада и для коей с нашей стороны потребовались бы невероятные усилия. Совпадение оной с политическими осложнениями по поводу польских событий могло бы придать ей еще более важный характер, если бы турецкое правительство было окончательно увлечено тройственным союзом западных держав и неприятельским флотам открылся бы свободный доступ к восточным берегам Черного моря»¹.

Нельзя не согласиться с мнением генерала Муравьева об отношении Шамиля и горцев к туркам. «При большой опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступали в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль, руководясь быть может подобными же мыслями, имел к соперникам нового рода едва ли еще не большее отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благодетели союзники, хотя бы то были единовверные ему турки, потребуют от него покорности»².

Французские историки пишут об отношении Шамиля к союзникам в период Крымской войны: «Шамиль тоже ничего не предпринял из недоверия не то к своим христианским покровителям,

¹ ЦГИА Гр. ССР, д. 416, оп. 3, д. 1093, лл. 1—5.

² Н. Муравьев. Война за Кавказ. Т. I, СПб, 1877, стр. 293.

предлагавшим ему помощь, не то к султану, духовный авторитет которого ему казался подозрительным»¹.

К. Маркс ясно определяет отношение горцев к Турции, отмечая, что «перспектива присоединения к Турции очень мало их воодушевляет»².

До сих пор не обнаружено документов, доказывающих, что Шамиль непосредственно получал помощь вооружением, солдатами или деньгами из Турции. Турецкая армия не имела возможности помочь дагестанцам, и Шамиль, видя, что Турция не оказывает ему помощи, был настроен против турецкого султана. Свидетельством этого являются показания кн. Орбелиани. «Поручик, князь Илико Орбелиани, адъютант генерала Фези, попал в плен в 1842 г. к Шамилю. Он однажды спросил Шамиля, почему бы ему не взять пример с турецкого султана и не жить в дружбе с Россией? Дагестанцы могли бы тогда извлекать выгоды из торговли с русскими, между тем спокойно бы исполняли свой шариат». Шамиль ему ответил: «Конечно, но разве ты думаешь, что султан — верный исполнитель законов Магомета, а турки — истинные магометане? Они хуже гяуров. Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы всех на двадцать четыре куска, начиная с султана. Он видит, что мы, его единоверцы, ведем столько лет борьбу с русскими за бога и за веру, что же он нам не помогает»³.

Шамиль не только не англо-турецкий агент, но и из имеющихся документов вытекает, что он не оказывал в период Крымской войны прямой или косвенной помощи англо-турецким войскам. В правящих кругах Англии ослабление военных действий со стороны Шамиля в период Крымской войны истолковывалось чуть ли не как предательство. В речи, произнесенной в парламенте 5 мая 1856 года, лорд Кларендон, жалуясь на пассивность, проявленную Шамилем и его соратниками во время войны, ссылался на то, что «Шамиль не обнаружил во время войны никакого желания примкнуть к союзникам»⁴.

О неприязненном отношении горцев северо-восточного Кавказа к турецкому владычеству знал даже такой их притеснитель, как Николай I. Рассматривая обстановку на Кавказе перед предстоящей войной, царь считал, что «лучше всего было бы с главными силами направиться на Дагестан и Баку и здесь создать важнейший узел обороны, в надежде также и на антипатию, которая существует между населением Дагестана и турками».

После так называемого ермоловского «замирения» начинается настоящая война, в которой на одной стороне с царизмом высту-

¹ Лависс и Рамбо. История XIX в. Перев. с французского. М. 1938, т. 6, стр. 99—100.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 524—525.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6478, л. 94 — об. Показание, данное Орбелиани после его освобождения из плена.

⁴ Е. В. Тарле. Крымская война, т. II. Изд. 2, 1950, стр. 577.

пают ханы и беки Дагестана, а на другой — основные массы народа. Узденство выдвигает трех имамов Дагестана — Кази-Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля, с именами которых связана ожесточенная борьба за независимость против помещичье-дворянской России. Все три имама выступали за социальное и национальное освобождение под лозунгом торжества шариата, за газават.

Религиозная оболочка объединила широкие массы крестьянства Дагестана. И народ выступил как главная движущая сила в борьбе против ханов и беков, против царизма.

В 1824 году Кази-Магомед объявил «газават», т. е. священную войну против неверных. В 1825 году к нему присоединилась Чечня.

Однако его успехи были кратковременны. После освобождения северного Дагестана Кази-Магомед под напором превосходящих сил противника был загнан в глубь гор. В 1832 году в битве при сел. Гимры имам Кази-Магомед был убит.

Вторым имамом был Гамзат-бек. Этот факт показывает, что бекские группы пытаются захватить руководство движением в свои руки и направить его в своих корыстных целях. Гамзат-бек держался в звании имама полтора года.

Наконец, на политическую арену выступает Шамиль. Он возглавлял борьбу горцев против местных феодалов и царских колонизаторов в течение 25 лет. Шамиль понимал, что война горцев за свою независимость только начинается и продлится долго, ибо царские генералы двинули на Аварию многочисленную армию, и что для объединения горцев необходимы политические и экономические реформы, соответствующие интересам народа. Учитывая все это, Шамиль создал общественную организацию народов Дагестана в соответствии с требованиями обстановки.

Высшая форма организации горцев проявилась в шамилевской военно-теократической системе. В основу этой системы легли интересы военной обороны.

Шамиль сосредоточил в своих руках всю гражданскую и военную власть. Важнейшие военные, экономические, административные вопросы разрешались главным советом государства Шамиля — диван-ханой. Проводилась полная централизация государственного аппарата. Экономической базой, закреплявшей единство государства, служила финансовая и налоговая система, узаконенная шариатом. Арабский язык и арабская письменность заменили пестроту языков и были признаны общегосударственным языком и письменностью.

С созданием военно-теократического государства Шамиль разделил подвластную территорию на округа, во главе которых поставил наибов. Округа делились на участки. Власть в аулах осуществляли выборные старшины. В целях устранения произвола со стороны наибов, муфтиев и кадиев Шамиль издал кодекс

законов — низам, одобренный диван-ханой, который устанавливал единые законы для всей территории имамата.

Закон строго наказывал за воровство, уклонение от военной службы и предательство, уравнивал права наследства для всех детей, регулировал брачные отношения и калым, наносил сокрушительный удар по обычаю кровной мести, искоренял административно-судебную власть ханов, беков и их привилегии (как политические, так и экономические). Шамиль создал государственную казну, организовал централизованную армию, численность которой доходила до 60 тысяч человек. Вместе с тем он организовал во всех наибствах ополчение, налажил производство огнестрельного оружия.

Борьба за национальную независимость объединила горцев в централизованное военно-теократическое государство. Это, разумеется, еще не означает, что государство Шамиля приемлемо для всех народов Дагестана. Однако организационные мероприятия, проведенные Шамилем по сплочению народа и созданию государства для защиты от колониального порабощения, по своей значимости являются величественными и достойными восхищения.

В этой борьбе было выковано новое оружие — мюридизм, который сыграл огромную роль в судьбах Дагестана.

В противовес официальной религии, закреплявшей существующий порядок, уже с XVII в. в Дагестане получают широкое развитие мусульманские секты, которые вели своих последователей по пути фанатического аскетизма, а аскетизм, по словам Ф. Энгельса, «характерен не только для всех восстаний средневековья с религиозной окраской, но и для начала всякого пролетарского движения новейшего времени, эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех радостей жизни, с одной стороны, выдвигает против господствующих классов принцип спартанского равенства, а с другой — есть необходимая переходная ступень, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Чтобы развить свою революционную энергию, чтобы выяснить самому себе свое враждебное отношение ко всем другим элементам общества, чтобы объединиться, как класс, — этот слой должен начать с отречения от всего, что еще может примирить его с существующим общественным строем»¹.

Лозунгом защиты шарната мюридизм прикрывал главную цель — политическую борьбу против русского царизма.

Таким образом, к началу 30-х годов складывается, примерно, следующая расстановка сил. Против царизма выступают проповедники мюридизма как хранители «священных идей» ислама, узденская верхушка, пытающаяся отменить привилегии ханов и

¹ Коммунистический манифест. Изд. Коммунистич. академии. Примечание к главе 3-й, стр. 192.

беков, узденская масса, недовольная политикой царизма, жестокостью ее администрации, усилением феодальной реакции и стремившаяся к освобождению от феодального гнета.

Знаменем, объединившим все группы, участвовавшие в движении, был лозунг религиозной независимости. Это и дало всей борьбе ярко религиозную окраску. Как указывал В. И. Ленин, «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития»¹.

Внутренних социально-политических предпосылок для выступления масс было достаточно. Но кроме того, политическое положение в крае обострялось царскими властями и лакействующими перед ними местными владетелями. В одном из писем Шамиля генералу Розену говорилось, что «войска Койсубуюн, Гумбет, Апдалал, Нусал, Баголал, Чамалал и другие войска от чистого сердца признают и принимают мусульманскую веру, беря на себя ее законы. Все они будут мириться вместе и бороться вместе. И они разгромляют аулы, которые отделяются из их среды. Поэтому нет для вас пользы в ведении переговоров с вашей стороны с жителями одного или двух аулов. Если вы захотели мир и согласие с нами, то мы хотим иметь его с вами. Поэтому заключайте мир со всеми по-хорошему, без обмана и коварства. Если же вы хотите войну, то знайте, что мы мужчины, которые не отказываются от войны. И раньше мы с вами находились в согласии мира и заключили перемирие с вами. Потом вы нарушили (мир) тем, что вы выступали против нас неоднократно. Поэтому виноваты вы, а не мы»².

Известно, что дагестанские мюриды разделялись на два ряда: мюридов наибских и мюридов по тарикату. Первые, как порождение газавата, исчезли вместе с газаватом и званием имама. Но мюриды по тарикату существовали и в дальнейшем. Слово «мюрид» в тесном смысле значит — «искатель правильной дороги», а в смысле общем — «ученик, желающий учиться».

Мюридом по тарикату и мюридом наибским мог сделаться всякий желающий, без различия возраста (с 15 лет) и состояния. Желающий получить это звание должен был явиться к известному преподавателю тариката муршиду. Объявив ему желание «искать правильную дорогу», желающий получал указание — какие книги следует читать и на какие места в них нужно обращать особое внимание. Сверх того ему давали наставление — как должен держать себя человек, желающий идти по стопам пророка и удостоиться блаженства в будущей жизни, отказавшись от приманок настоящей.

Затем будущий мюрид отправлялся к себе домой, или же оставался в той деревне, где проживал избранный им наставник

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 223.

² Рук. фонд ИИЯЛ. Письма Шамиля, папка 32, конов. 3.

(но во всяком случае на собственном своем иждивении). С этой минуты он принимал название мюрида и предавался изучению тариката, устрняя от себя всякие житейские заботы.

Мюриды по тарикату пользовались в стране большим уважением и влиянием и легко разжигали фанатизм.

Учение тариката отнюдь не было опасно для спокойствия народов; оно было скорее способно сохранить мир, нежели возбудить войну, потому что последователи этого учения являлись скорее монахами, чем воинами. Доказательством этого служат его требования, во всем сходные с монашеским обетом: как можно меньше говорить, ушам и глазам воли не давать, как можно меньше есть, как можно меньше спать и как можно больше молиться богу.

Достигнув «совершенства», человек освобождается от всех уз, соединяющих его с миром. Поэтому в тарикате ни одного слова не говорится про газават. Напротив, он строго предписывает своим последователям удаляться от всего, что напоминает войну; так что мусульманин, выразивший желание принять учение тариката, тем самым заявлял о своем отвращении к войне.

Совсем другого рода человеком был наибский мюрид. Все познания его в книжной мудрости ограничивались чтением корана, все его достоинства заключались в отсутствии физических недостатков, препятствующих владению оружием. За свою службу при наибе мюрид получал от него все, что необходимо для существования и для участия в войне. Иногда наибы содержали и всю семью мюрида. У самого Шамиля это было всегдашним правилом¹.

Наибские мюриды появились при Шамиле — при прежних имамах их не было. Шамиля побудила создать этот институт необходимость иметь в своем распоряжении верных людей для безотлагательного выполнения различных мероприятий, связанных с исключительным положением страны.

В силу сложившейся внешнеполитической обстановки ранее разрозненные, враждовавшие между собою горские племена, слившись как ручейки в могучий поток, объединились и под знаменем независимости выступили во главе с Шамилем против царизма.

После битв при Телетле, где генерал Фези и Шамиль не достигли ни стратегических, ни тактических успехов, после аргванинских и ашильтинских боев 1837—38 гг., в которых Шамиль одержал блестящую победу над генералом Клюки-фон-Клюгенау, войска Шамиля терпели поражение за поражением. В 1839 году Шамиль вынужден был укрепиться в Ахульго.

---

¹ На иждивении Шамиля жили 132 мюрида, составлявших постоянную его стражу, семейства некоторых наибских мюридов, множество нищих и увечных горцев с их семействами и все беглые солдаты, проживавшие в Ведено, всего до 2000 душ.

Штурм Ахульго — это блестящая страница мужества русской армии и дагестанцев. Беспощадная смерть свирепствовала на этом небольшом клочке земли, как бы спеша уничтожить все живое. Даже в кровавых летописях Кавказской войны бой при Ахульго считается одним из кровопролитнейших. Осада Ахульго, продолжавшаяся 80 дней, с 12 июня по 30 августа 1839 года, стоила царским войскам больших жертв — было убито 1722 человека, ранено 500, контужено 697 человек. Горцы потеряли убитыми 1000 человек, в плен было взято 900 человек, большей частью женщин, детей и стариков.

Что касается Шамиля, то обороной Ахульго, умелым расположением укреплений, способностью в самые критические моменты воодушевлять упавшие духом войска он показал, какой большой военный талант таился в этом горце. Не имея понятия о тактике и стратегии, как о науках, он создавал замечательные укрепления и долго отсиживался в них со своими частями, оборонялся от лучших по тогдашнему времени регулярных войск.

После падения Ахульго борьба продолжалась с еще большим упорством. Разбитый в одном месте, Шамиль быстро формировал новые части и бросался навстречу царским войскам. После страшных поражений, когда, казалось, все было кончено и оставалось только сложить оружие, армия Шамиля вдруг переходила в наступление и в свою очередь наносила тяжелые поражения царским войскам. Так было, например, в 1843—1844 гг., когда она взяла целый ряд русских укреплений и заставила царские войска на некоторое время очистить Дагестан.

В связи с этим царские генералы изменили свою тактику. Тактика осады, блокады была ими оставлена и заменена методом карательных экспедиций, иногда достигавших огромных размеров по количеству войск, но никогда не достигавших цели — покорения горцев. Карательные отряды входили в горы, совершали набеги, грабили, разоряли, жгли и разрушали аулы, оставленные населением. Но кроме жгучей ненависти и озлобления царизм и его генералы ничего не добивались. Наоборот, своим изуверством они еще больше ожесточали горцев и принуждали их к отчаянному сопротивлению.

Развернулась жестокая, кровопролитная война малочисленного, слабо вооруженного народа против огромной царской армии. В этой войне, в 1840—1851 гг., горцы добились блестящих успехов. «После взятия Ахульго, — пишет современник, — власть Шамиля заметно усилилась. Этот кровавый штурм только на самое короткое время остановил его деятельность. Затем последовало восстание Чечни, две неудачные экспедиции генерала Граббе в 1842 г., смерть Ахмед-хана, одного из последних представителей самодержавной власти в Дагестане, потеря нами укреплений в Аварии, восстание этой страны и Акуши, вторжение Шамиля в шамхальство Тарковское, бездеятельность нашего отряда в Темир-Хан-Шуре, измена и побег к Шамилю Даниэль-Сул-

тана... нелепая военная прогулка в 1844 г., все эти события считались и у нас, и у туземцев победами Шамиля. Мы были деморализованы и стыдились своего бессилия. Все желали и сознавали необходимость перемены, которая положила бы конец горестному настроению умов»¹.

Шамиль и его войска действовали настолько стремительно, что царские генералы и их части были деморализованы и отступали повсеместно. Многотысячная, прекрасно вооруженная царская армия была вынуждена откатиться к берегам Каспия и за Терек.

Получив в 1842 г. внушительное подкрепление, царские генералы решили сосредоточить сильный кулак на решающих участках и повести наступление в глубь гор. При этом «обыкновенное и самое чувствительное наказание», которому подвергались горцы, «было уничтожение их многолюдных аулов, истребление полей и отбитие скота»². Но теперь царские генералы сочли нужным прибавить к этому разгром живой силы горцев путем массивного удара в главных направлениях.

Не достигнув успеха в Дагестане, генерал Граббе решил перенести главные силы в район Ичкерии и, прорвавшись в горы, совершить глубокий рейд в обход внутреннего Дагестана с тем, чтобы внезапным ударом захватить северный Дагестан. Граббе утверждал: «Наступательные действия в Дагестане должны быть первым средством, чтобы смирить племена независимые и заставить их признать нашу власть... Первою целью наступательных наших действий в Дагестане должно быть восстановление спокойствия между племенами, которые уже были нам покорны и где обнаружилось теперь не только общее волнение, но и явное неповиновение... прочное утверждение наше в горах должно начать с их же стран, владычество над которыми доставит нам наиболее пользы». Вытекавший из этого замысла план действий Петербургом был одобрен. «Государь император, одоблив общий план военных действий для покорения Кавказа, изволил объявить высочайшую волю, чтобы в нынешнем 1842 году главные усилия наши были направлены на усмирение Дагестана, первоначально посредством сильных наступательных действий»³.

22 мая 1842 года войска под командованием генерала Граббе выступили из Амир-Аджи-Юрта. Однако действия горцев на этом участке парализовали противника и он с большими потерями 2 июня вынужден был отступить на исходные позиции.

Отступление царских войск из Ичкерии и поражение их в среднем и южном Дагестане произвело на находившегося в этот момент на Кавказе военного министра Чернышева такое впечат-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 60, лл. 1—8.

² Там же, д. 61, лл. 1—23.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 61, лл. 1—23.

ление, что он добился приказа о временной приостановке новых экспедиций.

Растерявшееся царское командование ничего не предприняло для того, чтобы сконцентрировать разбросанные по мелким укреплениям силы. Этим с большим искусством воспользовался Шамиль. В 1843 году большинство отрядов царских войск, расположенных в различных укреплениях, погибло. Горцы взяли 6 укреплений, захватили 12 орудий, 400 снарядов, 250 тыс. патронов.

Царь назначил главнокомандующим войсками Кавказа М. С. Воронцова, дав ему директиву: «Разбить, буде можно, скопище Шамиля, проникнув в центр его владычества, и в нем утвердиться». Воронцов принял меры, чтобы действительно проникнуть в глубь гор, разбить Шамиля и завладеть Дагестаном.

В 1845 году с отрядом в 25.000 человек, при 46 орудиях, Воронцов предпринимает Даргинскую экспедицию. Ему удалось дойти до Дарго, не встречая серьезного сопротивления, но когда пустой и зажженный самими горцами аул был занят Воронцовым, армия, окруженная горцами и отрезанная от продовольственной базы, оказалась в ловушке. Попытка подвести продовольствие под сильной охраной потерпела крах и лишь ослабила армию. При отступлении Воронцов потерял больше половины людского состава и все снаряжение.

Укрепив свою власть в Дагестане и Чечне, после ряда блестящих военных успехов, Шамиль в 1846 г. прорывается через Сунженскую линию и с большим отрядом появляется в Кабарде. Шамиль пытается расширить базу восстания, распространив его на центральный Кавказ. Однако Шамилю не удается реализовать эту идею. Кабардинские князья, прочно связанные с царизмом, сумели удержать крестьян от восстания.

Царизм упорно старался проникнуть в горы. Однако он наталкивался на серьезное сопротивление. В 1847 г. Воронцов прорвался в Аварию, осадил Гергебиль, но после неудачного, чрезвычайно кровопролитного штурма вынужден был отступить. Борьба, развернувшаяся в 1849 г. у укрепленного аула Чох, также закончилась поражением царских войск.

В 1850 году Шамиль проводит два похода в Табасаран: первый под руководством Хаджи-Мурада, погнавшего за добычей и из-за этого восстановившего против себя население; второй — Бук-Мухамеда, потерпевшего большое поражение у аула Шеляги.

В 1851—1852 гг. Шамиль ведет борьбу с царскими войсками как в Дагестане, так и в Чечне. Несмотря на упорное сопротивление Шамиля, Барятинский прошел через всю Чечню к Кюринскому укреплению. Шамиль пытался удержать за собой Чечню, внезапно появляясь то в районе Владикавказа, то в Грозненском. При этом ему удалось нанести поражение одному из царских отрядов у аула Гурдали.

В дальнейшем борьба завязалась в районе Мичика — последнего опорного пункта Шамиля в Чечне. В 1853 году на реке Мичик произошло крупное сражение с армией Барятинского. Обходное движение царских войск решило судьбу сражения, и горцы отступили с большими потерями.

После этого поражения Шамиль был вынужден собирать новые силы. Летом 1854 года Шамиль спустился в Кахетию и был здесь разгромлен.

После окончания Крымской войны против горцев была выдвинута большая армия, оснащенная новейшим вооружением. С 1856 года наступление на горцев велось с трех сторон: Чечни, прикаспийской части Дагестана и с запада — со стороны Грузии. Уже в 1857 г., после того, как огромная просека прорезала Чечню, чеченцы перестали слушать наивов Шамиля. В 1857—58 гг. генералом Евдокимовым был нанесен горцам сильнейший удар. После потери Шалпинского укрепления и Шатойской долины чеченцы вынуждены были отойти от Шамиля.

В 1858 году царские войска под командованием барона Врангеля предприняли наступление в глубь гор и со стороны прикаспийской части Дагестана.

Уже с апреля 1859 года Шамилю больше не удавалось собрать сколько-нибудь значительные контингенты войск. Даниэльбек, Кибит-Магома и другие наивы изменяют ему и с подвластными им селениями переходят на сторону царских войск.

В июле 1859 года 400 мюридов во главе с Шамилем отступили в глубь горного Дагестана и укрепили Гуниб. Однако штурм царских войск закончился тем, что 25 августа 1859 года Шамиль вынужден был сдаться в плен.

В ходе всех этих событий религиозное учение мюридизма вплелось в идею антикрепостнической и национально-освободительной войны, мюридизм стал религиозной оболочкой движения. Но за этой оболочкой ясно видна истинная классовая и национальная сущность движения. С этой точки зрения борьба Шамиля была справедливой, и его движение по своей социальной сущности являлось прогрессивным. Это была прежде всего крестьянская, антифеодалная война, переросшая в борьбу народа за свою свободу и независимость. Но, делая такой вывод, мы допустили бы ошибку, если бы тут же не указали на реакционные черты, которые порождались мюридизмом как религиозной идеологией.

Как известно, ислам разбивает все народы на правоверных и неправовверных. «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство, — писал Маркс и Энгельс, — сводят географию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный — это «гяур», это — враг. Ислам прокликает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и невер-

ными»¹. Таким образом, мюридизм и его учение презели к изоляции и обособленности горцев от освободительной борьбы других народов России и прежде всего русского народа.

К концу движения наблюдается упадок имамата, что выразилось в первую очередь в усилении внутренней борьбы. Беспощадно подавив ханско-бекские группы, Шамиль в то же время создал новый привилегированный слой. Предоставление хозяйственных, политических и административных льгот и преимущества фактически и юридически превращало наибов, видных узденей и духовных вождей в новую аристократию, от которой не только политически, но и экономически зависели широкие массы горского крестьянства. Постепенно разлагаясь, эта аристократия превратилась в эксплуататорскую касту, угнетавшую население. В частности, с особой силой развернулась мобилизация земельной собственности, выразившаяся прежде всего в разграблении общинных земель богатыми слоями. При этом наибы нередко сами организовывали это разграбление.

В последние годы движения видна была усталость трудящихся масс. В горах не стало ни хлеба, ни соли, начался страшный голод. Трудящиеся Дагестана постепенно осознали, что мюриды подвергают их гнету и усиливали свое сопротивление этому. Из года в год увеличивалось количество горцев, которые в дагестанских полках и милиции принимали участие в боях против войск Шамиля.

Шамиль учреждает особую группу для проверки дел на местах, принимает меры к упорядочению пошатнувшегося положения имамата. Комиссия работала долго, представила свои выводы имаму, и имам Дагестана обратился к населению со следующим письмом:

«1. Имам приказал штрафовать лиц, осмелившихся оскорблять словом или действием (прикосновением) чужих жен, также лиц, которые не выходили на фронт, лиц, занимавшихся кражами и чтобы имущество, взысканное в качестве штрафа, передавалось бы в распоряжение общества. Однако наибы в этом ослушались.

Наибы и муфтии натравливают согников (нусил батІрул) на общество и отдельных лиц. Они их пугают тайными и открытыми действиями. Поэтому вся политика (сиясот) перешла в их руки. Разве это не считается в религии большой бедой, что нужно предотвратить.

2. Имам приказал все дела вести по шарияту. Они (наибы) нарушали шарият очень часто, оправдываясь тем, что это лично исходит от имама.

3. Имам приказал всем тем, кто может работать, выступить на войну, не различая наибов, алимов, а также командиров. Такое выступление имам сделал обязательным. Они (наибы и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 6.

верхушка) и этому ослушались. Тайно давали взятки и поступали так, как они желают.

4. Имам приказал у тех богатых людей, которые стары и больны и не могут выступить на войну, взимать два рубля, с бедных полтинник. Они (наибы и старшины) не исполняли и этот приказ. У богатых они взыскивали не более полтинника, взыскивали и с богатых и с бедных одинаково, а также и с тех, которые могли выйти на войну.

5. В общественном имуществе есть доля для тех, которые находятся на войне, и для тех, которые должны отправиться на войну, но они (т. е. наибы, муфтии, кадии, старшины) им эту долю не давали, невзирая на то, какие бы бедные они не были. Наоборот, под предлогом разных штрафов отбирали имущество у них. Это является обложение людей налогом, которого фактически нет и не может быть в имаматстве.

6. Имам запретил наibaм заставлять людей собирать и таскать для личного пользования дрова и сено, а также не вводить повинность и по очереди выставлять лично для наiba ослов и лошадей, также не налагать на сельское население то, что для него является тяжелым. Но эти явления распространены в аулах округов. Занимаются этими делами, согласно наставлению наibов, сотники (нусил бетер). Этим самым они ослушались имама и нарушили шариат.

7. Они заставляют некоторых людей служить лично им так же, как это делали ханы. Они этих людей освобождают от общественных дел за то, что обслуживают их лично.

8. Зла много. От злодеяний, которых совершали они, я чист. Я не враждебен по отношению к населению... Я не участник тех, которые совершают насилие»¹.

Вслед за этим письмом Шамиль отстраняет многих наibов, сажает их в тюрьмы, принимает энергичные меры против новоявленных угнетателей. Известно, что с 1850 года Шамиль заменил 65% наibов. Но эти меры не дали ощутимых результатов. Усталость от многолетней войны, разруха, голод, свирепствовавшие болезни, гибель боеспособных людей привели к падению имамата. Установлено, что с 1818 по 1859 гг. число погибших, раненных и изувеченных мужчин в Дагестане составляло более 45% всего мужского населения.

Поражения царских войск в 1851—1852 гг. не создало объективных предпосылок к расширению территории восстания. Это и понятно. Имамат, государство, созданное в процессе крестьянского восстания, должен был пойти навстречу интересам крестьянских масс. Шамилем были проведены реформы, отменяющие крестьянские повинности феодалам. Было провозглашено равенство, было ликвидировано сословное деление. Но в этих реформах было обойдено многое, что могло нарушить интересы эксп-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ. Письма Шамиля, папка 32, конв. 2.

луататорской верхушки узденей. В этой войне зажиточная часть узденей обогащалась и укрепляла свои хозяйства, в то время как тяжесть войны падала на плечи трудящихся горцев. Военная добыча не доставляла средств, нужных для покрытия всех военных расходов. Поэтому были установлены большие военные налоги.

В то же время был прекращен доступ продовольствия, и народ голодал. Царские же войска непрерывно получали свежее пополнение, усовершенствованное оружие, провиант. Против четырехсот горцев на Гунибе наступала многотысячная царская армия.

Не видя выхода из создавшегося положения, горцы вынуждены были прекратить борьбу.

Борьба горцев высоко оценивалась революционными демократами Чернышевским и Добролюбовым. Перед горцами преклонялись гении русского народа — Пушкин, Лермонтов, Толстой. Великий Маркс писал: «Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений. Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие остаться свободными»¹. Борьбу горцев под руководством Шамиля считали прогрессивной ученики Лепина — Фрунзе, Киров и др.

М. В. Фрунзе в одной из своих военно-исторических работ, сравнивая вождя алжирского народа Абд-эль-Кадира с Шамилем, писал, что Абд-эль-Кадир — это «одна из крупнейших мусульманских фигур прошлого столетия. По своим военным дарованиям, неукротимой энергии, железной воле и влиянию на массы он смело может стать рядом со своим современником и борцом за те же цели — кавказским Шамилем»².

Борьба горцев за свою независимость не была узконациональным явлением. Она не ограничивалась узкими географическими границами одного только Дагестана и Чечни. Эта война приобретала исключительное значение как героический пример борьбы горстки людей, умеющих защищать свою свободу и независимость от колониального поработителя — крепостнической России, которая не снискала себе любовь и у других свободолюбивых народов Европы. Война горцев Северного Кавказа за свою независимость оказывала влияние и на другие окраины царской России, народы которых поднимались на борьбу. Под влиянием борьбы народов Дагестана, Чечни и западного Кавказа выступили против колонизаторов и отдельные народы Востока.

Алжирский народ, который с восхищением следил за героической борьбой горцев, восстал под руководством Абд-эль-Кадира против французского господства.

---

¹ Коммунистический манифест. М. 1930, стр. 235—237.

² М. В. Фрунзе. Европейские цивилизаторы и Марокко. Примеч. к стр. 250. Избранные произведения. М. 1934.

В те годы, когда горцы Дагестана, Чечни и западного Кавказа вели отчаянную борьбу против царских войск, происходит польское восстание, которое было подавлено Россией. Польские революционеры, желая победы горцев Кавказа над царизмом, организовали в Константинополе комитет, который стремился оказать помощь дагестанцам. Русский посланник в Константинополе писал, что «существуют сношения между некоторыми польскими агитаторами и дагестанцами»¹. В другом донесении говорится, что «здесь под влиянием происков польских эмигрантов, кавказский вопрос все более и более привлекает на себя общественное внимание Европы и становится орудием враждебной нам политической пропаганды»².

Как известно, польское восстание совпало с героическим восстанием горцев Дагестана. В результате польского восстания и восстания горцев положение царизма резко поколебалось, морально оно было убито революционной Европой.

Все это говорит о том, что война горцев Кавказа не была узко локальным явлением. Эта война расшатала устои самодержавия на Кавказе; она эхом отозвалась среди свободолюбивых народов мира, которые также вели освободительную войну за свою независимость против поработителей и колонизаторов.

Однако, говоря о колониальной политике царизма и борьбе горцев против завоевателей, нельзя отождествлять русский народ с реакционным русским царизмом. Были две России — Россия угнетателей и Россия угнетенных. Угнетали, истребляли угнетенных и против этих угнетателей были направлены слова Шамиля: «Любите свободу, как мать родную, и жизнь ваша будет вечно прекрасной. Пусть золото и богатство вас не манят, побольше любите ущелья гор седых. Боритесь за свободу, защищайте ее. Без нее для вас, бедных горцев, нет жизни».

Борьбу горцев Дагестана под руководством Шамиля нужно рассматривать, как национально-освободительную, прогрессивную борьбу против колониальных завоевателей в лице реакционного царизма и его дворянской верхушки. В то же время не следует забывать, что объективно присоединение Дагестана к России сблизило народы Дагестана с русским народом; он помог их экономическому и культурному возрождению. Русская экономика и культура приобщили народы Дагестана к цивилизации, в крае создавались школы и больницы, а также общегосударственные правовые институты, объединявшие все народности в одно целое. Появилась интеллигенция, которая воспитывалась на демократических и революционных традициях русского народа.

Независимо от целей и желаний царизма вхождение многочисленных народов Дагестана в состав сильного централизованного русского государства имело для них огромное прогрессив-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1122, л. 1.

² Там же, д. 1093, лл. 1—5.

ное значение. Вопреки реакционной, великодержавно-шовинистической политике царизма трудолюбивый, гуманный, великодушный русский народ сыграл прогрессивную роль в дальнейшем экономическом, политическом и культурном развитии народов Дагестана.

Благодаря присоединению к русскому государству судьбы народов Дагестана слились воедино с судьбой России, с судьбой русского народа. Соединившись с ним в рамках единого Российского государства, народы Дагестана были спасены от порабощения иноземными захватчиками. Благодаря присоединению к Российскому государству народы Дагестана обрели в лице русского народа и его передового отряда — революционного русского пролетариата — великого союзника, верного друга, защитника и руководителя в борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАН В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

§ 1. ЛИКВИДАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ХАНОВ И БЕКОВ
ОБРАЗОВАНИЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1856 году царю было представлено несколько проектов по вопросу управления покоренными народами Кавказа. Одобрение царя получил проект будущего наместника на Кавказе А. И. Бярятинского. По этому проекту Кавказ делился на большие военные отделы, начальникам которых предоставлялись широкие права и большая самостоятельность.

Идеи Бярятинского получили свое выражение в Положении о Кавказской армии, утвержденном 1 апреля 1858 года, в котором имелся раздел об управлении горскими народами, не вошедшими в сферу гражданского управления. Это явилось первым официальным документом о так называемом военно-народном управлении.

Особый орган управления кавказскими горцами был учрежден 19 июня 1860 г. при главном штабе Кавказской армии под названием Канцелярии по управлению кавказскими горцами. В 1865 году эта канцелярия была преобразована сначала в Кавказское горское управление, а затем в Кавказское военно-народное управление. В 1883 г. был учрежден новый орган управления — Канцелярия главнокомандующего по военно-народному управлению Кавказского края. В 1905 г., в связи с восстановлением власти наместника на Кавказе, эта канцелярия была переименована в Канцелярию наместника на Кавказе по военно-народному управлению. Она была ликвидирована только в феврале 1917 г.

В Дагестане действовало специальное Положение, утвержденное в 1860 г. под названием «Положения об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». В Дагестанскую область входил бывший Прикаспийский край без Кубинского уезда и весь горный Дагестан. Область была разбита на четыре военных отдела (Северный Дагестан, Средний Дагестан, Южный Дагестан и Верхний Дагестан).

В Северном Дагестане имелось 4 управления: 1) Даргинский округ с Сюргинским обществом; 2) владение шамхала Тарковского; 3) ханство Мехтулинское; 4) наибство Присулакское, которое состояло из присулакских и других селений, не входивших в состав округов и ханских управлений.

Южный Дагестан делился на 3 управления: 1) Кайтаго-Табасаранский округ; 2) ханство Кюринское; 3) Самурский округ, включавший горные магалы, т. е. верховья Самура.

Средний Дагестан подразделялся на 4 управления: 1) Гунибский округ, куда входили территории нынешних Гунибского, Чародинского, Гергебильского, Унцукульского и части Кахибского районов; 2) Казикумухский округ; 3) ханство Аварское; 4) территория нынешних Ахвахского и Цумадинского районов.

Верхний Дагестан состоял из Бежтинского округа, куда входила территория нынешнего Тляратинского района, Келебского общества и Цунтинского района.

Управление Дагестанской областью делилось на военное и гражданское. Первое подразделялось на: а) управление войсками, б) управление туземным населением на особых правах, в) управление ханское. Гражданскими управлениями являлись Дербентское градоначальство и управление городом Петровском. Как гражданские, так и военные управления подчинялись начальнику Дагестанской области. Он же был командующим войсками Дагестанской области, действовавшим на правах командира корпуса, а по гражданскому управлению — на правах генерал-губернатора во внутренних губерниях. По управлению местным населением он действовал на основании особого положения. Для производства дел по всем частям управления начальник области имел при себе штаб командующего войсками и канцелярию, которая состояла из двух отделов: по гражданскому управлению и по управлению местным населением.

Во главе военных отделов стояли начальники. В их ведение входили округа, которые управлялись окружными начальниками, владение Тарковское, управляемое шамхалом, ханства, управляемые ханами, и отдельное Присулакское наибство, управляемое наибом. Ханства и владение Тарковское состояли в ведении начальников военных отделов только в военном отношении. Военный начальник Верхнего Дагестана подчинялся непосредственно наместнику. Гунибский и Бежтинский округа состояли в непосредственном управлении военных начальников.

Округа подразделялись на наибства, во главе которых стояли назначенные наибы. В Кайтаго-Табасаранском округе были оставлены правители: в Кайтаге один, в Северном и Южном Табасаране по одному. В Даргинском округе было сохранено прежнее деление на общества, которыми управляли в качестве наибов кадии, назначаемые правительством из фамилий, управлявших этими обществами. Жители Дербентского градоначальства и города Петровска управлялись по общим законам импе-

рии, с некоторыми исключениями, сделанными для Закавказья. Остальное население Дагестана, которое состояло в военно-народном управлении и под управлением ханов, управлялось по народным обычаям и особым постановлениям.

Судопроизводство в Дагестане осуществлялось: 1. По военно-уголовным законам — в комиссиях уголовного суда. 2. По общим законам империи — в Дагестанском областном суде. 3. По адату и шариату и по особым правилам, расширявшимся по мере развития общественной жизни и судебной практики, — в так называемом Дагестанском народном суде и горских словесных судах. «Народный» суд даже по форме не являлся народным, так как состав его назначался командующим войсками области из эксплуататорских элементов. Из таких же лиц состояли созданные при феодальных владетелях и при Присулакском наместничестве словесные суды.

Председателем Дагестанского «народного» суда являлся помощник военного губернатора. Решения «народного» суда утверждались начальником области. От него зависело утвердить определение суда или представить его со своим заключением на рассмотрение главнокомандующего Кавказской армией.

Окружные «народные» суды состояли из представителей богатой верхушки от каждого наместничества и одного кадия. Они рассматривали дела, возникшие по гражданским спорам и тяжбам всякого рода, по воровству, ссорам, дракам, увозу женщин, хотя бы они имели последствием увечье или даже смерть. Дела между мужем и женой, родителями и детьми, а также дела по религиозным вопросам окружной суд решал по шариату, а все остальные по адату.

Дела об измене, возмущении против правительства и поставленных им властей, явном неповиновении начальству и тяжком его оскорблении, разбое и похищении казенного имущества подлежали рассмотрению по военно-уголовным законам в комиссиях военного суда.

Командующему войсками Дагестанской области предоставлялось право применения оружия против возмущившихся и упорствующих в неповиновении жителей, право суда и наказания по военным законам политических и других преступников и высылки из области в административном порядке «вредных» и «преступных» жителей. Даже начальникам отделов и округов было предоставлено право применения оружия против жителей, не испрашивая на то разрешения.

Сельские суды состояли из кадиев и выборных сельских судей. Они рассматривали дела по ссорам и недоразумениям между супругами, родителями и детьми, воровству, обману, утайке и т. д., сумма которых не превышала 50 рублей. На приговоры сельских судов допускалась апелляция в окружной суд.

Об этих судебных учреждениях С. Эсадзе пишет: «Сложившийся веками своеобразный общественный строй жизни, запутан-

ность сословно-поземельных отношений, применение судопроизводства адата, быстрое решение судебных процессов, полное несоответствие адатных постановлений с действующими в империи законами были причинами к привлечению горских народов к представительству»¹. Невозможность создания общих судебных установлений в Дагестане Эсадзе объясняет тем, что весь административно-судебный строй в государстве был основан на крепостном праве, чуждом горскому населению².

Одним из мотивов создания суда адата являлось желание правительства как можно больше ограничить применение шариата.

«Организация этих судов, — говорит Г. Б. Гвазова, — представляющая полное смешение судебной и административной власти, не находит ни малейшего оправдания ни в теории права, ни в истории других народов»³. Решающее слово в этих судах принадлежало не «выборным депутатам», а представителям царской власти, которые направляли всю судебную деятельность горских судов. Состав судов, как указано выше, подбирался из эксплуататорской верхушки, преданной царизму, а поэтому говорить о каком-либо народном правительстве не приходится.

Для горских судов кассационных инстанций не существовало. Жалобы можно было подавать только непосредственно военным начальникам, от которых и зависел исход дела. «Результатом всего этого, — заключает Эсадзе, — была общая деморализация края. Возникло множество по существу совершенно несправедливых споров по делам поземельным, наследственным и вообще исковым. Умножилось воровство, убийство, увоз женщин»⁴.

Даже обер-прокурор сената Н. Рейнке, обследовавший деятельность горских народных судов Кавказского края, в том числе и Дагестана, писал, что такой суд деморализует, развивает сутяжничество, убивая веру в правосудие и подрывая авторитет судебной власти»⁵.

Ханская власть в Дагестане после окончания военных действий на Кавказе сделалась излишней и вскоре была ликвидирована. Одновременно с ликвидацией политической власти феодальных владетелей в Дагестане были освобождены рабы и часть зависимых крестьян. Всего получили свободу 1542 раба обоего пола, в том числе во владениях кумыкских князей—944. Часть рабов была освобождена безвозмездно, другая — за плату или с обязательством прослужить своим владельцам от 4 до 6 лет

---

¹ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907, стр. 167.

² Там же, стр. 169.

³ Г. Б. Гвазова. «Народные суды». Доклад, читанный в Кавказском юридическом обществе. Пятигорск, 1909, стр. 1.

⁴ С. Эсадзе. Указ. соч., т. I, стр. 194.

⁵ Н. Рейнке. Горские народные суды Кавказского края. СПб. 1912, стр. 18.

для того, чтобы получить окончательную свободу. В шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском было освобождено от всех податей и повинностей 4302 крестьянских двора, преимущественно узденей.

Отменив все повинности и подати, которые освобожденные крестьяне несли в пользу шамхала Тарковского, хана Мехтулинского и чанков ханского дома, и обложив их усиленным налогом, царское правительство не забыло, однако, проявить заботу о шамхале и ханах. Оно выдало феодалам единовременное пособие, увеличило размеры пожизненных пенсий, закрепило за ними большие земельные участки. Так, например, Кюрипский хан Юсуф в 1865 году, при ликвидации ханской власти, получил 4000 десятин земли и ему была назначена пенсия в размере 5000 рублей в год. Аварский хан Ибрагим с 1864 года имел 4000 руб. в год пожизненной пенсией и единовременно получил 30 000 руб. на покрытие своих долгов. Правитель Кайтага Ахмет-хан получил 1523 десятины земли и 500 руб. в год пожизненной пенсией. Табасаранские правители получили: Эльдар — 497 десятин земли и 400 руб. пенсией, Султан Ахмед-бек — 500 десятин и 400 руб. пенсией. Хан Мехтулинский Рашид получил 10 000 руб. единовременного пособия, 400 руб. пенсией и жалованье по чину. Князь Шамсутдин Тарковский получил 7000 руб. единовременного пособия и 5000 руб. потомственной пенсией. Кроме того, за ними сохранились принадлежащие им имения.

В связи с окончанием Кавказской войны, в 1864 г., наместник Кавказа обратился к народам Дагестана со специальным письмом, в котором указывал, что население Дагестана освобождается от поставки рекрут, земля и леса являются собственностью населения, исключая руду и места, отведенные крепостям, управление основывается на адате и шариате и содержится за счет государства, общества освобождается от выставления милиции, за населением признается право заниматься ремеслом и торговлей, для чего открыты дороги в Грузию, Джаро-Белоканы, Шеку, Ширван, Кубу, Дербент и прочие земли, вера, собственность и обычаи остаются неприкосновенными, исключая обычая кровной мести, который должен быть уничтожен¹.

Окончание Кавказской войны, ликвидация ханско-бекской власти, а также освобождение рабов и части зависимых крестьян объективно содействовали развитию экономики народов Дагестана. Однако политика царизма всячески тормозила это развитие. О льготах, сообщенных в обращении наместника, вскоре было позабыто. Население было обложено налогом и натуральными повинностями, собственность народа на землю и леса оспаривалась, освобождение от поставки рекрут сопровождалось взиманием военного налога и т. д.

---

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 111, л. 1.

Открытие учреждений, предусмотренных Положением об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом, и другие изменения по управлению произошли в следующие сроки: 12 июня 1860 г. был учрежден Дагестанский народный суд, 18 июня того же года образовано управление гор. Порт-Петровска, 1 июля — наибство Присулакское, 8 июля — управление Дербентского градоначальника, 18 июля — управление начальника южного отдела и округа Самурского с судом и тремя наибствами.

25 ноября 1860 г. военное министерство возбудило ходатайство о создании Дагестанской постоянной милиции и Дагестанского конно-иррегулярного полка по тем мотивам, что большинство горцев приобрело военную профессию, а поэтому надо их занять. Полк должен был состоять из 3 дивизионов, а каждый из них — из двух сотен. В состав милиции предусматривалось набрать 1287 чел. В том же году это ходатайство было удовлетворено¹.

24 июня 1861 г. из Терской области были переданы в Дагестанскую область общества Ункратль, Чамалал, Технуцал, Андия и Гумбет и образован Андийский округ с присоединением к нему Тиндальского и Хваршинского наибств Бежтинского округа.

В 1864 г. был образован Аварский округ, в 1865 г. — Кюринский округ. 29 ноября 1866 г. было утверждено Положение об управлении городом Темир-Хан-Шурой. Управление городом было возложено на городскую полицию во главе с полицмейстером, с правом разрешения споров о гражданском иске на сумму до 100 руб.

— 20 апреля 1867 г. ханские управления в Северном Дагестане были упразднены и вместо них создан Темир-Хан-Шуринский округ, который был разделен на 6 наибств. Округ подчинялся начальнику управления Северным Дагестаном, ему же подчинялся и Даргинский округ, который также делился на наибства.

В сельских местностях на основании Положения от 26 апреля 1868 г. имелись сельские старшины, их помощники, кадии и сельские судьи и джамаат (сход). Старшины, судьи и кадии утверждались в должностях, по представлению окружного начальника, начальником отдела.

Авторы Положения о сельском управлении в Дагестане руководствовались желанием полностью ликвидировать режим, установленный Шамилем, т. е. вместо господства шарииата установить господство адатов, вместо единоличной власти кадия и муллы — власть старшины, повысив его роль, как главной фигуры низового органа военно-народного управления — сельского управления. «Таким образом, — писали авторы Положения, — адаты и вытекающие из них сельское управление служат нам

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 10, д. 264, лл. 151, 160.

твердой опорой в предстоящей нам надолго еще тайной борьбе за влияние на народ с здешним мусульманским духовенством, которое не может оставаться равнодушным к тому, что влияние его на народ год от году слабеет, главнейше от того, что оно лишилось права чинить суд и расправу»¹.

По Положению о сельском управлении Тифлисской губернии от 13 октября 1864 г., которое было позаимствовано для составления Положения о сельском управлении в Дагестане, сельские старшины и их помощники выбирались на сходе, в Дагестане же они назначались. Авторы проекта писали, что ввиду большого значения сельских старшин в Дагестанской области «было бы преждевременно и опасно предоставить назначение их выбору массы населения»².

Беки и лица, получившие офицерские чины, были оставлены в составе сельских обществ, где они имели оседлость.

В связи с введением Положения о сельских управлениях, политическая власть беков, управлявших бекскими селениями, формально была ликвидирована. Однако многие чиновники округов и наибств назначались из беков, поэтому фактически сельское управление вплоть до ликвидации феодально-крепостнических отношений, т. е. до 1913 г., находилось в руках беков, которые продолжали беспощадную эксплуатацию крестьян. Сход все более и более терял свое значение. Духовенство только частично было отстранено от управления, кадий входил в состав сельского суда и ведал религиозными делами. Допущение кадия в состав управления авторы проекта объясняют нежеланием начальства создавать оппозицию правительству.

Хотя военно-народное управление в Дагестане было введено как временное мероприятие, оно сохранилось до свержения царизма. Каждый раз, когда возникал вопрос о введении гражданского управления в Дагестане, кавказская администрация находила разные причины, чтобы сохранить военно-народное управление. В отчете Кавказского наместника за 1863—1871 гг. по гражданскому управлению говорится: «Что же касается Дагестанской области, то, имея в виду, что в ней существует сплошное горское население, я не счел еще возможным прекратить в ней временный порядок управления»³.

Только 19 марта 1875 г., да и то не полностью, были распространены судебные уставы 20 ноября 1864 г. на ту территорию Дагестана, где было введено гражданское управление, с теми изъятиями, которые были предусмотрены Положением от 22 ноября 1866 г. о применении судебных уставов в Закавказском крае. 1 января 1876 г. были открыты мировые отделы в Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре. В связи с этим были

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 317, л. 39.

² Там же, л. 41.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1055, л. 16.

упразднены областной суд и прокурорский надзор. Гражданское управление Дагестана по судебной части находилось в ведении Тифлисской судебной палаты и было подчинено Бакинскому окружному суду.

12 июня 1883 г. в Дагестане вместо должности начальника области была установлена должность военного губернатора, которая просуществовала до свержения царизма. Дербентское градоначальство было упразднено. Здесь было введено упрощенное городское управление. В составе 9 округов Дагестана были организованы 42 наибства. Во главе наибства стоял наиб и при нем был один письмоводитель. По штатному расписанию в каждом округе полагалось иметь по одному врачу, одному старшему и одному младшему фельдшеру. Однако штаты эти никогда не были полностью укомплектованы, и большинство населения было лишено медицинской помощи.

25 мая 1895 г в Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре было введено городское Положение 11 июля 1892 г. При этом в Темир-Хан-Шуре было введено упрощенное городское управление во главе с городским старостой. 22 декабря 1899 г. наибства были ликвидированы и взамен их образованы участки.

Царские чиновники, вкуче с местными эксплуататорами, угнетали и притесняли трудящихся Дагестана. Взяточничество, произвол и насилие являлось характерной чертой аппарата военно-народного управления.

В 1865 г. все жители Дагестана были обложены единым налогом, который колебался от 1 руб. 50 коп. до 3 и более рублей. и земским сбором. Особенно тяжелым бременем налог лег на зависимых крестьян, которые кроме уплаты его должны были отбывать все возрасставшие повинности и подати бекам.

Из 47 селений Темир-Хан-Шурина округа 4 селения были обложены рублевым окладом на один дым, 2 селения — полутора-рублевым, 25 селений — двухрублевым и 16 селений — трехрублевым окладом. Все население Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского и Казикумухского округов было обложено окладом в 1 рубль с дыма. В Кайтаго-Табасаранском округе жители 134 селений были обложены двухрублевым окладом. Жители же 58 селений вносили земский сбор по особому, усиленному окладу. В Кюринском округе в Южно-Табасаранском наибстве с дыма взимался двухрублевым оклад, в остальных наибствах — от 50 коп. до 6 руб. 75 коп. В Самурском округе подымная подать составляла 1 руб. 50 коп., исключая 5 селений, жители которых были обложены двухрублевым окладом.

От налогов были освобождены должностные лица сельских управлений, служащие военно-народного управления, офицеры и их семейства, беки, чанки, всадники Дагестанского конного полка, прослужившие более 15 лет, и т. д. (10% всего населения).

В 1866 г. вместо воинской повинности натурой был установлен особый денежный сбор, составлявший по Дагестану 38 000 руб.

В 1887 г. крупные землевладельцы, которые не платили подымного сбора, были обложены подесятинным налогом, который составлял 3630 руб. 89 коп. Всего было обложено 198.592 дес. С I десятины земель I разряда взималось 2,75 коп., а II разряда — 1,5 коп.

По взысканию земского сбора Дагестанская область была разделена на несколько районов. Максимум земского сбора на государственные повинности составлял 2 рубля 15 коп. и на губернские повинности — 98 коп., а минимум соответственно 30 коп. и 13 коп. С фабрично-заводских и торговых помещений, находившихся в городах, взыскивался 2% сбор с оборота. С 1890 г. этот сбор взыскивался и с фабрично-заводских и торговых помещений, которые находились вне черты городов. Оставались в силе натуральные повинности (дорожная, аробная, квартирная и воинская) ¹.

В 1891 г. все виды налогов по Дагестанской области составляли 374.813 руб. 87 коп., из них подымная подать 174.420 руб. 06 коп., земские сборы: а) на государственные повинности — 85.087 руб. 90 коп., б) на губернские повинности — 44.217 руб. 06 коп., подесятинный земельный налог 8500 руб. 77 коп., военный налог с мусульман 43.714 руб. 10 коп., 2% сбор с фабрично-заводских помещений — 18.873 руб. 96 коп.

Кроме того, в ведении Управления государственными имуществами Бакинской губернии и Дагестанской области находились оброчные статьи: 21 лесная дача на 48.291 дес., 142 земельных оброчных статей, в том числе зимние и летние пастбища общей площадью 86.001 дес., 11 неземельных оброчных статей и др. С них в 1891 г. поступило 27.677 руб. 71 коп. Гербовый сбор составил 60.196 руб. 05 коп. Кроме того, солидный доход казна получала от акцизных сборов и т. п.

В 1897 г. в городах взамен подымной подати был введен государственный налог с недвижимого имущества. 12 июля 1900 г. население Дагестана было обложено вместо подымного налога государственными оброчными податями. Замена подымного налога государственными оброчными податями объяснялась тем, что земля, исключая частновладельческую, считалась государственной собственностью. Впоследствии оброчные подати были заменены земельным налогом.

Налоговый пресс царизма и различные натуральные повинности, отбываемые государству и бекам, все более и более разоряли крестьянство, увеличивали количество безземельных дворов, усиливали сельскохозяйственный и промышленный отход, обостряли классовую борьбу в деревне. Крестьяне отказывались нести повинности в пользу беков.

О своем тяжелом положении беднота сложила песню:

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 223, д. 150.

«Душу нужно — у меня и души не стало.
Кровь не хлынет у меня — и крови нет.
Нет и жены, чтоб над телом моим плакать.
Нет и сакли у меня, где бы труп обмыть.
Вот лишь бурка, — пусть она заменит саклю».

Протест крестьян против чрезмерного увеличения палогов, податей и повинностей бекам рассматривался царскими чиновниками как бунт против государства; представители бедноты подвергались суровым наказаниям.

Многочисленные волнения и возмущения крестьян, которые имели место после окончания военных действий в Дагестане, в значительной мере объясняются тяжелым колониальным гнетом царизма и местных эксплуататоров. На этой почве произошли волнения крестьян в Табасаране и к Ункратле в 1861—1862 гг., восстания крестьян в Маджалисе 5 мая 1866 г. и в Ункратле в 1871 г. Последние два восстания являлись прямым протестом против налоговой политики царизма. Наместник Кавказа в 1871 г. сообщал царю, что «в Ункратле жители сел. В. Хваршини по случаю взимания податей возмутились, убили своего наиба Хаджиява, затем двинулись вниз по Андийскому Койсу, желая распространить восстание»¹. Царизм жестоко расправился с жителями этого участка: 1500 человек было выслано из Дагестана, населенные пункты были сожжены.

Однако суровые репрессии царизма не могли остановить борьбу бедноты Дагестана против угнетателей. Реакционные элементы общества старались использовать недовольство крестьян в свою пользу.

§ 2. ВОССТАНИЕ 1877 ГОДА

Как было сказано выше, в Дагестане после присоединения его к России, под влиянием более прогрессивных форм русского хозяйства, произошли значительные экономические и социальные сдвиги. Вырос ряд отраслей промышленности, стало развиваться сельское хозяйство, расширилась торговля. Дагестан все более втягивался в общероссийский рынок. Военно-стратегические колесные дороги, проведенные в различных направлениях, объективно способствовали усилению экономических связей между многочисленными народностями Дагестана. В Дагестан стала проникать русская передовая культура.

Ликвидация феодальной раздробленности ханско-бекского управления в 60-х годах XIX в. положила начало политическому объединению народов Дагестана и способствовала ослаблению их патриархальной замкнутости. Политическая власть ханов и беков перестала существовать, духовенство было ограничено в правах. Все рабы и часть крепостных были освобождены. В то

¹ ЦГВИА, ф. 400, д. 52, л. 1.

же время усиливался двойной гнет в отношении крестьян. Беки стали произвольно увеличивать подати и повинности, налоговый пресс царизма также тяжелым бременем ложился на их плечи. Это вызывало недовольство трудовых крестьян. В 1877 г. в Дагестане вспыхнуло восстание.

Вопрос о выступлении горцев в 1877 г. является одним из малоизученных вопросов, требующих специального исследования. Однако и сейчас можно отметить, что при освещении этого вопроса совсем или почти совсем игнорировались внутренние социальные причины, толкнувшие горцев на восстание.

Восстание 1877 г. началось в Чечне в связи с русско-турецкой войной и затем перекинулось в Дагестан. В Дагестане первыми выступили согратлинцы. Они объявили имамом Гаджи-Магомета и провозгласили «газават». Вскоре восстанием был охвачен весь Гунибский округ, кроме сел. Чох.

В сентябре восстали казикумухцы. Овладев крепостью и справившись с окружным начальством, восставшие разделились на два отряда. Один из них, предводительствуемый только что провозглашенным ханом Джафар-ханом, направился в южный Дагестан, а другой под начальством Фатали-бека — в уже охваченный восстанием Даргинский округ.

События, разразившиеся в центральном Дагестане, не могли не оказать влияния на другие округа области. В 20-х числах сентября восстали горцы южного, а в конце месяца и западного Дагестана. Восстанием оказались охвачены 504 населенных пункта.

Над Дагестаном, отмечал официальный историк, разразилась «гроза», и, как надо заключить из спешных требований о помощи, эта «гроза» представляла для местных властей полную неожиданность¹. Царское правительство поспешно стягивало в Дагестан военные силы как из соседних областей, так и из внутренних губерний.

Царские власти решили разъединить отряды восставших и подавить их по частям. С этой целью в южный Дагестан был направлен карательный отряд генерала Комарова, в средний Дагестан войска генерала Муравьева, а в западный Дагестан отряды полковников Тихопова и Квисинского. В подавлении восстания, наряду с регулярными воинскими частями, принимали участие дружины и милиция, укомплектованные из местного населения.

Повстанцы всюду оказывали упорное сопротивление. Но в этот критический момент изменил ряд феодалов, примкнувших и даже возглавивших восстание в некоторых округах. Предательство этих верхов отрицательно сказалось на борьбе горцев. Царским войскам, несмотря на упорное сопротивление повстан-

---

¹ А. С. Очерк. Восстание горцев Терской области в 1877 г. СПб, 1896, стр. 115.

цев, к октябрю удалось подавить восстания в Даргинском округе. Ценою огромных жертв были покорены цудахарцы. 22 октября был взят Кумух. Одновременно царизму удалось ликвидировать восстание в южном и западном Дагестане.

Теперь непокоренным остался только аул Согратль — место пребывания имама — и царское командование бросило на последнее убежище повстанцев Дагестана и Чечни огромные силы.

Один из участников подавления восстания 1877 г. капитан Вискунов следующим образом описывает сражение за Согратль: «Жаркий бой кипел до позднего вечера и стоил нам больших потерь, тем более, что и из редута мятежники поражали атакующих сильным огнем. Мало того, около 9 часов вечера из главного укрепления, гарнизон которого подкреплён жителями из аула Согратль, внезапно последовала быстрая и решительная вылазка на полковника Чижикова. Однако горцы, ожидая нас встретить отдыхающими после удачного, но утомительного штурма, и застигнуть врасплох, жестоко ошиблись в расчете: полковник Чижиков как бы предчувствовал возможность вылазки, и войска были вполне готовы ее встретить. Правда, отчаянный натиск горцев заставил податься, в первый момент, цепь 9-й роты, но дружным ударом в штыки сзади стоящих наших рот вылазка была блистательно отражена и нападавшие горцы в числе около 200 человек, оставив на месте много тел, уже не попали в укрепление, а были сброшены штыками в глубокий овраг»¹.

На следующий день, когда царские войска приготовились к повторному штурму, к командованию их прибыли парламентарии с изъявлением покорности. Обещали выдать главных виновников сопротивления. Согратль пал. Это фактически означало подавление восстания.

Царизм приступил к расправе. Наиболее активные участники восстания были преданы военно-полевому суду в Дербенте и Гунибе. Согласно приговору, имам Гаджи-Магомед Согратлинский, кадий Цудахарский, Казн-Ахмед и Абдул Казикумухские и др., всего около 300 человек, были казнены. Из 8 округов Дагестана около 5.000 человек, независимо от возраста, пола, степени вины, были высланы. Многие из них от тяжелых лишений и непривычных климатических условий погибли².

Почти все крестьянские хозяйства Дагестана были обложены трехрублевым сбором якобы для покрытия убытков, причиненных восстанием. Около 370 т. десятин земли репрессированных жителей были изъяты в казну.

Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич оправдывал эти жестокие меры, расправу с детьми и стариками

---

¹ Описание боевой жизни 30 пехотного Кабардинского полка при подавлении восстания горцев в Терской и Дагестанской областях во время войны с Турцией в 1877—1878 г. Тифл. 1882, стр. 69.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, д. 43, л. 107—108.

тем, что «наказание одних главнейших зачинщиков далеко не всегда может служить спасительным примером и предупреждением для остального населения»¹. Поэтому в порядке «предупреждения» возможного в будущем неповиновения были наказаны многие невинные горцы, в том числе малолетние дети и глубокие старики.

Жестокость царских властей дала противоположные результаты. Угнетенные крестьяне все чаще и чаще уклонялись от уплаты палогов казне, отбывания податей и повинностей бекам. Репрессии еще более усилили ненависть трудящихся к царизму и способствовали росту их политической сознательности.

§ 3. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В ДАГЕСТАНЕ

Окончание военных действий в Дагестане (август 1859 г.) почти совпало с крестьянской реформой 1861 г., после которой Россия прочно вступила в капиталистическую стадию своего развития.

Необходимость отмены крепостного права вытекала из требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Крепостное право изжило себя и сковывало дальнейшее развитие производительных сил страны. Отмена крепостнических производственных отношений и установление капиталистических дали известный простор росту производительных сил и способствовали более быстрому, по сравнению с феодальным способом производства, развитию экономики страны.

Потребность в сбыте все увеличивавшейся массы товаров требовала расширения сферы приложения капитала метрополии. Особенно остро встал этот вопрос в конце XIX в., когда существовавшие в России производственные отношения все более превращались из формы развития производительных сил в их оковы. Сохранившиеся после реформы 1861 г. остатки крепостничества замедляли развитие капитализма вглубь.

В этих условиях самодержавие, представлявшее интересы крупных крепостников-помещиков, вынуждено было идти на компромисс с буржуазией, завоевавшей экономическое господство, делать ей политические уступки, все больше изменяя свою политику, в том числе и колониальную, в направлении обслуживания интересов буржуазии. Эти изменения заключались в усилении протекционизма, в субсидиях и прежде всего в том, что буржуазии предоставлялись условия для развития капитализма вширь. В. И. Ленин писал: «Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, д. 43, л. 109.

пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений»¹. Таким образом, развитие капитализма вширь явилось одной из основ для сделок помещиками и буржуазией за счет порабощения трудящихся масс всей страны.

В этих условиях русская буржуазия все больше втягивала национальные окраины империи, в том числе и Дагестан, в русло капиталистического развития, вкладывала здесь капитал вначале в товарной, а затем и в промышленной форме с тем, чтобы колониальной эксплуатацией обеспечить получение повышенной нормы прибыли. В то же время развитие капитализма в Дагестане производило ломку докапиталистических отношений, нивелировало его местные особенности. Российский капитализм закладывал основы хозяйственного и политического объединения народностей, населявших окраины. «Страна, — говорил В. И. Ленин о Кавказе, — слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории», втягивалась в русло капиталистического развития².

Проводя свою колонизаторскую политику в Дагестане, царское правительство зачислило за казной часть земельного фонда на плоскости и в приморской зоне, находившегося в пользовании крестьян. Некоторые из этих земель были розданы ханам и бекам, которые продавали их имущим слоям крестьянского населения и крестьянскому поземельному банку. Последний в свою очередь, перепродавал их колонистам. Государственный земельный фонд был использован также для колонизации путем распределения части этого фонда между офицерами и высшими слоями чиновничества. Другая, правда, весьма небольшая часть земельного фонда была выделена переселенцам. Эта политика, наряду с усилением гнета трудящихся, объективно вела к общению местного населения с русским народом, ускоряла процесс разложения феодального способа производства и возникновения капиталистического.

Русские крестьяне-переселенцы и оседавшие в Дагестане отставные солдаты явились проводниками более высокой земледельческой культуры. В Дагестане внедрялись в сельскохозяйственное производство картофель, помидоры, свекла, лучшие сорта плодов и винограда, племенные производители крупного рогатого скота и овец, были организованы плодово-виноградный питомник, показательные участки по травосеянию, производились опыты по рациональному кормлению скота. На плоскости и в приморской полосе, начиная с 90-х годов XIX в., внедряются

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

железные плуги и бороны, жатвенные и другие сельскохозяйственные машины, увеличивается численность агрономического персонала, создается ветеринарная служба, организуется школа садоводства, овощеводства и виноградарства.

Перечисленные мероприятия по повышению агротехники сельскохозяйственного производства, незначительные по своим масштабам, начали проводиться, главным образом, в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Тем не менее их претворение в жизнь оказало известное влияние как на увеличение посевных площадей, так и на повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота. Так, за последние 20 лет перед первой мировой войной общая площадь продовольственных культур увеличилась на 70 проц., а урожайность их — в полтора раза. Площадь под виноградниками за этот же период возросла в два с лишним раза. поголовье всех видов скота с 1885 г. по 1913 г. увеличилось на 40 проц. Общее количество скота в пятилетие перед первой мировой войной колебалось в пределах 2100—2300 тыс. голов, составляя в среднем 2210 тыс. голов.

Несмотря на значительное развитие в пореформенный период, сельское хозяйство Дагестана не в состоянии было прокормить население области. Здесь деревня, действительно, была мачехой для бедноты, составлявшей большую часть крестьянского населения.

Вопрос о социальной дифференциации в дагестанском ауле в дореволюционный период является одним из наименее изученных вопросов истории Дагестана. Только глубокое, всестороннее изучение имеющихся материалов, в первую очередь статистических, дает возможность положить конец всем недостаточно обоснованным, а иногда и вовсе беспочвенным суждениям об экономике, социально-экономических отношениях и классовой дифференциации в пореформенном Дагестане. Основными материалами, которые позволят осветить эти вопросы, являются посемейные списки 1886 г. и первичная документация Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 и 1917 гг. К сожалению эти материалы до сих пор не обработаны.

Квалифицированная обработка этих материалов даст возможность установить уровень развития всей экономики Дагестана, и в первую очередь сельского хозяйства, решить вопрос о том, какими темпами оно росло, как быстро происходил процесс классового расслоения среди крестьян и процесс обезземеливания трудящихся масс деревни, в какой мере элементы капиталистического уклада проникали в сельское хозяйство области. Проведение этой работы вооружит историков Дагестана солидным материалом, на основе которого можно будет сделать обоснованные научные выводы.

Общая картина происходившего в Дагестане процесса «раскрестьянивания» трудящихся масс деревни может быть охарак-

теризована следующими данными. В 1917 г. в Дагестане было 9,4 проц. безземельных крестьянских дворов, 77,5 проц. дворов имели до 1 десятины и 9, 8 проц. — до 2 десятин посевов на двор. Пятая часть крестьянских хозяйств не имела крупного рогатого скота, более трех четвертей были безовчными. До революции в Дагестане было не менее 15 тыс. чабанов и прочих батраков, работавших по найму у крупных барановодов и других помещиков и кулаков в животноводстве и земледелии.

Все это свидетельствует о том, что усилившееся развитие товарного хозяйства и освобождение части крестьян от феодально-крепостной зависимости привели к возникновению и развитию капиталистического уклада в сельском хозяйстве, преимущественно плоскостных и приморских районов, т. е. к отделению непосредственных производителей от средств производства и к превращению рабочей силы в товар.

Значительная часть сельского населения, лишенная земли и скота, вынуждена была, как было указано выше, батрачить или искать других источников заработка. Одним из этих источников являлись доходы от кустарных промыслов.

Усиление завоза в Дагестан товаров фабрично-заводской промышленности привело к падению производства многих видов изделий кустарной промышленности и к сокращению числа занятых в ней лиц, главным образом, мужчин. Однако фактический материал не позволяет согласиться с утверждением, что в Дагестане к началу нашего века под влиянием капиталистической конкуренции падала также выработка ковров и оружия, исчезало производство бурок¹. Наоборот, расширение рынков сбыта в пореформенный период привело к дальнейшему увеличению производства как ковров и наплечных бурок, так и художественных изделий из благородных металлов и дерева, не встречавших конкуренции со стороны фабрично-заводской промышленности, а также холодного оружия, отличавшегося высоким качеством и художественной отделкой. В кустарной промышленности Дагестана до революции было занято примерно 130 тыс. человек, в том числе около 100 тысяч женщин.

Для содействия росту производства перечисленных выше изделий в Дагестане были организованы музей кустарной промышленности и ковровая учебно-показательная мастерская и были приняты меры к внедрению в производство лучших образцов изделий и снабжению кустарей усовершенствованными инструментами. Однако эти мероприятия, проводившиеся в незначительных масштабах незадолго до Октябрьской революции, не дали больших результатов. Наиболее существенным являлось то, что наряду с ростом ряда промыслов усилился процесс общественного разделения труда — отделения промышленности от

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2, М. 1948, стр. 565—566.

земледелия, а также зарождения и развития более высоких форм промышленности.

В пореформенный период крестьянская домашняя промышленность и ремесло перерастали в мелкое товарное производство, а последнее — рассеянную или раздаточную мануфактуру, для которой характерна капиталистическая работа на дому. Дагестан не знал или почти не знал распространенной в России, и в особенности в Западной Европе, формы мануфактуры, для которой помимо прочих ее признаков характерна концентрация наемных рабочих в специальных помещениях.

В металлообрабатывающем, шерстеобрабатывающем, художественно-ювелирном и некоторых других промыслах, по мере усиления спроса на их продукцию, происходило дальнейшее разделение труда между производителями и выделение новых профессий. Не только отдельные изделия, но и их составные части вырабатывались обособленными производителями, специализировавшимися на их изготовлении и нередко проживавшими в разных аулах. Так, в производстве кинжалов и шашек кооперировались кузнец, производивший клинки, монтировщик, изготавливавший ножны, рукоятки и наконечники, гравировщик, занятый художественной отделкой оружия. В производстве винтовок участвовали ствольщики, мастера по изготовлению замков, фурнитурщики, сборщики или ложники и, наконец, гравировщики. Производство ствола, в свою очередь, разбивалось на три операции, которые выполнялись мастерами трех более узких специальностей.

Это разделение труда и кооперирование мастеров смежных профессий, необходимое для выпуска готовой продукции, было бы невозможно без скупщиков-посредников и образования предпринимательской верхушки, которая располагала необходимыми средствами и могла организовать капиталистическое производство на дому.

Соединением ремесленников и кустарей, специализировавшихся на изготовлении отдельных деталей в одной мануфактуре, завершается длительный процесс все большего подчинения непосредственных производителей капиталу. Их работа «не могла бы производиться, их продукт не имел бы даже иногда никакой потребительской стоимости вне связи с другими детальными работами, с другими частичками продукта». Эту связь мог создать и создал «только крупный капитал, господствующий (в той или иной форме) над массой детальных рабочих... детальщик-«кустарь» является составной частью капиталистической мануфактуры»¹.

Капиталистическая работа на дому усиливала процесс классового расслоения кустарей, процесс выделения небольшой эксплуататорской верхушки — скупщиков и промышленников-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 375—376.

предпринимателей, с одной стороны, и массы производителей, работавших на этих предпринимателей у себя на дому или в мастерской у предпринимателя, с другой. Так называемые «самостоятельные» кустари и рабочие кустарных промыслов не были объединены капиталом под одной крышей, но они были закабалены и составляли так сказать «иррегулярную армию» капитализма, зачисление которой в «регулярные части» являлось делом времени. Создание этой армии, являвшееся результатом присоединения Дагестана к России, было одним из наиболее прогрессивных явлений в жизни трудящихся Дагестана.

Изъятие у крестьян части общественных земель, освобождение рабов и отдельных слоев зависимых крестьян, развитие товарно-денежных отношений и рост классовой дифференциации привели к вытеснению определенных кругов крестьян из сферы сельскохозяйственного производства. Усиление ввоза товаров фабрично-заводской промышленности из центральных районов страны, падение в связи с этим цен на многие виды изделий местной кустарной промышленности и спад заработка кустарей привели к дальнейшему увеличению количества свободных рук в деревне. Местная же фабрично-заводская промышленность находилась на таком низком уровне, что не могла обеспечить работой и десятой доли высвобождавшихся в деревне рабочих рук.

Указанные обстоятельства и установление после окончания Кавказской войны прочных связей Дагестана с другими районами страны вызвали усиленный отлив мужского населения на заработки за пределы области. Число отходников, составлявшее в 80-х годах XIX столетия примерно 40 тыс. человек, возросло в начале текущего века до 82 тыс. человек, составляя более половины трудоспособного мужского населения села.

Отходничество, ставшее возможным в широких размерах в Дагестане лишь после его присоединения к России, было в высшей степени прогрессивным явлением. «Перекочевыванья», — писал В. И. Ленин, — означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивно думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и на севере, и в земледелии и в промышленности, и в столице и в захолустьи»¹.

Отходничество являлось одним из основных путей ликвидации многовековой изолированности народностей Дагестана от культурного мира. Оно способствовало расширению умственного

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 212.

кругозора и классового сознания отходника, воспитывало в нем чувства пролетарского интернационализма и уважения к русскому народу, помогало трудящемуся горцу быстрее порвать феодальные и патриархальные путы, ставило женщину в более самостоятельное положение. Отходничество способствовало повышению культурного уровня не только самих отходников, но и населения тех аулов и округов, откуда они выходили и куда возвращались. Наиболее прогрессивной стороной отходничества являлось то, что отходники вовлекались в промышленную и общественно-политическую жизнь страны и несли революционные идеи в гущу трудящихся масс Дагестана.

Следует отметить, что вопрос о роли кустарей и отходников в происшедших в Дагестане, начиная с последней трети XIX в., выступлениях крестьян почти не освещен в нашей литературе. Между тем недооценка значения этого вопроса ведет к ошибочным представлениям о развитии капитализма и базе рабочего революционного движения. Полемизируя с народниками, В. И. Ленин писал: «Разве... нет на Руси таких промыслов, как рыболовство и т. п., которые... нелепо противопоставлять фабрично-заводской промышленности, соединяя их с земледелием?»... «Успех рабочего движения, — писал далее В. И. Ленин, — зависит, оказывается, не только от числа рабочих, а и от числа... кустарей!»¹

Замечание В. И. Ленина о рыболовстве как нельзя больше относится к Дагестану. Здесь на рыбных промыслах во время весенней путины работало до 16 тыс. рабочих, в том числе около 5 тыс. человек из коренных народностей Дагестана. В процессе труда дагестанские рабочие общались с русскими. В революционных схватках с самодержавием вместе с бакинским пролетариатом, возглавляемым партией большевиков, проходили большую школу классовой борьбы многие тысячи дагестанцев, работавших в нефтяной промышленности Баку. Нефтяники, рабочие рыбных промыслов, как и вообще все отходники, в том числе и кустари, оказывали большое влияние на революционизирование крестьянских масс Дагестана.

Развитие товарного хозяйства, усиление экономических связей между Дагестаном и центральными районами, а также соображения стратегического порядка вызвали необходимость сооружения дорог внутри области и коренного улучшения водного и сухопутного транспорта, способного приблизить ее к хозяйственным центрам страны. Проведение железнодорожной линии по территории Дагестана, сооружение морских пристаней в Дербенте, порта в Петровске и строительство дорог, связавших горные округа между собою и с плоскостью, сыграли огромную роль в развитии экономики области, способствовали усилению процесса разложения натурального хозяйства, расширению рын-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 296, 299.

ка, повышению техники земледелия, облегчило перемещение населения и оказало положительное влияние на рост культуры местного населения.

Первостепенное значение имело строительство в конце XIX в. железной дороги, связавшей Дагестан с центральными районами страны и Закавказьем. Наличие железной дороги способствовало перерастанию местного купеческого капитала в промышленный и привлечению капитала извне. В результате в области были созданы предприятия винодельческой, рыбной, консервной, деревообрабатывающей, металлообрабатывающей, текстильной, нефтяной и некоторых других отраслей промышленности.

Мануфактура в Дагестане, постепенно выраставшая на основе простой кооперации, не успела перерасти в фабрично-заводскую промышленность. Предприятия, построенные преимущественно в городах, появились в основном в результате «насаждения сверху». Привнесение извне капитала, импортировавшегося, как правило, на достигнутом в метрополии уровне, исключало необходимость прохождения им в Дагестане всех последовательных этапов развития промышленного капитализма. Это, естественно, ускоряло экономическое развитие области.

Развитие промышленности, транспорта и торговли и организация в связи с этим кредитных и прочих учреждений сопровождалась ростом городов и городского населения, формированием новых социальных слоев, в том числе и рабочего класса.

Большинство авторов при характеристике классового состава населения Дагестана ограничивает численность рабочего класса рабочими, занятыми только в фабрично-заводской промышленности. Между тем здесь, как указано выше, было немало рабочих, занятых капиталистической работой на дому, в мелких мастерских, на железной дороге, в порту и на пристанях, строительных рабочих, ремесленников и кустарей, живущих своим трудом. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и сельскохозяйственных рабочих.

Одной из существенных сторон колониализма является более интенсивная эксплуатация населения окраин. Этой участи не избежали и рабочие Дагестана. Низкая заработная плата, бесконечные штрафы, 12—14-часовой рабочий день, игнорирование элементарных правил охраны труда, техники безопасности и промышленной санитарии, скверные жилищные условия, отсутствие какой-либо заботы об улучшении культурно-бытового положения рабочих — все эти факты, типичные для дореволюционной промышленности России, еще более резко проявлялись в Дагестане, как на колониальной окраине.

Непомерная эксплуатация и крайне тяжелое положение рабочего класса вызывали его возмущение, побуждали рабочих к объединению для защиты своих интересов и совместной революционной борьбы против буржуазии. Перерастанию стихийной борьбы в борьбу сознательную способствовало привнесение извне

социалистического мировоззрения в сознание местных рабочих. Большую работу по революционному воспитанию местных рабочих вели политические ссыльные, проживавшие в городах Дагестана, квалифицированные русские рабочие, завербованные в центральных промышленных районах страны, и местные рабочие, уходившие на заработки за пределы области.

Большой размах выступления рабочего класса в Дагестане получили в годы первой революции, в ходе которой рабочие переходили от чисто экономических требований к высшим формам классовых боев, о чем подробно говорится в следующей главе.

В 90-х гг. XIX в. усилилось движение крестьян, которые отказывались от выполнения феодальных повинностей, производили захват и распашку помещичьих земель, а местами жгли усадьбы. Беки Кайтаго-Табасаранского округа писали тайному советнику Мицкевичу, что «действия раятов приняли настолько острейший характер, что мы считаем свою жизнь даже крайне небезопасной, потому что часто они нападают на наши дома, грабят, что попали, угоняют скот, поджигают саманники... вообще всеми мерами стараются притеснить нас и причинять убытки, так что положение наше настолько ухудшилось, что ныне мы считаемся раятами, а раяты — нашими беками»¹.

Отношения между беками и раятами обострились так сильно, что в 1895 г. многие раяты в Табасаране открыто восстали против своих беков². Помощник военного губернатора Дагестанской области полковник Соловьев, проверив причины крестьянских волнений в Кайтаго-Табасаранском округе, вынужден был констатировать в своем рапорте от 7 октября 1899 г., что беки взыскивают повинности с раят больше, чем положено по инструкции: кроме того, беки, отобрав земли, которые находились в пользовании раят, требуют, чтобы они по-прежнему отбывали подати и повинности. Если же раяты отказываются выполнить незаконные требования беков, то администрация округа и участков применяет силу. Так, например, Мамирза-бек запретил жителям сел. Марага пользоваться 12 кутанами, которыми они раньше пользовались; он сдавал их в аренду по своему усмотрению, но, несмотря на это, требовал от жителей Марага выполнения повинностей в прежнем объеме³.

Местная администрация допускала по отношению раят грубый произвол. Если раят нарушал свои обязательства то, помимо того, что бек мог предъявить к нему судебный иск об убытках, раят подвергался административному воздействию; если он уклонялся от выполнения повинностей, то их взыскивал с него наиб,

¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 28, л. 12—13.

² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 28, л. 25.

³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139, лл. 13—16.

без всякого судебного решения, причем в обеспечение отбирались домашние вещи: котлы, посуда, ковры и т. п. Северо-Табасаранский наиб Бейбала-бек признался, что он делает это по приказанию начальника округа. Если же бек нарушал свои обязанности по отношению к раятам, то он не подвергался никакому воздействию со стороны местной администрации. Тот же Мамирза-бек, получив от генерал-майора Тихонова приказание вернуть раятам самовольно отобранные у них участки, по его отъезде вновь их отобрал и остался совершенно безнаказанным. Суд стоял на страже интересов беков.

«Все это, — писал помощник военного губернатора, — порождает в раятах сильное озлобление против беков, выражающееся в стремлении сколько можно делать им неприятного; были случаи, например, что раяты вырубали бекский лес не с целью им воспользоваться, они оставляли его на месте, но единственно для того, чтобы причинить беку убыток. В настоящем году почти все раяты отказались выполнять лежащие на них натуральные повинности — пахать, жать, косить и пр. для беков, от чего последние должны понести убыток»¹.

Жители 22 селений Северного Табасарана 28 августа 1899 г. писали военному губернатору Дагестанской области о том, что выдсленные ими поверенные, которые по их поручению заявили начальнику округа, что они не пользуются бекскими землями, избиты, арестованы и заключены в Маджалисскую тюрьму, что по заданию начальника округа наиб Бейбала-бек, прибыв с нукерами, насильственно отобрал приготовленный для семей провиант, взял с дыма по 6 сабов пшеницы, стоимостью 6—7 рублей, а с некоторых и пшеницу и деньги. Крестьяне в этом заявлении писали, что «они переносят тяжелые муки от беков»².

Военный губернатор Дагестанской области 14 октября 1899 года писал главнокомандующему Кавказского края, что «в настоящем году почти все раяты Северной Табасарани отказались выполнить лежащие на них натуральные повинности для беков, как-то: пахать, жать, косить и пр.»³.

Несмотря на справедливость требований раят, многие представители их, выступавшие против беков, по заданию губернатора были подвергнуты трехмесячному аресту при окружном управлении и отстранены от обязанностей поверенных. Считая эту меру наказания недостаточной, начальник округа писал губернатору: «Так как степень их вины, ныне подтверждаемая свидетельскими показаниями, заслуживает большего наказания, то я полагал бы полезным, в интересах успокоения всего раятского населения, вовсе их выслать из края. Вместе с сим покорнейше прошу не оставлять без соответствующего наказания прочих лиц,

¹ ЦГА ДАССР. ф. 2, оп. 3, д. 139, лл. 13—16.

² Там же, л. 18.

³ Там же, л. 19.

значащихся в упомянутом рапорте моем за № 2371, а равно и низследующих жителей раятских селений, о которых упоминается в прилагаемом протоколе северо-табасаранского наиба, а именно: жителей селения Рукель: Магомед Гусейн оглы, Хан Магомеда Нур Магомед оглы; селения Кемах: Ибрагима Темир оглы, Нафтали Байрам оглы; селения Татиль: Магомед Али Карбай оглы, Абдурахман Керим оглы; селения Зуртил: Чупан Абдурахман оглы, Пир Магомед Шихали оглы; селения Вичрик: Гасанбек Гусейн оглы, Агбер Абдул оглы; селения Куркак: Гаджи Алирза оглы, Алихан Салих оглы; селения Джугдиль: Гюль Али Магомед оглы, Хан Магомед Аслан оглы.

Все поименованные лица являются одними из деятельных участников раятского движения против беков и я полагаю, что применением к ним мер строгости в пример другим можно надеяться на восстановление порядка в раятских селениях»¹.

Администрация военно-народного управления Дагестана заботливо охраняла привилегии беков. Это видно, в частности, из приказа исполняющего обязанности начальника Кайтаго-Табасаранского округа от 16 июня 1899 г. за № 68, где говорится: «До сведения моего доведено, что раяты некоторых селений не вышли косить в нынешнему году сего для своих беков и вообще продолжают уклоняться от исполнения лежащих на них бекских повинностей. В дополнение предшествовавшего моего приказа по сему предмету от 28 января 1898 г. за № 320 считаю нужным вновь подтвердить жителям раятских селений вверенного мне округа, что никаких распоряжений со стороны высшего начальства об ограничении или отмене бекских повинностей до сего времени не последовало, а потому раяты безусловно должны исполнять в пользу своих беков все то, что ранее исполняли, что установлено обычаем, давностью и имеющеюся инструкцією... Претерпеваемые беками убытки от неисполнения раятами лежащих на них обязанностей будут взыскиваемы с них по суду и, кроме того, виновные в неисполнении приказаний начальства, понуждающего их исполнять бекские повинности, будут подвергаемы строгой законной ответственности. Объявляя об этом по округу, предлагаю Северо-Табасаранскому наибу ротмистру Бейбола-беку Эльдар Кадии оглы и Нижне-Кайтагскому наибу поручику Апашеву настоящий приказ мой за № 320 прочесть на сходах во всех раятских селениях»².

Невыносимый феодальный гнет, поддерживаемый царскими чиновниками, доводил раятское население до разорения и ухода с насиженных мест. Одновременно этот гнет заставлял многих раят подняться на борьбу против своих эксплуататоров, за свободу и землю.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 767, 1899 г., л. 20.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, д. 767, 1799 г., лл. 25—26.

Для первого периода аграрного движения характерно то, что доверенные эксплуатируемых крестьян писали заявления начальству, надеясь мирно решить поземельные вопросы.

Жители сел. Аликент Кюринского округа еще 28 сентября 1891 г. писали главнокомандующему гражданской частью на Кавказе об ограждении их от притеснений сыновей Саид-бека Гаджи Ягья оглы, который 20 лет тому назад получил от начальства для жителей землю под пашни и под усадьбы. Кто пользовался этими землями, тот отбывал Саид-беку даяк в размере 1,5 копана. Но, несмотря на то, что эта земля от жителей была отобра-на 12 лет тому назад и они арендовали на стороне земли, за которые вынуждены были платить высокую арендную плату, сыновья Саид-бека требовали от них отбывания податей и повинностей в прежних же размерах, а кто уклонялся, с того брали силой. Жители жаловались, что они не в состоянии сразу платить казне налоги, владельцам земли — арендную плату и бекам — подати и повинности. Заявление подписали 104 раята¹.

Подобного же содержания заявления были направлены 29 апреля 1896 г. на имя министра внутренних дел жителями селений Зндьяк, Запек, Дарваг, Кемах, Бильгады, Екрах, Татиль, Рукель и Марага Кайтаго-Табасаранского округа. 27 июля того же года председатель комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления Бейденбаум сообщил, что жалобы жителей указанных селений оставлены без последствий².

Жители сел. Фиргиль в 1897 г. писали главноначальствующему на Кавказе о притеснениях, чинимых им Иса-беком. Он не только заставлял жителей этого селения работать на себя 7 дней вместо положенных двух дней, строить для него казмалары (строения на кутанах) и отбывать многие повинности, но и избивал раят. По этому вопросу помощник военного губернатора Дагестанской области сообщил начальнику канцелярии главноначальствующего на Кавказе, что подати и повинности раяты обязаны отбывать, а «что же касается до побоев, нанесенных Иса-беком своим раятам, дознано, что он действительно ударил рукой фиргильцев Халимбека Рамазан оглы и Раджаба Рамазан оглы за то, что они отказались явиться к нему на работу»³.

Многочисленные жалобы раят оставались гласом вопиющего в пустыне, а беки-насилыники пользовались поддержкой царских чиновников.

Газета «Россия» писала о крайней запутанности сословно-поземельных отношений в Дагестане. За 40 лет, прошедших после отмены крепостного права в России, они не приведены в нормальное состояние и в течение 52 лет безрезультатно изучают-

¹ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1383, стр. 93—94.

² Там же, стр. 85.

³ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1383, стр. 79—81.

ся¹. В 90-х гг. XIX в. аграрные отношения обострились в Дагестане почти повсеместно. Поверенные многих обществ Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шуринского округов многократно писали военному губернатору Дагестанской области и главноначальствующему гражданской части на Кавказе о невыносимо тяжелых условиях жизни зависимого населения, отбывавшего все увеличивавшиеся подати и повинности бекам и уплачивавшего налоги в казну, и просили облегчить их участь. Однако законные требования раят не удовлетворялись, а откладывались якобы до окончательного решения сословно-поземельного вопроса во всем Дагестане. Доведенные до отчаяния раяты и зависимые уздени не только отказывались выполнять подати и повинность бекам, но и вступали с ними в борьбу, уничтожая их имущество.

Борьба раят в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах против беков воодушевила всех зависимых крестьян Дагестана. Даже жители некоторых обществ горного Дагестана, которые были зависимы от других обществ, отказывались уплачивать подати. Так, жители селений Нита, Накитль и Датрун в 1896 г. самовольно прекратили уплату податей Хунзахскому обществу. Жители сел. Очло отказались платить ясак обществам Тануси и другим за право пастьбы скота на горе Арак-Меер. Зависимые крестьяне селений Луткуль и Ялах Самурского округа и многие другие поднимали протест против гнета беков и налоговой политики царизма.

Все это вынудило царское правительство ускорить решение вопроса об освобождении крестьян Дагестана от зависимости по отношению к бекам.

Происходившие в Дагестане в пореформенный период, в особенности с середины 90-х годов XIX в., экономические сдвиги в направлении развития капитализма не означают, что здесь капиталистический способ производства представлял господствующую формацию. Только в прикаспийской полосе в промышленности доминировали капиталистические отношения, а в сельском хозяйстве развивался капиталистический уклад.

В горной части Дагестана в некоторых кустарных промыслах также сложился капиталистический уклад; в сельском же хозяйстве в конце 90-х гг. XIX в. капиталистические отношения лишь складывались.

Ни одна антагонистическая общественно-экономическая формация в чистом виде никогда не существовала и не существует. В экономике послереформенного Дагестана имелись элементы и патриархального уклада, и феодализма, и капитализма, в разной степени развитые в разных частях области.

По мере укрепления политических и экономических позиций царизма на Кавказе Дагестан все больше становился объектом колониальной эксплуатации, втягивался в орбиту капиталистиче-

¹ «Россия» от 4 декабря 1900 г., № 519.

ского развития России. Под стимулирующим воздействием более развитых ее районов росли производительные силы области и вызревали элементы капитализма.

Хозяйство Дагестана все больше превращается в составную часть всего народного хозяйства России и занимает определенное место в системе территориального разделения общественного труда в стране. С конца XIX столетия, наряду со скотом, шерстью и кожевенным сырьем, плодами, виноградом и овощами, возрастает вывоз из Дагестана рыбы, консервов, вина, бязи, ковров, наплечных бурок, холодного оружия и художественных изделий из благородных металлов и дерева.

Однако колониальный режим тормозил развитие экономики Дагестана. Поэтому Дагестан продолжал оставаться одной из отсталых окраин Российской империи. По данным последней дореволюционной (1897 г.) демографической переписи, сельское население Дагестана составляло ко всему населению 94 проц., а в России в целом — 77,2 проц., торгово-промышленное население составляло всего лишь 3,7 проц., а в стране в целом — 17,3%.

Основной причиной экономической отсталости Дагестана была колониальная политика царизма, задерживавшая развитие национальных окраин и направленная на то, чтобы превратить их в сырьевые придатки промышленно развитых центральных районов страны и в рынки сбыта их продукции.

На основе анализа фактического материала выше было высказано положение о том, что вовлечение Дагестана в сферу экономической жизни России ускорило развитие его народного хозяйства. Совместимо ли это утверждение с положением о том, что колониальная политика царизма тормозила это развитие? Да, совместимо. Вопрос заключается в том, как подойти к оценке этого развития. Если сравнить развитие экономики Дагестана до и после присоединения к России, то следует признать, что после присоединения оно происходило более быстрыми темпами. Если же сравнивать фактические темпы развития с теми, которые могли бы быть достигнуты при отсутствии политики национального и экономического угнетения и при существовавших в центральных районах России уровне развития народного хозяйства и технике производства, то следует признать, что эти темпы развития экономики были медленными.

Второй причиной отставания Дагестана явилось сохранение здесь патриархально-феодальных отношений. Сохранение этих отношений вытекало из той же колониальной политики царизма.

Третьей причиной этого отставания служило колониальное положение Дагестана по отношению к капиталистической промышленности метрополии, которое определяло односторонний характер экономического развития области. Здесь создавалась преимущественно обрабатывающая промышленность, главным образом промышленность по первичной переработке сельскохозяйственного сырья.

Наконец, четвертой причиной отставания Дагестана явились военные действия, на десятилетия задержавшие установление более широких связей между ним и другими районами страны.

Со времени ввода в эксплуатацию Дагестанского участка железной дороги темпы роста хозяйства Дагестана по основным показателям были выше, чем на Кавказе в целом. Тем не менее по уровню экономического развития Дагестан продолжал занимать последнее место среди областей и губерний Кавказа.

§ 4. КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ ДАГЕСТАНА В XIX В.

В начале XIX в. Дагестан представлял собой отсталую окраину царизма и в культурном отношении. Здесь не было ни одной светской школы. Как правило, в примечетских школах обучали детей чтению корана. Только немногие получали в медресе высшее духовное образование и знали арабский язык. Большинство из них становилось кадиями, муллами, дибирами. Лишь единицы из числа получивших образование на арабском языке занимались математикой, астрономией, медициной и другими науками, уровень которых был чрезвычайно низким, так как светские науки в то время на всем мусульманском Востоке сильно отставали. Отрицательную роль арабской школы как нельзя лучше охарактеризовал П. К. Услар. «Число людей,— писал он, — действительно знающих по-арабски, конечно, составляет незначительный процент народонаселения, но тлетворное влияние изучения этого языка отзывается в целой домашней жизни горцев, опутывает их от колыбели до могилы. Длинный ряд юношеских годов проводят они в мусульманской школе — гнездилище мрачного изуверства, где по методу, придуманной с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать коран, упражняются в начертании непонятной для них письменности. Немногие, особенно даровитые, пройдя в продолжение двух десятилетий длинный ряд таковых школ, образующих ученую лестницу, соразмеренную с знаменитостью преподавателей, — приобретают положительное знание арабского языка и арабской литературы. Но число выучившихся к чему-нибудь незначительно. Во всяком случае, юноши, ничему не научившиеся, в детском впечатлительном возрасте долго обращались с мертвой буквой, облеченной в мистическую форму, что сделало их недоступными к внушениям здравого смысла, тупыми, ожесточенными фанатиками»¹.

---

¹ П. К. Услар. О распространении грамотности между горцами. стр. 78.

Среди трудящегося населения были распространены религиозные произведения духовенства, вроде «турку», «пазма» и др., рассчитанные на усиление религиозного фанатизма, на отвлечение внимания трудящихся от классовой борьбы, и призывающие их терпеливо переносить трудности и невзгоды «на этом свете», чтобы за это получить вознаграждение «на том свете».

Религиозный фанатизм и суеверие, усердно распространявшиеся духовенством, служили реакционным силам дагестанского общества и серьезно мешали умственному развитию населения. Реакционные устои ислама отрицательно сказались на состоянии культуры и искусства Дагестана. Установление прочных политических, экономических и культурных связей с великой русской нацией положило начало культурному подъему народов Дагестана, хотя этот подъем и шел очень медленно в условиях колониальной политики царизма.

Русские ученые провели огромную работу по изучению истории, географии, этнографии, литературы, языка, а также природных богатств Дагестана. В этой работе принимали участие такие выдающиеся представители русской интеллигенции, как С. М. Броневский, П. Г. Бутков, Г. В. Абиx, Д. Н. Анучин, П. К. Услар, Н. И. Пирогов, В. В. Докучаев, М. М. Ковалевский, Ф. И. Леонтович, Е. И. Козубский, И. С. Костемеревский и многие другие.

С Дагестаном тесно связаны жизнь и творчество писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского. Поэт А. П. Полежаев, сосланный Николаем I на Кавказ, посвятил Дагестану две большие поэмы и ряд стихотворений. Жизнь горцев, их песнями и легендами интересовались великие русские писатели: Лермонтов и Лев Толстой. Изучая с большой любовью устно-поэтическое творчество горцев, Л. Н. Толстой писал, что эти произведения представляют «сокровища поэтически необычайные». Ознакомившись с эпосом «Хочбар», великий писатель отметил: «Песня о Хочбаре удивительная».

Таким образом, непосредственная связь с представителями передовой русской науки, культуры и искусства, представителями революционной России, России Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых, имела огромное культурное значение. Народы Дагестана связали свою судьбу с великой русской нацией, давшей миру выдающихся деятелей культуры, политической и философской мысли: Ленина и Плеханова, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинку и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова, и проводшей угнетенные народы России через горнило Великой Октябрьской социалистической революции к торжеству социализма.

В XIX в. на литературное поприще вступает ряд историков, этнографов, литераторов из местных народностей. Серьезный

вклад в изучение истории, этнографии и фольклора сделали дагестанцы Девлет-Мирза Шихалиев, Абдулла Омаров, Магомед-Эфенди Османов, Дауд Бутаев, Айдемир Черкеевский, Магомед Хандиев, Казанфар, Сеид Габиев, Башир Долгат и др. Большое влияние на них оказали передовые представители русской культуры и науки.

Прекрасно зная быт своего народа, непосредственно наблюдая процессы, происходящие в дагестанском ауле, эти историки, этнографы и фольклористы оставили после себя ценные работы. В 1883 году в Петербурге Османовым Магомед-Эфенди была издана первая книга по кумыкскому фольклору. Аварские сказки, собранные Айдемиром Черкеевским, были напечатаны в типографии штаба войск Дагестанской области в 1867 г. и в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Магомедом Хандиевым были составлены грамматика аварских наречий, хрестоматия на аварском языке со словарем, разговоры на аварском языке. Он же перевел коран на русский язык.

В августе 1866 г. в Хунзахе и Кумухе были открыты школы для обучения молодых аварцев и лакцев чтению и письму по азбуке, составленной П. К. Усларом¹. Учителями в этих школах работали А. Черкеевский и А. Омаров. В конце 1866 г. во многих наибствах переписка с окружными управлениями велась на новом алфавите. В 1866 г. Омаров перевел работу Ушинского «Вода, воздух и их видоизменения». В 1867 г. составил учебник по арифметике на лакском языке.

Следует, однако, указать, что благородное начинание П. К. Услара не было поддержано царским правительством, не желавшим насаждать национальные школы в Дагестане. Поэтому школы вскоре были ликвидированы.

XIX век выдвинул на литературную арену ряд классиков дагестанской поэзии, вышедших из народа и тесно связанных с народным творчеством. Это были кумыкский поэт Ирчи-Казак (1830—1870), лезгинский поэт Этим Эмин (1839—1878), даргинский поэт Батырай Омаров (1831—1910), аварский поэт Махмуд из Кахаб-Росо (1873—1919) и др. Многие их песни дошли до нас в устной народной передаче. Горячо сочувствуя страданиям своего народа, подвергавшегося социальному и национальному гнету, они смело выступали с идеей свободы человеческой личности. Их произведения правдиво отражают тяжелую жизнь трудящихся горцев, характеризуют острую классовую борьбу в дагестанском ауле. Лучшие представители дагестанской поэзии XIX века, честно служа народу, беспощадно разоблачали обман и ложь феодальной знати и духовенства, бичевали старое, отживающее.

---

¹ П. К. Услар провел большую работу по составлению алфавита и грамматики аварского, лезгинского, даргинского и лакского языков.

Рисуя бесправное общественное положение кумыкской бедноты, Ирчи-Казак говорил: «Коль важные дела приходится решать, кого зовет заносчивая знать? Того, кто бестолков, того, кто недалек, но лишь бы у него был полон кошелек, и лишь бы у него угодлив был язык, но лишь бы грубо льстить и подличать привык... На сотню бедняков один едва ли есть, чья признавалась бы заслуженная честь, но и его удел печален и жесток». За свое «вольномудье» Казак был сослан в Сибирь, но и оттуда он посылал свои произведения, которые поднимали народ на борьбу против социальной несправедливости.

Лезгинский поэт Этим Эмин, обращавший свой взор к грядущему, говорил друзьям перед смертью: «Не познав добра, не увидев счастливого дня, даже собака не умирает. А мы ведь люди, а не животные. Мир не останется таким. Будет какой-то новый, хороший мир, я его не увижу, но его узнают другие лезгины. Пусть же будут счастливы те люди, которые увидят этот светлый мир».

Произведения аварского поэта Махмуда из Қахаб-Росо носили антирелигиозный характер, в них воспевался действительный мир и человеческая любовь.

При отсутствии письменности на родном языке большая роль принадлежала фольклору. В устном народном творчестве Дагестана представлены разнообразные песни, нартовские сказания, волшебные и бытовые сказки, пословицы и поговорки. Большое место в фольклоре занимают также колыбельные песни, причитания и т. д.

Фольклор народов Дагестана этого периода представляет собой ценный источник, своеобразную устную летопись, в которой горцы воспроизводят свою историю, отражают свои думы и чаяния. В фольклоре горцев воспевается справедливость, трудолюбие, жизнерадостность, любовь к своему народу. Лучшие черты характера народа с большой силой отображаются в эпических, исторических песнях и в лирике. Центральное место в устном народном творчестве занимает борьба трудящихся горцев против феодалов и царского самодержавия. «Не опирайся на воду, не верь феодалу», — гласит дагестанская пословица.

Песни о Хочбаре, Парту Патиме, Айгази и о разгроме Надиршаха, хотя и охватывают более ранний период антифеодалной борьбы и борьбы с иноземными захватчиками, в XIX веке пользовались у народов Дагестана большой популярностью.

Песни народов Дагестана были многоязычны. Но чувство классовой солидарности и общность исторических судеб преодолевали языковые различия и социальные мотивы песен были почти одинаковы. Отрицательным типам верхушки общества, бездарным, тупым, но имеющим богатство и власть, людям народ в своем творчестве противопоставлял людей из народа, героев, лишенных богатства, но благородных и отважных. «Речь быстра,

прямодушна и чиста. Ложь и лесть не оскверняет его уста», — поется в одной песне.

Одной из центральных тем фольклора XIX века является тема о положении женщины. В многочисленных песнях, плачах, поговорах ярко отражалась горькая участь дагестанской женщины, ее экономическое и политическое бесправие и угнетенное положение. «Если я поднимусь на вершину горы, пусть меня унесет ветер, если я опущусь на равнину, пусть меня унесет вода», — пела горянка, оплакивая смерть отца или брата, когда она, бесправная и беспомощная, оставалась одна. В устном творчестве горцев имеются и образы волевых женщин, боровшихся за свои права. Девушка, насильно засватанная своим отцом за княжеского сынка, дает себе клятву быть верной своему возлюбленному. «Если я выйду за княжеского сына, пусть я лишусь своих черных кос», — поет она.

В то же время распространялись и антинародные песни о феодальных набегах на соседей и произведения клерикалов, рассчитанные на разжигание ненависти к представителям иной веры и одурманивавшие население ядом религиозного фанатизма.

Фактором развития культуры и просвещения было создание в Дагестане русских школ, которые готовили образованных людей и из местных народов. Некоторые из окончивших эти школы продолжали образование в высших учебных заведениях в центральных городах России и приносили с собой в Дагестан передовые прогрессивные идеи.

Первым русским учебным заведением в Дагестане было Дербентское уездное училище, основанное в 1837 г. В 1861 году в Дербенте была открыта трехклассная школа, в Темир-Хан-Шуре четырехклассная школа с пансионом на 50 человек (25 человек из местного населения и 25 русских). К началу 1862 г. были открыты школы в Ахтах на 44 человека и в Кумухе на 15 человек¹. В 1871 г. в светских школах Дагестана было 223 учащихся.

Колониальная политика царизма вовсе не ставила перед собой задачу поднять культурный уровень кавказских народов. Это видно хотя бы из того, что даже в 1898 г. на содержание школ в Дербенте отпускалось средств в 3 с лишним раза меньше, чем на содержание городской полиции. В 1901 г. на содержание школ в Темир-Хан-Шуре было отпущено 1609 руб., а на содержание полиции — 8641 руб.

Русских школ в Дагестане было очень мало. В конце XIX века в Дагестане имелось только 26 русских учебных заведений, в которых обучалось 1896 учащихся, в том числе 495 девочек. Эти учебные заведения в основном были доступны детям привилегированных сословий, из которых самодержавие готовило себе преданных чиновников. Царское правительство, последовательно проводя политику национального угнетения, всячески препятство-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, д. 127, л. 38.

вало культурному росту народов Дагестана, мешало проникновению в Дагестан передовой русской культуры. В официальном отчете Дагестанского общества просвещения туземцев-мусульман говорится: «С того времени прошло 45 лет и в течение этого почти полувекового периода число народных школ в Дагестанской области в конце 1904 года достигло 19, из числа которых можно исключить Дешлагарскую, Озенскую и Чирюртовскую, как находящиеся в поселениях с почти исключительно русским населением»¹. Во всех этих школах училось только 476 горцев, преимущественно детей из имущих классов и чиновничества. «В настоящее время, — говорится в отчете, — из шестисоттысячного населения Дагестана получивших высшее образование имеется только 17 человек (3 медика, 2 юриста, 2 агронома, 2 горных инженера, 2 инженера путей сообщения, 2 инженера-техника, 2 инженера-технолога, 1 инженер-строитель и 1 окончивший курс факультета восточных языков) и несколько десятков строевых офицеров»².

Дагестан издавна был известен как родина ашугов, лучших канатоходцев, представителей хорового и танцевального искусства. Однако развитию искусства горцев всячески препятствовала колониальная политика царизма. Всякая попытка народа развернуть свои творческие способности встречала резкий отпор со стороны невежественного, реакционного духовенства, а также консервативной феодальной верхушки.

Экономическая отсталость, пережитки патриархально-родовых отношений в быту, давление ислама на сознание масс, колониальная политика царского самодержавия и обусловили низкий культурный уровень народов Дагестана во второй половине XIX века.

---

¹ Отчет о деятельности общества просвещения туземцев-мусульман. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 6.

² Там же, стр. 9.

ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 годов.

§ 1. ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Наличие остатков крепостничества в России конца XIX века мешало развитию капитализма вглубь. Отсюда — стремление капитализма к развитию вширь, к распространению на окраины страны. Вывоз капитала на национальные окраины-колонии Российской империи был чрезвычайно выгоден русской буржуазии, ибо близость к богатым источникам сырья, наличие дешевой рабочей силы, возможность втридорога сбывать промышленные товары обеспечивали ей получение максимальной прибыли. В то же время это способствовало развитию производительных сил на окраинах, втягиванию их в общероссийское и мировое товарное обращение, распространению по всей стране единой экономической системы, появлению и росту национального пролетариата, полному освободительного движения.

Усиленное проникновение капиталистических отношений в Дагестан, особенно в приморскую полосу, было связано, в первую очередь, с проведением через территорию области в 90-е годы железной дороги. Это связало Дагестан с промышленными центрами страны, дало значительный толчок развитию таких отраслей хозяйства, как рыбный промысел и производство консервов и вин, продукция которых получила отныне широкий доступ на внутренние рынки России, обрабатывающая и горнодобывающая промышленность. Добыча рыбы (сельди) за десятилетие — с 1893 г. по 1902 год — увеличилась в 42 раза и достигла почти 224,5 млн. штук¹. На промыслах в пугину собирались тысячи рабочих

¹ «Обзор Дагестанской области за 1908 год», стр. 41.

(в 1902 г., например, 12—13 тыс. чел.)¹. Расширялось производство вин на базе дербентских (главным образом) и кумторкалинских виноградарников, а также консервированных фруктов (в Темир-Хан-Шуре).

Потребность в обработке на месте продуктов рыболовства и садоводства вызвала к жизни десятки мелких предприятий по консервированию, изготовлению тары и др. Создаются сравнительно крупные две табачные фабрики, бондарный завод и рыбохолодильник Воробьева, на которых работало от 50 до 250 рабочих. Самым большим промышленным предприятием в области была бумагопрядильная и ткацкая фабрика акционерного общества «Каспийская мануфактура» (близ Петровска), полностью вступившая в строй в мае 1900 года. На ней было занято ежегодно 100—1000 рабочих.

Если в начале 1899 года в городах области насчитывалось 44 предприятия (без рыбных промыслов) с 382 рабочими (в том числе карликовые с 1—7 рабочими) и с годовой продукцией в 392.507 рублей, то в 1901 году имелось уже 68 предприятий. Из них 6 предприятий с 2.179 рабочими дали продукции на 1.350.423 рубля. (О производительности и количестве рабочих по остальным четырем предприятиям — рыбохолодильнику, механическому бондарному заведению, солеварне на оз. Турали и серпному заводу у Кукурт-тау определенных данных нет)²

Оживление в 1899—1902 годах наблюдалось и в горнодобывающей промышленности (добыча серы, соли, киновари, нефти)³.

Царское правительство предоставляло широкие возможности для проникновения в страну иностранного капитала, который захватывал ключевые отрасли промышленности — топливную, металлургическую и др. На вложенный капитал зарубежные дельцы получали огромные прибыли. Только за 1895 — 1904 гг. иностранные капиталисты вывезли из России свыше 830 млн. руб. золотом в качестве прибыли.

Иностранный капитал проник и в Дагестан. На Кхиутском серном руднике добычу серы некоторое время вела французская компания. В Кайтаго-Табасаранском округе близ Берикей на участках «Тепсис-кутан», «Уллу-Иссису» и «Неут», общей площадью в 2.248 десятин, действовало «Англо-русское нефтяное общество», производившее разведку, бурение и добычу нефти⁴. В 1902 году правительство заключило договор с известной нефтяной компанией «Бр. Нобель», акции которой находились в руках капиталистов стран Запада, об аренде нефтеносных районов области, в том числе Берикейской казенной дачи. В 1904 году ком-

¹ «Обзор Дагестанской области за 1902 год», стр. 31—32.

² «Памятная книжка Даг. обл. на 1901 год», разд. II, стр. 87; «Дагестанский сборник», вып. I, 1902 г. отд. 1, стр. 110—111.

³ См. «Памятн. кн. Даг. обл. на 1901 год», разд. II, стр. 86 и «Обзор Даг. обл. за 1902 год», стр. 35.

⁴ «Обзор Даг. обл. за 1899 год», стр. 86.

панней было добыто 1.879.558 пудов. За каждый пуд компания платила казне по одной копейке, при продажной цене на месте в 15—18 коп¹.

Разработка месторождений нефти и других полезных ископаемых велась хищническими методами.

Приводимые данные о развитии промышленности в Дагестане свидетельствуют об ее однобоком, колониальном характере. Развивались преимущественно те ее отрасли, которые поставляли продукты питания, промышленное сырье.

Уровень технического оснащения промышленных предприятий, горных разработок, рыбных промыслов был крайне низким. Преобладал ручной труд. Даже разведочное бурение на нефть производилось вручную. Современными машинами были оборудованы лишь сравнительно крупные предприятия.

Развитию промышленности, а также транспорта и торговли в Дагестане способствовало расширение деятельности кредитных учреждений. Еще в 1901 году в области не было этих учреждений. В 1907 же году только оборот Петровского отделения Северного банка составил свыше 25.750 тыс. рублей и Дербентского банка Малютина (открывшегося в 1903 году) — свыше 950 тыс. рублей².

С развитием капитализма в Дагестане рос и пролетариат. На фабриках и заводах, в горнодобывающей промышленности, на железной дороге, в Петровском порту и на Дербентской пристани, на рыбных промыслах и строительных работах в начале XX века было занято, по приблизительным подсчетам, порой до 20 тысяч постоянных и сезонных рабочих.

Следует отметить, что русские капиталисты (местная буржуазия только зарождалась) набирали рабочую силу прежде всего из русских губерний, поскольку эти рабочие обладали уже некоторой квалификацией — текстильщиков из подмосковного фабричного района и Иваново-Вознесенска, бондарей — из Рязани и Астрахани и т. д. Немаловажную роль при этом играла и национальная дискриминация. Поэтому пролетариат в Дагестане — в промышленности и на железной дороге — состоял в основном из русских рабочих. Они были живыми носителями опыта рабочего движения в России, что имело важное значение для борьбы народных масс области. Через рабочих-дагестанцев влияние революционного русского пролетариата распространялось и на местное крестьянство.

Стремясь к обеспечению максимальной прибыли, капиталисты жестоко эксплуатировали рабочих. Этому способствовала колониальная политика царизма: на Кавказ не распространялись даже и те куцые фабричные законы, которые существовали в России. Поэтому положение рабочих в Дагестане было еще ху-

¹ «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 35.

² «Даг. сб.», вып. 1, отд. 1, стр. 116; «Обзор Даг. обл. за 1907 г.», стр. 28.

же, чем в русских губерниях. Невыносимые условия труда, продолжительный рабочий день — от зари до зари, низкая заработная плата, отвратительные жилищные условия, многочисленные штрафы, часто по ничтожным поводам, обман при расчетах, надругательство над личным достоинством — таков был их удел. В еще более тяжелом положении находились женщины и дети, получавшие за равный с мужчинами труд меньшую оплату. Следует отметить, что детский труд в Дагестане применялся широко. В 1903 году, например, по данным фабричной инспекции, собранным ею через полицейские управления, пятую часть рабочих на городских предприятиях составляли дети и подростки¹.

Вот как описывала положение бондарей Петровская газета «Бакинские известия»: «В бондарных заведениях работа бывает только сдельная, расценка крайне низкая, так что приходится работать 18 часов в сутки, тратя на обед не более получаса. Но даже при такой каторжной работе можно заработать не более 20 руб. в месяц. Квартиру обыкновенно хозяева заставляют рабочих нанимать у них, беря непомерно высокую плату, так что поневоле приходится нескольким семьям ютиться в одной комнате. Холостые рабочие получают стол обычно от хозяина, за который вычитают из их несчастных грошей довольно значительную часть; живут они в общих казармах, крайне тесных, без вентиляции, пол, по большей части земляной, объем кубического воздуха приходится на каждого рабочего не более полусажени. Медицинской помощи нет, хотя в некоторых бондарных заведениях число рабочих доходит до 200 человек... Среди рабочих заметно глухое брожение².

В то же время капиталисты старались привязать высококвалифицированных рабочих к предприятиям, привлекая их надбавками к зарплате, казенными домиками и пр. За счет части максимальных прибылей они создавали таким образом слой рабочей аристократии, на который опирались в борьбе с рабочим движением.

Капитализм развивался и в сельском хозяйстве Дагестана, хотя гораздо медленнее. Процесс этот заметнее всего шел на плоскости. Этому способствовало наличие здесь городов—центров капиталистического развития области.

На плоскости ведущей отраслью хозяйства являлось полеводство (плоскостные округа: Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский дали в 1902 году около двух третей всего урожая хлебов в Дагестане)³. Здесь, как и в Хасавюртовском округе Терской области, в крупных помещичьих и кулацких хозяйствах, благодаря влиянию русской экономики, началось, хотя и крайне медленно, внедрение усовершенствованных желез-

¹ «Даг. сб.», вып. II, 1904 г., отд. I, стр. 92.

² Приложение к газ. «Бакинские известия» 6 мая 1905 г.

³ «Обзор Даг. обл. за 1902 год», стр. 15.

ных плугов, жатвенных машин, более совершенной агротехники, росло использование наемного труда. В. И. Ленин указывал, что «применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т. е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»¹.

Крестьянство расслаивалось, на одном полюсе выделялась беднота, на другом — кулачество. Среднее же крестьянство постепенно вымывалось. Разоряющиеся крестьяне вынуждены были идти в кабалу к помещику и кулаку. Увеличивалось число батраков. В животноводстве необходимость больших затрат на аренду зимних пастбищ и перегон скота также приводили к значительной дифференциации, к капиталистическим методам ведения хозяйства.

В целом в Дагестане, особенно в высокогорной и горной частях его, еще сохранялись в значительной степени феодально-патриархальные отношения, хотя капитализм уже оказывал влияние на хозяйственную жизнь самых отсталых районов. Старые производственные отношения сильно тормозили развитие производительных сил области. Узкий внутренний рынок сковывал рост промышленности.

Сельское хозяйство продолжало оставаться экстенсивным. «Приемы обработки земли крайне несовершенны, а земледельческие орудия — первобытного типа», — сообщалось в официальных отчетах². Преобладали двухпольные севообороты, залежная и переложная системы. Все виды работ производились вручную. Пахали деревянной сохой.

Хотя климатические и почвенные условия области требовали создания широкой оросительной сети, ирригация была развита слабо. В 1903 году, например, по сведениям податной инспекции области, орошалось 50.643 десятины пашни (в первую очередь, бекской), что составляло несколько более четверти всей площади пахотной земли³. Борьба с вредителями сельского хозяйства проводилась в крайне ограниченных размерах, причем лишь в состоятельных хозяйствах. Большой урон сельскому хозяйству наносили стихийные бедствия. Отсюда — низкие урожаи в Дагестане.

Собственным хлебом область могла обеспечить себя лишь в течение трех—пяти месяцев. Хлеб покупался, отчасти обменивался на продукты скотоводства, садоводства и кустарные изделия в Терской области и Бакинской губернии, ввозился через Астрахань. Часть населения (отходники) продовольствовалась вне Дагестана.

Животноводство из-за недостатка пастбищ и покосов в горах носило в значительной степени полукочевой характер. От бескор-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 192.

² «Обзор Даг. обл. за 1905 год», стр. 10.

³ «Обзор Даг. обл. за 1903 год», стр. 32.

мицы, болезней, холодов ежегодно гибли десятки и сотни тысяч голов скота. Большая часть этих потерь приходилась на хозяйства бедняков и середняков.

К 1 января 1905 года, по данным администрации (далеко не точным из-за неразмежеванности и примитивных методов измерения земельных угодий), в области в частном владении, а также во владении сельских обществ, мечетей (вакуф) и городов находилось (под пашней, пастбищами, сенокосами, садами, лесами) 1.157.365 десятин. Кроме того, 141.535 дес. земельных и неземельных статей и лесов состояли в ведении управления государственными имуществами Бакинской губернии и Дагестанской области. Таким образом, всего в Дагестане под разными угодьями было занято 1.298.900 десятин. Примерно 19,6 проц. этой площади (254.637 дес.) принадлежало частным владельцам (в том числе бекам и чанкам, составлявшим всего около 0,35 проц. населения), 10,9 проц. — казне, а сельским обществам (крестьянство составляло 93,5 проц. населения области) — около 67,5 проц. (876.530 дес.). Мечети имели 13.092 дес. города (Темир-Хан-шура, Петровск и Дербент) — 13.106¹.

Самые лучшие и плодородные земли принадлежали бекам, владевшим иногда тысячами и десятками тысяч десятин, особенно в Темир-Хан-Шуринском и Қайтаго-Табасаранском округах², а также казне, захватывавшей у крестьян самые доходные участки³.

Крестьяне в Дагестане имели в среднем немногим более одной десятины пашни на душу⁴. Порой же на целое хозяйство приходилось 0,16—0,20 десятины земли⁵. Немалое число хозяйств было безземельным. В условиях бесплодных скалистых гор, надрываясь в непосильном труде, крестьяне создавали искусственные земельные участки в виде террас.

Подобная картина наблюдалась и в животноводстве, являвшемся ведущей отраслью сельского хозяйства во многих горных районах. Наряду с помещиками и кулаками — обладателями стад крупного и мелкого рогатого скота в тысячи и десятки тысяч голов, в области имелось большое число безлошадных и безовечных крестьянских хозяйств.

На положении крестьян отрицательно сказывалась также запутанность сословно-поземельных отношений в Дагестане. Сословно-поземельная комиссия, работавшая на Кавказе десятки лет, не разрешила стоявшие перед ней вопросы: окончательное размежевание земельных участков и установление прав собственности на них, характер владения землей и вытекавшие отсюда

¹ См. «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 5, 11, 12, 14 и вед. № 1.

² Газета «Весь Кавказ», 9 декабря 1905 г.

³ Воронцов-Дашков. Всеподлнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис. 1907. Стр. 59—60.

⁴ См. «Обзор Даг. обл. за 1904 г.», стр. 12 и вед. № 1.

⁵ Газ. «Весь Кавказ», 9 декабря 1905 г.

экономические и правовые взаимоотношения между различными сословиями. В Дагестане эти вопросы рассматривались на основе адатов и шариата. Многолетние судебные тяжбы сельских обществ с беками или между сельскими обществами лишь разоряли крестьян. Провоцируя столкновения между обществами из-за неразмежеванных земель, власти пытались отвлечь внимание крестьянских масс от борьбы против угнетения и эксплуатации.

Крестьяне платили огромные подати казне и несли в ее пользу тяжелые повинности: оброчную подать и поземельный налог, земский сбор, воинский налог, дорожную, подводную и квартирную повинности. Даже власти признавали, что, например, «содержание в исправности населением своих дорог натуральной повинностью вследствие скалистого характера большей части области является для него тяжким бременем, так как дороги эти часто подвергаются разливам и обвалам; работа же в скалистом грунте крайне затруднительна и требует много времени, которое и отнимается у населения в ущерб его хозяйственным занятиям»¹. Помимо прямых налогов крестьянина обременяли высокие косвенные налоги на товары народного потребления.

Полунищие крестьяне не в состоянии были нести бремя этих налогов и повинностей и в области росли недоимки. В 1892 году казенные недоимки выражались в сумме 127.140 руб., а к 1 января 1905 года 323.767 руб².

Особенно тяжелым было положение феодально-зависимых крестьян-райят и зависимых узденей³. По данным 1908 года, в Дагестане насчитывалось 95 селений с 13.026 «дымами» и приблизительно 70 тысячами райят (в Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах) и зависимых узденей (в Темир-Хан-Шуринском, Аварском, Казикумухском и Самурском округах), что составляло примерно 10 проц. населения области. Зависимость крестьян от феодалов проявлялась в разнообразных формах, в разных округах и селениях — по-разному. Райяты и зависимые уздени, помимо казенных, несли многочисленные повинности бекам и чанкам, денежные и натуральные: продуктами сельского хозяйства (оброк) и личными услугами (барщина). Денежные повинности были сравнительно недавнего происхождения и существовали в ограниченном числе селений. Райяты обязаны были отдавать беку в определенных размерах зерно, фрукты, овец, птицу, сено, дрова, часть доходов от торговли, распахать бекские земли, сеять, убирать и молотить хлеб, косить сено, перевозить бекское зерно и сено на своих арбах, очищать и исправлять бекские оросительные каналы, возводить для беков хозяйственные постройки, дороги, поставлять слуг в дом помещика и т. п.

¹ «Памятн. кн. Даг. обл. на 1901 г.», разд. II, стр. 107.

² «Обзор Даг. обл. за 1892 год», табл. № 4-б: «Обзор Даг. обл. за 1904 г.», стр. 45.

³ См. рук. фонд ИИЯЛ, д. 1353, лл. 40—88.

Беки отрывали крестьян от работы в крестьянском хозяйстве в самую страдную пору.

Повинности зависимых узденей были несколько меньшими, чем повинности раят.

Как правило, повинности отбывались целыми сельскими обществами, а не подворно. Общий объем повинностей, взимаемых ежегодно с каждого селения, не находился в зависимости от площади земли, а определялся числом «дымов» в селении, степенью обеспеченности жителей рабочим скотом и требованиями бека. В результате, беки были мало заинтересованы в количестве земли, находящейся в пользовании крестьян. При разделе между сонаследниками прав на получение повинностей они распределяли их не по количеству земли, на которой жили раяты или зависимые уздени, а по числу дворов. Если раяты и не имели полевых угодий, а владели лишь землею под постройками (горские евреи в селениях Маджалис и Янгикент), или проживали на землях независимых от беков селений (Берикей и Великент), они все же отбывали повинности бекам. Свободные крестьяне, приобретшие земельные участки у раят, таких повинностей не несли.

Райяты и зависимые уздени считались собственниками находившихся у них земель, хотя бекам принадлежали сервитутные права на земли этих крестьян. Лишь в некоторых селениях выморочные раятские земли ноступали в пользу беков. Тем не менее, пользуясь поддержкой царских властей, беки захватывали земли крестьян и сельских обществ.

Если крестьяне не выполняли казенные повинности и требования беков, их принуждала к этому силой местная администрация, комплектовавшаяся из беков же. Наиб без всякого судебного решения взыскивал с крестьянина в счет погашения долга его жалкий скарб, домашний скот и птицу, даже заключал его под стражу. Беки же, творившие произвол по отношению к раятам, не подвергались наказанию¹.

В 90-е годы XIX века и в начале XX века жалобы на притеснения беков неоднократно подавали поверенные селений Зидьян, Зиль, Занак, Дарваг, Камах, Бильгади, Экрах, Татиль, Рукель, Марага, Фиргиль, Джемикент Кайтаго-Табасаранского округа, Ялаг Самурского округа, Буркихан Кюринского округа, Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа и многих других селений².

Власти признавали, что «зависимое положение раят в отношении отбывания ими повинностей в пользу беков действительно нельзя не признать тяжелым, и неудовольствия между раятами и беками с каждым годом усиливаются. За последнее время... поступило много жалоб раят на отягощение их беками повин-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, л. 37.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 42, л. 40; оп. 3, д. 22а, лл. 10—14; д. 94, лл. 4 и 5; рук. фонд ИИЯЛ, д. 1383, л. 85; д. 1297, л. 85; д. 1323, лл. 232 и 233.

ностями, не существовавшими до сего времени»¹. Но жалобы эти оставались без последствий.

В одной из жалоб поверенные нескольких селений Кайтаго-Табасаранского округа писали, что беки «страшнейшим образом» угнетают их, произвольно назначают налоги, отбирают имущество. Когда же крестьяне пытались жаловаться, то беки при содействии окружного начальника избивали их, лишали свободы. «Благодаря такому безграничному произволу наших беков, — указывали крестьяне, — мы со своими семействами сделались положительно нищими». Конец жалобы звучит стоном душевным: «Даже над животными назначены покровители, неужели мы, люди, стоим ниже их, что не имеем никакого покровителя, что все наши прошения, заявления остаются без последствия»².

Крестьян обирали и сельские должностные лица, которых поддерживала полиция.

Разорение крестьян дагестанской деревни было причиной широкого распространения отхожего промысла. Осенью по уборке хлебов горцы массами отправлялись по губерниям и областям Кавказа, в Закаспийскую область, а также во внутренние губернии страны. Возвращались они домой лишь в конце весны следующего года. Число отходников непрерывно росло. Если в 1896 году на отхожий промысел ушло около 41,6 тыс. чел., то в 1907 году уже более 84 тыс. чел., т. е. около половины мужского трудоспособного населения³. Наибольшее число отходников, как правило, приходилось на округа, где крестьянство было хуже обеспечено землей (например, Самурский, дававший в 1905—1907 годах более четверти всех отходников из области), и наоборот.

Отходничество имело в высшей степени прогрессивное значение для Дагестана. Попадая в среду городских рабочих, русских крестьян, горцы лично знакомились с борьбой русского рабочего класса, народных масс России против самодержавия, постепенно втягивались в эту борьбу, закалялись в ней. Многие горцы оставались в городах и превращались в пролетариев. В начале XX века 12 проц. рабочих на нефтяных промыслах и заводах Баку составляли дагестанцы⁴. Немало их было и в другом крупном промышленном городе — Грозном. Приезжая в аулы, отходники играли активную роль в крестьянском движении. «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах,

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1383, л. 80.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, лл. 88—89.

³ «Обзор Даг. обл. за 1896 год», стр. 18; «Обзор Даг. обл. за 1907 г.», стр. 21.

⁴ З. Ибрагимов. Революция 1905—1907 годов в Азербайджане. Баку, 1955. Стр. 34.

в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»¹.

Важным источником существования населения области был кустарный промысел, распространенный здесь повсеместно. С проведением железной дороги фабрично-заводские изделия начали заметно вытеснять некоторые виды продукции кустарного промысла. Широкое распространение получили фабричные ткани и заводские железные изделия. Но кустарное производство бурок, ковров, сумахов, холодного оружия, художественных изделий из дерева и благородных металлов, не встречавшее конкуренции со стороны фабрично-заводской промышленности, не только сохранило свое значение, но и продолжало развиваться. В 1899 году в Дагестане насчитывалось, по официальным данным, только ремесленников (мастеров) 15.617, в 1905 году — 16.310, а в 1907—20.356², кроме того, в области было несколько десятков тысяч кустарей.

Среди кустарей и ремесленников также шел процесс классового расслоения, выделялась эксплуататорская верхушка предпринимателей и скупщиков, закабалявших рядовых производителей, лишенных орудий труда.

Состояние кустарного промысла имело большое значение для рабочего движения. В. И. Ленин указывал, что «успех рабочего движения зависит... не только от числа фабричных рабочих, а и от числа... кустарей»³.

Рост товарного производства, превращающегося в товарно-капиталистическое, развитие промышленности в области, потребляющей не только местное, но и привозное сырье, все усиливающаяся связь со всероссийской экономикой требовали развития транспорта, товарооборота. Наряду с проведением железной дороги в Дагестане осуществлялось строительство шоссейных дорог с большой пропускной способностью, связавших горные округа с городами, оборудовались Петровский порт и Дербентская пристань, рос грузооборот.

Уже в 1904 году по железной дороге было перевезено внутри области 53.594.968 пудов груза (включая транзит)⁴. Грузооборот Петровского порта и Дербентского рейда в том же году составил 49.867.612 пудов. Главные предметы вывоза: рыба, фрукты и овощи, бязь, вино; ввоза: хлеб, хлопок, металлоизделия.⁵ Большое количество грузов шло транзитом, особенно в период закрытия навигации в северной части Каспия и по Волге—с ноября по февраль. В 1906 году, например, только нефти через

1 В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 66.

2 «Памятн. кн. Даг. обл. на 1901 год», разд. II, стр. 81; «Обзор Даг. обл. за 1905 год», стр. 27; «Обзор Даг. обл. за 1908 год», стр. 39—40.

3 В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 299.

4 «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 43.

5 «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 41—42.

Петровский порт на железную дорогу переваливалось в месяц по 1—1,7 млн. пудов¹.

Рос в области и извозный промысел.

В связи со значительным развитием промышленности, транспорта и торговли в Дагестане наблюдался рост городов и городского населения. В 1894 году во всех трех городах области — Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте проживало (с военными (26,3 тыс. чел.) 4,3 проц. к населению области), а к 1 января 1905 года 43,3 тыс. (6,6 проц. к населению области)², т. е. за девять лет население в городах увеличилось более чем в полтора раза.

В начале XX века некоторые успехи в Дагестане сделали культура, просвещение и здравоохранение. Однако дискриминационная политика царизма по отношению к народам национальных окраин тормозила их развитие. В 1905 году в области насчитывалось четыре типографии (почти не приспособленных к значительным печатным работам), одна публичная библиотека — в Петровске. Ученых обществ и музеев не было. Книготорговля (шесть книжных лавок на всю область) имела дело преимущественно с учебниками³. Из периодических изданий выходили официальные ежегодные статистические сборники — «Обзоры Дагестанской области» (приложения к всеподданнейшим отчетам военного губернатора), а также две газеты — «Дагестан», либерального направления (издавалась в 1906 году в Петровске) и «Дагестанский вестник» (издавалась в 1907 году в Дербенте местным беком Векиловым).

Учебные заведения в Дагестане были двух видов: светские и религиозные. Общеобразовательных учебных заведений, в которых обучение шло на русском языке, насчитывалось к 1 января 1905 года 44, из них 5 средних. Большинство этих заведений находилось в городах. Всего в светских школах обучалось 3.307 чел., что составляло 5 учащихся на тысячу населения. Половина учащихся была русской и лишь третья часть — из коренного населения. Один русский учащийся приходился на 17 человек русского населения и один учащийся дагестанец на 719 человек коренного населения. И это — несмотря на сильную тягу горцев в светские школы. Учебные заведения в значительной степени существовали за счет денежных взносов в качестве платы за обучение и на средства попечительных обществ.

В религиозных школах при мечетях и синагогах детей обучали на чуждых им арабском и древне-еврейском языках чтению религиозных текстов. Общеобразовательное значение этих школ было ничтожно. В 1904 году в области числилось 685 школ при

¹ «Каспий», 10 марта 1907 года.

² «Памятн. кн. Даг. обл.» 1895 г., стр. 50—74; «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 5—6.

³ «Обзор Даг. обл. за 1905 год», стр. 74—75.

мечетях с 5.118 учениками и 23 школы при синагогах с 580 учениками¹. Религиозные школы были рассадниками фанатизма, одним из сильных орудий влияния реакционного духовенства на умы населения, а примечательные — также и орудием распространения пан-исламистских идей.

По переписи 1897 года, в Дагестане числилось 14 проц. грамотных (мужчин) на различных языках².

Очень плохо было поставлено в Дагестане и здравоохранение. Накануне революции, по сообщению газеты «Кавказ», в области насчитывалось девять окружных и пять сельских врачей. На каждого врача приходился в среднем район в 1.915,4 кв. версты с 97 населенными пунктами и 48,466 жителями. Но и это распределение не было пропорциональным. Так, врач Андийского округа обслуживал район в 3.106,57 кв. верст со 199 населенными пунктами и 54.407 жителями. В условиях острого бездорожья, особенно в высокогорной местности, снежные запасы, обвалы, сильные дожди делали практически невозможной медицинскую помощь даже жителям ближайших к окружному центру селений³.

Среди горцев, — указывала газета «Весь Кавказ», — «вследствие хронической голодовки развиваются различные болезни, как, например, эпидемия голодного тифа, цынга и другие, ведущие к вымиранию населения... Что может сделать для народа врач в таком отчаянном положении?»⁴ Полный простор для своей «деятельности» имели знахари и знахарки, калечившие людей. В результате смертность была чрезвычайно высокой. Ежегодный прирост населения составлял в среднем 0,5 процента. (В 1894 году в Дагестане было 612 тыс. населения, а в 1904-ом — 648 тыс. За десять лет население увеличилось всего на 32 тыс. человек⁵. Официальная статистика признавала, что «естественный прирост туземного населения значительно ниже нормального прироста; причиной этого явления, без сомнения, служат крайне стесненные экономические условия, окружающие туземное население»⁶.

Зато быстро увеличивалось число мечетей, церквей и синагог. В 1892 году их насчитывалось 1.514, а в 1904 году уже 1.948⁷.

Положение народных масс еще более ухудшилось в связи с перерастанием к началу XX века капитализма в его высшую и последнюю стадию империализм. Становление империализма сопровождалось мощным мировым экономическим кризисом

¹ «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 86—96.

² Воронцов-Дашков. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис, 1907. стр. 103.

³ Газ. «Кавказ», 12 марта 1905 г.

⁴ Газ. «Весь Кавказ», 9 декабря 1905 г.

⁵ «Памятная книжка Даг. обл. 1895 г.», стр. 50 и «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 5.

⁶ «Памятная книжка Даг. обл. 1895 г.», стр. 127—128.

⁷ «Обзор Даг. обл. за 1892 год», стр. 50 и «Обзор Даг. обл. за 1904 год», ведомость № 12.

1900—1903 годов, захватившим и Россию. Действие кризиса в России из-за наличия остатков крепостничества было неизмеримо сильнее, чем в других странах. За годы кризиса закрылось до трех тысяч крупных и мелких предприятий и было выброшено на улицу более 100 тыс. рабочих.

Кризис имел некоторое отражение в Дагестане. Сужение рынка в результате кризиса сковывало разворот производства на текстильной фабрике «Каспийская мануфактура»¹. В 1901 году фабрика не работала в течение трех месяцев². В 1902 и 1903 годах по сравнению с 1901 годом уменьшилось количество мелких предприятий обрабатывающей промышленности, их производительность и число занятых на них рабочих. Например, из 25 виноградоводочных промышленных заведений, действовавших в 1901 году, в 1903 году работало лишь 7, несмотря на богатый урожай винограда³.

Почти на 12,7 тыс. человек уменьшилось за два года число отходников (В 1901 году отходников было 76.336 чел., а в 1903 году 63.612). Основная причина этого заключалась в кризисе, переживаемом промышленностью страны. Например, в Бакинском районе, где работали тысячи отходников из Дагестана, в течение 1901—1903 годов было выброшено на улицу почти 30 проц. общего количества рабочих. Царские власти выслали из Баку на родину около 15 тыс. безработных⁴.

Стремясь переложить тяготы кризиса на плечи трудящихся масс, капиталисты урезали заработную плату, удлиняли рабочий день, увеличивали напряженность труда. На рынке росли цены.

Большие бедствия для народных масс страны принесла также империалистическая русско-японская война, разразившаяся в январе 1904 года. В Дагестане мусульманское население воинской повинности не несло (она была заменена особым воинским налогом), ибо царизм не доверял народам, которых он держал в колониальном положении. Нуждаясь в связи с войной в «лучшем мясе», власти обратились к горцам с призывом вступить в формируемый для действий на фронте конный полк. «Добровольцев» набирали, расходуя большие денежные средства и прибегая порой к принудительным мерам. Завербовывались в полк, как правило, бедняки, не имевшие другой возможности прокормить себя и близких.

Из 433 селений Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского, Казикумухского и Темир-Хан-Шуриинского округов, в которых шло формирование полка, выставили «добровольцев» лишь

¹ «Обзор Даг. обл. за 1903 год», стр. 93.

² «Очерки истории Дагестана», т. I, Даггиз, 1950, стр. 407.

³ См. «Даг. сб.» в. I, отд. I, стр. 69, 110—111 и вед. № 8; «Даг. сб.» в. II, отд. I, стр. 55, 92—93.

⁴ З. Ибрагимов. Революция 1905—1906 гг. в Азербайджане. Баку, 1955, стр. 51.

175 селений. Вместо 970 человек власти набрали 744 человека. Полк доукомплектовывался уже в Петровске¹.

Впоследствии многие завербовавшиеся ехать на фронт отказывались.

Отрицательное отношение народных масс Дагестана к войне сказалось и в уклонении их от участия в кампании сбора пожертвований на войну, проводившейся властями. Например, в Гунибском округе за период с марта по ноябрь 1904 года было собрано на усиление военного флота... 3 рубля и после этого поступления совершенно прекратились².

Многочисленные газетные сообщения, свидетельства очевидцев отмечают, что дагестанцы храбро сражались на фронте. Но из-за бездарности командования полк нес в тяжелых боях большие потери.

Участие дагестанцев в русской армии способствовало развитию политического сознания горцев. Возвращаясь с фронта, они несли в аул идею борьбы с царским самодержавием.

В результате экономического кризиса, а затем неудачной русско-японской войны в России, куда к началу XX века переместился центр мирового революционного движения, развернулась мощная волна рабочих и крестьянских выступлений. «Обуховская оборона» в 1901 году, стачка и демонстрация в Батуме, а также всеобщая стачка рабочих Ростова-на-Дону в 1902 году, переход рабочего движения с 1903 года под руководством революционной социал-демократии от разрозненных стачек к общим, захватившим промышленные центры Закавказья и Украины, сочетание экономических и политических требований в выступлениях рабочих, переход крестьянства России под влиянием борьбы рабочих к активным формам движения — все это раскачивало народные массы окраин, поднимало их на борьбу против социального и национального гнета.

Огромное значение для развития революционного движения в России имел II съезд РСДРП, создавший действительную партию из идейно и организационно разрозненных социал-демократических кружков и групп, основавший большевизм как идейное течение, как политическую партию. Принципы равенства наций и права наций на самоопределение, провозглашенные в программе, принятой на съезде, и последовательно отстаиваемые большевиками в их борьбе с оппортунистами всех мастей и буржуазными националистами, явились величайшим стимулом в деле революционного подъема народных масс национальных окраин, основой для слияния в единый революционный поток борьбы народных масс центра и окраин России во главе с русским рабочим классом против власти помещиков и капиталистов.

¹ «Даг. сб» вып. II, отд. III, стр. 2, 6, 11, 12, 13.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 6, д. 18, л. 58.

В Дагестане выступления пролетариата до 1905 года были небольшими по масштабам и носили чисто экономический характер, рабочие добивались улучшения своего материального положения. Такими были, например, забастовки рабочих бондарных заведений Петровска в 1903 году, закончившиеся успешно¹. Полиция вела усиленную слежку за рабочими. На Нижне-Кайтагском участке Кайтаго-Табасаранского округа, где, по словам властей, большое число рыбацких ватаг с массой пришедших рабочих требовало «особого надзора», была специально учреждена должность помощника начальника участка².

Продолжало свою борьбу дагестанское крестьянство, прежде всего наиболее закабаленная его часть — раяты и зависимые уздени, с 1898 почти повсеместно прекратившие отбывание повинностей бекам.

В 1900 году беки Кайтаго-Табасарана писали главноначальствующему гражданской частью на Кавказе: «Поселяне наших селений (раяты наши) учиняют нам материальный ущерб, не исполняя наших полевых работ и не платя нам податей за пользование нашими земельными угодьями, увозя наших лошадей и скотину, оскорбляя нас словами и действием, покушаются на нашу жизнь... в нашем пользовании находящиеся наши земли некоторые раяты силой захватывают»³.

В том же году произошло столкновение между обществом сел. Деличобан и представителями власти, пытавшимися заставить раят нести повинности бекам Уцмиевым, от чего раяты постоянно уклонялись. Начальнику участка деличобанцы заявили, что беки лишают их права пользоваться кутанами «Рамазан—кутан» и «Шахбаз», а все прочие земли, находившиеся в пользовании раят, — их собственные, за которые они не считают себя обязанными отбывать повинности бекам. «Хоть убивайте нас, — кричали крестьяне, — сошлите нас в Сибирь, а мы ни за что не заплатим бекам».

«Усматривая, таким образом, в действиях деличобанцев-раят, — писал начальник округа военному губернатору, — исключительное стремление свергнуть с себя путем открытого протеста против существующего порядка всякие обязательства по отношению беков... прошу разрешения вашего превосходительства: по отношению раят селения Деличобан, уклоняющихся от взноса в пользу беков всех следуемых с них платежей... обратить взыскание платежей на их движимое имущество, как это разрешено по отношению раят полковника Амир Чопана Уцмиева...» Начальник округа предлагал подвергнуть «главных зачинщиков» административному наказанию⁴.

¹ Архив Минсобеса ДАССР, д. 14, л. 6; ЦГА ДАССР, ф. 59 р., оп. 6, д. 31, л. 12 об.

² «Обзор Даг. обл. за 1902 год», стр. 2.

³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139 в, л. 9.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1286, лл. 143—144.

Отказались исполнять повинности бекам и чанкам крестьяне сел. Кадар Темир-Хан-Шуринского округа¹.

В 1903 году отказались от населения натуральных и денежных повинностей райты селений Мурага, Мугатырь, Митаги, Гимейди, Зидьян, Бильгади и Дарваг Кайтаго-Табасаранского округа².

В том же году поднялись крестьяне сел. Янгикент Кайтаго-Табасаранского округа. Они издавна пользовались правом пастбы скота и распашки земли на кутане «Палаш». Владелец же кутана Зубаир-бек Тарковский запретил янгикентцам пользоваться кутаном бесплатно. Тогда крестьяне захватили кутан и распахали его на площади в 150 десятин. Однако власти заставили крестьян уступить беку³.

В 1904 году крестьяне Кайтаго-Табасаранского округа отказывались платить подати казне⁴.

Стремясь избавиться от «беспокойного элемента», беки принимали перед кавказской администрацией вопрос о выселении испокон веков проживавших на своих землях райт⁵.

В крестьянском движении участвовали и свободные уздени. Так, жители селений Александр-кент, Джован-кент и Гапкай-кент Кайтаго-Табасаранского округа, начиная с 1901 года, упорно отказывались платить казенные налоги и допускали, как писал начальник округа губернатору, «многие другие, не менее серьезные проступки». Начальник округа говорил о необходимости «экстренных мер», ибо примеру этих селений стали следовать многие другие селения⁶. В 1903 году произошло столкновение между жителями сел. Кафыр-Кумух и беком, захватившем пастбище кафыркумухцев⁷.

Волнения крестьян имели место и в других селениях.

Постепенно борьба народных масс Дагестана, прежде всего рабочего класса, приобретала под влиянием борьбы пролетариата и крестьянства развитых районов страны все более сознательный характер. Этому способствовала также деятельность революционной социал-демократии, особенно Баку и затем Грозного,— крупных промышленных центров Кавказа. В Дагестан направлялась марксистская литература. Так, еще в марте 1898 года на станции в Петровске были обнаружены произведения К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», большое количество первомайских листовок 1897 года, изданных «Союзом русских социал-де-

1 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 22а, лл. 1—7.

2 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, 22а, лл. 10 и 11.

3 Там же, лл. 70—72, 113—122.

4 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, л. 145.

5 «Обзор Даг. обл. за 1904 год», стр. 45.

6 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 22-б, л. 2.

7 «Очерки истории Дагестана», т. I, Даггиз, 1950, стр. 166.

мократов за границей»¹. В начале 1903 года жандармы обнаружили в Петровске, в городском саду и в бондарном заведении Матюхина, шестнадцать брошюр Кавказского союза РСДРП².

Создаются социал-демократические кружки. Так, большой кружок был создан с помощью бакинцев в 1902 году в Дербентском железнодорожном депо³. В 1903 году был организован кружок среди ткачей фабрики «Каспийская мануфактура»⁴. Социал-демократы вели пропаганду, устраивали нелегальные сходки, распространяли прокламации.

В 1903 году власти вынуждены были заговорить о мерах борьбы с политическими выступлениями, о недопущении нелегальных собраний и изъятии из обращения листовок и воззваний⁵, об ограждении войск от противоправительственной пропаганды⁶.

Большой толчок развитию революционного движения в стране дала русско-японская война. Большевики и меньшевики по-разному отнеслись к войне. Меньшевики скатывались на позиции оборончества, убеждали рабочих в необходимости жертв ради «защиты отечества», царя, помещиков и капиталистов. Большевики активно выступали против войны, объясняли рабочим и крестьянам, что война нужна царизму для того, чтобы укрепить свой шатающийся трон, помещикам и капиталистам — для того, чтобы нажиться на крови и страданиях людей, захватить новые земли, новые рынки. Большевики считали, что поражение царской России в войне ослабит царизм, вызовет еще большее возмущение против реакционного самодержавного строя, поднимет массы на революцию.

Революционные социал-демократы Дагестана распространяли антивоенные листовки, разоблачавшие кровавый царизм, империалистические цели войны, своекорыстный «патриотизм» русской буржуазии и продажность царской администрации, воспитывали рабочих и всех тружеников в духе интернационализма, призывали к борьбе против самодержавия. Большую работу провели они против сбора «пожертвований» на войну.

Так, еще в апреле 1904 года полиция получила сведения о распространении прокламаций и пропаганде против самодержавия и войны в Петровском городском училище⁷.

1 мая социал-демократы Петровска организовали политическую демонстрацию против войны, против царизма. В городском саду собралось около восьмидесяти передовых рабочих с красными знаменами. Выйдя из сада, демонстранты прошли колонной

¹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 6, д. 6, лл. 6—7.

² ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 11, л. 33 и об.

³ Из воспоминаний П. Афанасьева, участника рабочего движения в Дагестане.

⁴ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 108, л. 21 об.

⁶ Там же, оп. 9, д. 2, лл. 61—63.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 2, д. 1, лл. 7, 8 и об., 15 и об.

по Барятинской (ныне Буйнакская) улице. Напротив торговых рядов (на том месте, где сейчас театр им. Горького) состоялся митинг. Большевик Никифор Шевченко, выступая на митинге, призвал рабочих к объединению и организованному выступлению против войны, уносящей десятки и сотни тысяч жизней простых людей. Раздались возгласы: «Долой войну!», «Долой самодержавие!» Их подхватили все собравшиеся. Налетела конная полиция. Митинг был разогнан, «зачинщиков» арестовали¹.

Летом, осенью и зимой 1904 года распространение социал-демократических листовок в Петровске приняло большие размеры. Так, в начале сентября в городе распространялась прокламация Бакинского комитета РСДРП «Рабочий класс и холера». В ней говорилось о тяжелом положении рабочих, подвергающихся бесчеловечной эксплуатации. Заканчивалась она призывом «Долой самодержавие!»². В конце ноября 1904 года полиция подобрала 54 прокламации Бакинского и др. комитетов РСДРП «Стачка 12.000 рабочих в Сормове», «Рабочий класс и холера», «Ко всем рабочим г. Баку» и др.³. Листовки доставлялись не только из Баку, но и с Северного Кавказа и центральной России. Эти листовки разбрасывались на улицах города, на текстильной фабрике, табачной фабрике Мамедова, близ городского училища на Садовой (ныне ул. Маркова) и в других местах⁴.

Отмечая помощь Бакинского комитета РСДРП социал-демократам Северного Кавказа, в том числе Дагестана, руководитель Бакинского комитета РСДРП А. Стопани писал Н. Крупской: «Литературы много идет... на Сев. Кавк[аз], там необходимо ставить дело»⁵.

Социал-демократы Петровска размножали получаемые из других городов прокламации на гектографе, а также печатали свои⁶.

В декабре 1904 года с помощью грозненских социал-демократов в Петровске — промышленном центре Дагестана, где были сосредоточены основные предприятия и большая часть постоянных рабочих, была создана первая в области организация РСДРП. Она была утверждена Бакинским комитетом РСДРП⁷. В 1905 году были организационно оформлены социал-демократические группы в Темир-Хан-Шуре и Дербенте⁸. Социал-демократические группы Дагестана работали под руководством Бакинского и Грозненского комитетов РСДРП.

¹ «Очерки истории Дагестана», т. I, Даггосиздат, 1950, стр. 407—408.

² ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 2, д. I, л. 26.

³ Там же, л. 41 и об.

⁴ Там же, лл. 47, 56, 61.

⁵ Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции. (Документы и материалы). Баку, 1956, стр. 93.

⁶ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

⁷ С. Бушув. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. Грозный, 1941, стр. 19.

⁸ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

С организационным оформлением социал-демократических групп работа дагестанских социал-демократов поднялась на новую, более высокую ступень. Усилилась пропаганда и агитация среди рабочих и служащих городов, начала развиваться работа среди горцев-крестьян. Влияние революционной социал-демократии, особенно в городах, заметно выросло.

В конце 1904 года в г. Владикавказе (ныне Орджоникидзе) был создан Терско-Дагестанский комитет РСДРП, объединивший социал-демократические группы Терской области и Дагестана.

Таким образом, жесточайшая эксплуатация на капиталистических предприятиях, острое безземелье и хронический голод в ауле, национальная дискриминация дагестанских народностей, деспотизм и произвол царизма, бедствия войны поднимали народные массы Дагестана на борьбу с самодержавием, помещиками и капиталистами. В первых рядах этой борьбы шли большевики.

§ 2. ДАГЕСТАН В ПЕРИОД НАСТУПЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

Расстрел царскими войсками мирного шествия рабочих в Петербурге 9 января 1905 года всколыхнул всю страну. «Революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»¹. В стране поднялась мощная волна стачек протеста, охватившая все крупные города. В течение января — марта бастовало только промышленных рабочих 810 тыс. человек — в два раза больше, чем за все предыдущее десятилетие. В ходе стачек рабочие одновременно выдвигали и экономические требования. Сочетание экономических и политических требований придавало выступлениям рабочих большую силу.

В России началась революция.

В Дагестане эти события нашли свое отражение в невиданном ранее развороте стачечной борьбы пролетариата. В Петровске во главе выступлений трудящихся находилась социал-демократическая организация. Эта организация в 1905 году была довольно значительной и разветвленной. Ячейки РСДРП имелись на фабрике «Каспийская мануфактура», на станции Петровск—Кавказский, в порту, среди бондарей, типографских рабочих, на табачных фабриках Михайлова и Мамедова, среди городских ремесленников. Были и военные ячейки РСДРП (в Аварском резервном батальоне, в артиллерийском парке). Без социал-демократической группы не решался ни один вопрос, касающийся борьбы рабочих². В группу входили рабочие-текстильщики Д. Атаев и И. Выродов, бондарь М. Есейкин, железнодорожный техник Н. Шевченко, студенты В. Казаринов и К. Головачевский,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 77.

² «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

учительница О. Лопухина и другие. Руководил ею с февраля 1905 года В. Казаринов.

В январе петровские социал-демократы выпустили листовку «Ко всем рабочим и работницам», в которой призывали к забастовке солидарности с петербургскими рабочими¹.

На забастовку поднялись портовики, выдвинувшие экономические требования², рабочие депо³.

В начале февраля социал-демократы организовали стачку на фабрике «Каспийская мануфактура» (где в это время работал 1.021 чел.). 3 февраля департамент полиции отмечал: «В Петровске Дагестанской области среди фабричных рабочих замечается брожение, могущее перейти в ближайшем будущем в забастовку»⁴. А в этот день забастовка уже началась.

Владельцы фабрики в 1903 году получили 62.111 рублей прямой прибыли, а в 1904 году уже 108.665 рублей⁵, то есть почти вдвое больше, но положение ткачей все ухудшалось. Ткачи требовали восстановления расценок 1901 года, которые были на 35 проц. выше последних расценок — 1903 года (по подсчетам рабочих только на разнице расценок хозяева получили за два года 35 тыс. рублей). Директор пообещал сообщить хозяевам о требованиях рабочих, и забастовка временно прекратилась. Но недовольство ткачей все росло.

В середине февраля на фабрике началась новая забастовка. По воспоминаниям одного из руководителей забастовки И. Выродова, рабочие, помимо восстановления расценок 1901 года, требовали на этот раз также увольнения ненавистных им прислужников администрации на фабрике, отмены обысков, уменьшения штрафов за брак и пр. Всего было выставлено 16 требований. В стачке активно участвовали как русские рабочие, так и дагестанцы, среди которых большую работу проводил большевик Дж. Атаев. Выступая на митингах, ткачи говорили о необходимости своей стачкой поддержать борьбу петербургских рабочих, поднять рабочих других предприятий области на забастовочную борьбу.

На территорию фабрики были введены войска. Но угрозы властей не подействовали. Все же путем обещаний администрации и на этот раз удалось сломить забастовку⁶.

В феврале в Петровске бастовали также рабочие табачной фабрики Мамедова, потребовавшие увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня. Между рабочими и полицией про-

---

1 С. Бушуйев. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. Грозный, 1941, стр. 18.

2 Там же.

3 «Красный Дагестан», 3 января 1931 г.

4 Сборник документов и материалов «Начало первой русской революции», под гл. ред. А. Панкратовой. Изд. АН СССР. 1955. стр. 708.

5 «Казбек», 31 мая 1905 года.

6 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1410, лл. 6—11, д. 1412, л. 3.

изошло столкновение. Забастовка табачников окончилась неудачей¹.

На борьбу вновь поднялись железнодорожники. В то время как хозяева Владикавказской дороги загребали огромные барыши (св. 6,2 млн. руб. в 1904 году)², рядовые железнодорожники получали низкую зарплату; находились в тяжелых жилищных условиях, подвергались оскорблениям со стороны начальства. В феврале власти объявили дорогу на военном положении, что также ударило по рабочим и служащим (лишение отпусков и пр.). За малейшее же проявление недовольства их заносили в списки «неблагонадежных», и они теряли возможность получить работу на других дорогах. Но это не остановило рабочих. На ст. Дербент забастовали железнодорожники и строительные рабочие³. Требования об улучшении своего материального положения предъявили в марте линейные телеграфисты на ст. Петровск⁴, в апреле — машинисты депо Дербент⁵.

Таким образом, забастовочная волна, поднявшаяся в Дагестане в январе—феврале 1905 года, вслед за промышленными центрами страны, проходила под экономическими лозунгами, хотя рабочие сознавали, что их борьба является частью общероссийского революционного движения. Пролетариат области, не имевший ранее опыта забастовочной борьбы, в ходе январь-февральских стачек набирал этот опыт, спланивался, развивал свое классовое самосознание, готовился к политическим выступлениям против самодержавного строя.

Стремясь ослабить революционное движение в стране, царизм усиленно провоцировал межнациональные столкновения. 6—9 февраля правительство при активной поддержке буржуазных националистов организовало в Баку страшную армяно-азербайджанскую резню. Улицы города были залиты кровью убитых и раненых. Но, вопреки расчетам правительства, бакинский погром «удесятил революционное настроение всех слоев против царизма»⁶. По Кавказу прокатилась волна митингов и демонстраций трудящихся против провокаторской политики самодержавия.

В связи с резким подъемом революционного движения на Кавказе царское правительство восстановило в феврале 1905 года упраздненное еще в 1882 году кавказское наместничество⁷. Наместник царя Воронцов-Дашков получил чрезвычайные пол-

¹ «Красный Дагестан», 3 января 1931 г.

² Е. Киреев. Рабочий класс и большевистская организация грозненского нефтепромышленного района в революции 1905—1907 гг. Грозный, 1950. Стр. 75.

³ Из воспоминаний П. Афанасьева.

⁴ Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годах. Сборник документов и материалов. Махачкала, 1956. Стр. 101—102.

⁵ «Бакинские известия», 7 апреля 1905 года.

⁶ В. И. Ленин. Соч. т. 8, стр. 179.

⁷ Воронцов-Дашков. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис, 1907, стр. 5, 6, 8.

помочия. Пытаясь усыпить бдительность народных масс широко-вещательными обещаниями, он приступил к сколачиванию контр-революционных сил, к созданию блока царизма и буржуазии, направленного против народа, против революции. С этой целью он наметил провести в крае некоторые буржуазные реформы¹. Но революция шла на подъем.

В апреле 1905 года в Лондоне состоялся III съезд РСДРП, выработавший тактические установки партии в период первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма—революции особого типа. Русская революция была не верхушечной, а глубоко народной революцией, приведшей в движение все народные массы. Основным вопросом революции, обусловившим ее национальную особенность, был аграрный вопрос. Съезд указал, что, хотя революция, будучи по своему характеру буржуазной, не может в данный момент выйти из рамок допустимого при капитализме, в ее полной победе заинтересован прежде всего пролетариат, которому эта победа даст возможность организоваться, подняться политически, приобрести опыт политического руководства массами и перейти от революции буржуазной к революции социалистической. Отсюда — руководящая роль пролетариата в развернувшейся революции. Крестьянство, могущее разгромить помещиков и получить землю лишь с помощью пролетариата, является его естественным союзником. Что же касается либеральной буржуазии, то она заинтересована лишь в некотором ограничении царизма, но не в ликвидации его, ибо царизм нужен буржуазии для того, чтобы держать в узде рабочих и крестьян. Отсюда — контрреволюционная роль буржуазии.

Съезд указал на необходимость обеспечения союза рабочего класса с крестьянством, всемерной поддержки крестьянского движения, изоляции либеральной буржуазии, активного участия социал-демократии в организации всенародного восстания против царизма, борьбы за создание в результате победоносного восстания временного революционного правительства—органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, способного выкорчевать контрреволюцию и созвать всенародное учредительное собрание, участия социал-демократии при благоприятных условиях во временном революционном правительстве, чтобы довести революцию до конца².

Наряду с противоречиями между развивавшимся капитализмом и остатками крепостничества, породившими буржуазно-демократическую революцию, в России в начале XX века, в связи с наступлением империализма обострился конфликт между возросшими производительными силами и буржуазными производственными отношениями. Отсюда—задачи пролетариата не огра-

---

¹ Письмо канцелярии заместника № 10089 от 7 июля 1905 г. отдельное издание.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 61—62.

ничивались буржуазно-демократическими преобразованиями. Поэтому В. И. Ленин разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Решения III съезда и труды В. И. Ленина имели величайшее значение для деятельности большевистских организаций и борьбы народных масс России.

Меньшевики же, цепляясь за буржуазный характер революции, добивались руководства ею со стороны либеральной буржуазии и сближения пролетариата не с крестьянством, а с буржуазией. Они выступали вообще против участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Это, объективно, ослабляло революционное движение, вело к поражению его.

Международный день смотра боевых сил пролетариата всего мира — 1 Мая трудящиеся страны встречали массовыми политическими выступлениями, новым подъемом забастовочной борьбы. В канун великого праздника большевики усилили свою деятельность. На митингах и в прокламациях они призывали рабочих и крестьян к подготовке восстания для свержения ненавистного самодержавия.

Кавказские власти в 1905 году отмечали, что жители Дагестана «чутко прислушиваются и интересуются всем тем, что происходит в России, на Кавказе и в особенности, в Баку»¹. Петровская группа РСДРП, руководимая В. Казариновым, К. Головачевским, Д. Атаевым, с помощью бакинских большевиков энергично готовила рабочих города к открытому политическому выступлению. Проводилась работа и в других городах. Устраивались подпольные собрания, распространялись социал-демократические прокламации.

1 мая с утра рабочие Петровска направились к горе Тарки-тау. Шли текстильщики, железнодорожники, табачники, бондари, портовые рабочие. На митинг собралось до двух тысяч человек. Перед рабочими выступали местные и прибывшие из Баку социал-демократы. Участники митинга требовали свержения царского самодержавия, установления демократической республики, 8-часового рабочего дня.

На рабочих, возвращавшихся в город с пением революционных песен, налетела полиция. Руководители митинга были арестованы. Возмущенные рабочие потребовали немедленного освобождения арестованных, угрожая разгромить тюрьму. Власти бросили против рабочих сильный конно-полицейский отряд. Началось избивание безоружных людей. Отступая, рабочие наткнулись на Инженерной улице (сейчас улица им. Ленина) на груды камней и начали ими отбиваться. Столкновение с полицией произошло и на улице Персидской (ныне улица Котрова). С обеих сторон были ранены².

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, д. 33, л. 89—90.

² Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 1412, лл. 11—12.

На зверства властей трудящиеся города ответили политической забастовкой. 2 мая прекратили работу текстильщики. Они требовали, согласно решению первомайского митинга, введения 8-часового рабочего дня (что было и политическим требованием), признания за рабочими права выставлять своих представителей для ведения переговоров с предпринимателями и добиваться улучшения положения рабочих, увеличения заработной платы, увольнения притеснявшего рабочих ткацкого мастера и др.¹

Администрация с самого пачала забастовки вызвала войска, которые заняли территорию фабрики. В такой обстановке проходили переговоры между представителями ткачей и администрацией. С целью расколоть ряды бастующих администрация объявила о согласии удовлетворить требования ткачей, за исключением введения 8-часового рабочего дня и увольнения мастера. Некоторые из менее сознательных рабочих заколебались, приступили было к работе. Но забастовщики не дали им сорвать стачку.

В связи с заявлением директора, что до приезда Решетникова—фактического владельца фабрики, он не может удовлетворить эти требования, и после временного отстранения мастера ткачи приступили к работе². Однако через несколько дней, после отказа Решетникова принять требования рабочих, они опять забастовали.

Тогда, опираясь на местные власти, администрация фабрики рассчитала забастовщиков. Был объявлен новый набор. Тем, кто активно участвовал в стачке, в обратном приеме отказали. Полиция в 24 часа выслала из города несколько десятков передовых рабочих, руководивших выступлением текстильщиков. Каждый, кто обнаруживал хоть малейшее недовольство, с работы уволялся³.

В период забастовки рабочие проявили высокую организованность. Был создан комитет помощи бастующим, в фонд забастовки собирались добровольные пожертвования⁴. Когда были арестованы двое рабочих, напавших на штрейкбрехера, текстильщики, окружив участок, заставили полицию отпустить арестованных. Большую активность проявили в эти дни рабочие-дагестанцы. По их инициативе крестьяне окрестных селений (особенно Тарки) оказывали бастующим помощь продовольствием.

Вместе с текстильщиками 2 мая поднялись на политическую забастовку и рабочие всех бондарных предприятий Петровска. Бондари требовали установления восьмичасового рабочего дня, повышения расценок. Всего в эти дни в Петровске бастовало свыше 1.200 рабочих. Бастующие рабочие города собирались в степи на нелегальные собрания, на которых обсуждались экономи-

¹ «Бакинские известия», 5 мая 1905 года.

² «Бакинские известия», 10 мая 1905 года.

³ «Баку», 2 июня 1905 года.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 59 р, оп. 5, д. 41а, л. 21 об.

ческие и политические вопросы. Полиция выслеживала и разгоняла эти собрания¹. Опасаясь распространения волнений на железную дорогу жандармы в Петровске затребовали конный отряд специально для «охраны» дороги².

Стачки на фабрике «Каспийская мануфактура» потерпела неудачу. Изю всех требований было выполнено лишь одно—увольнили ненавистного мастера. В остальном положение текстильщиков значительно ухудшилось. Бондари же добились некоторого улучшения своего материального положения³.

В Дербенте в мае также состоялись митинги. Рабочие и служащие собирались в полуверстве от города за железнодорожным училищем. Наряду с железнодорожниками в митингах участвовало городское население⁴. Выступления рабочих Дагестана в майские дни 1905 года обогатили их опытом политической борьбы, послужили хорошим примером для народных масс Дагестана.

Под влиянием выступлений рабочих на борьбу поднимались крестьянские массы. Крестьянские волнения в первую очередь охватывали селения, расположенные вблизи городов. Многие жители этих селений работали в городах и служили связующим звеном между городским пролетариатом и дагестанским крестьянством. Среди крестьян некоторую работу проводили члены Петровской и Дербентской социал-демократических групп. В Темир-Хан-Шуринском округе работу среди крестьян проводил т. наз. «крестьянский центр», связанный с Темир-Хан-Шуриной группой РСДРП.

История этой организации такова. Во второй половине 1904 года в Темир-Хан-Шуре возник революционный «кружок пропаганды среди крестьян». В январе 1905 года он выпустил прокламацию, призывавшую крестьян к захвату помещичьих земель и борьбе с самодержавием. В течение января—марта кружок вырос численно и реорганизовался в «крестьянский центр». Крестьянский центр стоял за захват помещичьей земли, ликвидацию повинностей бекам, вооружение народа. Но, отражая непоследовательность крестьянства, испытывавшего к тому же давление со стороны реакционного духовенства, он не шел на практике дальше составления петиций кавказскому начальству с изложением крестьянских нужд. Только одно активное выступление крестьян — сел. Атлы-Боюн состоялось при его участии⁵. Тем не менее, появление «крестьянского центра» в конкретных условиях того времени было фактом положительным.

Крестьяне сел. Атлы-Боюн (ныне Ленинкент) поднялись весной 1905 года. До 1893 года атлыбоюнское общество пользова-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59 р, оп. 5, д. 41а, л. 21 об.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1381, л. 32.

³ «Баку», 2 июня 1905 г. и «Бакинские известия», 5 мая 1905 г.

⁴ Из воспоминаний П. Афанасьева.

⁵ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

лось на «Кокреке», большом участке земли западнее Петровска, 1009 десятинами, из них 784 десятины находились под пашней, а на остальной площади пасся скот. По иску наследника шамхала Тарковского — бека Джамалутдина Долгатова областной суд отобрал у атлыбоюнцев право пользования «Кокреком», и у селения не осталось ни одной десятины общественной земли, годной для распашки и пастьбы скота. Вынужденные арендовать землю на стороне за очень высокую плату, крестьяне совершенно обнищали. Хлеб обществу приходилось приобретать на деньги, добываемые поденной работой.

Жалобы, которые подавало общество вышестоящим властям, оставались без ответа¹. Тогда, под влиянием событий в Петровске, крестьяне 1 апреля перешли к вооруженному выступлению. Под руководством своего односельчанина — члена крестьянского центра Черив-Мурза атлыбоюнцы прогнали с «Кокрека» бекский скот и начали пахоту. В борьбу за «Кокрек» вступили и жители сел. Тарки, среди которых по поручению Петровской группы РСДРП вел работу Дж. Атаев. Таркинцы также в течение многих лет безуспешно пытались вернуть себе участок земли, захваченный беком. Уговоры властей не помогли. По указанию губернатора, на «Кокрек» была направлена сотня Дагестанского конного полка, прибывшая туда 2 апреля². Выступление крестьян было подавлено, «зачинщиков» арестовали. В «беспорядках», по сообщению газеты «Казбек», участвовал 168 атлыбоюнцев, мужчин и женщин, вооруженных ружьями, револьверами, кинжалами и кольями, а также 2.000 таркинцев, мужчин и женщин вооруженных ружьями³. Вопреки надеждам властей, столкновения между таркинцами и атлыбоюнцами из-за «Кокрека» не произошло.

Ширилось движение раят селений Джемикент, Великент, Татляр и др., расположенных недалеко от Дербента⁴. Крестьяне не только отказывались вносить подати и исполнять повинности бекам, но и захватывали помещичьи земли, осуществляли массовую порубку лесов, поджигали кутаны, вступали в столкновения с властями.

Летом 1905 года усиливается деятельность большевиков Терека и Дагестана. В упорной борьбе с оппортунистами они отстаивали и проводили в жизнь решения III съезда партии. Но руководство в Терско-Дагестанском союзном комитете РСДРП было захвачено меньшевиками⁵. Это объясняется тем, что во Владикавказе — административном центре Терской области, где находился комитет, было незначительное количество рабочих, при

1 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1323, лл. 119—122 и 155—156.

2 История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. Стр. 319.

3 «Казбек», 9 апреля 1905 года.

4 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1412, л. 8.

5 См. «Сборник научных трудов Пятигорского педагогического института», в. IV. 1949, стр. 83—84, Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.». Сборник документов и материалов. Махачкала. 1956. Стр. 40.

этом занятых, главным образом, в мелкой и кустарной промышленности. В то же время здесь был большой слой мелкобуржуазной интеллигенции, из среды которой и пополнялась в первую очередь социал-демократическая организация. Комитет открыто противился созыву III съезда, а после того, как съезд состоялся, прилагал все усилия, чтобы опорочить его решения, дезорганизовать рабочие массы распространением меньшевистских взглядов на характер и движущие силы революции, на тактику партии.

Большевистская Грозненская группа, а также действовавшие под ее руководством социал-демократические группы Дагестана постепенно отходили от Терско-Дагестанского комитета. 17 июня 1905 года грозненцы приняли решение о выходе из ТДК и вступлении в большевистский Кавказский союз РСДРП. В резолюции говорилось: «Принимая во внимание, что Терско-Дагестанский комитет — организация отколовшейся части партии (т. е. меньшевиков — Г. М.), грозненская группа, признавая III съезд партийным съездом, выходит из состава ТДК и желает работать или самостоятельно или же под руководством партийной организации.

Принимая во внимание, что ТДК обслуживает незначительную часть Терской области (в более крупных промышленных центрах работает наша группа), а к Дагестану не имеет никакого отношения (работает исключительно наша группа), Грозненская группа протестует против представительства ТДК на кавказском съезде»¹. (имеется в виду конференция кавказских меньшевиков в апреле 1905 г. в Тифлисе — Г. М.).

Грозненская и дагестанские социал-демократические группы стали работать под непосредственным руководством Бакинского комитета и Кавказского союза РСДРП, что активизировало эти группы и значительно укрепило их.

В июле Темир-Хан-Шуринская группа РСДРП выступила с призывом к свержению царизма и борьбе за созыв Учредительного собрания. В листовке, выпущенной ею, говорилось:

«Россия находится накануне крупных событий. Революция, этот великий исторический рычаг, уже началась, и не за горами битва вампира, борющегося за свое существование, с народом. Последний настолько созрел, что его не обманут ни полуреформы, ни будущая российская Государственная дума, — это учреждение для буржуазии, для бюрократии. Пролетариат, этот передовой авангард народа, уже выступил и под звуки своей Марсельезы и под развевающимися красными знаменами бодро и смело идет к намеченной цели. Классовые противоречия создали богатую почву для революционирования рабочего класса, этого обездоленного несправедливого люда, создающего своими мозолистыми руками, как главного участника производства, все богатства страны и не пользующегося даже теми ничтожными удобствами,

¹ «Борьба пролетариата» (орган Кавказского союза РСДРП), 1 июля 1905 года.

которые необходимы для сносного человеческого существования. Рабочий по отношению к производству имеет лишь обязанности, но никаких прав. Эти ненормальности капиталистического производства толкнули рабочего на борьбу и сплотили его под знаменем революционной социал-демократии, которая одна и только одна может вывести рабочего, а вместе с ним и все человечество, на новый путь к лучшему будущему.

Социал-демократия ведет трудящихся к новой жизни, к социализму. Ближайшая переходная ступень к последнему есть свержение царского самодержавия. Будем же готовы, товарищи, к славной борьбе за лучшую долю, и своей солидарностью добудем в России **Учредительное собрание** на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»¹ Эта листовка поступила и в редакцию ленинской газеты «Пролетарий»².

Хотя социал-демократические группы в городах Дагестана—Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте продолжали оставаться объединенными, внутри них, между фракциями большевиков и меньшевиков шла непрерывная борьба по основным вопросам революционного движения, по вопросам тактики. В Темир-Хан-Шуре, например, меньшевики выступали против работы большевиков Дагестана среди крестьян (в «крестьянском центре»), ибо не считали крестьянское движение революционным, против работы среди военных (в «военном бюро»), против слияния крестьянского и солдатского движения с рабочим движением, против организации сил для вооруженного восстания, против тактики бойкота I Государственной думы.

Меньшевики выступали также против организации единого социал-демократического центра в Дагестане и выработки общей для местных групп РСДРП тактической линии, чего требовали большевики. В результате создание этого центра было сорвано. Не было даже достаточного контакта между социал-демократическими организациями Дагестана. Все это отрицательно отражалось на руководстве революционным движением народных масс области.

Но фракционные разногласия в дагестанских группах РСДРП не достигали все же такой остроты, как в центре, ибо сил было мало и теоретическая подготовленность рядовых работников, да и местных социал-демократических лидеров, была недостаточной³.

Летом 1905 года борьба рабочих в Дагестане продолжала развиваться. В июле на всеобщую политическую стачку поднялся многотысячный коллектив рабочих и служащих Владикавказской железной дороги. Железнодорожники энергично готовились к этой стачке. Пучин взяли на себя машинисты. 2 июля в помещении же-

¹ «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годы». Сборник документов и материалов. Махачкала, 1956, стр. 41.

² «Пролетарий», 3 августа 1905 года.

³ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

железнодорожного клуба при ст. Минеральные Воды состоялся съезд машинистов всех депо дороги (по два человека от каждого), на котором решено было приступить к забастовке в следующем порядке: сначала Минераловодское депо, затем Кавказское, Тихорецкое и Грозненское, Дербентское, Баладжарское, Ростовское на Дону и Новороссийское. В такой очередности забастовка и началась. 11 июля прекратили работу железнодорожники Минеральных Вод и Кавказской, 12-го — Тихорецкой и Грозного, 14-го — железнодорожники Дербента, 15-го — Ростова и Новороссийска.

Перед прекращением работ рабочие и служащие подавали администрации петиции, в которых под влиянием большевиков излагались не только экономические требования — сокращение рабочего дня, повышение заработной платы и др., но и политические — прекращение войны, отмена военного положения на Владикавказской железной дороге, свобода собраний, слова, печати, стачек и созыв Учредительного собрания¹. Большевики широко распространяли среди железнодорожников прокламации, проводили нелегальные собрания.

Петиция дербентских железнодорожников содержала только экономические требования². Это объяснялось слабостью работы большевиков среди рабочих ст. Дербент в этот период. Но сам факт присоединения ко всеобщей стачке рабочих и служащих Владикавказской железной дороги, проходившей не только под экономическими, но и под политическими лозунгами, знаменовал растущую сознательность дербентских железнодорожников.

Рабочие и служащие ст. Петровск-Кавказский (ныне Махачкала-1) на трех собраниях — 15, 17 и 23 июля — выдвигали требования о прибавке жалованья и улучшении бытовых условий, но начальник депо сумел обмануть петровцев обещаниями, и они на стачку не поднялись³.

Требования рабочих и служащих дороги были отклонены. Управляющий дорогой сообщил по линии начальникам мастерских и депо телеграмму правления дороги: «Никаких уступок не делать, обещаний не давать, служащих, не принявшихся за работу, рассчитывать, удалив с полосы отчуждения». Правление дороги дало также указание о выселении этих служащих из квартир, об уголовном преследовании участников забастовки. Но никто из забастовщиков ни на работу, ни за расчетом в указанный срок не явился⁴.

По указанию властей с 14 числа для замены бастующих были использованы железнодорожные воинские части. Но восстановить движение полностью не удалось. Рабочие держались дружно, пре-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 218 и об. См. также П. Семернин. 1903 год на Дону. Ростиздат, 1940.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 80 и об.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, п. 1, д. 51, л. 113.

⁴ «Баку», 22, 26 и 28 июля 1905 года.

секая попытки штрейкбрехеров сорвать стачку. Большим энтузиазмом горела молодежь, работе с которой большевики уделяли значительное внимание. Жандармы отмечали, что «забастовщиками руководили злонамеренные лица, принадлежащие к составу революционного комитета. Эти лица снабжали служащих прокламациями самого возмутительного характера и влияли на умы, главным образом, молодежи, в лице помощников машинистов и слесарей, большей частью бывших воспитанников железнодорожных технических училищ. Этот элемент исключительно служил проводником намерений и действиями руководивших забастовкой и создавал серьезные положения...». В этом же сообщении говорилось об упорном характере стачки¹.

Власти перебросили на дорогу войска. Забастовка, по их признанию, сразу же переросла « в острый период, длившийся с 11-го до 18-го июля и вызвавший напряженную деятельность жандармской полиции и призванных на охрану войск»². Ст. Дербент была занята ротой Гунибского батальона. В Ростове-на-Дону и Новороссийске забастовка была подавлена силой оружия. На других станциях рабочие держались до 1 августа, когда крайняя нужда и репрессии царских властей заставили их приступить к работе. Со станций Дербент, Грозный и Тихорецкая за забастовку было уволено 400 рабочих. Просьбы их о принятии на работу на прежних условиях были отклонены. Правление дороги объявило о наборе рабочих с других дорог³.

Но, боясь нового выступления рабочих, министры путей сообщения и финансов и правление дороги пошли на уступки. Они не решились осуществить свою угрозу уголовного преследования и лишения забастовщиков прав, приобретенных прежней службой. Время забастовки было зачтено за отпуск без содержания. Воинская охрана была снята 2-го августа, а железнодорожные части — отозваны 17-го⁴.

Хотя железнодорожники и не добились удовлетворения своих требований, июльская политическая стачка имела огромное значение, ибо подняла моральный дух рабочих, показала, что лишь вооруженной борьбой против самодержавия можно добиться своих целей. Июльская забастовка была важной ступенькой в развитии революционного движения на Северном Кавказе, в том числе, в Дагестане.

Летом и осенью власти развернули кампанию за введение на Кавказе земских учреждений. Этой кампанией, как и булыгинской думой, царизм намеревался заключить сделку с буржуазией, отвлечь народ от революции. Вскрывая истинную подоплеку очередного маневра царизма, большевики призывали к бойкоту зем-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 51, лл. 112—113, 218 и об.

² Там же, л. 218 и об.

³ «Баку», 28 июля и 2 августа 1905 года.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 51, лл. 112—113, 218 и об.

ской компании. Либеральная буржуазия и меньшевики выступали за участие в ней.

Население Дагестана, опасаясь увеличения налогов в связи с введением земств, и из неприязни ко всем мероприятиям, проводимым царскими властями, выступили против земской кампании.

При производстве выборов представителей для участия в совещаниях по введению земских учреждений в ряде мест Дагестана произошли волнения крестьян. В Даргинском округе, в селениях Ходжал-махи, Куппа и Обоки-махи крестьяне, по сообщению властей, не только решительно отказались от избрания представителей, «но даже оказали неуважение местным должностным лицам... Подобные же волнения... произошли и в некоторых других селениях округа»¹. Земская кампания в Дагестане провалилась².

В октябре революционное движение в стране поднялось на новую ступень. Стачные выступления рабочего класса раскачивали народные массы, вовлекали их в борьбу, служили главным средством политического воспитания масс. Особое место среди этих выступлений принадлежит всероссийской октябрьской политической стачке рабочих и служащих. Застрельщиками ее выступили железнодорожники. Начавшись в Москве 7 октября, стачка железнодорожников вскоре охватила почти все дороги России. Железнодорожников поддержали рабочие и служащие промышленных предприятий и различных учреждений страны. 17 октября забастовка стала всероссийской. В ней участвовало более двух миллионов рабочих и служащих. Стачка проходила под лозунгом «Долой царское самодержавие! Да здравствует демократическая республика!». В некоторых местах всеобщая стачка переросла в вооруженные столкновения рабочих с войсками.

Перепуганный мощным всенародным выступлением, царь издал 17 октября манифест, которым были обещаны народу некоторые политические свободы, созыв законодательной Государственной думы, с привлечением к выборам в нее всех классов населения. Царский манифест был рассчитан на то, чтобы обмануть народ лживыми обещаниями, собраться с силами и разгромить революционное движение. Так, большевики и разъясняли народным массам причины появления манифеста. «Октябрьский манифест, — писал В. И. Ленин, — знаменовал не прекращение борьбы, а уравнивание сил борющихся: царизм уже не мог управлять, революция еще не могла его свергнуть. Из этого положения с объективной неизбежностью вытекал решительный бой»³.

Буржуазия, а также меньшевики приветствовали манифест. Они пытались доказать, что манифест 17 октября открывает эпо-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, с. д. 34, л. 59.

² «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годы». Сборник документов и материалов. Махачкала, 1956, стр. 13.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 353.

ху буржуазно-конституционного строя в России. В Дагестане либеральная буржуазия объединяется в организации кадетов. Создаются также организации октябристов, представлявшие интересы крупной промышленной и торговой буржуазии.

Обещая на словах политические свободы, правительство в то же время повсеместно создавало для борьбы с революционным движением погромные организации из контрреволюционных элементов, которые народ окрестил «черной сотней». Черносотенные организации были созданы и в городах Дагестана. Это были немногочисленные группки из чиновников и купцов. Действовали они под руководством полиции: распространяли черносотенные прокламации, терроризовали население слухами о готовящихся погромах, занимались слежкой за прогрессивно-настроенными лицами¹.

На Северном Кавказе в октябрьские дни большую активность и высокую организованность проявили железнодорожники. На съездах представителей курпных станций в Ростове 13 и 20—29 октября был организован профессиональный «союз служащих Владикавказской железной дороги», в который вошли и железнодорожники Дагестана. Союз преследовал не только экономические, но и политические цели. Наряду с требованиями улучшения материального положения рабочих и служащих дороги, союз добивался отмены военного положения, свободы собраний, сходок, организаций, слова, печати, неприкосновенности личности и жилищ, созыва собрания народных представителей страны с законодательной властью, избранного всем населением без различия пола, национальности и вероисповедания «для выработки всех основных законов в интересах трудящихся классов»².

На всех больших станциях дороги с основными паровозными депо были созданы районные отделения союза во главе с выборными бюро. Отделения и, соответственно, бюро носили наименования этих станций. Такие бюро образовались и на ст. Дербент и, позднее, на ст. Петровск. Центральным было Ростовское-на-Дону бюро. Союз пользовался огромным влиянием среди железнодорожников. В дербентское отделение союза в короткий срок записалось до двухсот человек³.

Железнодорожники Дагестана поддерживали связь с рабочими и служащими нескольких десятков крупных узлов страны: Москвы, Баку, Харькова, Воронежа, Екатеринослава, Тамбова, Варшавы и др.

Администрация Владикавказской железной дороги вынуждена была официально признать союз и его право добиваться удовлетворения нужд рабочих и служащих. Под давлением союза управляющий дорогой согласился считать время поездки и заня-

¹ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, лл. 1 и об., 47 об., 48 и 82 и об.

³ Там же, л. 83.

тий делегатов за отпуск с сохранением содержания. В то же время администрация всеми силами пыталась подорвать союз, ослабить его деятельность. Так, несколько позднее начальник ст. Ростов Брылев предложил создать отдельно союз движенцев. Но рабочие вовремя разгадали этот коварный замысел. Баладжарцы разослали по всем станциям телеграммы с предупреждением. В телеграмме указывалось, что в интересах освободительного движения необходимо сохранить единый союз¹.

Рабочие и служащие Владикавказской дороги приняли активное участие во всероссийской политической стачке. 12 октября забастовали рабочие депо Новочеркасск, 13-го — рабочие главных мастерских в Ростове. 18-го октября, вечером, в Дербент прибыл из Баладжар экстренный поезд с делегатами на съезд рабочих и служащих дороги в Ростове-на-Дону. На станции состоялось собрание, на котором присутствовали прибывшие делегаты, дербентские железнодорожники и городские жители. Обсуждалось положение рабочих и служащих станции Дербент, обстановка в стране. В результате, железнодорожники Дербента выбрали своих делегатов на съезд и забастовали. Они сместили начальника отделения дороги Казарова и контролера движения Неровню². Было отдано распоряжение о прекращении работы линейного телеграфа до 21-го октября, чтобы на следующих станциях власти не подготовились к задержанию делегатского поезда и аресту делегатов³.

20 октября начальник Владикавказского жандармского полицейского управления сообщал заведующему полицией на Кавказе: «Товарное движение прекращено по всей линии. Пассажирское продолжается на участке Баладжары—Минеральные Воды с разрешения забастовщиков»⁴. Движение на Владикавказской дороге было полностью восстановлено лишь 24 октября⁵.

Октябрьские события нашли живейший отклик в городах Дагестана. В Темир-Хан-Шуру весть о манифесте дошла 19 октября. В тот же день в городе состоялась демонстрация с разоблачением манифеста, организованная социал-демократами. Демонстрация была немногочисленной, но произвела большое впечатление на горожан и солдат. После этой демонстрации заметно выросла политическая сознательность солдат гарнизона. В казармах открыто шло обсуждение политических вопросов⁶.

23-го октября власти устроили в городе торжественное молебствие по случаю «монаршей милости». Но «группа политически неблагонадежных лиц», как говорится в полицейском донесении,

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 56 об.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 103, лл. 10—11.

³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 7, д. 2, лл. 133—134.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 88, л. 17.

⁵ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Документы и материалы, ч. 1. Академиздат. 1955. Стр. 232.

⁶ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

агитировавшая среди горожан, потребовала отслужить панихиду по павшим рабочим-борцам за свободу. Губернатор вынужден был дать согласие. По окончании панихиды над головами присутствовавших взвился красный флаг, на котором было написано: «Свобода!» и «Да здравствует созыв Учредительного собрания!» Тут же распространялись прокламации, в которых разъяснялось, что царь издал манифест не по своей воле, что обещание свобод вырвано у царя революционной борьбой народа. Образовалась демонстрация из рабочих, служащих, учащихся реального училища и солдат. С музыкой и пением «Дубинушки» и «Марсельезы» они прошли по улицам города. Колонна быстро росла. Власти разогнать демонстрантов не решились¹.

29 октября полиция в Темир-Хан-Шуре, соответственно приказанию наместника, запретила проведение демонстраций.

В Петровске 21 октября социал-демократы В. Казаринов, К. Головачевский и О. Лопухина устроили нелегальное собрание железнодорожников, городских рабочих, служащих, учителей и учащихся. На собрании было принято решение провести на следующий день демонстрацию под красными флагами. Полиция явилась, когда участники собрания уже расходились.

Намеченную демонстрацию провести не удалось, ибо полиция мобилизовала черносотенные банды. Головачевский, раздававший прокламации на Бярятинской улице и в городском саду, был арестован. Вечером на квартире, которую занимали Головачевский и Казаринов, полиция произвела обыск. Полицейские нашли прокламации и палки со следами сорванных флагов. Казаринов и Головачевский были арестованы и заключены в тюрьму². Их квартира была разгромлена черносотенцами.

Митинги под красными флагами состоялись и в Дербенте³.

Аресты и обыски, запрещение митингов и сходок, организация черносотенных банд — все эти действия царских властей на практике убеждали массы в правильности оценки манифеста 17 октября большевиками.

В ноябре 1905 года состоялась IV конференция Кавказского союза РСДРП. Указав на «сильное течение в нашей партии в пользу объединения», конференция заявила, что обязательным условием объединения является признание ленинской формулировки параграфа 1 устава партии с вытекающим отсюда организационным централизмом.

Конференция отметила приближение «решительной схватки» с самодержавием, значение в этой схватке сплочения крестьян и солдат вокруг пролетариата и приняла соответствующее решение. Конференция указала, что реформы и государственные думы слу-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1383, лл. 42—44.

² ЦГА ДАССР, ф. 35/89, оп. 1, д. 1, лл. 31—32 и «Баку», 1 ноября 1905 г.

³ Из воспоминаний П. Афанасьева.

жат лишь цели укрепления старого строя, что единственным средством освобождения народа является «уличная схватка», т. е. вооруженное восстание. Конференция предложила создать «Кавказское бюро» для подготовки и практического проведения вооруженного восстания.

В ходе революции народные массы Кавказа все более активно выступали против национально-колониального гнета. В Дагестане национально-освободительное движение имело два противоположных направления: более сильное революционно-демократическое, отражавшее интересы народных масс и возглавлявшееся большевиками и примыкавшими к ним представителями демократической интеллигенции, и буржуазно-националистическое, отражавшее интересы феодально-клерикальных кругов и местной буржуазии.

Национально-освободительное движение народных масс окраин страны, в том числе Дагестана, было важным союзником русского пролетариата в совместной борьбе против царизма, помещиков и буржуазии. Буржуазные националисты же стремились посеять вражду между дагестанским и русским народами, придать национально-освободительному движению антирусский характер, затемнить классовое сознание народных масс, использовать движение в интересах местной эксплуататорской верхушки.

Отстаивая ленинский принцип права наций на самоопределение, IV конференция Кавказского союза РСДРП вынесла решение о всемерной поддержке и руководстве национально-освободительным движением с тем, чтобы направить его в общее русло революционной борьбы народных масс страны. Конференция отвергла буржуазно-националистический план автономии национальностей Кавказа, борьба за который привела бы к дроблению сил народных масс, к затемнению их классового самосознания¹. Особенно неприменимым был этот план в условиях многонационального Дагестана.

Решения конференции имели важное значение для деятельности большевиков Дагестана.

В ноябре на забастовочную борьбу в Петровске вновь поднимаются бондари. Они требовали сокращения рабочего дня до 10 часов, повышения заработной платы, выделения для нужд рабочих нескольких больничных коек. Забастовка отличалась большим упорством. Организованный социал-демократами профессиональный союз бондарей, а также забастовочная касса оказывали материальную помощь остро нуждающимся. Социал-демократы распространяли листовки Бакинского комитета РСДРП, проводили частые совещания активистов, на которых обсуждался ход забастовки, намечались дальнейшие планы дей-

---

¹ См. «Кавказский рабочий листок», 3 и 4 декабря 1905 года.

ствий. Бондари ежедневно собирались в степи за городом на митинги. Бакинская организация РСДРП прислала в помощь петровцам своего представителя¹.

16 ноября в знак солидарности с забастовавшими почтово-телеграфными работниками страны прекратили работу служащие Темир-Хан-Шуринской и Порт-Петровской почтово-телеграфных контор. Эта забастовка закончилась 26 ноября².

Поднялись на стачку и рабочие типо-литографии Михайлова. Рабочие трудились здесь в ужасных для здоровья условиях. Помещение типографии было тесным и грязным, в воздухе постоянно висела свинцовая пыль. Питание из-за низкой заработной платы было плохим. Все это делало рабочих к 35—40 годам инвалидами. В типографии работали и дети, получавшие за равный со взрослыми труд еще более низкую зарплату. Медицинская помощь совершенно отсутствовала. Каждый заболевший немедленно лишался работы и выбрасывался на улицу. Рабочие требовали установления 8-часового рабочего дня вместо 11-часового, увеличения заработной платы на 20 проц., создания комиссии из рабочих и служащих для рассмотрения трудовых конфликтов и вопросов приема и увольнения, запрещения детского труда, материального обеспечения в случае потери трудоспособности. Они отказались от посредничества фабричной инспекции, которая «не содействует улучшению быта рабочих и не замечает даже... прямо противозаконных явлений». Забастовка продолжалась и в декабре³.

Под влиянием выступлений петровских рабочих вновь поднимаются крестьяне. Жители сел. Тарки, вооружившись, сожгли кутаны и порубили большой лесной участок кн. Тарковского, т. наз. «Шамхальского леса». Они хотели сжечь дом Тарковского в Шамхал-Термене, но, поддавшись уговорам стариков, не выполнили задуманного⁴. 20, 21 и 23 ноября таркинцы порубили лес на «Кавтар-кутане», спорном с беками Алыпкачевыми, и вывезли около 1000 ароб дров⁵.

Революционная борьба рабочих и крестьян оказывала свое влияние и на солдат. В ноябре 1905 года в слободе Хасав-Юрт (тогда — Терской области) имели место волнения среди солдат расквартированного там Ширванского полка. Солдаты, числом более 500 человек, потребовали от командования немедленного возвращения одного из батальонов этого полка, посланного за несколько дней до этого на «усмирение» в Пятигорск, а также

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1412, лл. 30—31; ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 1, д. 89, л. 365 и ф. 175-р, оп. 2, д. 13, л. 3.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, с. д. 103, лл. 21—22; Газ. «Новая жизнь», 30 ноября 1905 года.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, д. 69, л. 24; «Баку», 15 декабря 1905 года; «Казбек», 27 ноября 1905 года.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1412, л. 32.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 22а, л. 224.

улучшения условий службы и демобилизации отслуживших свой срок солдат. К солдатам присоединилось до тысячи местных жителей¹.

Усиливаются революционные настроения и среди учащейся молодежи. Учащиеся учебных заведений находились в жестких тисках придирчивой и мелочной дисциплины. Им воспрещалось посещение общественных мест — маскарадов, клубов, чтение прогрессивной литературы, организация кружков и пр. Надзор за учениками вне стен учебного заведения осуществлялся не только школьной администрацией, но и полицией. 23 ноября в результате работы, проведенной Дербентской группой РСДРП, объявили, впервые в области, политическую забастовку ученики Дербентского реального училища. Учебное начальство отмечало, что забастовка была вызвана «упорными и сильными влияниями извне», и требования учащихся почти целиком заимствованы из «посторонних источников»².

Недели за две до этого события в училище было подброшено воззвание, в котором учащиеся призывались вывесить красный флаг. Среди учеников стали усиленно распространяться гектографированные прокламации, в которых говорилось:

«Дербентским учащимся!.. Почти все среднеучебные заведения предъявляют требования своему начальству, и часть требований уже исполнена. Неужели вы не примете участия в этом движении, неужели вы не постараетесь освободить среднюю школу от власти бюрократов... Предъявите же и вы требования, которые предъявила учащаяся молодежь России. Итак, за дело, товарищи! Но успеха можно ожидать только при полном единении... Да здравствует свободная школа!»³.

Реалисты потребовали установить свободу собраний в здании училища «без права присутствия нежелательных лиц», назначить часы для ознакомления учащихся «с освободительным движением настоящего времени в России», снять с инспекции полицейские функции, ввести преподавание родных языков для азербайджанцев, армян и евреев, обучающихся в училище, ввести неприкосновенность ученической корреспонденции, уничтожить кондуиты и связанную с ними систему шпионства, предоставить право образования ученических касс взаимопомощи, отменить преподавание церковно-славянского языка, уважать личность ученика, учредить товарищеский суд, отменить внеклассный надзор за учащимися, предоставить им право организации кружков и др. Реалисты требовали также, чтобы никто из участников забастовки не был исключен из училища.

Предъявив эти требования, учащиеся заявили что возобновят занятия лишь после удовлетворения всех указанных пунктов. К

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, д. 3007, лл. 22 об. 23, 26 об.

² ЦГА ДАССР ф. 84, оп. 3, д. 3, лл. 159 оп. и 160.

³ Там же, оп. 1, д. 5, л. 40.

реалистам присоединились гимназистки. Забастовка продолжалась по 30 ноября и прекратилась лишь в результате сильного давления властей и учебного начальства на учащихся и их родителей¹.

В декабре 1905 года революция в России достигла наивысшего подъема. В. И. Ленин писал: «Декабрь был естественным и неизбежным завершением массовых столкновений и битв, нараставших во всех концах страны в течение 12-ти месяцев»².

Московский Совет рабочих депутатов, опиравшийся на широкие массы рабочих, по указанию Московского большевистского комитета РСДРП, объявил 7 декабря политическую забастовку с целью перевести ее в восстание. К решению Московского Совета присоединились съезд почтово-телеграфного союза и конференции всероссийского союза железнодорожников, проходившие в Москве. Начавшаяся забастовка быстро распространилась по городам и районам страны. В самой Москве она вскоре переросла в вооруженное восстание. В течение 9 дней до восьми тысяч рабочих вели неравную борьбу с намного превосходящими силами правительства. Восстание было жестоко подавлено. Но оно нашло отклик по всей стране. Вооруженное восстание охватило Харьков, Горловку, Екатеринослав, Мотовилиху (Пермь), Сормово, Красноярск и другие города.

На Северном Кавказе в декабрьские дни в первых рядах революционного движения шли железнодорожники. 8 декабря на станциях Владикавказской дороги была получена телеграмма от конференции представителей 29 железных дорог страны и центрального комитета всероссийского союза железнодорожных служащих с объявлением всеобщей политической забастовки. В телеграмме указывалось, что забастовка является ответом на зверские насилия, чинимые преступным правительством над народом, что рабочие и служащие должны добиваться политических свобод и созыва Учредительного собрания. «Итак, товарищи, — говорилось в заключение в телеграмме, — смело и дружно в борьбу за освобождение всего народа. Мы не одни: городской пролетариат, трудовое крестьянство и сознательная часть армии и флота уже восстали за свободу, за землю и волю»³.

Со своей стороны, центральное бюро союза служащих Владикавказской железной дороги обратилось к местным бюро с телеграммой, в которой, присоединяясь к решению Петербургского и Московского Советов рабочих депутатов и конференции всероссийского союза железнодорожников, предложило начать политическую забастовку в 12 часов ночи с 7 на 8 декабря. Все застигнутые забастовкой товарные поезда довести до больших станций по усмотрению местных бюро, пассажирские поезда — до боль-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 84, оп. 1, д. 5, лл. 41—42 и д. 6, л. 59.

² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 353.

³ ЦГА ДАССР, ф. 89, оп. 1, д. 4, лл. 2—3.

ших станций с буфетами. Поезда с запасными нижними чинами и хлебом для голодающих отправить и пропускать беспрепятственно. Местным бюро организовать по своему усмотрению поезда для безопасности рабочих и служащих на линии и для снабжения их провизией и водой. Забастовку прекратить только после уведомления со стороны ростовского бюро. Для организации и руководства забастовкой на 11 декабря был назначен съезд представителей линейных бюро в Ростове.

«Товарищи! — говорилось в телеграмме. — От нашего дружного и единодушного выступления будет зависеть превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия. Бросайте работы, присоединяйтесь к забастовке. Да здравствует всероссийская политическая забастовка!»¹.

Рабочие Владикавказской дороги с воодушевлением откликнулись на этот призыв. Одна за другой станции присоединялись к забастовке. Вечером 8 декабря дербентское бюро союза созвало экстренное общее собрание рабочих и служащих отделения. Участники собрания единогласно постановили присоединиться к политической забастовке и прекратить движение пассажирских и товарных поездов, а также эшелонов с войсками. Решено было установить дежурства в депо, на станции и по службе ремонта, дежурных вооружить револьверами². 10 декабря дербентцы прекратили движение. Дербент стал центром забастовочной борьбы железнодорожников Дагестана.

Железнодорожники Петровска забастовали 13-го (задержка с объявлением забастовки произошла из-за крушения за Чир-Юртом товарного поезда, а также из-за снежных заносов: рабочие вынуждены были расчищать пути, чтобы не прервалось снабжение города³. В борьбе железнодорожников активно участвовали почтово-телеграфные служащие. Еще 2 декабря общее собрание телеграфистов Дербентского отделения постановило «выразить свою солидарность всем товарищам телеграфистам, решившим игнорировать шифрованные депеши, имеющие обращение внутри России, и вообще депеши, направленные против освободительного движения»⁴.

Дербентское и Петровское бюро союза железнодорожников с представителями от служб железной дороги, телеграфа, дербентских газового и льдозаводов, превратившиеся в забастовочные комитеты, играли, по существу, роль Советов рабочих депутатов. Вся власть перешла в руки рабочих. Администрация была фактически устранена от руководства дорогой. Без указаний забастовочных комитетов не осуществлялось ни одно мероприятие на дороге, не отправлялся ни один состав, ни одна депеша.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 89, оп. 1, д. 4, л. 106.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 86 и об.

³ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 1, д. 231, л. 25.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 33.

Забастовочные комитеты прекратили движение пассажирских и товарных поездов, а также эшелонов с войсками и новобранцами. Так, 9 декабря дербентцы отказались отправить из Петровска новобранцев, а также перебросить по дороге батальон Самурского полка¹.

В то же время, прекрасно учитывая, какую важную роль играла железная дорога в деле снабжения области, прежде всего хлебом, забастовщики сделали исключение для составов с продовольствием, топливом и водой для трудящегося населения. Комитеты тщательно следили за тем, чтобы продовольственные грузы шли без задержек². Лицам, провозящим продовольствие, продавались особые талоны, заменявшие железнодорожные билеты. Специально назначенные контролеры тщательно следили за порядком в этих поездах. Деньги, полученные от продажи талонов, сдавались комитетам.

Были приняты меры для облегчения материального положения железнодорожников. Ввиду прекращения поступления денег из управления дороги собранные за проезд деньги использовались для ссуды наиболее нуждающимся, часть этих денег была передана на больничные нужды. Комитеты заботились об улучшении медицинского обслуживания рабочих, об организации каникулярного отдыха школьников. По станциям было дано распоряжение: «Обо всех экстренных случаях — как-то: увечья, недостаток пищи, воды, требование скорой медицинской помощи принимать от дорожных мастеров все депеши... принимать беспрепятственно»³.

14 декабря Дербентский забастовочный комитет дал депешу на станцию Баладжары: «Необходимо позаботиться об организации перевозки всех детей бакинских учебных заведений, отпускаемых на праздники домой. Просим... переговорить с начальством учебных заведений и приурочить выезд детей из всех заведений к одному дню — о чем поставить нас в известность»⁴.

Таким образом, игнорируя царские законы и власти, забастовочные комитеты самочинным путем устанавливали новые порядки. Это большевистское тактическое средство парализовало в значительной степени аппарат власти царизма и подняло революционную инициативу и активность масс.

Подчеркивая огромную роль этих органов борьбы против старой власти, В. И. Ленин писал: «Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося

---

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, лл. 90, об., 91.

² Там же, л. 76 об., 78, 80 об.

³ Там же, л. 77.

⁴ Там же, л. 79.

от старых полицейских пут... Они действовали, как власть... Они конфисковали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства, — да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства»¹.

На станциях Дербент и Петровск ежедневно шли собрания и митинги, на которых выступали местные и направляемые из Баку ораторы. Участники собраний и митингов требовали свержения царизма, установления демократической республики, 8-часового рабочего дня. Помещения, где собирались рабочие, охраняли вооруженные дружинники². Полиция, боясь «осложнений», держалась в стороне. Широко распространялись большевистские листовки, в том числе — Центрального Комитета РСДРП: «Солдатская памятка», «Крестьяне, к вам наше слово», Московского комитета РСДРП: «Товарищи!» и другие³. Эти листовки доставлялись из Баку и других городов⁴. В прокламациях партия разоблачала преступления царизма, призывала рабочих, крестьян и солдат активнее включаться в борьбу за низвержение самодержавия, разъясняла, что рабочие борются не только за свои, но и за общенародные интересы.

Большевики Дагестана проводили работу с целью поднять на совместное с железнодорожниками выступление против самодержавия всех фабрично-заводских рабочих и крестьян, подготовить боевые дружины. Но раскольническая тактика меньшевиков и эсеров, а также разного рода либеральных попутчиков, мешала движению развернуться. Терско-дагестанские меньшевики в своей газете «Искра», вышедшей во Владикавказе одним номером 18 декабря 1905 года, пытались, например, доказать (в статье «Кровавые дни в Ростове»), что царское правительство можно свергнуть мирным путем. Дни октябрьских «свобод» и манифест 17 октября они считали высшей точкой и поворотным пунктом в истории русской революции. Таким образом, меньшевики уводили народные массы от необходимости вооруженного восстания, мешали подготовке восстания.

Правительство пыталось с помощью угроз «воздействовать» на железнодорожников. 2 декабря был опубликован царский указ, определявший жестокое уголовное наказание за организацию забастовки на железной дороге и других предприятиях или участие в ней. 14 декабря царь издал новый указ о чрезвычайных мерах против забастовок рабочих и служащих железных дорог и телеграфа. В полосе отчуждения железной дороги, к которой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 217.

² Из воспоминаний И. Евстафьева, участника революционного движения.

³ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, лл. 37 об. — 39 — об.

⁴ Из воспоминаний С. Якайтиса, участника революционного движения.

применены чрезвычайные меры охраны, гражданские лица подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени за устройство стачек и возбуждение к ним, за вооруженное сопротивление властям и т. д. Министр путей сообщения потребовал от администрации дорог принять меры против организации железнодорожников, прекратить сношения с ними, препятствовать передаче ими депеш по линии.

Станции подвергались непрерывным налетам полиции и войск. Бесчинства распоясавшейся военщины не имели предела. Так, незадолго до объявления забастовки казаки, следовавшие эшеломом через ст. Петровск-Кавказский, по указанию офицеров, напали на служащих станции и открыли по ним стрельбу. Несколько человек были ранены, один из них вскоре умер¹. Это событие имело широкий отклик на Кавказе. Трудящиеся выражали свое негодование зверским расстрелом рабочих. В самом Петровске похороны жертвы кровавого самодержавия вылились в демонстрацию протеста, организованную петровской социал-демократической группой. Демонстранты несли впереди громадный флаг с надписью: «Невинной жертве произвола». На могилу были возложены венки от местной группы РСДРП, от рабочих и служащих обеих станций Петровска. Трудящиеся города клялись отомстить самодержавию².

Через несколько дней солдаты совершили под Петровском новое нападение на служащих дороги. Угрожая оружием, они угнали поезд³.

Власти бесчинствовали и в Дербенте. В ночь на 15 декабря отряд полиции и солдат Гунибского батальона под командой полицмейстера ворвался на территорию станции. Обыскав вокзал, полицейские взломали агентскую запасную комнату, похитили кассу отделения союза и десять револьверов. Затем они вломились в жилой дом железнодорожников, где также произвели обыск⁴.

Через несколько дней полиция вновь совершила налет на станцию⁵.

Власти изо всех сил пытались вызвать столкновение между местным мусульманским населением и бастующими железнодорожниками. Припрятав часть продовольственных запасов, торговцы вздули цены. Хотя забастовочные комитеты принимали все меры для бесперебойного снабжения населения, поползли слухи о том, что железнодорожники умышленно вызывают продовольственные затруднения. Кем-то, с явно провокационной целью,

---

¹ Газ. «Весь Кавказ», 9 декабря 1905 года; «Баку», 5 и 8 декабря 1905 года.

² Из воспоминаний участника забастовки А. Стухлик.

³ Газ. «Весь Кавказ», 14 декабря 1905 года.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 54.

⁵ Там же, д. 1381, л. 23.

были подожжены в Дербенте близ вокзала лавки, принадлежавшие местным мусульманам. Полицейские агенты стали подбивать мусульман громить железнодорожников. Рабочие станции, бежавшие тушить пожар, были встречены выстрелами. Только благодаря сознательности и выдержке железнодорожников было предотвращено кровопролитие. Железнодорожники помогли потушить пожар, организовали вооруженную охрану лавок от разграбления¹.

Социал-демократы усилили разъяснительную работу среди населения. Они объясняли причины, побудившие железнодорожников начать забастовку, разоблачали преступления царизма, призывали к борьбе с ним. Местные жители стали активнее посещать собрания на станциях, живо интересоваться ходом забастовки, революционными событиями на Кавказе и в центральной России. Выступая на собраниях, представители местного населения рассказывали о сочувственном отношении его к забастовке².

Когда на станциях Дербент и Петровск было получено известие о злодейском убийстве черносотенцами в Баку пламенного большевика Петра Монтина и видного общественного деятеля Али Гаджи Якуб оглы Микаилова, о мощных демонстрациях протеста, в которые вылились похороны этих руководителей бакинского пролетариата, дагестанские железнодорожники на общих собраниях с участием местного населения заклеили зверства самодержавия. Дербентцы телеграфировали в эти дни всем станциям дороги: «Просим убедительно течение всеобщей забастовки и ход столичных событий сообщать нам. Что касается Дербентского района, то население относится к нам сочувственно, а служащие не сложат оружия забастовки до полной победы, в которую глубоко верят»³.

Власти больше всего боялись слияния в один революционный поток движения тружеников городов и аулов. В Петровске жандармы пытались установить контроль над работой телеграфа станции с тем, чтобы не пропускались депеши о привлечении к забастовке железнодорожников фабрично-заводских рабочих и горцев.

Железнодорожники готовились к вооруженной борьбе. В Дербенте в дружину записалось 334 человека. Дружинники добыли несколько десятков револьверов и патроны к ним, принадлежавшие дороге; была сделана попытка приобрести берданки⁴. Вооружались и рабочие станций Петровск-Порт и Петровск-Кавказский.

Получив сообщение о восстании рабочих в Ростове, дербентцы решили послать им в помощь боевой отряд⁵. Однако отряд

¹ Из воспоминаний П. А. фанасьева и д. 1398, лл. 21—26.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 53 и 87 об.

³ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 53.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 90.

⁵ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 80 об.

выступить не успел. Ростовские рабочие после известия о поражении восстания в Москве организованно прекратили борьбу.

Царский наместник на Кавказе требовал от губернатора Дагестана принять «самые энергичные меры» для подавления забастовки железнодорожников¹. Власти обрушились на железнодорожников градом репрессий. На станциях начались повальные обыски рабочих, конфискация оружия. Полиция арестовывала членов забастовочных комитетов, делегатов съездов железнодорожников и других активистов. «В гор. Грозном и Петровске, — доносил наместник в Петербург, — произведены были аресты и обыски с отображением вещественных доказательств»².

Вечером 25 декабря ростовское бюро разослало телеграмму о прекращении забастовки. В тот же день вынес решение о прекращении забастовки и грозненский стачечный комитет³. Утром 26-го общее собрание служащих станции Петровск решило приступить к работе⁴. В ночь на 28-е открыли движение поездов дербентцы⁵. Приступив к работе, по указанию центрального бюро союза железнодорожников, дербентцы заявили, что делают это при условии свободы передачи депеш союза по всем дорогам страны, удаления войск из пределов дороги, освобождения арестованных. Дербентские железнодорожники дали понять, что репрессии против участников политической забастовки вызовут новое выступление рабочих⁶.

27 декабря управляющий Владикавказской железной дорогой довел до сведения рабочих и служащих, что «на основании распоряжения правительства, все лица, находящиеся в составе организационных бюро, а также состоявшие с 7 декабря делегатами и агенты, против которых возбуждено или будет возбуждено жандармской полицией преследование, считаются уволенными с 7 декабря и предаются уголовному суду. Точно такому же наказанию подлежат и должны быть подвергнуты лица, виновные в передаче служебным порядком телеграмм или письменных сообщений от бюро и делегатов, а равно и все агенты, не явившиеся на работу 28 декабря без уважительных на то причин»⁷.

29 декабря по приказанию министра путей сообщения дорога было объявлена на положении «чрезвычайной охраны»⁸. Канцелярия военного губернатора Дагестана сообщала в штаб Кавказского военного округа: «20 октября 1905 года была командиро-

1 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 12.

2 «Терские ведомости», 1906 г. № 24.

3 Е. Киреев. Рабочий класс и большевистская организация Грозненского нефтенного промышленного района в революции 1905—1907 гг. Грозный, 1950. Стр. 104.

4 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, л. 24.

5 Там же, д. 1390, лл. 100 об — 101.

6 Там же.

7 Там же, д. 1381, л. 2.

8 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 6.

вана в гор. Петровск одна сотня Дагестанского конного полка для содействия гражданской администрации, вследствие возникшего среди рабочих Петровского железнодорожного депо опасного брожения умов, и также командирована 31 того же декабря одна сотня Дагестанского конного полка в г. Дербент ввиду могущих быть железнодорожных беспорядков... Означенные сотни оставлены... в городах Петровске и Дербенте до минозания в них надобности»¹.

Арестованные руководители забастовки были отданы под суд. Царский суд жестоко расправился с ними. Рабочие массами увольнялись с дороги.

Так закончилась декабрьская политическая забастовка железнодорожников — передового отряда рабочего класса Дагестана, оказавшая огромное влияние на дальнейшее развитие революционных событий в области. Эта забастовка была высшей точкой движения рабочего класса в Дагестане в период первой русской революции. Из-за недостатка большевистских сил в социал-демократических группах Дербента и Петровска, а также из-за раскольнической деятельности меньшевиков, эсеров, либеральных попутчиков, пробравшихся к руководству стачкой в Дагестане, и военно-технической неподготовленности железнодорожников стачка не переросла в вооруженное восстание.

§ 3. ДАГЕСТАН В ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Восстание в Москве в декабре 1905 года было высшей точкой первой русской революции. После подавления восстания началось отступление революции, медленное, с боями.

Поражение московского восстания, усиление правительственных репрессий вызвали панику среди попутчиков революции. Большевики же не пали духом. Они развернули напряженную работу по сплочиванию революционных сил, по укреплению социал-демократических организаций, готовили рабочих и крестьян к новым боям с ненавистным самодержавием. Социал-демократы Дагестана вели переписку между организациями, устраивали сходки, распространяли листовки среди рабочих, крестьян, солдат, учащейся молодежи, почти открыто проводили революционную пропаганду.

Большевики в своих листовках и выступлениях указывали, что революция не побеждена, призывали к вооруженной борьбе с самодержавием. Они держали курс на вооруженное восстание, ибо отступление революции еще не определилось четко. 12 февраля помощник начальника Бакинского губернского жандармского управления в Дагестанской области сообщил начальнику управления: «При негласном собрании сведений о лицах, составляющих в г. Темир-Хан-Шуре «Дагестанскую группу РСДРП»...

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 51.

положив эти данные в основание к производству обысков... я.. произвел таковые в ночь с 8-го на 9-е февраля... Обнаружено: рукописное воззвание «Товарищи молодые солдаты»..., печатная брошюра «Вскользь о партийных разногласиях»¹, издания Кавказского союза РСДРП... среди заметок, писем и записок два рукописных воззвания: чернилами «Ко всем гражданам гор. Темир-Хан-Шуры!» — содержит призыв к вооруженной борьбе с правительством, и карандашом — рукопись... содержащая в себе речь об учредительном собрании... гектографированное воззвание «Граждане!», записка чернилами... с просьбой — «передать часть газет в войсковые части, с которыми есть сношение»...²

15 февраля Темир-Хан-Шурина группа РСДРП выпустила листовку «Братья, товарищи и граждане!», которая заканчивалась словами: «Энергичнее примемся за дело, теснее организуемся для предстоящей вооруженной борьбы. Объявим войну самодержавному вору не на живот, а на смерть, и в борьбе с ним будем пользоваться всеми средствами, всеми мерами.

Помните, что только вооруженной борьбой русский народ сможет добиться желанной свободы.

К борьбе, товарищи, к борьбе!
К оружию, товарищи, к оружию!
Долой самодержавие, долой убийцу-царя!
Да здравствует народное восстание!
Да здравствует свобода и революция!³

В Темир-Хан-Шуре и Петровске распространялись и другие прокламации, подготовленные Темир-Хан-Шуриной группой РСДРП, — «Письмо солдата к товарищам», «Братья-товарищи», «К гражданам»⁴.

Для более успешной борьбы с самодержавием и капиталистами рабочие требовали объединения сил партии, объединения всех революционно-демократических сил. Учитывая это и стремясь вырвать из-под влияния меньшевиков часть рабочих, шедших за ними, большевики решили объединиться с меньшевиками при сохранении своих идейно-политических позиций. Пошли на это и меньшевики, под давлением рабочих. Выполняя решение Таммерфорской конференции и IV конференции Кавказского союза РСДРП, а затем IV (Объединительного) съезда партии, большевики Терека и Дагестана «объединились» с меньшевиками. В новом Терско-Дагестанском союзном комитете РСДРП большим влиянием стали пользоваться большевики. Терско-Дагестанский союзный комитет стал оказывать помощь социал-демократическим организациям Дагестана.

¹ Имеется в виду работа И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях» — Г. М.

² ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, лл. 83—84.

³ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 185, оп. 1, д. 351, л. 158.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 6, д. 9, лл. 2, 3 и об. 5.

Значительную помощь Дагестану людьми, деньгами, литературой оказала Бакинская организация РСДРП. В области распространялись бакинские листовки, призывавшие к вооруженному восстанию. Социал-демократы распространяли также известный финансовый манифест социалистических партий.

В 1906 году продолжалась борьба рабочих области. В январе, по жандармским сведениям, железнодорожники Дагестана под руководством продолжавшего свою деятельность нелегально бюро союза железнодорожников готовились к вооруженному выступлению, взрыву мостов и других дорожных сооружений¹. В феврале волновались рабочие на рыбных промыслах бр. Тушмаловых². В марте в Петровске бастовали бондари³. В последних числах апреля забастовали рабочие «Каспийской мануфактуры». 1 мая между текстильщиками, собравшимися на демонстрацию, и полицией произошло столкновение⁴. Забастовка закончилась победой рабочих: был введен 9-часовой рабочий день⁵.

С 14 мая вспыхнула экономическая забастовка на табачной фабрике Михайлова, продолжавшаяся и в июне. Участниками забастовки были дагестанцы. Это указывало на рост сознательности рабочих из местного населения. 26 мая всем рабочим, не желавшим встать на работу на старых условиях, был дан через полицию расчет⁶. Забастовка закончилась 31 мая в связи с тем, что хозяин фабрики пошел на уступки и удовлетворил требование рабочих⁷.

В сентябре вновь бастовали бондари, добивавшиеся улучшения условий труда⁸.

В городах проходили собрания и митинги рабочих и служащих, которые порой заканчивались столкновениями с полицией. Так, в Петровске за садом Фельшау (ныне парк нефтяников — Г. М.) состоялся большой митинг, организованный местной социал-демократической группой, на котором присутствовало более двухсот человек — рабочие, служащие, солдаты⁹, 9 июля состоялся митинг в Дербенте, за железнодорожным училищем. Между рабочими и прибывшими всадниками Дагестанского конного полка произошла стычка¹⁰.

1 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 58.

2 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 74.

3 ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 83, д. 219, л. 27.

4 Там же, ф. 1 с, оп. 1, д. 207, лл. 101 об. и 102.

5 «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годы». Сборник документов и материалов. Махачкала, 1956. стр. 146.

6 «Баку», 2 июня 1906 года.

7 «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годы». Сборник документов и материалов. Махачкала, 1956. Стр. 146.

8 ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 6, д. 31, л. 13.

9 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 128.

10 ЦГИА Азерб. ССР, ф. 12 с/488 р, оп. 2, д. 1, л. 28.

7 июля начальник Петровского отделения Владикавказского жандармского управления направил военному губернатору телеграмму: «Прошу распоряжения, чтобы 255 Аварский в Петровск-Порту и 256 Гунибский в Дербенте резервные батальоны держали наготове надежную роту в полном составе и в случае требования немедленно прибыли бы на вокзалы в мое распоряжение. Также ходатайствую не отправлять обратно в Шуру свободных конных дагестанцев»¹. Петровские жандармы сообщили 10 июля губернатору, что на текстильной фабрике «далеко не спокойно и волнения легко могут быть перенесены на железную дорогу»².

Но все же рабочее движение не имело уже такого размаха и силы, как в 1905 году.

В 1906 году усиливается движение горцев-крестьян. Этому способствовала разъяснительная работа революционеров. Большую работу вел среди крестьян тогда студент института инженеров путей сообщения Махач Дахадаев. Выступая перед жителями селений Гимры, Унцукуль и др. в декабре 1905 года и в первых числах января 1906 года он призывал их к захвату казенных земель, неуплате податей, к борьбе за ниспровержение существующего строя³. Листовки, составленные Дахадаевым и другими революционерами, широко распространялись среди жителей Темир-Хан-Шуры, крестьян Аварского, Андийского и Гунибского округов. Так, в сел. Унцукуль Аварского округа во время одного из обысков власти обнаружили 22 прокламации на аварском языке с призывом к вооруженному восстанию⁴. Семь таких же прокламаций было найдено в сел. Балаханы того же округа⁵. Власти отмечали «брожение умов» среди крестьян⁶.

В мае 1906 года Темир-Хан-Шурина и Петровская группы РСДРП провели в Тарках нелегальное собрание представителей крестьян селений Тарки, Агач-аул, Альборукент и Кяхулай. Собрание высказалось за передачу всех земель крестьянам и неуплату казенных податей, за всеобщее вооружение, за поддержку социал-демократов⁷.

В апреле поднялись на борьбу жители селения Хунзах. Возмущенные тем, что казаки Кубанского пластунского батальона, стоявшего гарнизоном в местной крепости, потравили общественный покос и избили сторожей, они с оружием в руках выступили против насильников⁸. Жители сел. Тарки порубили часть спорного с беками Геллинскими леса и вывезли 700 ароб дров. Из-за земельного участка произошло вооруженное столкновение

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1381, л. 33.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 128.

³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 3, лл. 1, 5, 47 и об., 56.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 207, л. 101.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 3, л. 5.

⁷ Там же, л. 14 и об.

⁸ Рук. фонд ИИЯЛ, л. 1412, лл. 13—14.

таркинцев со стражниками крупнейшего барановода Н. Годинского¹. Широко развернулось крестьянское движение в Южном Дагестане. Здесь крестьяне сжигали бекские усадьбы и хозяйственные постройки, убивали помещиков, представителей власти.

Царская администрация порой боялась принуждать крестьян выполнять повинности бекам. Характерный случай произошел в сел. Шамхал-Янги-Юрт Темир-Хан-Шурина округа. Жители этого селения подали прошение властям, в котором, описывая свое тяжелое положение, разорительность повинностей бекам, требовали облегчить их участь, в частности вернуть право ловли рыбы в реке Сулак и право пользования кутаном «Алагёз». Шамхалянгиюртовцы отказались выполнять бекские повинности². Учитывая решительное настроение крестьян, начальник Темир-Хан-Шурина округа не осмелился применить силу. Он писал губернатору 23 августа: «Ввиду обострившихся отношений между населением и беками понуждение жителей силою к исполнению таких бекских обязанностей, как выход на работы в пользу беков, явилось бы бесцельным и может привести к серьезным столкновениям их с беками. Я полагал бы вопрос об этом отложить»³.

Осенью на борьбу за свои права активно поднялись райяты сел. Марага Кайтаго-Табасаранского округа. 9 ноября, вооружившись, они изгнали арендаторов кутанов помещика Мамирзабека Табасаранского и приступили на них к постройке жилищ, пользуясь при этом бекским лесом. Мамирзабек послал телеграмму властям, прося оградить его от надвигающихся «опасностей кровопролития»⁴.

Характеризуя борьбу крестьян Кайтаго-Табасарана, губернатор области писал: «С 1905—1906 годов райяты Кайтаго-Табасаранского округа... самовольно перестали отбывать своим бекам повинности... Наместником... к которому райяты неоднократно обращались с ходатайством об освобождении их от отбывания бекских повинностей, было предложено объявить райятам, что впредь до разрешения законодательным порядком рассматриваемого в сословно-поземельной комиссии при канцелярии наместника вопроса о прекращении зависимых отношений в Дагестане райяты должны отбывать бекам по примеру прошлых лет повинности, причем дагестанской областной администрацией было предписано взыскать означенные повинности с такою же строгостью, как и в казну. Райятскому населению Кайтаго-Табасаранского округа было разъяснено распоряжение высшей в крае власти, после чего было приступлено ко взысканию повинностей,

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1412, лл. 32—33.

² Там же, д. 1294, лл. 165—167.

³ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, л. 168.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 68, л. 1.

которое, однако, сопровождалось в некоторых селениях вооруженным сопротивлением командированным властям...»¹.

Усиливается в 1906 году революционное брожение и в войсках.

В. И. Ленин указывал, что задачи, стоящие перед революцией, могут быть решены лишь совместными усилиями рабочих, крестьян, революционных солдат и матросов. Поэтому большевики развернули широкую пропаганду в войсках. Борьба за армию была борьбой за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, ибо подавляющее большинство солдат рекрутировалось из деревни. Революционная пропаганда в войсках имела также целью помешать использованию армии против революции.

С начала 1906 года военные организации при Темир-Хан-Шуринской и Дербентской группах РСДРП, а также Петровская социал-демократическая группа распространяли в значительном количестве в казармах и вблизи расположения войск революционные листовки Бакинского комитета РСДРП, местных социал-демократических организаций, прокламаций большевистского «Союза солдат» — «Ко всем солдатам», «Братья солдаты», «Товарищи», «2-й листок «Новостей союза солдат Тифлисского гарнизона», «Из солдатской и народной жизни» и др.².

Особенно большая работа проводилась военным бюро при Темир-Хан-Шуринской группе РСДРП, образовавшимся еще в конце октября 1905 года. В него входили представители гарнизона и городской группы РСДРП. Вскоре в состав бюро вошел представитель Аварского резервного батальона, дислоцированного в Петровске. Бюро поддерживало связь также со стоявшим в Петровске 2-м батальоном Самурского полка.

В январе 1906 года бюро вынесло решение о подготовке вооруженного выступления солдат, приуроченного к весне. Был налажен контакт с гарнизонами селений Леваша и Хунзах. Установили связи также с Чир-Юртовским гарнизоном и железнодорожной военной охраной (Ширванский пехотный полк), но не постоянные, из-за непрерывной переброски частей полка. Попытка же связаться с гарнизоном Гуниба успеха не имела, ибо там обосновалась меньшевистская группа из интеллигентов, сносившаяся с темир-хан-шуринскими меньшевиками. Последние имели связи с гунибским гарнизоном, но не давали их военному бюро.

Таким образом, военные бюро при Темир-Хан-Шуринской группе РСДРП охватывало своим влиянием целый ряд гарнизонов области. Прокламации его выходили почти ежедневно. В марте начал выходить гектографированный листок «Новости союза солдат». Издания эти широко распространялись среди солдат³.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 56, л. 1.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1387, лл. 1 и 52.

³ «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

Так, в марте помощник начальника бакинского губернского жандармского управления доносил заведующему полицией на Кавказе, что в Темир-Хан-Шуре «в ротах резервного батальона неоднократно обнаруживались нижними чинами под подушками на их кроватях прокламации... нижние чины часто приносят в казармы из города прокламации или находят их около казарм»¹.

В политическом воспитании солдат большая заслуга принадлежала нелегальному органу бакинской военной организации РСДРП «Рядовой». Газета вела борьбу с процаристскими настроениями среди солдат, пропагандировала общность интересов народа и армии, необходимость замены — в духе программы партии — постоянной армии вооруженным народом. «Рядовой» распространялся в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте, а также в урочище Дешлагар (ныне Сергокала), где размещался Самурский полк.

Большевиками широко велась и устная пропаганда.

Солдаты начинают все активнее принимать участие в митингах рабочих и служащих. Под влиянием рабочего и крестьянского движения, а также работы социал-демократов солдаты переходят к открытым выступлениям. Так, 13 апреля солдаты 2,3 и 4 рот Темир-Хан-Шуринского резервного батальона—около 200 человек, собравшись близ казарм, вызвали командира батальона. Командир струсил и не явился. Прибывшему офицеру солдаты вручили гектографированное заявление за подписью «Союз солдат Темир-Хан-Шуринского гарнизона», в котором излагались требования из 16 пунктов: об увольнении в запас нижних чинов срока службы 1903 года, улучшении солдатского питания, отобрания у офицеров казенной прислуги и др. Один из пунктов требовал прекращения национальной розни, что имело важное политическое значение в условиях многонационального Дагестана. Офицеру удалось обещаниями обмануть солдат и они разошлись по казармам. Ночью власти привели в боевую готовность Дагестанский конный полк и пулеметную сотню пластунской бригады. В батальоне были произведены аресты².

Военное бюро при Темир-Хан-Шуринской группе РСДРП выпустило по этому поводу листовку «К солдатам Темир-Хан-Шуринского гарнизона», в которой призвало всех солдат присоединиться к выступлению резервного батальона³. Для того, чтобы помешать этому, власти пошли на провокацию: вечером 14 апреля «неизвестными» был ранен постовой. Это вызвало волнение среди солдат. Офицеры пытались убедить их в том, что нападение на часового — дело рук социал-демократов или горцев. Военное бюро Темир-Хан-Шуринской социал-демократической группы в очередной листовке разоблачило эту провокацию. «Знайте, това-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1378, л. 34.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1338, лл. 8 и об., 13.

³ Там же, д. 1933, л. 112.

рищи, — говорилось в этой листовке, — что горцы не враги, а искренние друзья ваши. Они так же угнетены, как вы, они так же, как и вы, готовятся к борьбе с нашим общим врагом и угнетателем — правительством. Они никогда не пойдут против вас, а, наоборот, готовы помочь вам»¹. Большевики воспитывали солдат в духе интернационализма, дружбы народов.

Большое влияние имела работа большевиков на солдат 83 Самурского пехотного полка, имевшего штаб-квартиру в урочище Дешлагар. Части этого полка периодически находились в Баку и на солдат сильное впечатление произвела героическая борьба бакинских рабочих, руководимых большевиками. Самурцы стали проявлять недовольство использованием их для несения полицейской службы. В декабре 1905 года они отказались стрелять в демонстрацию солдат в Баку², в феврале 1906 года помешали бакинским властям подавить выступление военных моряков³. В марте имели место волнения в 1-м и 2-м батальонах полка, находившихся в это время в Дешлагаре. Солдаты заявили о необходимости защищать свои права вооруженной силой⁴.

В полку, в его 3-ем батальоне образовалась революционная группа в 30—40 человек, проводившая среди солдат пропаганду, распространявшая листовки и нелегальную литературу. Во главе этой группы были унтер-офицер Федот Самойленко, мастеровой старшего разряда унтер-офицер Федор Нога, рядовые Яков Голубятников и Петр Чаусов, запасной рядовой Федот Яковенко и другие. После того, как 3-й батальон перебросили из Баку в Дешлагар, революционная группа стала оттуда поддерживать связь с Бакинским комитетом РСДРП⁵. Группа готовила самурцев к открытому вооруженному выступлению совместно с рабочими и крестьянами Дагестана, а также солдатами других гарнизонов против самодержавия.

Как писала газета «Рядовой», солдаты Самурского полка «каждый день... получали письма из дома, из деревни от отцов, матерей, жен, которые им писали, как они голодают, как их секут, сажают в тюрьмы и расстреливают»⁶. Самурцы возмущались бесправием народа, безземельем крестьян, палаческой ролью, которую царизм отводил солдатам. 14 июля в Дешлагар пришла весть о разгоне 1 Государственной думы. Новое самоуправство царизма вызвало бурное негодование солдат⁷. 17 июля революционная

1 ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, л. 104.

2 «Бакинский рабочий», 11 октября 1955 года.

3 Рабочее движение в годы первой русской революции. Документы и материалы. Баку, 1956. Стр. 357, 358.

4 ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, лл. 237 и 251.

5 Там же, оп. 1, д. 21, л. 102 и оп. 3, д. л. 251 и оп.

6 «Рядовой» № 2, 1906 г.

7 «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годах». Сборник документов и материалов. Махачкала, 1956. Стр. 183.

группа подняла на восстание находившиеся в Дешлагаре 3-батальон, 6-ю роту и вспомогательные службы, всего до 600 человек.

На вопрос командира полка о причинах восстания, солдаты ответили: «Чтобы искать себе и Родине свободы!». «Вы разогнали Государственную думу, вы... угнетаете народ, вы расстреливаете везде ни в чем неповинных наших братьев». Попу, пытавшемуся внести разложение в ряды восставших напоминанием о «долге» и присяге, солдаты с возмущением заявили: «Уходи отсюда, кровайщик, ты одинаково приводишь к присяге и кропишь святой водой солдат, отправляемых для расстреливания бастующих рабочих — наших братьев, как это было с нашим 4-м батальоном, ушедшим в гор. Грозный»¹. Офицеры пытались силой оружия воздействовать на солдат. В завязавшейся схватке были убиты четыре офицера, в том числе командир полка, полковой поп Пальмов, а также два солдата. Оставшиеся в живых офицеры спаслись бегством.

Самурцы захватили крепость, почтово-телеграфную станцию, оружейный склад, освободили арестованных, разоружили учебную команду, передав ее винтовки нестроевым, установили посты, организовали охрану слободы Дешлагар и выслали разведку к железной дороге. В Петровск для установления связи с 4-м батальоном полка был послан П. Чаусов². Самурцы намеревались захватить станцию Буйнак и двинуться в сторону Петровска³. Но проявленная ими медлительность погубила дело.

Военное командование быстро стянуло под Дешлагар значительные силы: пехотные и конные части, пулеметы, артиллерию⁴. Приближение карательного отряда, превосходившего по силе восставших, вызвало панику среди большей части солдат-самурцев. Реакционно настроенные унтер-офицеры вели подрывную работу изнутри. Революционная группа не сумела удержать под своим влиянием солдат. И Самурский полк, героически поднявшийся на восстание, сдался без боя уже к вечеру 18 июля.

Оказалось отсутствие крепкого большевистского руководства, незначительность пролетарской прослойки в полку, недостаточная подготовленность восстания, отсутствие живой тесной связи с другими гарнизонами, социал-демократическими организациями, рабочим и крестьянским движением в области, ошибочность оборонительной тактики.

Власти жестоко расправились с самурцами. К следствию привлекли весь гарнизон. Семеро из руководителей восстания были приговорены военно-полевым судом к расстрелу. Из них двоим удалось бежать; Самойленко, Чаусов, Голубятников, Нога и Яковенко были расстреляны. Руководители самурцев мужественно

¹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, л. 339 об.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1215, д. 15411, лл. 14 и 15.

³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, л. 253 об.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1993, л. 48.

встретили смерть песней «Мы жертвою пали...» Они призвали солдат идти с народом против общего врага — царского правительства¹.

232 солдата были отданы под суд, 149 из них сослали на каторгу, заключили в тюрьму и т. д.² Среди жителей слободы Дешлагар был произведен обыск с целью выявления казенного оружия³. В полку была установлена усиленная жандармская слежка.

Восстание Самурского полка явилось одним из крупных революционных выступлений войсковых частей в России и высшей точкой солдатских волнений в Дагестане в период первой русской революции. Оно сделало близкой и понятной солдатским массам области мысль о присоединении к революционному народу.

В начале августа революционное брожение охватило солдат Самурского полка, несших охрану станции Тихорецкой⁴.

В 1906 году в революционном движении в Дагестане активно участвовала учащаяся молодежь. Ученики Темир-Хан-Шуринского реального училища помогали социал-демократам в распространении прокламаций, организации митингов. Реалисты распевали на улицах города революционные песни⁵. В Порт-Петровске летом бастовали ученики мореходного училища⁶.

В Дербенте забастовки учащейся молодежи, во главе которой шли реалисты, были большим событием в жизни города. В декабре 1906 года состоялась всеобщая забастовка, в которой приняли участие ученики старших классов средних и низших учебных заведений города. Забастовщики требовали восстановления на учебе одного из учащихся, исключенного за протест против схоластических методов преподавания. Учебное начальство было вынуждено пойти на уступки⁷.

Одним из маневров царского правительства, предпринятых с целью отвлечения масс от революции, откола от нее крестьянства и разгрома революции, был созыв «законодательной» думы. Избирательный закон от 11 декабря 1905 года обеспечивал господство в думе помещикам и буржуазии. Более половины населения избирательных прав были лишены.

Буржуазия обманывала народ, заявляя, что с помощью думы можно добиться осуществления народных чаяний. Так, в либеральной газете «Дагестан» обличение прогнившего царского ре-

¹ Газ. «Рядовой», № 2, 1906 г.

² ЦГА ДАССР, ф. 89, оп. 1, д. 5, лл. 58—71.

³ Там же, ф. 66, оп. 1, д. 89, л. 332.

⁴ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.». Сборник документов и материалов. Краснодар, 1956. Стр. 314.

⁵ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1383, л. 99.

⁶ Там же, д. 1384, л. 29.

⁷ «Баку», 12 и 21 декабря 1906 года.

жима сопровождалось упованием на думу¹. Меньшевики считали думу лучшим средством для разрешения вопросов революции.

Большевики же разоблачали маневры царизма. Согласно решению Таммерфорсской конференции, большевики призывали к бойкоту думы, к борьбе с самодержавием, использовали каждую возможность для разоблачения этой махинации царизма. (Как оказалось впоследствии, бойкот первой думы был ошибочным, ибо проводился в условиях отступления революции).

Выборы в думу были многостепенными. В Дагестане, например, сельские общества должны были выбирать делегатов на участковые сходы, участковые—на окружные, окружные—в областное избирательное собрание и только последнее выбирало из своей среды депутатов в Государственную думу. Местные власти получили указание свыше «самым решительным образом» пресекать попытки использовать предвыборные собрания для революционной агитации.

Большевики Дагестана развернули в период выборной кампании широкую разъяснительную работу среди населения. Особенно большая работа была проведена Темир-Хан-Шуринской группой РСДРП. Социал-демократы во главе с П. Ковалевым, Д. Коркмасовым, М. Дахадаевым и другими активно выступали на предвыборных собраниях с изложением насущнейших требований народных масс области, организовали митинги, распространяли прокламацию Темир-Хан-Шуринской группы РСДРП «К гражданам» и другие, с призывом бойкотировать выборы в думу².

23 апреля 1906 года в Темир-Хан-Шуре состоялось многолюдное предвыборное собрание. Перед присутствовавшими выступали священник, судейский пристав и прочие «избранные». С большой речью, приковавшей всеобщее внимание, выступил Махач Дахадаев. Он говорил о необходимости наделения крестьян земель путем раздела помещичьей и казенной земли. На вопрос председателя, к какой партии он принадлежит, Махач прямо и смело ответил: «К партии социал-демократов»³. Это событие всполошило власти. Полиция приняла специальные меры для «наблюдения за порядком». В помещения, где проходили предвыборные собрания, стали допускаться лишь лица, внесенные в избирательные списки. Тут же дежурили специальные наряды полиции.

На предвыборном собрании 3 мая социал-демократы отметили попрание элементарных демократических прав народа в ходе выборной кампании. Они потребовали допустить на собрание всех желающих граждан без исключения и удалить из помещения полицию⁴.

¹ «Дагестан», 5 марта 1906 года.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 363, л. 3.

³ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1377, л. 51.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 6, д. 9, л. 13.

5 мая в Темир-Хан-Шуре состоялись выборы выборщика областного избирательного собрания от города. Темир-Хан-Шуринская группа РСДРП решила принять участие на этой стадии выборов для выяснения политических симпатий населения¹. Члены группы развернули широкую агитацию за проведение в выборщики кандидата социал-демократов. В результате большинство голосов получил социал-демократ Д. Қоркмасов. Лидер дагестанских кадетов буржуазный националист З. Темирханов был забаллотирован².

По объявлении результатов подсчета голосов у здания городской управы, где проходили выборы, образовалась демонстрация рабочих, служащих и учащейся молодежи. Колонна демонстрантов во главе с социал-демократами проследовала за город, где состоялся митинг. М. Дахадаев произнес речь, которую закончил словами: «Да здравствует свобода! Да здравствует социализм!»³.

23 мая в Темир-Хан-Шуринской мечети состоялось многолюдное собрание мусульман—жителей города и крестьян окрестных селений. В этом собрании приняли участие и социал-демократы. Выступавшие говорили о тяжелом положении крестьян, о необходимости наделения крестьян землей за счет беков и князей⁴. Еще более решительно звучали голоса выступавших на предвыборном собрании представителей сельского населения в Темир-Хан-Шуре 25 мая. Вслед за социал-демократами горцы требовали отобрать у помещиков землю и раздать крестьянам. На собрании развернулась дискуссия между М. Дахадаевым, отстаивавшим революционные требования крестьян, и доктором М. Долгат, председателем областного избирательного собрания, излагавшим взгляды либеральной буржуазной интеллигенции⁵.

На следующем, решающем этапе — выборах членов Государственной думы социал-демократическая группа Темир-Хан-Шуры в свете большевистской установки бойкотировала выборы⁶.

Социал-демократы Дербента также вели агитацию среди горожан и крестьян против участия в выборах в думу. Полицейстер Дербента в одном из своих донесений срыв выборной кампании в Дагестане считал результатом деятельности членов РСДРП⁷.

Население Дагестана неприязненно отнеслось к выборной кампании, проводимой царизмом. К тому же оно опасалось введения в связи с созывом думы новых налогов. Крестьянство Аварского, Андийского, Гунибского и Казикумухского округов

¹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, л. 246.

² «Красный Дагестан», 8 января 1926 года.

³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 6, д. 9, лл. 13 об.-14.

⁴ Там же, л. 14 об.

⁵ Там же, л. 15.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, л. 246.

⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 180, лл. 3 и 4.

совершенно отказалось от участия в выборах выборщиков. В остальных округах в выборах приняла участие лишь часть избирателей¹.

26 мая в Темир-Хан-Шуре в здании городской управы собрались выборщики областного избирательного собрания для выборов двух членов Государственной думы от Дагестанской области и Закатальского округа. С раннего утра к управе стали стекаться горожане и крестьяне близлежащих аулов. Несколько сот крестьян было вооружено. Перед зданием выстроилась городская полиция во главе с полицмейстером. Такая обстановка, ярко показывавшая враждебное отношение народа к выборам, не предвещала ничего хорошего организаторам этого мероприятия².

В связи с бойкотом выборов значительной частью населения области, в связи с внушительной народной демонстрацией перед зданием Темир-Хан-Шуринской управы, областное избирательное собрание признало себя неправомочным, и единогласно отказалось от выборов в Государственную думу³. Наместник предложил провести новые выборы в сентябре, но к этому времени I дума была уже разогнана.

Летом 1906 года власти усилили репрессии. Были раскрыты Дербентская, Порт-Петровская и Темир-Хан-Шуринская организации РСДРП. При обысках в Дербенте полиция захватила документы городской группы РСДРП с данными о приходе и расходе сумм, поступивших от социал-демократических кружков, а также прокламации, призывавшие к ниспровержению самодержавия⁴. Полиция произвела аресты. В Дербенте был арестован руководитель городской группы РСДРП А. Саруханов и другие социал-демократы, в Петровске — руководитель с.-д. группы В. Казаринов, в Темир-Хан-Шуре — ведущие деятели городской группы РСДРП — М. Дахадаев, Муртуза Хаджи, Д. Коркмасов, П. Ковалев и другие.

Среди попутчиков революции, мелкой буржуазии, репрессии властей вызвали панику. Часть отчаявшихся интеллигентов скатывается к терроризму. Образовавшаяся в этот период в Петровске большая организация эсеров, состоявшая из мелких чиновников и учащихся электротехнической школы, приступила, при поддержке меньшевиков⁵, к проведению индивидуального террора. Однако эта организация была вскоре разгромлена полицией.

Социал-демократические группы Дагестана в условиях наступления реакции продолжали свою деятельность. Социал-демокра-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1377, л. 2.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1377, л. 55.

³ «Баку», 30 мая 1906 года.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1993, л. 17.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, лл. 64 об. и 65.

ты Темир-Хан-Шуры выпустили ряд листовок с протестом против репрессий¹. В Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте социал-демократы организовывали сходки рабочих, солдат, учащейся молодежи. В Дербенте и Дешлагаре продолжалось распространение газеты «Рядовой»².

Обсуждение аграрных законопроектов в I Государственной думе вызвало недовольство царского правительства. 8 июля 1906 года дума была распущена. Правительство объявило о созыве II Государственной думы с 20 февраля 1907 года. В условиях четко определившегося отлива революционного движения в стране большевики приняли решение об участии в выборах в думу. Эта тактика была рассчитана на использование всех легальных возможностей для укрепления связей партии с народными массами в интересах развития революции.

В ноябре 1906 года в Владикавказе состоялась конференция Терско-Дагестанского союза РСДРП. От Дагестана на конференции была представлена лишь Дербентская группа РСДРП. По сведениям, приведенным дербентским делегатом, в этой группе насчитывалось 100 организованных членов из числа железнодорожных рабочих, имелась связь с войсками, устанавливалась типография. Конференция обсуждала вопрос о тактике терско-дагестанских организаций РСДРП в кампании по выборам во II Государственную думу. Делегаты-большевики выступили против предложенного меньшевиками блока с кадетами. Все же прошло другое решение, предложенное меньшевиками: там, где не предвидится возможность провести социал-демократа, вступать в соглашение с кадетами и поддерживать их ставленников.

В Дагестане социал-демократические группы Темир-Хан-Шуры и Петровска выпустили ряд листовок с протестом против разгона I думы и призывом к массам участвовать в выборах во II думу, отдавая свои голоса за подлинных друзей народа³.

Все же выборы в думу в Дагестане, состоявшиеся в феврале 1907 года, прошли при низкой активности избирателей. Крестьянство Дагестана пассивно отнеслось к этому мероприятию, проводимому царским правительством.

Весной 1907 года огромную работу среди трудящихся развернула Петровская группа РСДРП, во главе которой стал видный большевик-ленинец, впоследствии один из 26 Бакинских комиссаров Иван Васильевич Малыгин. Группа поднимала рабочих на забастовки, вела работу среди солдат, учащейся молодежи. В мае, июне и июле в Петровске широко распространялись социал-демократические листовки бакинской организации РСДРП «О на-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1993, лл. 12 и об.; д. 1376, л. 35; ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, л. 376 и оп. 6, д. 9, лл. 18 об. и 36.

² «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годы». Сборник документов и материалов. Махачкала. 1956. Стр. 187—188.

³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, лл. 488, 490, 493; оп. 6, д. 9, л. 19 об.; рук. фонд ИИЯЛ, д. 1376, л. 42.

градных», «Долой отрядные и сверхурочные работы», № 5 газеты «Рядовой», листовки Грозненского комитета РСДРП и др.¹

В июле И. Малыгин, приехавший по партийным делам из Петровска в Баку, был арестован и привлечен к дознанию по делу о подпольной типографии РСДРП, раскрытой в этом городе полицией. В типографии была найдена явка на имя Малыгина в Петровске.

В 1907 году революционные выступления народных масс Дагестана продолжались, но ослабление движения было уже заметным. Сказывалась усталость масс, а также падение численности рабочего класса. Если в 1905 году на городских предприятиях работало 1.716 чел., в 1906 году — 1.520, то в 1907 году уже только 600 человек². После закрытия фабрики «Каспийская мануфактура» в начале 1907 года рабочий класс области потерял один из своих наиболее значительных по численности и боеспособных отрядов.

В марте в Петровске бастовали одновременно бондари заведений Матюхина, Рябицева, Болотина, Наумкина и Долгополова, требовавшие повышения сдельной оплаты³. 1 апреля бондари Петровска поднялись на всеобщую забастовку, выдвинув, помимо повышения сдельной оплаты, также требования улучшения жилищных условий, обеспечения медицинской помощи, введения расчетных книжек, с отражением в них соответствующих обязательств хозяев и пр.⁴. Местная группа РСДРП, помогая рабочим выработать эти условия, размножила их на гектографе и распространила в бондарных заведениях.

15 апреля социал-демократы под руководством И. Малыгина организовали в Петровске забастовку приказчиков магазинов, протестовавших против попытки предпринимателей и властей заставить их работать сверхурочно⁵.

Самым крупным выступлением рабочего класса в Дагестане в 1907 году была забастовка моряков Каспийского торгового флота под руководством Бакинского комитета РСДРП, развернувшаяся в марте и апреле. Хотя эта забастовка носила экономический характер, ее значение было чрезвычайно велико: она сплотила массы моряков и рабочих, усилила влияние большевиков.

Моряки судов Каспийского торгового флота, принадлежавших различным компаниям, трудились в ужасных условиях. В одном из писем военному губернатору Дагестана начальник порта Петровска признавал, что «положение моряков Каспийского моря действительно тяжелое... ввиду все возрастающей дороговизны и неимения свободных праздничных дней во все время на-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, лл. 359 и об., 533, 560; д. 5, л. 58.

² «Обзоры» Даг. обл. за 1905 год, стр. 30, за 1906 год, стр. 24 и за 1907 год — стр. 25.

³ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 4, лл. 110 и 112: оп. 1, д. 89, л. 64 и об.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 1, д. 89, лл. 95 и 174.

⁵ Там же, л. 113.

вигации. 3/4 судов Каспийского моря становятся на зимовку с закрытием навигации в Астрахани и рассчитывают матросов, зимою в большинстве случаев не находящихся заработков...»¹.

За несколько дней до начала всеобщей забастовки в Петровском порту произошли события, показавшие готовность моряков сплоченно отстаивать свои права. 5 марта с утра забастовали команды всех пароходов, стоявших в порту, из-за незаконного увольнения кочегара парохода «Запад». Моряки отказались приступить к работе, требуя возвращения кочегара и увольнения помощника механика парохода «Запад» — виновника конфликта. Администрация вынуждена была уступить².

9 марта в Баку вспыхнула всеобщая забастовка, охватившая все порты Каспия. В Петровске забастовка началась 10 марта. В ней приняли участие моряки всех пятнадцати находившихся здесь судов обществ «Кавказ и Меркурий», «Надежда» и «Восточное пароходство»³. Судовладельцам были предъявлены «Требования моряков Каспийского торгового флота», состоявшие из нескольких десятков пунктов, — о введении расчетных книжек, с указанием условий найма, повышении заработной платы, уничтожении штрафов, введении трехсменной вахты, месячных отпусков с сохранением содержания и места — после каждого года службы, запрещении сверхурочных работ, лечении заболевших и обеспечении потерявших трудоспособность — за счет судовладельцев запрещении использования низших служащих для личных услуг начальству, вежливом обращении с подчиненными и др.⁴.

Правления пароходных обществ сочли эти требования «неприемлемыми». Конторам этих обществ на Каспии было предложено немедленно уволить всех нежелающих работать на прежних условиях.

В Петровске, как и в других портах, забастовавшим был объявлен расчет, но они отказались взять расчет и паспорта. С помощью полиции моряки были удалены с судов. Порт заняли войска и усиленные наряды полиции.

Забастовка моряков, начатая в период открытия навигации в северной части моря и на Волге, чувствительно ударила по карману судовладельцев. Сократился объем работ и на нефтепромыслах, ибо вывозить нефть было уже некуда. На пристанях оседали грузы. Только в Петровске накопилось хлопка на 10 миллионов рублей. Прекратилось почтовое и пассажирское сообщение по морю. Почти замерло судоходство на Волге. В промышленных центрах страны в связи с истощением запасов после зимы стал наблюдаться недостаток горючего, что грозило остановкой производства. Убытки капиталистов исчислялись сотнями тысяч

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 3, л. 33.

² Там же, лл. 1, 11 и об.

³ Там же, л. 23 и об.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 3, лл. 24—25.

рублей¹. Промышленники и судовладельцы Баку, Нижнего Новгорода, Москвы, Петербурга и других городов требовали от правительства срочных мер против забастовки.

13 апреля в Петровске забастовали портовые рабочие в знак протеста против убийства грузчика, совершенного портовой охраной. С большим трудом властям удалось вернуть грузчиков на работу². 18 апреля в Баку забастовали в поддержку моряков 30 тысяч рабочих. Социал-демократические группы в портах Каспия организовали материальную помощь бастующим. Стачечный комитет призывал моряков: «Товарищи, стойте твердо на своем и употребите все усилия, чтобы единство и организованность не нарушились, чтобы провокация не нашла никакой почвы среди бастующих. Если капиталисты объединяются и их явно поддерживает наше забрызганное кровью народа правительство, мы тоже объединены; усилим еще крепче нашу сплоченность, и сочувствие и поддержка всего рабочего класса тоже на нашей стороне»³.

Организованность и твердость духа, проявленные моряками в Порт-Петровске, были высоко оценены стачечным комитетом. «Отмечено, — говорилось в «Известиях стачечного комитета каспийских моряков», что в Петровске забастовка идет планомерно, моряки держатся блестяще»⁴.

Все попытки властей сорвать забастовку терпели неудачу. В Петровске власти распускали провокационные слухи, что в Баку и в других местах моряки приступили к работе. В Баку то же говорили о петровских и красноводских моряках.

Но ни провокации, ни попытки набрать штрейкбрехеров, ни присылка команд военных моряков не помогли властям. Забастовка успешно продолжалась. Несмотря на усиленный надзор полиции, моряки собирались на митинги и нелегальные собрания, на которых обсуждался ход забастовки. Бастующие матросы установили связь с военными моряками. «Бастующие матросы своим проживанием в городе Петровске могут принести большой вред», — сообщал начальству полицмейстер города⁵.

Правительство решило терроризовать бастующих. В Баку прибыл с чрезвычайными полномочиями начальник корпуса жандармов. По его приказу начались аресты забастовщиков в Баку, Петровске и других портах. Около 800 человек было арестовано, многие из них высланы. Но моряки не сдавались.

Администрация пароходных обществ в конце-концов была вынуждена уступить и удовлетворить требования моряков. Так, благодаря мужеству и стойкости, моряки Каспия, руководимые

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 3, л. 48.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 3, лл. 49, 54 и об.

³ Там же, л. 48.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 3, л. 31.

большевиками, одержали победу. Забастовка длилась до 25 апреля, т. е. полтора месяца.

Всеобщая забастовка моряков была последним крупным выступлением рабочего класса Дагестана в период первой русской революции. В условиях отступления революции она дала народным массам Дагестана яркий образец самоотверженной борьбы против эксплуатации и угнетения. Под влиянием борьбы моряков и портовых рабочих в Дагестане поднялась новая волна выступлений крестьян против беков и царских властей — в селениях Агач-аул, Кумторкала и других.

Жители селения Агач-аул Темир-Хан-Шурина округа выступили 10 марта. Беки этого селения Алыпкачевы пользовались общественной землей, не занятой под распах и посев. В 1906—1907 годах беки сдавали эти земли в аренду под выпас овец. Но так как пастбища находились рядом с посевами крестьян, то эти посевы часто травлялись овцами. И без того полунущие крестьяне терпели большие убытки. Многочисленные жалобы были безуспешными. Тогда, доведенные до отчаяния, крестьяне сожгли камышовые загоны для овец на занятых беками участках «Азербайджан» и «Тернаир».

Вмешалась окружная администрация. Угрожая крестьянам, она потребовала «самоуправно не мешать бекам осуществлять их права на земельные угодья». Власти бросились в Петровск на розыски лиц, осуществлявших «постороннее влияние» на крестьян¹.

Власти провоцировали столкновения между сельскими обществами с целью отвлечь крестьян от революционной борьбы. Но эти провокации нередко обращались против их же организаторов. Временная комиссия по сословно-поземельным вопросам 1905 года отвела таркинцам при разделе спорных с другими обществами земель — 1.483 десятины, а кумторкалинцам — 976 десятин. Граница, проведенная комиссией, отрезала от Кумторкалы принадлежавшие ее жителям 87 десятин виноградников в пользу таркинцев². Это было сделано с целью рассорить крестьян селений, принимавших активное участие в революционном движении.

4 июня командированный из Тифлиса землемер в присутствии начальника Таркинского участка производил размежевание спорной между таркинским и кумторкалинским сельскими обществами земли. Но толпа жителей Кумторкалы заставила прекратить размежевание. 7 июня землемер, начальник участка и прибывший начальник Темир-Хан-Шурина округа, охраняемые всадниками Дагестанского конного полка, пытались продолжить межевые работы. Но, едва были поставлены три знака, как к месту работ явились почти все жители селения Кумторкала и заявили, что граница определена неверно и что подобного размежева-

¹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 12 с/488 р, оп. 1, д. 19, лл. 157 и 158.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1323, лл. 246—248.

пия они не допустят даже под угрозой расстрела. Кумторкалинцы и без того раньше жаловались на тяжесть своего положения, на чрезмерность налогового бремени. Но их жалобы оставлялись властями без внимания.

Крестьяне были вооружены ружьями, настроение у них было крайне возбужденное. Не помогла и ссылка начальника округа на распоряжение наместника о проведении размежевания. Кумторкалинцы пригрозили пустить в ход оружие, убить начальника округа. Представители администрации были вынуждены бежать. На станцию Шамхал были тотчас же телеграфом вытребованы войска: полусотня Дагестанского конного полка, рота Аварского резервного батальона и полутора Самурского полка. Но кумторкалинцы уже ликвидировали межевые знаки и удалились. Администрация и войска вернулись в Петровск.

Поведение кумторкалинцев начальник округа назвал «из ряда выходящим по своей дерзости». В наказание власти оставили в селении на постой сотню Дагестанского конного полка на полное содержание общества. Губернатор приказал произвести размежевание под охраной войск, расположив их лагерем. На крестьян Дагестана, по признанию властей, выступление кумторкалинцев произвело сильное впечатление¹.

Но преследования со стороны властей не сломили крестьян Кумторкалы. В сентябре 1907 года беки этого селения Мурзаевы жаловались наместнику Кавказа на отказ кумторкалинцев исполнять им барщину. Крестьяне по-прежнему не признавали прав беков на «Кокрек», подтвержденных областным судом и наместником, сдавали эту местность в аренду и предполагали приступить к распашке бекских кутанов.

Общество селения Верхнее Казанище отказалось уплачивать Мурзаевым денежную подать за 1905, 1906 и 1907 годы. Наместник приказал губернатору области силой взыскать с крестьян подати в пользу беков и, в случае надобности, поставить в селении эскекуцию².

В своем отношении в сословно-поземельную комиссию в ноябре 1908 года губернатор области сообщал, что почти все зависимое крестьянское население Дагестана по-прежнему, как и в предыдущие годы, отказываются исполнять повинности бекам³.

Продолжалось в рассматриваемый период и революционное брожение среди солдат расквартированных в области гарнизонов. Так, в урочище Хунзах Аварского округа среди солдат особого батальона Кромского пехотного полка была создана большая военно-революционная организация, насчитывавшая до двухсот членов. Большую работу в организации проводили солдаты из бывших матросов черноморской эскадры, сосланных на Кавказ

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1323, лл. 241—244, 246—248, 255.

² Там же, лл. 366—367.

³ Там же, л. 365.

за участие в восстании под руководством лейтенанта Шмидта в 1905 году. Солдаты проводили тайные митинги на реке в трех километрах от крепости¹. На митинге 11 июня 1907 года кромцы постановили командировать представителя в Тифлис для установления связей и приобретения нелегальной литературы. С этой целью среди солдат собирались взносы. Общее вооруженное выступление намечалось одновременно с выступлением других частей Кавказского военного округа.

Хотя у руководства организацией находились эсеры, участие в ней такого большого количества солдат свидетельствовало о неугасимом стремлении солдатской массы к борьбе против ненавистного самодержавного строя.

На основании распоряжения особого отдела канцелярии наместника в Хунзах были направлены тайные агенты. Организация была разгромлена.

В июне 1907 года жандармы отмечали брожение среди солдат 255 Аварского резервного батальона в Петровске, «внушающее опасение»², сообщали по начальству о социал-демократической пропаганде в этом батальоне, о широком распространении среди солдат гарнизона города прокламаций и газеты «Рядовой» Бакинского комитета РСДРП³. В июле полиция сообщала о том, что солдаты Аварского резервного батальона читали № 4 газеты «Рядовой», на который был наложен штамп Петровской организации РСДРП⁴. К середине августа в Петровске было обнаружено уже четыре экземпляра газеты «Рядовой»⁵.

В первых числах октября во 2-ю Кавказскую мастеровую инженерную команду был прислан из Тифлиса № 7 газеты «Голос казармы», издания военной организации при Тифлисском комитете РСДРП. В этом номере газеты содержался призыв к солдатам бороться за свержение самодержавия⁶. В том же месяце в цейхгаузе Темир-Хан-Шуринского батальона были обнаружены три экземпляра № 6 газеты «Рядовой» со статьями, призывавшими к ниспровержению самодержавного строя, один экземпляр № 1 газеты «Рабочий» — оба издания Бакинской организации РСДРП и восемь нелегальных брошюр⁷.

Осенью 1907 года имело место выступление солдат в Петровске. 1 октября около двухсот горожан и солдат напали на полицейских чинов, задержавших одного из солдат, с криками «бей полицию» и пытались освободить задержанного. Отмечая участие солдат Аварского батальона и 2 батареи 21 артиллерийской бригады в этом выступлении, полицейский пристав писал, что

1 ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 5, д. 18, л. 77.

2 Там же, оп. 3, д. 87, л. 14.

3 ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 87, л. 17.

4 Там же, л. 36.

5 Там же, д. 5, л. 58.

6 Там же, д. 5, (II-я кн.), лл. 206 и об.

7 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1933, л. 58 и об.

«такой распушенности и разлузданности нижних воинских чинов за всю свою долголетнюю службу по полиции я встречаю впервые», когда выступила с погромом чуть ли не вся батарея»¹.

В 1907 году продолжалось революционное брожение среди учителей, учащейся молодежи. 12 января полицмейстер Темир-Хан-Шуры сообщал помощнику начальника Бакинского губернского жандармского управления в Дагестанской области, что в реальном училище города учащимся на лекциях тайком разъясняют «смысл освободительного движения». 9 января, говорилось в том же сообщении, группа реалистов обратилась к священникам местной церкви и реального училища с просьбой отслужить панихиду по павшим 9 января 1905 года². С 30 апреля до 4 мая реалисты бастовали в знак протеста против введения нового экзамена³.

3 июня 1907 года царское правительство распустило II Государственную думу и издало новый закон о выборах в III думу. Депутаты — члены социал-демократической партии были арестованы и сосланы. Изданием нового избирательного закона царизм нарушил свой манифест 17 октября 1905 года, по которому все законы могли издаваться лишь с согласия думы. Поэтому этот акт являлся государственным переворотом.

Наступившая в стране после третьеиюньского переворота политическая реакция известна под названием столыпинской — по имени ближайшего сподвижника царя председателя совета министров Столыпина. В годы столыпинской реакции в России имел место невиданный разгул террора против рабочих и крестьян, народных масс национальных окраин, оппозиционных политических партий и организаций. В ноябре 1907 года были разгромлены ведущие партийные организации страны — в Петербурге, Москве, на Урале и Юге (Бакинский комитет РСДРП, оказывавший огромное влияние на деятельность социал-демократов Дагестана, устоял). Правительство разгромило также целый ряд нелегальных большевистских типографий и газет.

На Кавказе царский наместник Воронцов-Дашков дал указание об усилении репрессий против участников революционного движения в крае. В телеграмме генерал-губернатором 7 июня 1907 года он заявил, что «времена увещеваний и уговариваний рабочих прошли», что «всякие разъяснения излишни». Всеми должно быть понято, — поучал он, — что требуется: 1) предварительная осведомленность; 2) непоколебимая решимость в случае беспорядков и 3) быстрая кара, раз беспорядки не были прекра-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 5 (II кн.), лл. 169—171 об.

² Там же, д. 4, л. 25 и об.

³ Там же, лл. 334 и 347.

щены». Наместник распорядился ускорить разбор дела военно-полевыми судами¹.

На Тереке и в Дагестане власти направили основной удар против социал-демократических и рабочих организаций. Массовые аресты, административная высылка всех «подозрительных», разветвленная система шпионажа, доносов, провокаций — все это было в годы реакции явлением обыденным.

В условиях поражения революции и диких репрессий царских властей происходил идейный разброд и разложение среди мелкобуржуазной интеллигенции. Меньшевики на Тереке и в Дагестане стали на путь ликвидации социал-демократических организаций. Они стремились приспособиться к столыпинскому режиму, считая возможным прогрессивное развитие края с помощью реформ, обещанных наместником, — введения земства, суда присяжных и т. д. Некоторые из меньшевиков, например, лидер Терско-Дагестанского союза РСДРП Ахм. Цаликов и другие, открыто скатились к национализму, панисламизму и пантюркизму. В своих работах о переселениях горцев Северного Кавказа в Турцию Цаликов проповедовал пантюркистские взгляды. Эти взгляды привели его, в конечном итоге, в лагерь открытой контрреволюции.

Лишь большевики сумели организованно отступить с тем, чтобы подготовить новые силы для борьбы с царизмом и буржуазией. В период столыпинской реакции в Терско-Дагестанском союзе РСДРП руководящее положение заняла грозненская большевистская организация, оказывавшая огромное влияние на деятельность социал-демократических организаций Дагестана — Порт-Петровска, Темир-Хан-Шуры и Дербента. Еще весной 1907 года областной партийный центр был перенесен из Владикавказа в Грозный, город со значительным рабочим населением.

Грозненская большевистская организация продолжала в этот период работать под руководством Бакинского комитета РСДРП.

Власти особенно усилили слежку за рабочими, крестьянами, демократической интеллигенцией осенью 1907 года, во время проведения выборов в III Государственную думу. Выборы проходили в условиях жесточайшего правительственного террора.

По новому избирательному закону значительно сокращалось и без того незначительное представительство крестьян и рабочих и резко увеличивалось представительство от помещиков и крупной буржуазии. Закон обеспечивал безраздельное господство в думе блока царизма и черносотенных помещиков с верхами торгово-промышленной буржуазии. Угнетенные национальные меньшинства царской России — народы Кавказа, Средней Азии, Сибири были объявлены «политически незрелыми», и их избирательные права были еще более урезаны. Если во II думу населе-

¹ См. Е. П. Киреев. «Рабочий класс и большевистская организация грозненского нефтепромышленного района в революции 1905—1907 гг.». Грозный, 1950, Стр. 180.

нием Кавказа было избрано 29 депутатов, то в III думу оно имело право избрать лишь 10 человек. Депутатами не могли быть избраны лица, не знающие русского языка.

Дагестанская область и Закатальский округ составляли один, IV-й, избирательный округ Кавказского края. От этого округа, в отличие от выборов в первые две думы, должен был быть избран один член Государственной думы, а не два.

Население области пассивно относилось к выборной кампании. Власти развили широкую деятельность, пытаясь обеспечить участие крестьянских масс в выборах. Начальники округов и участков лично уговаривали крестьян. Но все же население Аварского, Андийского и Гунибского округов, а также крестьяне 21 селения Акушинского участка, 9 селений Мекегинского участка и 12 селений Цудахарского участка Даргинского округа, 13 селений Дженгутаевского участка Темир-Хан-Шуринского округа, а также трех избирательных участков—Тркальского, Корчагского и Межгюльского Кюринского округа и часть населения Уркарахского и Северо-Табасаранского участков Кайтаго-Табасаранского округа выборы бойкотировали¹. Таким образом, в выборах участвовала лишь часть населения.

14 октября 1907 года в результате голосования выборщиков в г. Темир-Хан-Шуре избранным в думу от «туземного» населения области оказался социал-демократ, числившийся большевиком, Ибрагимбек Гайдаров². Итоги выборов были показательными для настроений народных масс области. Однако Гайдаров изменил делу революции. Попав в думу во фракцию социал-демократов, он вскоре перешел в мусульманскую фракцию. Все более отходя от прежних позиций, Гайдаров впоследствии стал одним из лидеров дагестанской контрреволюции.

В ноябре 1907 года состоялась 5-я конференция Терско-Дагестанского союза РСДРП. На ней присутствовали делегаты Дербента (1 чел.), Петровска (1 чел.), Грозного, грозненских нефтяных промыслов и др. В основу своей работы конференция положила решения большевистского V съезда РСДРП, состоявшегося в мае 1907 года в Лондоне. Эти решения имели огромное значение для определения тактики партии в условиях отступления революции. Конференция приняла резолюции об отношении местных организаций партии к профессиональным рабочим организациям, о пропаганде в войсках, об отношении к суду над социал-демократической фракцией II Государственной думы и др.

«Исходя из постановления Лондонского партийного съезда, — записано в этих резолюциях, — конференция предлагает местным организациям тесно связаться с существующими союзами и стараться подчинить их своему идейному влиянию, а также при создании новых руководствоваться тем же принципом. Но, прини-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1377, л. 118.

² Там же, л. 116.

мая во внимание слабость чисто партийных организаций благодаря существующим условиям русской действительности, конференция предлагает товарищам прежде всего заботиться об укреплении социал-демократических организаций, там, где они слабы»¹.

Конференция уделила большое внимание вопросу о борьбе с экспроприациями. Часть наименее развитых рабочих в связи с безработицей стала на путь «идейных» экспроприаций и индивидуального террора. Это отвлекало внимание рабочих от необходимости последовательной революционной борьбы и давало повод для усиления правительственных репрессий.

«Принимая во внимание все это, — гласила резолюция, — конференция считает необходимым бороться с возникшими за последнее время анархическими течениями в рабочей среде, все время указывая рабочим, что только правильно организованная и планомерная работа по организации широких пролетарских масс в единую социал-демократическую партию и профессиональные союзы под ее идейным руководством поведет рабочих к осуществлению их непосредственных нужд, пробуждению классового самосознания и достижению конечной цели — социализма»

Резолюцией «Об отношении к Центральному Комитету» было решено установить более тесный контакт с большевистским Центральным Комитетом РСДРП².

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. потерпела поражение вследствие отсутствия прочного союза пролетариата с крестьянством, что сказалось и на поведении большинства солдат, помогавших самодержавию душить революцию. Крестьяне еще больше верили эсерам, чем настоящим революционерам — большевикам. Недостаточно дружно и не одновременно действовали в революции и рабочие. В наименее промышленно развитых районах страны рабочие раскачивались медленнее. Их активность возросла в 1906 году, когда авангард рабочего класса был уже значительно ослаблен. Не было единства в РСДРП. Меньшевики раскалывали рабочий класс, тормозили тем самым революцию, мешали революционной работе большевиков. Серьезную помощь самодержавию оказал иностранный империализм.

Революционное движение в Дагестане было неотъемлемой составной частью первой русской революции, хотя и имело некоторые особенности. В Дагестане на ход революции наложила свой отпечаток политическая, экономическая и культурная отсталость области. Дагестан не имел тяжелой промышленности, в которой сосредоточивается передовая часть рабочего класса, имевшийся пролетариат был очень молод, немногочислен, национальная прослойка в нем была невелика. К Дагестану полностью относятся слова В. И. Ленина о том, что в революции 1905—1907 годов

¹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 12 с 1 и 88 р., оп., 1, д. 22, л. 52.

² ЦГИА Азерб. ССР, ф. 12 с/488 р. оп. 1, д. 22, л. 52.

«крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»¹. Не было единого центра руководства крестьянским движением в области. На борьбу с беками и царскими властями поднимались в годы революции, в основном, райяты и зависимые уздени, свободные крестьяне в движении принимали недостаточно активное участие. Создание союза русского пролетариата с дагестанским крестьянством затруднялась здесь наличием еще значительных национальных и религиозных предрассудков, подогреваемых мусульманским духовенством, буржуазными националистами и великодержавными шовинистами.

На руководстве борьбой народных масс Дагестана со стороны РСДРП отрицательно отражалось противодействие меньшевиков работе большевиков среди крестьян, солдат, попыткам установления широкого контакта между социал-демократическими группами Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента и создания единого для области социал-демократического центра. Активному вовлечению народных масс в революционное движение мешали и эсеры.

Однако революция 1905—1907 года оказала огромное влияние на развитие Дагестана. В годы революции были заложены основы прочного союза русского рабочего класса с дагестанским крестьянством, ибо горцы стали понимать, что только под руководством русского пролетариата они смогут добиться осуществления своих вековых чаяний. Народные массы Дагестана, большевики получили ценнейший политический опыт, что в значительной степени облегчило последующую революционную борьбу за освобождение народных масс от эксплуатации и угнетения, за установление диктатуры пролетариата.

Революция 1905—1907 гг. в России явилась генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

instituteofhistory.ru

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 241.

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ (1908 и 1917)

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Революция 1905—1907 гг. потерпела поражение. Наступил период столыпинской реакции, охватившей все стороны жизни общества.

В годы реакции народы окраин Российской империи, в том числе и народы Дагестана, подвергались еще более сильной эксплуатации и ограблению.

В Дагестане политика царизма была направлена на то, чтобы превратить его в сырьевой придаток и рынок сбыта товаров русской фабрично-заводской промышленности, а дагестанские народы — в объект национального грабежа. Царское правительство стремилось держать народы Дагестана в темноте и невежестве, в состоянии полного политического бесправия.

В Дагестане продолжало существовать так называемое военно-народное управление, представлявшее собой обычный полицейско-бюрократический аппарат, приспособленный к колониальной системе.

Промышленность Дагестана была развита слабо и характеризовалась чертами, присущими типично колониальной промышленности. Большая часть предприятий не могла быть отнесена к числу фабрично-заводских. В области существовало лишь несколько более или менее крупных фабрично-заводских предприятий.

Энергетическая база дагестанской промышленности была крайне слабой, органический состав капитала — низким. Например, на самом передовом предприятии — текстильной фабрике «Каспийская мануфактура» расходы на механические силы составляли лишь 15,4% общих расходов¹. Что касается большин-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 26, оп. 1, дд. 3, 7.

ства других предприятий, то они носили полукустарный характер с широким применением ручного труда. В области развивались только те отрасли промышленности, которые базировались на дешевом местном сырье и дешевой рабочей силе, — консервная рыбная, винодельческая.

Ведущее место в дагестанской промышленности занимал русский капитал. Ему принадлежали завод стальных канатов, гвоздильный завод, большинство боцдарных предприятий, кожевенный завод, часть нефтепромыслов и рыбных промыслов, механическая мельница, табачная фабрика и другие предприятия.

В горной промышленности Дагестана господствовал иностранный капитал; фирмы Нобеля и Бернса контролировали нефтяную промышленность. Кроме того, в области имелось несколько отделений заграничных фирм — зингеровской компании, немецкой фирмы по продаже сетей и рыболовных принадлежностей и т. д. После 1910 года текстильная фабрика в Петровске также перешла в руки иностранцев.

Армянский капитал вкладывался, главным образом, в торговлю и подряды. Азербайджанский миллионер Тагиев владел рыбными промыслами на севере Дагестана. Национальная буржуазия владела, как правило, сезонными и маломощными предприятиями, подавляющее большинство которых носило полукустарный, мануфактурный характер.

Вся промышленность была сосредоточена в трех городах — Петровске, Темир-Хан-Шуре и Дербенте. В 1912—1913 гг. в Петровске (без текстильной фабрики) на одно предприятие приходилось около 17 рабочих, а выпуск продукции на одно предприятие составлял примерно 31.933 рубля (с текстильной фабрикой соответственно 50,8 и 110 836), в Дербенте — 4,9 рабочего и 1446,3 рубля, в Темир-Хан-Шуре — 2,4 рабочего и 19.544 рубля.

Для горной промышленности Дагестана данный период был временем упадка. Так, если в 1908 году было получено 84,421 пуд. нефти, то в 1912—34.723 пуда¹.

В еще более плачевном состоянии находились остальные отрасли добывающей промышленности. Серные и ртутные месторождения в этот период не эксплуатировались. Только в 1915 году, в связи с военными потребностями товарищество «Кавказская сера» вновь начало разработку Кхиутского серного месторождения. Соляная промышленность перед войной в основном держалась на одинаковом уровне; добыча соли возросла лишь в 1914 году в связи с трудностями доставки ее по железной дороге. Для иностранного капитала, господствовавшего в горной промышленности, разработка недр Дагестана, требовавшая значительных капиталовложений, не сулила быстрых прибылей, поэтому горная промышленность области была обречена на застой.

¹ Кавказский календарь. 1910, стр. 562; Кавказский календарь. 1913, стр. 354.

Общероссийский промышленный застой, длившийся до 1910 года, отразился и на Дагестане. Только начиная с 1911 года, наблюдается некоторое оживление. Так, в 1908 году промышленность, учтенная в «Обзорах Дагестацкой области», давала продукции на 412,580 рублей, а в 1909 году — на 542.412 рублей, то в 1911 году — уже на 2.325.134 рубля, а в 1913 году — на 2.417.041 рубль. В 1911 году вновь начала действовать текстильная фабрика, в 1914 году строится кожевенный завод, перед войной реорганизуются рыбные промыслы и гвоздильный завод.

Интересно, что в одной из основных отраслей промышленности области — в рыбной — наблюдается явление, свойственное монополистической стадии развития капитализма. В 1913 году, после новых торгов на рыболовные участки, вместо 36 арендаторов в 1912 году, их оказалось лишь 8, причем все южные воды (исключая дербентские) попали в руки общества «Рыбак», а северные — к Тагиеву. Сразу же были реорганизованы промыслы, выстроены холодильники и бондарные предприятия; только Тагиев на эту реорганизацию затратил 6,4 млн. рублей. Начиная с 1914 года, между фирмами «Рыбак» и Тагиева велись переговоры о слиянии, но война и революция помешали ему осуществиться.

Второе по значению место после рыбной промышленности занимала консервная промышленность, дававшая в 1916 году 15 проц. всероссийского производства консервов. Два—три консервных завода являлись предприятиями фабрично-заводского типа, остальные, расположенные в Темир-Хан-Шуре и ее окрестностях, представляли собой мелкие полукустарные заведения. Национальный капитал в этой отрасли занимал более прочные позиции.

Перед войной наблюдался некоторый рост продукции винодельческой промышленности. Так, в 1912 году из Дербента было вывезено вина на 100 тыс. рублей, а в 1913 году — на 300 тыс. рублей¹.

Остальные отрасли промышленности, исключая бондарную, связанную с рыбной, серьезного значения не имели, и удельный вес каждой из них был невелик. Подавляющая часть промышленной продукции падала на сезонные отрасли — рыбную, консервную, винодельческую и кирпично-черепичную.

Промышленное развитие Дагестана сильно отставало от общероссийского; в то время, как по России в целом удельный вес промышленной продукции в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства составлял 42,1%, в Дагестане он составлял лишь 20 проц. При этом развитие промышленности происходило лишь в плоскостной части Дагестана, в горных же районах промышленности почти не существовало.

В отношении развития транспорта, торговли и кредита также необходимо резко различать плоскостную и горную части; раз-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, дд. 91, 93.

меется, на плоскости, где находились все города области, порты и железная дорога, рыбные промыслы и почти вся фабрично-заводская промышленность, торговля и кредит получили несравненно большее развитие, нежели в горах. В 1914 году началось строительство железной дороги от станции Шамхал до Темир-Хан-Шуры протяжением 37,5 версты.

Центрами торговой жизни области были ее города, но известное развитие получила она и в округах: если в 1909 году в Дагестане насчитывалось 1.755 лавок, в том числе в округах 1.004, то в 1913 году уже имелось 2.135 лавок, в том числе в округах 1.326. Не надо, однако, забывать, что торговые предприятия в округах, принадлежавшие национальной буржуазии, были в своем подавляющем большинстве небольшими. Значительная часть в торговле принадлежала базарам в городах и 35 селениях области.

Трудно определить размеры торгового капитала по всему Дагестану, но дать сведения по отдельным частям его представляется возможным. Так, в Дербенте, Кайтаго-Табасаранском и Даргинском округах 88,08 проц. из 680 владельцев торговых заведений держали в своих руках лишь 21,59 общего оборота (оборот их не превышал 500 тыс. рублей в год); на долю владельцев оборот предприятий которых колебался от 5 до 30 тысяч рублей в год (9,86 проц.), приходилось 20,8 проц. оборота, и, наконец, 2,06 проц. владельцев держали в своих руках 57,61 проц. оборота¹.

По Гунибскому и Казикумухскому округам тоже можно наблюдать довольно значительную концентрацию торгового капитала, хотя и не столь резкую, как в таком торговом центре, каким был Дербент.

Рост торговли Дагестана с другими частями империи и провоз грузов через Дагестан находились в зависимости от общей экономической конъюнктуры: если в 1908 году (время промышленного застоя) общий грузооборот дагестанского участка железной дороги составил 27.913.468 пуд., то в 1913 году — 62 052.555 пуд². Вырос за этот же период и оборот Петровского и Дербентского портов.

В период 1908—1917 гг. в Дагестане действовало несколько банковских отделений и городской банк в Дербенте; начиная с 1912 года возникают ссудо-сберегательные товарищества. Оборот трех дагестанских казначейств с 1908 по 1913 гг. увеличился более чем в 2,5 раза, сумма вкладов в сберегательные кассы с 1908 по 1912 гг. возросла более чем в два раза. Но горные округа и вообще сельские местности кредитом почти не были охвачены.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 17.

² Обзор Дагестанской области за 1908 г., стр. 52; Обзор Дагестанской области за 1913 г., стр. 28.

Организация ссудо-сберегательных товариществ способствовала проникновению в область капиталистических отношений. Если в 1912 году было 5 товариществ с суммой кредитов в 162.685 рублей, то в 1913 году — 12 с суммой кредитов в 661. 800 рублей, а в 1914 году — 21 с суммой кредитов в 1.113.092 рубля¹.

Однако кредитные учреждения не могли оказать серьезного воздействия на экономическую жизнь области, так как свободному их развитию мешали сохранявшиеся пережитки феодальных отношений в дагестанской деревне. Отчет ссудо-сберегательных товариществ за 1914 год констатирует: «Несмотря на изолированность широких производительных слоев населения... от денежного рынка и ощущаемой в связи с этим острой нуждой в дешево организованном мелком кредите, развитие сети мелкокредитных учреждений, вследствие низкого уровня культурности значительной части населения области, идет медленным темпом»². Большая часть ссуд, выдаваемых крестьянам (не кулакам), шла на покупку скота весной, так как осенью крестьяне из-за бескормицы скот продавали. На улучшение почвы, скота, покупку сельскохозяйственных орудий ссуд шло мало.

Кредитные товарищества обслуживали в основном верхушку деревни, о чем свидетельствует характер ссуд, выдаваемых ими, и данные по имущественному положению членов некоторых товариществ. Решающую роль в них играло не местное население, а царская администрация: в правлениях товариществ было только 19 проц. дагестанцев.

В экономике края сельское хозяйство занимало ведущее место — около 95 проц. населения было занято в сельском хозяйстве. Основным занятием населения продолжало оставаться земледелие и скотоводство, причем на плоскости преобладало земледелие, а в горной части скотоводство.

В рассматриваемое время в сельском хозяйстве наблюдается некоторое развитие производительных сил. Количество земли, находившейся под разными угодьями в 1913 году по сравнению с 1907 годом возросло более чем на 80 тыс. десятин. За это время несколько повысилась урожайность сельскохозяйственных культур. Все больше распространяются картофель, капуста, томаты. В сельском хозяйстве Дагестана, особенно в плоскостной его части, все шире применяются железные плуги, конные молотилки, бороны.

Площади под фруктовыми садами и виноградниками также возрастали. Если в 1908 г. под виноградниками было занято 3087 десятин, то в 1911 году — 4500 десятин. Количество земель под фруктовыми садами за четыре года (1909—1913) возросло с 1792 до 3087 десятин. Несколько увеличилось количество оро-

¹ Обзор Дагестанской области за 1912 г., стр. 35; ЦГА ДАССР, ф. 103, оп. 1, дд. 2, 6.

² ЦГА ДАССР, ф. 103, оп. 1, д. 2, л. 56.

шаемых земель. Наблюдался постепенный переход к трехпольной системе севооборота. В области животноводства также имели место отдельные нововведения.

Однако, несмотря на некоторое развитие производительных сил, сельское хозяйство продолжало оставаться крайне отсталым и примитивным. Преобладающей оставалась двухпольная система севооборота, приводившая к истощению почвы. Удобрения применялись редко. Земледелие базировалось на исключительно низкой технике. В горах для пахоты употребляли деревянную соху, а на плоскости — тяжелый плуг, в который запрягались 4 пары волов или буйволов. Прополка производилась вручную, уборка — серпом, а обмолот — на току при помощи доски с камнями. Обычно урожай зерновых составлял в среднем всего лишь сам-пять, сам-шесть.

Хотя земледелие в основном носило потребительский характер, оно не могло обеспечить хлебом население области.

Отсталым было и животноводство. Продуктивность скота была исключительно низкой. Местная корова, например, давала за лактацию 200—300 литров молока, а настриг шерсти с овцы не превышал 0,5—0,6 кг. поголовье скота в области в 1913 году даже сократилось на 210.611 голов по сравнению с 1908 годом.

Сельское хозяйство не в состоянии было прокормить все население области. Дополнительный источник существования населения находило в кустарных промыслах и отходничестве.

Некоторые районы Дагестана издавна специализировались на производстве определенных кустарных изделий. Для жителей ряда аулов кустарные промыслы были основным занятием. Главными отраслями кустарной промышленности являлись суконная, ковровая, бурочная, металлообрабатывающая, кожевенная, деревообрабатывающая, гончарная. В 1915 г. в кустарных промыслах было занято 132,5 тыс. человек, а выработка всей продукции составила 6392,5 тыс. рублей в довоенных ценах¹. Но подавляющее большинство кустарей не порывало связей с сельским хозяйством.

Включение Дагестана в общероссийский торговый оборот приводило к падению местной кустарной промышленности. В частности, сукна московских фабрик, выделяемые по образцу местных, стали вытеснять последние². В то же время в связи с упадком многих отраслей кустарной промышленности росло количество свободных рабочих рук.

Значительную часть населения Дагестана составляли ремесленники; только мастеров-ремесленников в 1908 году насчитывалось 20.787 человек, а в 1913 году — 30.426 человек³. Здесь не учтены ученики и рабочие, число которых только по городу

¹ «Дагестанская промышленность за 5 лет». Махачкала, 1925, стр. 182.

² Обзор Дагестанской области за 1912 г., стр. 26.

³ Обзоры Дагестанской области за 1908 год и 1912 год, приложение № 7.

Дербенту, Даргинскому и Казикумухскому округам в 1913 году составляло 3.070 человек¹.

Часть кустарей попадала в зависимость от скупщиков, распро-странявших изделия дагестанской кустарной промышленности на рынках России и даже за границей. «Сбыт произведений в на-стоящее время всецело находится в руках скупщиков и притом большей частью мелких, плохо осведомленных относительно больших рынков и не умеющих в достаточной степени их исполь-зовать»².

Проникновение капиталистических отношений в Дагестан на-ходило выражение в росте отходничества в различные города империи (Баку, Грозный, Тифлис, Ростов). Накануне первой ми-ровой войны в Дагестане насчитывалось 93 тыс. отходников³, т. е. больше половины трудоспособного мужского населения области.

Большинство отходников было выходцами из горных, наибо-лее бедных округов — Самурского, Казикумухского, Андийского, Гунибского. Если в 1913 году из Темир-Хан-Шуринского округа в отход ушло 11 проц. мужского населения, а из Кайтаго-Таба-саранского — 9 проц., то из Самурского — 63 проц., из Кази-кумухского — около 50 проц., из Андийского — более 32 проц.

Некоторые отходники окончательно отрывались от деревни и пополняли ряды городского пролетариата. Еще в 1903 году в Баку 12, 5 проц. рабочих нефтяной промышленности были да-гестанцы⁴.

Отходничество способствовало втягиванию горцев в русло современной общественно-экономической жизни. Отходники, по-бывавшие в крупных промышленных центрах, проходили школу революционного воспитания, несли революционный дух в даге-станскую деревню и тем самым способствовали пробуждению сознания крестьянских масс Дагестана.

Таким образом, характеристика народного хозяйства Дагеста-на в рассматриваемый период показывает крайнюю отсталость его основных отраслей. Причинами отсталости промышленности и сельского хозяйства Дагестана были колониальная политика царского правительства, сохранение в течение длительного време-ни феодальных отношений, которые служили тормозом на пути развития экономики, невыясненность правовых основ землевла-дения и землепользования, а также отсутствие всякой работы по размеживанию земель.

Запутанные земельные отношения мешали разведке и эксплуа-тации природных богатств края. Русские промышленники и куп-

1 ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, дд. 70, 81, 100, 105.

2 «Кавказский календарь», 1914, отдел общий, стр. 105.

3 Обзор Дагестанской области за 1913 г., стр. 20.

4 К. А. Пажитнов. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.-Л. 1940, стр. 97.

цы не могли свободно и в широких масштабах покупать или арендовать земельные участки, где обнаруживались залежи полезных ископаемых. Даже официальные издания — «Кавказский календарь», «Обзоры Дагестанской области», «Дагестанские сборники», начиная с конца XIX века, систематически указывали, что сохранившиеся феодально-крепостнические отношения вредят промышленному развитию области. В одном из таких изданий отмечалось, например, что «развитию горной промышленности препятствует много причин, из коих наиболее серьезными являются невыясненные положения прав на землевладение и отсутствие удобных и дешевых путей сообщения»¹.

§ 2. ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС ДАГЕСТАНА И ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Накануне первой мировой войны в Дагестане числилось 4—5 тысяч постоянных и 15—17 тысяч сезонных рабочих.

Особенностью формирования рабочего класса в Дагестане было то обстоятельство, что кадры постоянного пролетариата пополнялись в основном за счет пришельцев из внутренних губерний России. Процент постоянных рабочих-дагестанцев был незначителен. На текстильной фабрике в 1911 году работало 20,1% дагестанцев, а в 1914 году — 23,2 проц.² Процент дагестанцев среди сезонных рабочих был выше. Так, на рыбных промыслах он равнялся 29³.

Продолжительность рабочего дня на большинстве предприятий была почти неограничена, зарплата — мизерна, техника безопасности фактически отсутствовала, широкое применение находил женский и детский труд, причем женщины и дети получали за равный труд значительно меньше мужчин. Жили рабочие в антисанитарных условиях. Рабочие, русские и дагестанцы подвергались жестокой эксплуатации, огромные штрафы и фактически принудительная покупка продуктов в фабричных лавках уменьшали и без того скудный заработок. Положение сезонных рабочих, зависевших от постоянно менявшихся условий, было еще более тяжелым.

Политически рабочие были бесправны, власти не останавливались перед избиениями и массовыми арестами рабочих.

Эксплуатация и политическое бесправие толкали рабочих на борьбу, в ходе которой укреплялась дружба русских и дагестанских рабочих.

В 1905—1907 гг. рабочий класс Дагестана показал себя передовым борцом за дело победы революции; поражение революции

¹ Памятная книжка в адрес-календарь Дагестанской области на 1901 год. Темир-Хан-Шура. 1901, стр. 83.

² ЦГА ДАССР, ф. 26, оп. 2, д. 2, л. 8.

³ Дагестанская промышленность за 5 лет. Махачкала, 1925, стр. 163.

сказалось и на рабочем движении в области. Но даже в период реакции не прекращается борьба рабочего класса за свои права. Так, в 1907 году закончилась победой забастовка бондарей под руководством Малахова, Максина и Кутасина, распространявших среди бондарей нелегальную литературу. В 1908 году вновь вспыхнула забастовка среди бондарей, повторившаяся и в 1909 году.

Эти забастовки способствовали пробуждению политического самосознания рабочих. В ходе забастовок из рядов дагестанского рабочего класса выдвигались вожаки, группировавшие вокруг себя более сознательных рабочих и ведущие революционную пропаганду — Ермошкин, Котров, Маскин, Солин-Усанов, Голубев и др.

На ряде предприятий имелись подпольные группы РСДРП. В Петровске до 1911 года существовала местная организация РСДРП во главе с И. В. Малыгиным, члены которой вели революционную пропаганду среди петровских рабочих и солдат Петровска и Дербента. После ареста Малыгина в 1911 году эта организация прекратила свое существование. Однако отдельные группы на текстильной фабрике, бондарных предприятиях продолжали существовать.

За эти годы увеличилось количество высланных в Дагестан из других частей империи по политическим делам. Деятельность высланных не могла не способствовать росту революционной активности дагестанского пролетариата. Недаром военный губернатор неоднократно обращался к наместнику и в министерство внутренних дел с просьбой не посылать лиц, обвиняемых в революционной деятельности, в Петровск и Дербент.

Период реакции длился недолго. Никакие усилия царского правительства не могли предотвратить нового натиска рабочего класса на самодержавие. Революционная борьба рабочего класса, развернувшаяся по всей России, нашла отклик и в Дагестане.

Огромную роль в деле воспитания и подъема революционной активности масс сыграла ленинская «Правда». Интерес к «Правде» особенно возрос после того, как в ней появилась заметка о жизни петровских бондарей. Бондари собирали деньги в фонд газеты, вокруг нее группировались наиболее сознательные рабочие, которые активно выступали против предпринимателей, особенно в дни «сроков» — осеннего и весеннего найма. Вокруг «Правды» объединялись и рабочие текстильной фабрики.

В январе 1912 года на бондарных предприятиях вспыхнула забастовка. Несмотря на репрессии со стороны хозяев и властей, несмотря на арест руководителей, забастовка, продолжавшаяся в течение семи недель, окончилась победой бондарей.

Еще более решительная борьба развернулась в 1913—1914 годах. Царское правительство было вынуждено пойти на издание закона о больничных кассах, но обставило его такими усло-

виями, которые фактически сводили на нет участие в управлении ими рабочих.

На фабрике «Каспийская мануфактура» на одном из подпольных заседаний большевистской группы было решено начать борьбу за создание больничной кассы и профсоюза, для чего—развернуть соответствующую агитацию среди рабочих. В феврале 1913 года началась кампания по выборам в правление больничной кассы. Рабочие не желали выбирать лиц, навязываемых им администрацией фабрики, и выдвинули своих кандидатов. Ни угрозы, ни уговоры не могли сломить их сопротивление. 5 марта рабочие выставили требование о немедленном проведении выборов в больничную кассу, о сокращении рабочего дня, увеличении расценок, прекращении штрафов и т. п. Последовали аресты. После которых экономические требования были дополнены политическими — предоставление демократических свобод и освобождение арестованных. Власти были вынуждены пойти на уступки: арестованные были освобождены, а 10 марта состоялись выборы. В правление больничной кассы были избраны кандидаты, которые выдвигались по рабочему списку — Коробов, Ефремов и др.

В марте 1914 года вспыхнула забастовка на текстильной фабрике, возглавленная группой РСДРП. В начале марта рабочие предъявили ряд требований экономического характера, с которыми администрация не согласилась. 3 марта был арестован один из организаторов забастовки — Трифонов. После этого рабочие заявили, что вести переговоры не будут до тех пор, пока не выпустят на свободу Трифонова. Даже такая мера, как общий расчет 8 марта, не сломила сопротивления рабочих. Лишь после того, как значительная часть требований была удовлетворена, рабочие вновь приступили к работе (11 марта)¹.

Весной 1914 года началась забастовка на бондарных предприятиях Тагиева и общества «Рыбак», которые снизили расценки. Бондари организовали стачечный комитет во главе с Ермошкиным. К бастующим присоединились рабочие механического завода. Предприниматели вынуждены были сдаться. Через месяц вспыхнула новая забастовка бондарей, которую не смогли остановить ни локаут, ни аресты и избиения бастующих. Забастовка грозила перекинуться на канатную фабрику и гвоздильный завод.

Активное участие в рабочем движении принимали портовые и железнодорожные рабочие. В 1911 г. бастовали грузчики Петровского порта. Огромную роль сыграла забастовка моряков Каспийского торгового флота летом 1914 года. Среди железнодорожников перед войной распространились листовки и прокламации, призывающие к борьбе с самодержавием.

В 1914 году начались забастовки сезонных рабочих на рыбных промыслах. Начальник Кайтаго-Табасаранского округа 27

¹ ЦГА ДАССР, ф. 330/66, оп. 3, д. 9.

апреля 1914 года доносил губернатору о том, что «недоразумения» между рабочими и предпринимателями на промыслах за последнее время участились и что уже произошло несколько забастовок¹.

Огромное значение для революционного движения в Дагестане имела близость таких пролетарских центров, как Баку и Грозный. Отходники-дагестанцы, работавшие там, проходили школу классовой борьбы. Они принимали активное участие в забастовке бакинского пролетариата в сентябре 1913 года и летом 1914 года. 20 июня 1914 года 8 дагестанцев были заключены в бакинскую тюрьму по обвинению в устройстве демонстрации и неразрешенного собрания, а еще двое — за избиение штрейкбрехеров². 8 июля 1914 года пристав 1-го участка Балахно-Сабунчинского полицмейстерства задержал 86 рабочих нефтепромыслов по обвинению в революционной деятельности, в том числе 11 дагестанцев³.

Революционные события в Баку нашли отклик в Дагестане. Среди рабочих области был проведен сбор денежных средств в пользу бастующих.

Начавшаяся первая мировая война и мобилизация рабочих (особенно русских, составлявших основную и наиболее сознательную часть пролетариата Дагестана) задержали рабочее движение, но не могли окончательно сломить его.

Крестьяне Дагестана продолжали испытывать на себе всю тяжесть колониального грабежа и феодального угнетения. При этом наиболее плохо жили владельческие крестьяне, которые несли в пользу беков множество повинностей и податей. Владельческие крестьяне бесплатно выполняли своими орудиями труда все сельскохозяйственные работы на полях беков.

Подати и повинности крестьян в пользу беков не поддаются точному учету, ибо не было регламентированных норм феодальной ренты. В материалах сословно-поземельной комиссии указывается, что «количество рабочих, выставляемых для бека, определяется числом дымов и мерой потребности бека. Количество плугов, выставляемых поселянами, определяется числом дымов, имеющих рабочий скот, и действительной потребностью бека... То же самое следует сказать и про аробную повинность»⁴.

Положение крестьян ухудшалось еще тем, что часто бек—получатель повинностей оказывался одновременно и административным лицом, к которому крестьяне должны были обращаться при злоупотреблениях беков и их сборщиков.

В обстановке развивающихся товарно-денежных отношений феодальное хозяйство не могло быстро приспособиться к новым

¹ ЦГА Гр. ССР, ф. 2, д. 3136, л. 90.

² ЦГА Азерб. ССР, ф. 10, д. 24, оп. 1, лл. 193, 194.

³ ЦГА Азерб. ССР, ф. 40/185, д. 611, л. 6.

⁴ «Красный архив», 1936, № 6 (79), стр. 136.

условиям рынка, и беки старались компенсировать это отставание путем усиления феодального угнетения крестьян. В погоне за деньгами беки расширяли барскую запашку, что приводило к интенсификации барщинного труда крестьян и увеличивали площади своих пастбищных земель, которые по тем временам приносили весьма большие доходы.

Беки предпочитали отдавать землю в аренду промышленникам, купцам и сельским обществам, независимым от феодалов, чем оставлять ее в пользовании раят и зависимых узденей. Поэтому беки постепенно отбирали земли, находившиеся в пользовании крестьян. При этом беки захватывали лучшие земли, оставляя крестьянам худшие, малопродуктивные участки. Кроме того, беки захватывали земли крестьян, после смерти которых не оставалось наследника мужского пола.

На практике часто получалось так, что землями фактически пользовались беки, а государственный поземельный налог за нее платили крестьяне. Такое положение было следствием отсутствия всякого размежевания, сохранения в отдельных случаях формального права совместного пользования пастбищными участками беками и крестьянами, а в результате чего земли записывались за крестьянами, а фактически ими пользовались беки.

Одновременно с сокращением размера крестьянского надела беки увеличивали размер существующих податей и повинностей. Беки издевались над личностью крестьянина. Рукоприкладство и другие действия беков, унижающие крестьян, были нередким явлением.

Об исключительно тяжелом положении крестьян, изнывавших под гнетом беков, говорится и в объяснении раят северного Табасарана, данном сословно-поземельной комиссии (1910 г.): «Они (беки) имели власть в руках, пользовались поддержкой русской администрации и делали с нами что хотели, увеличивали самовольно повинности, гнали нас на работы на их поля при помощи своих нукеров. В конце концов, десять лет тому назад все мы до того были истощены, что были не в силах более отбывать повинности, хотя бы нас убивали. Беки, действительно, и убивали многих из нас за отказ от уплаты повинностей. Но мы не могли уплачивать»¹.

Крестьяне Дагестана подвергались притеснениям и со стороны должностных лиц сельского управления, и со стороны мусульманского духовенства. Они захватывали крестьянские земли, брали штрафы, взятки и собирали всякого рода поборы. Так, в 1913 году крестьяне селения Мулебки Даргинского округа в своей жалобе указывали, что старшина селения Абубакар Сулейманоглы продал общинные пастбища и деньги присвоил себе, избивал крестьян, брал взятки, взыскивал за каждый выданный начальником участка паспорт по 25—30 коп., при продаже скота

¹ «Красный архив», 1936, № 6 (79), стр. 104.

брал себе сбор под видом оформления сделки, при женитьбе брал по 2—3 рубля и т. д.¹

В 1913 году крестьяне селения Балаханы Аварского округа в своей жалобе военному губернатору писали, что сельское начальство оштрафовало их на 400 рублей за пастьбу скота на своих же крестьянских землях, тогда как сельское начальство пасет свой скот на тех же землях беспрепятственно². Подобных примеров, свидетельствующих о произволе сельских должностных лиц, можно привести много.

О тяжелом положении населения области говорят из года в год увеличивающиеся недоимки по налогам и сборам. Систематически увеличиваясь с каждым годом, в особенности в 1905—1907 гг., недоимки составили к 1908 году громадную цифру в 609.176 рублей. Особенно много недоимок числилось за населением Кайтаго-Табасаранского, Темир-Хан-Шуринского и Кюриинского округов, т. е. там, где в значительном числе селений в полной мере сохранились феодально-зависимые отношения.

В рассматриваемое время официальные власти силой заставляли крестьян погашать образовавшиеся за ними недоимки. Тем не менее за населением продолжали числиться большие недоимки.

Кроме денежных налогов, крестьяне Дагестана должны были нести многочисленные трудовые повинности, которые тяжелым бременем ложились на них, в особенности, когда администрация требовала их выполнения в разгар сельскохозяйственных работ. Наиболее распространенные из этих повинностей были дорожная, подводная, квартирная, передача из селения в селение казенных пакетов, конвоирование арестованных и т. д. и т. п.

О росте натуральных повинностей свидетельствует следующее: если в 1907 году для отбытия дорожной повинности по области бесплатно было выставлено 77.975 человек на полный день, то в 1913 году — 121.229.

Систематический захват крестьянских земель беками и царским правительством, увеличение налогов и повинностей, угнетение со стороны мусульманского духовенства и сельских должностных лиц, беспощадный произвол колониальных властей вели к обнищанию и разорению крестьянских масс.

Тяжесть двойного гнета была настолько сильной, что крестьяне нередко просили у царских властей разрешения переселиться в любое место.

Тяжелое экономическое положение и полнейшее бесправие крестьян толкало их на борьбу против двойного гнета. Формы этой борьбы были крайне разнообразны: от простой апелляции к царским властям до открытых вооруженных выступлений.

Словно-поземельная комиссия, которую никоим образом нельзя заподозрить в защите интересов крестьян, указывала, что

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 10, д. 11, л. 101.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 70, л. 40—41.

крестьянское движение в Дагестане «прежде всего... имеет экономический характер. Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности явились обременительными для поселян, так как последние кроме них должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1900 года — государственный поземельный налог или оброчную подать. Естественно, что поселения тяготятся таким двойным обложением, принимающим довольно чувствительные размеры»¹.

В том же документе говорится далее, что «тяжесть повинностей увеличивалась тем, что размер их и порядок взимания не были урегулированы. Можно сказать безошибочно, что раяты были предоставлены полному бесконтрольному усмотрению беков... которым предоставлялось самостоятельное взыскание повинностей и нередко в их же пользу, последние проявляли при взыскании недостаточную умеренность и произвол, не соотносясь ни с условиями, ни с экономическим положением раят»².

Одной из форм проявления крестьянского недовольства была подача крестьянами письменных и устных жалоб во все инстанции бюрократического административного аппарата, вплоть до царя. В этих жалобах крестьяне описывали свое тяжелое положение, указывали на усиление гнета со стороны беков, князей и царских властей и требовали удовлетворения своих нужд.

Сам факт подачи жалоб, нередко крестьянами целых селений и даже участков, выражал стремление крестьянства к освобождению от гнета, своеобразным вызовом существующему порядку. Крестьяне десятилетиями неотступно добивались освобождения от гнета беков.

Разумеется, царские власти и не думали облегчить положение крестьян. Судьба крестьянских жалоб, за редким исключением, была одинаковой, должностные лица относились к ним крайне равнодушно, а иногда даже наказывали жалобщиков. Встречающееся в официальной переписке выражение «оставить жалобу без последствий» служило руководящим принципом при разборе крестьянских жалоб.

Убедившись в невозможности добиться освобождения от гнета путем подачи жалоб и прошений, крестьяне переходили к более зрелым формам борьбы. Все чаще наблюдались случаи массового отказа выполнять повинности бекам, самочинного захвата крестьянами бекских земель и скота, потравы их хлебов, покосов и лугов, самовольные порубки владельческих лесов, поджоги бекских имений, нападение на них и т. д.

В 1908 году почти все раяты бека Уцмиева категорически отказались нести повинности и начали захватывать его земли.

---

¹ «Красный архив», 1936, № 6 (79), стр. 116.

² Там же, стр. 117.

В 1909 году крестьяне селения Карадаглы самовольно распахали бекские земли¹.

Наиболее крупным было выступление раят Кайтаго-Табасаранского округа в 1909 году, направленное против беков. Раяты прекратили выплату бекам повинностей. Тогда царская администрация приступила к сбору податей и повинностей с раят при помощи воинской силы. В результате произошли столкновения между раятами и царскими войсками.

В 1909 году начальник Нижне-Кайтагского участка вместе с отрядом стражников явился в селение Падар для сбора повинностей в пользу бека. Он собрал нескольких «почетных» лиц и предложил им внести бекские повинности. В это время раяты в количестве 50 человек ворвались в дом, где находился начальник участка, и под угрозой смерти заставили его прервать переговоры. Раяты Наби-Джан и Амир-бек Султан-оглы, «ругаясь брашно, громко заявили, что нет той силы, которая заставила бы их отбывать бекские повинности». В результате происшедшего столкновения было арестовано 8 крестьян.

Весной того же года начальник Верхне-Табасаранского участка во главе 80 вооруженных всадников явился в селения Деличобан и Татляр и отобрал у раят домашнюю посуду для возмещения стоимости бекских повинностей.

Для принуждения раят селения Рукель исполнять повинности в пользу бека туда прибыл начальник Северо-Табасаранского участка в сопровождении вооруженных всадников милиции, ряда сельских должностных лиц из соседних селений и бека. Крестьяне категорически отказались выполнить приказ начальника участка о выплате повинностей. После этого власти приступили к насильственному взиманию податей. Но как только они вошли во двор раята Хан-Магомеда, «на них бросилось все сельское общество с дубинами» и силой прогнало милиционеров, причем Чабан и Баба Таривердиевы с обнаженными кинжалами бросились на бека Магомеда, который «спасся паническим бегством». Представители царской власти с большим трудом вырвались из окружавшей их толпы раят и, «считая бесполезными дальнейшие переговоры с обществом, уехали, не взыскав повинностей».

Спустя некоторое время в селение явился капитан Парзулаев, который потребовал от раят исправного несения бекских повинностей. Однако крестьяне заявили ему, что «общество не только не исполнит этого добровольно, но не допустит и принудительного взыскания повинностей, пока будет жив хоть один человек в селении». Тогда в селение прибыл начальник Кайтаго-Табасаранского округа подполковник Карнаилов, который стал насильственно взыскивать повинности. В селении поднялся «большой шум», причем начальник округа подвергся словесным оскорблениям. Было арестовано несколько крестьян.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 31, л. 21.

Капитан Парзулаев в сопровождении 10 милиционеров и старшин селений Ерси, Дюбек, Ханаг, Аркат и ерсинского сельского кадия прибыл в аул Зиль, чтобы принудить крестьян подчиниться притязаниям бека. В это время в селении мужчин не оказалось, так как они отправились в Дербент принести жалобу вышестоящим властям. К приезду начальника участка и сопровождавших его лиц в селении все дома были закрыты и забаррикадированы арбами, сельскохозяйственными орудиями и другими предметами. Как только власти приступили к описи имущества раята Рамазан-Тагира, на них напала толпа женщин и детей числом до 200, в руках которых были колья и палки. Произошло столкновение с всадниками. В результате женщины избили всадников и старшин. Тогда в селение прибыл начальник округа, который силой подавил выступление крестьян. Были арестованы 4 «предводительницы толпы».

Крупное столкновение произошло между крестьянами селения Марага и вооруженными всадниками, которые стали угрожать крестьянам применением оружия. Крестьяне заявили, что «добровольно не уплатят повинностей и будут сопротивляться принудительному взысканию их, пока каждый из них не ляжет мертвым на месте». Когда всадники приступили к насильственному сбору повинностей, то 600 мужчин, женщин и детей, вооружившись дубинами, окружили их «плотной стеною». Попытки разогнать толпу оказались безуспешными. Движение раят этого селения было подавлено военной силой. Было арестовано и отправлено в тюрьму 10 раят.

Однако местные власти оказались не в состоянии подавить крестьянское движение в округе, принявшее угрожающие размеры. В связи с этим военный губернатор генерал Тиханов 4 июля 1909 года доносил наместнику царя на Кавказе: «Я на днях выезжаю в Кайтаго-Табасаранский округ для восстановления порядка»¹. Приехав в округ, военный губернатор в целях «восстановления порядка» арестовал многих крестьян.

Крестьянское движение охватило и Темир-Хан-Шуринский округ. В 1908 году крестьяне Верхнего Казанища и Кумторкалы отказались от исполнения повинностей бекам. В 1909 году крестьяне селения Дургели самовольно произвели порубку леса на большой площади. По этому поводу военный губернатор в приказе от 25 апреля 1909 года, содержащем угрозы по адресу крестьян, указывал, что «жители этого селения вообще отличаются... неисполнением распоряжений начальства»².

Характерно отметить, что среди владельческих крестьян появляются своего рода программы совместных действий. В этом отношении большой интерес представляет постановление сельского схода селения Марага Кайтаго-Табасаранского округа от

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 31, л. 21.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 67, л. 30.

1910 года. Крестьяне решили: 1) не платить повинностей бекам, 2) не допускать бекский скот на общинные пастбища, 3) не бывать у беков и не принимать их у себя, 4) травить бекские посе́вы¹.

Несмотря на ограниченность и недостатки, крестьянское движение способствовало росту сознания крестьян, расшатывало основы феодально-крепостнических отношений и представляло собой угрозу самодержавию. В 1910 году директор канцелярии наместника царя на Кавказе писал: «Главное кавказское начальство и местная администрация стараются не допустить произвольного уклонения поселян от исполнения своих обязательств, но их вмешательство, как показал опыт, бессильно устранить коренной недостаток сложившегося порядка, требующего законодательного вмешательства, и движение среди поселян Дагестана продолжается»².

Рост крестьянского движения, наряду с экономическим фактором, послужил непосредственной причиной, толкнувшей царское правительство пойти на ликвидацию зависимых отношений крестьян Дагестана в 1913 году.

§ 3. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В 1913 ГОДУ В ДАГЕСТАНЕ

Царское правительство преднамеренно затягивало решение вопроса об освобождении крестьян Дагестана от бекской зависимости. Были созданы несколько сословно-поземельных комиссий и составлены десятки проектов, в ходе обсуждения которых вносились сотни поправок и оговорок в пользу местных беков и царизма.

Наконец, беспрецедентная волокита, длившаяся с 60-х годов, закончилась. 7 июля 1913 года проект «Закона о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам», одобренный IV Государственной думой, был утвержден Николаем II.

Одновременно были утверждены «Правила о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам», в которых излагались условия ликвидации зависимых отношений крестьян. В первой статье «Правил» указывалось, что зависимые поселяне Дагестанской области и Закатальского округа всех разрядов (раяты, уздени, кешкелеплательщики) с 1 января 1913 года освобождаются от всех повинностей»³.

В специальном «Расписании причитающегося бекам вознаграждения за отменяемые повинности», приложенном к закону от

¹ Там же, ф. 175, оп. 2, д. 27.

² «Красный архив», 1936, № 6 (71).

³ ПСЗ, 3-е Собрание, т. XXXIII, отд. 1, № 39734.

7 июля 1913 года, была определена выкупная сумма, следуемая бекам с крестьян по каждому селению в отдельности. При этом выкупная сумма выдавалась бекам одновременно из государственного казначейства. На крестьян возлагалась обязанность погашать выкупную сумму путем ежегодных равных взносов в течение 20 лет, начиная с 1 января 1913 года и по 1933 год. В законе указывалось, что крестьянам предоставляется право досрочного погашения выкупных платежей. Всего крестьяне должны были выплатить бекам в общей сложности более 302.309 рублей. Эта сумма распределялась по округам следующим образом:

Наименование округов	Количество зависимых селений	Размер вознаграждения бекам (в рублях)
Темир-Хан-Шуринский	17	61148
Кайтаго-Табасаранский	40	186121
Кюринский	27	47251
Казикумухский	8	713
Самурский	2	6356
Аварский	1	720
Всего	95	302309

Таким образом, сущность реформы заключалась в том, чтобы заставить крестьян выкупить ежегодные феодальные повинности в десятикратном размере.

После 60-х годов XIX века крестьяне более полувека жестоко угнетались местными беками при помощи царских властей. И все-таки царское правительство приняло закон, в основу которого были положены грабительные условия «освобождения» крестьян.

Установленный размер выкупных платежей был очень чувствителен для обнищавших крестьян Дагестана. В среднем по области каждый крестьянский дым должен был выплатить за отменяемые повинности более 23 рублей. Насколько трудно было выплатить эту сумму, станет ясно, если учесть, что стоимость одного барана равнялась примерно 3 рублям.

Закон от 7 июля 1913 года создал в Дагестане институт мировых посредников в количестве 20 человек и Дагестанское областное по поселянским делам присутствие. Институт мировых посредников являлся одним из орудий самодержавия, призванных реализовать реформу 1913 года, и носил по своей классовой сущности помещичий характер.

Мировые посредники назначались военным губернатором Дагестана исключительно из царских чиновников и местных беков. К концу 1913 года были назначены все мировые посредники. К

этому же времени было создано Дагестанское областное по крестьянским делам присутствие, возглавлявшееся военным губернатором и состоявшее из трех членов, назначаемых наместником Кавказа. Кроме того, в состав присутствия входили на правах членов управляющий Бакинской казенной палатой и начальник управления земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области.

Мировые посредники и областное присутствие должны были распределить между беками суммы «вознаграждения», а между крестьянскими дымами — суммы «погашения». Работа мировых посредников и областного присутствия по распределению выкупных платежей между беками продолжалась два года (1914—1915). В итоге дагестанские беки получили из государственного казначейства за отменяемые повинности все 302.309 рублей. Эта сумма полностью была выдана бекам к 1 января 1916 года. В среднем каждый бек получил за освобождение крестьян от повинностей примерно 526 рублей.

Сумму «вознаграждения», выплаченную бекам из казны, крестьяне начали погашать с 1913 года ежегодными взносами. Погашение происходило путем обложения каждого крестьянского дыма специальным налогом, взимание которого проводится в том же порядке, как и взимание государственных налогов.

В результате реформы 1913 года крестьяне 95 селений, составивших 13.026 дымов с общим количеством 70 тыс. человек, были освобождены от податей и повинностей в пользу беков. Количество освобожденных крестьянских селений и дымов по округам показывает следующая таблица.

Название округов	Число селений	Количество дымов
Темир-Хан-Шуринский	17	6530
Кайтаго-Табасаранский	40	3362
Кюринский	27	1929
Самурский	2	291
Аварский	1	72
Всего	95	13026

Реформа 1913 года не коснулась земельного устройства, ибо земельный вопрос вообще не был решен. Внесенный в IV Государственную думу проект положения, по которому за крестьянами предлагалось закрепить земли, находящиеся в их фактическом пользовании, не был утвержден.

Крайне запутанные земельно-правовые отношения, отсутствие какой бы то ни было работы по размежеванию земли, дальнозе-

мелье, совместное пользование пастбищными и отдельными сенокосными участками, безусловно, были на руку местным бекам и царскому правительству, которые, пользуясь всем этим, продолжали под разными предлогами захватывать крестьянские земли.

Беки фактически продолжали оставаться юридическими собственниками земель, находившихся в пользовании «освобожденных» крестьян. В. И. Ленин писал: «Пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения»¹.

Классовая природа царизма не позволяла радикально решить земельный вопрос. Решить земельный вопрос в Дагестане означало пойти на ущемление интересов царской казны, русских помещиков и местных беков.

Разумеется, царское правительство на подобный шаг не хотело идти. Беки, царская казна и мечети сохранили в своих руках огромное количество земли, в то время как крестьяне имели очень мало земли. После 1913 года в руках русских и местных помещиков, составлявших 0,7% населения, царской казны и мечетей находилось более 487.800 десятин земли, или 32 проц., а крестьяне, составлявшие более 95 проц. населения, имели 1.081.080 десятин, или 68 проц. общего количества земли. На душу феодалов в среднем приходилось около 74 десятин, а на душу крестьян 1,6 десятины. Если учесть, что в Дагестане около 75 проц. всех земель составляли пастбищные и лесные участки, то на душу крестьян в среднем приходилось не более 0,3 десятины пашни.

О размерах феодального землевладения могут дать представление следующие данные: в Кайтаго-Табасаранском округе бек Амир-Чобан Уцмиев владел более чем 10.203 десятинами земли, Мамед-Риза-бек Табасаранский — 11.049 десятинами, Джалал-бек Табасаранский — 1.007 десятинами, Амир-Аслан-бек — 823. Ибах-бек — 703 десятинами и т. д. Много земли осталось и у феодалов других округов, в частности, Темир-Хан-Шуринского. Так, бек Тарковский имел около 11 тыс. десятин, Алыпкачевы — около 2,5 тыс. десятин и т. д.

Русские помещики, купцы и промышленники также владели в Дагестане значительным количеством плодороднейших земель. В одном лишь Кайтаго-Табасаранском округе во владении русских помещиков и купцов находилось более 15.922 десятин земли. Помещик Колесников имел 5.472 десятин, дворянин Пыльцов — 2.175 десятин, помещица Кожевникова — 2.431 десятин и т. д.

Таким образом, реформа 1913 года не отвечала чаяниям крестьянских масс Дагестана. В результате сохранения феодаль-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94.

ного землевладения и гнета самодержавия положение крестьян оставалось исключительно тяжелым. Малоземелье и безземелье, приводившее к закабалению крестьян феодалами, тяжесть выкупных платежей, многочисленные прямые и косвенные налоги и натуральные повинности государству, отсутствие каких-либо политических прав вели к деградации крестьянского хозяйства. В итоге нередким явлением были массовые голодовки, уносившие тысячи жизней.

Закон от 7 июля 1913 года возложил на мировых посредников и областное по поселянским делам присутствие «надзор за общественным управлением сельского населения Дагестанской области, рассмотрение жалоб на должностных лиц сельского управления и наложение на них административных взысканий в случае нарушения ими служебных обязанностей»¹. Между тем эти же обязанности возложены были на начальников округов по Положению о сельских обществах Дагестана от 1868 года. Следовательно, сельское «общественное» управление было поставлено под двойной надзор — начальников округов и мировых посредников. Сельское управление не имело никакой самостоятельности и фактически являлось низовым звеном административного аппарата самодержавного государства.

Однако реформа 1913 года, несмотря на ее непоследовательность и ограниченность, имела положительное значение. Ликвидация крепостнических отношений и в связи с этим освобождение более 70 тысяч крестьян от феодальных повинностей способствовали развитию капиталистических отношений в Дагестане.

§ 4. ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ВВЕДЕНИЯ РУССКОГО ПИСЬМОВОДСТВА

Наиболее мощным общественным движением, охватившим Дагестан накануне первой мировой войны, было выступление народных масс, известное под названием движения против введения русского письмоводства.

В сельских обществах Дагестанской области делопроизводство велось кадиями на арабском языке. Однако царской администрацией уже давно вынашивались проекты замены арабского письмоводства русским. Сама по себе такая замена была бы явлением прогрессивным, ибо она приобщала местное население к русской культуре, но в конкретных условиях того времени она явилась лишь показателем усиления национального гнета, была продиктована стремлением царизма к руссификации всех «иностранцев» империи. И население Дагестана реагировало на эту реформу именно как на меру, затрагивающую интересы народа и ограничивающую его права.

Народы Дагестана боролись против введения русского пись-

¹ ПСЗ, Собрание 3, т. XXXIII, стр. 1, № 39734.

моводства не потому, что ненавидели все русское, а потому, что введение русского письмоводства было насильственным, носило принудительный характер. Уполномоченный Аварского, Андийского, Гунибского и Самурского округов в прошении на имя наместника писали: «Распространение в Дагестане русского языка... есть обстоятельство чрезвычайной необходимости и потому желанное, ... с насаждением светских школ несомненно русский язык завоюет себе подобающее ему по своему величию место, не пуждаясь в косвенных мерах, вызывающих лишь вредное взаимопонимание»¹.

Недаром В. И. Ленин в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» писал: «И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента **принудительности**. Мы не хотим загонять в рай дубинкой. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, **обязательный государственный язык** сопряжен с принуждением, вкочлачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.»².

Во всяком случае причину этого движения нельзя видеть исключительно в агитации кадиев и мулл, как это старались представить царские власти. Конечно, духовенство было очень недовольно реформой и развернуло против нее яростную агитацию, так как реформа подрывала как материальную базу духовенства, так и его влияние на народ. Население же видело в реформе новый шаг на пути насаждения в Дагестане ненавистных ему царских порядков, на пути еще большего вмешательства царской администрации в деле сельских обществ. Недаром участники движения требовали удаления не только писарей, но и мирных посредников, под контроль которых царская власть ставила дагестанскую деревню.

Немалую роль сыграли причины экономического характера: содержание писаря ложилось тяжелым бременем на бедные селе-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 2, д. 3136, л. 19.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 55—56.

ния области. Многие общества заявляли о том, что они не возражают против реорганизации письмоводства, но просят казну принять содержание писаря на свой счет. Они указывали, что не в состоянии нести расходы, связанные с содержанием писаря. Поверенные 9 селений Самурского округа в прошении на имя наместника в марте 1914 года, перечислив новые расходы обществ, писали: «Столь крупных и непредвиденных расходов вышеназванные общества при всем своем желании никоим образом несут не могут вследствие своего крайне плачевного экономического состояния». Далее они указывали, что «в течение семи месяцев жители этих селений не имеют никакого заработка и пребывают в крайней нужде, дети и женщины ходят полуголодными»¹.

Кроме того, с проведением реформы население ждало новых поборов и налогов: «Среди дагестанцев распространяются слухи о предстоящей в 1915 году общей народной переписи, которая предпринимается, по их мнению, с целью введения новых налогов а также для установления в Дагестане всеобщей воинской повинности»².

Наиболее сильное сопротивление реформе было оказано в горных округах, где население находилось в особенно тяжелом экономическом положении и где духовенство пользовалось большим влиянием.

Указ о введении в Дагестане русского письмоводства был издан в апреле 1913 года, но до ноября недовольство открыто не проявлялось, хотя напряженность уже чувствовалась. В ноябре 1913 года была послана депутация к наместнику с просьбой об отмене реформы. После этого случаи подачи прошений на имя военного губернатора и наместника об отмене реформы стали учащаться.

В январе 1914 года селения Казикумухского и Аварского округов выбрали поверенных и послали их в Тифлис и Петербург, но в Петровске последние были арестованы, что вызвало еще большее недовольство населения. В феврале — марте начались серьезные волнения в Хунзахе, Н. Казанище, Гимрах, Унцукуле и других местах. Население отказывалось собирать деньги на содержание писаря, забирало назад книги по письмоводству на арабском языке, отобранные администрацией у кадиев, изгоняло назначенных писарей. 12—13 марта горцы из Аварского и Гунибского округов, присоединяя к себе по пути жителей ряда аулов двинулись к Темир-Хан-Шуре, но перед городом были остановлены Дагестанским конным полком и двумя ротами Новобаязетского пехотного полка. Навстречу горцам выехал военный губернатор, но уговоры его не достигли цели. Только вечером 14 марта

---

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, д. 3136, л. 18.

² ЦГА Азерб. ССР, ф. 40/185, оп. 1, д. 602, л. 69.

властям удалось оттеснить от города толпу, пасчитывавшую несколько тысяч человек, а утром — рассеять ее¹.

После этих событий власти прибегли к ряду маневров. В горные округа для «разъяснения» реформы был послан шталмейстер императорского двора князь Асельдер Казаналипов. В циркулярах начальникам округов военный губернатор неоднократно указывал, что реформу следует проводить постепенно и начать с более богатых сельских обществ. Наместник писал военному губернатору 25 марта 1914 года: «Применение репрессивных мер нецелесообразно... все шариатские книги должны быть немедленно возвращены... распоряжение об отобрании их у кадиев, очевидно, основаны на непонимании отдельными чинами администрации цели реформы»². Вместе с тем указывалось, что не следует останавливаться перед репрессиями в отношении «злонамеренных элементов». В ряде селений были поставлены войска, содержание которых легло на население тяжелым бременем, многие горцы были преданы суду и высланы за пределы Кавказского края.

Но ни маневры, ни репрессии не могли остановить движение. Летом 1914 года оно перекинулось в Даргинский, Самурский и Кюринский округа. Царское правительство отступило. Сначала было приостановлено введение русского письмоводства в горных округах (до проведения реформы на плоскости), а затем, после начала мировой войны, реформа была отменена вовсе.

§ 5. ДАГЕСТАН В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Война, вспыхнувшая летом 1914 года между империалистическими группировками, была войной за передел мира и сфер влияния. Грабительская война между двумя крупными лагерями империалистических хищников явилась тяжелым бременем для трудящихся всех воюющих стран, и особенно для рабочего класса.

В Дагестане, как и во всей России, была объявлена мобилизация. В армию было призвано много русских рабочих — текстильщиков, бондарей, железнодорожников и портовиков.

Однако царизм не призывал в армию коренное население Дагестана (кроме горских евреев). Взамен несения обязательной воинской повинности жители области — мусульмане были обложены особым военным налогом. Дагестанцы могли служить в армии лишь на добровольных началах. Два Дагестанских конных полка, участвовавших в войне, были сформированы из «добровольцев». Офицерский состав этих формирований состоял из представителей феодальной знати. В конных полках служило немало крестьян, преимущественно из нагорного Дагестана,

¹ ЦГА Азерб. ССР, ф. 40/185, оп. 1, д. 598, лл. 24—25.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 3136, л. 36.

вынужденных наниматься на военную службу из-за тяжелых условий жизни.

Дагестанские конные полки, находившиеся на фронте, несли большие потери и требовали постоянного пополнения. Между тем формирование запасных сотен конных полков уже с конца 1915 года проходило с большими трудностями. Для привлечения «добровольцев» им неоднократно увеличивалось денежное пособие, их семьи освобождались от налогов и повинностей, а в некоторых округах сельское общество выделяли семьям «добровольцев» участки земли. Несмотря на такие меры, к концу войны приток «добровольцев» почти прекратился. Губернатор области был вынужден признать, что «привлечь население к добровольному поступлению в дагестанские конные полки можно только выдачею охотникам значительных пособий или заинтересовав их боевой жизнью и наградами, выданными на войне»¹.

В августе 1916 года на местные власти была возложена задача формирования военно-полицейской сотни (для несения полицейской службы в оккупированных районах Турции). Однако даже усиленная агитация не дала результатов — служить в этой сотне выразили желание лишь 17 человек из горных округов Дагестана. Начальник Аварского округа докладывал в октябре 1916 года, что, несмотря на его требования к сельским обществам выставить добровольцев, охотников пока не записалось². Аналогичное положение наблюдалось и в других, округах Дагестана.

Проводившаяся в Дагестане, как и по всей империи, пропаганда под лозунгами «защиты отечества», «единения всех слоев народа» и т. п. успеха не имела. К августу 1916 года из области было отправлено на фронт всего 2500 всадников.

В то же время много дагестанцев было призвано и отправлено в Архангельскую губернию и другие места на военно-оборонные работы и для охраны военнопленных, помимо мобилизованных в армию из числа немусульманского населения. Всего к концу 1916 г. из области выбыло на фронт или на военно-оборонные работы около 10 тысяч человек³.

Таким образом, хотя горцы и не подлежали обязательному призыву в армию, все же значительная часть населения рабочего возраста находилась на фронтах или на военно-оборонных работах, что весьма отрицательно сказывалось на народном хозяйстве Дагестана.

Начавшийся уже в первые месяцы войны упадок сельского хозяйства и промышленности Дагестана, и без того находившихся на очень низком уровне, продолжался в течение всего периода войны.

¹ ЦГА, ф. 2/2, оп. 6, д. 39, л. 13.

² Там же.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2, д. 4892, л. 1.

Посевная площадь с начала войны из года в год уменьшалась и к 1917 году по сравнению с довоенным 1913 годом сократилась на 30 проц.¹ Это очень тяжело сказалось на жизненном уровне трудящихся. Если учесть, что в Дагестане до войны своего хлеба хватало максимум на 6—7 месяцев, нетрудно представить себе острую нехватку зернопродуктов в условиях военного времени, когда возможности для их получения извне значительно сократились. В связи с этим большие размеры принимает спекуляция хлебом. Пользуясь усиленным спросом на зерно со стороны населения и военного ведомства, хлеботорговцы резко взвинчивали цены.

Животноводство области также испытывало упадок, начавшийся еще в предвоенный период. Только за 1914 год в Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах овцепоголовье сократилось соответственно на 34 и 22 проц. За время войны количество овец и коз в Дагестане уменьшилось на 35 проц.²

В силу неблагоприятных условий, вызванных войной, сокращалось и поголовье крупного рогатого скота. Только за 1914 год оно уменьшилось по области на 14.925 голов³. В некоторых округах сокращение поголовья крупного рогатого скота было очень значительным. Так, в Кюринском округе за этот год количество крупного рогатого скота уменьшилось на 60%.

Большие размеры принимает также убыль лошадей. В результате реквизиций лошадей для нужд армии количество их в области только за 1914 год, уменьшилось на 10 тысяч голов⁴. К середине 1915 года, после многочисленных военно-конских поставок, в области почти не осталось годных для нужд армии лошадей. Несмотря на это, реквизиция лошадей в Дагестанской области продолжалась в течение всей войны. Всего поголовья лошадей за время войны в Дагестане сократилось на 32 проц.⁵

Промышленность Дагестана также переживала в годы войны упадок. Ряд мелких предприятий закрылся из-за дороговизны сырья или его отсутствия. Отдельные предприятия работали с меньшей нагрузкой. Например, число рабочих на текстильной фабрике «Каспийская мануфактура» уже в 1915 г. сократилось по сравнению с 1913 г. на одну четверть, а в 1916 г. — наполовину. Мелкие бондарные предприятия, не выдерживая конкуренции, закрывались или переходили в руки одного владельца.

Продукция, выпускаемая текстильной фабрикой и бондарными предприятиями, в годы войны была очень низкого качества, так как их владельцы в погоне за прибылью использовали худ-

¹ «10 лет социалистического строительства Даг. АССР». 1931, стр. 25.

² Там же

³ «Кавказский календарь». 1915. Отд. статист., стр. 332; «Кавказский календарь». 1917 г. Отд. статист., стр. 266.

⁴ Там же.

⁵ «10 лет социалистического строительства Дагестана», 1931, стр. 25.

шее сырье. Это приводило, в частности, к увеличению неоплачиваемого брака, простоев и вследствие этого к уменьшению заработка рабочих.

Во время войны многие мелкие предприятия работали на оборону. Таким образом, почти вся продукция промышленности области шла на удовлетворение нужд армии. Темир-Хан-Шуринский военно-промышленный комитет признал работающими на оборону 84 предприятия. В их число вошли почти все предприятия Дагестанской области, в том числе мукомольные, кожевенные, консервные, а также рыбные промысла и карликовые кустарные мастерские, производившие кинжалы и различные предметы военного снаряжения.

Разруха народного хозяйства Дагестана во время империалистической войны сопровождается крайним понижением и без того низкого уровня жизни трудящихся. С первых же дней войны в Дагестане прогрессирует дороговизна, ощущается острейшая нехватка продовольственных и промышленных товаров. Пользуясь полнейшей безнаказанностью, торговцы устанавливали спекулятивные цены на предметы первой необходимости.

В сельских округах Дагестана была та же дороговизна, что и в городах. Спекулянты перекупали у крестьян продукты и затем, в наиболее трудные моменты, выбрасывали их на рынок по очень дорогой цене или перепродавали интендантству.

Во время войны в Дагестане происходил процесс, характерный для всей России, — с одной стороны быстрое обнищание трудящихся, с другой — накопление капитала в руках эксплуататоров. В ауле усиленными темпами шло образование кулачества. В связи с этим процессом и параллельно с ним происходило обнищание и розорение мелкого производителя. Пользуясь безвыходным положением крестьян-бедняков, сельская буржуазия скупала у них земли и рабочий скот.

Положение трудящихся особенно ухудшилось в 1916 г. в связи с резко возросшей дороговизной. Цены почти на все продукты были в несколько раз выше, чем в довоенном, 1913 году. По данным начальников округов, к январю 1917 года, по сравнению с довоенным периодом, цены на пшеницу выросли в три раза, на масло — в шесть, на баранину — в два, на корм для скота — в два раза¹.

Наряду с быстрым ростом цен на предметы первой необходимости возрастали палог и повинности. Оброчная повинность в губерниях и областях Кавказского края в 1915 году была увеличена на 11 проц.

Поземельный налог был повышен на частных владельцев на 100 проц. и для крестьян на 50 проц.² Государственный квартирный налог также был увеличен на 50 проц. В целом прямые

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 74, л. 97.

² ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 24, л. 239.

и косвенные налоги в Дагестане увеличились более чем на 100 проц. Во время войны появились новые повинности — охрана телеграфных линий, военно-конская повинность и др.

С каждым годом росла сумма недоимок за населением. По Темир-Хан-Шуринскому округу, например, сумма недоимок за 1914 год составила 37.185 руб.¹

Дагестанское крестьянство было совершенно разорено налогами и повинностями. В отчете начальника Даргинского округа за 1915 год отмечалось, что «приискать новые источники для увеличения доходов казны, ввиду крайней бедности большинства населения округа, не представляется возможным»². Такое же положение было и в других округах области.

Происходивший еще перед началом войны революционный подъем народных масс распространялся и на национальные окраины империи.

В Дагестане накануне империалистической войны прокатилась волна антиправительственных выступлений крестьянства. Начавшуюся войну трудящиеся Дагестана, как и трудящиеся всей страны, встретили с большим недовольством.

Социал-демократические группы, имевшиеся на фабрике «Каспийская мануфактура», бондарных предприятиях, в порту, на железнодорожных станциях Дербент и Петровск-Кавказский, разъясняли трудящимся причины и характер войны. Антивоенная пропаганда проникала и в среду сельского населения, особенно ближайших к городам селений.

Важную роль в росте антивоенных настроений горского крестьянства сыграло широко развитое в Дагестане отходничество. Рабочие-отходники, возвращаясь на родину из рабочих центров, а также в своих письмах вели антивоенную агитацию, призывали отказываться от поступления в Дагестанские конные полки³.

Открытие военных действий на Кавказском фронте сделало Дагестан стратегически важным районом. В июле 1914 года Дагестанская область была объявлена на положении чрезвычайной охраны, а 12 августа того же года было введено военное положение, открывшее для царской администрации широкое поле для произвола.

Пытаясь остановить растущее недовольство крестьян, местные власти резко усиливают репрессии. В период войны значительно увеличилось число лиц, заключенных в тюрьмы и высланных за пределы области. Любое высказывание против войны признавалось опасным для «общественного порядка и спокойствия». Шла переписка по выяснению политической благонадежно-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 105, л. 45.

² Там же, д. 108, л. 328.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2 с, д. 3254, л. 1.

сти жителей, подозреваемых в намерении вести противоправительственную агитацию¹.

Несмотря на все эти полицейские меры, трудящиеся Дагестана не стояли в стороне от событий, происходивших в стране. Среди широких народных масс, испытывавших на себе огромную тяжесть войны, зрело недовольство политикой царизма.

Царские власти, зная отношение трудящихся Дагестана к войне и их недовольство самодержавием, зорко наблюдали за политической жизнью населения области. В различных пунктах Дагестана были размещены воинские части для подавления могущих возникнуть выступлений трудящихся². В 1915 году был издан закон об увеличении почти на 50% численного состава полиции кавказских городов. В Дагестане, в частности в портовых городах Дербенте и Петровске, штат полиции был удвоен.

Как известно, начало 1916 г. в России ознаменовалось новым революционным подъемом. По всей стране усиливается стачечное движение. Большевистские организации России как в центре, так и на местах, укрепив свои ряды, повели широкую революционную агитацию и пропаганду. Происходят грандиозные стачки в Петрограде, Москве, Киеве, Баку, Царицыне и других центрах страны. Забастовки все чаще принимают политический характер.

Революционный подъем наблюдается также среди крестьянских масс. В. И. Ленин в 1916 г. писал: «Не напрасно падут миллионы жертв на войне и из-за войны. Миллионы, которые голодают, миллионы, которые жертвуют своей жизнью в окопах, они не только страдают, но и собирают силы, размышляют об истинных причинах войны, закаляют свою волю и приходят к все более и более ясному революционному пониманию»³.

Эти мудрые ленинские слова полностью применимы к трудящимся Дагестана. В Дагестане, как и по всей России, 1916 год был годом резкого обострения классовых противоречий.

Под непосредственным влиянием забастовочного движения в крупных промышленных центрах, в Дагестане в течение 1916 года состоялся ряд забастовок. Рабочие фабрики «Каспийская мануфактура» в числе 200 человек 21 мая 1916 года объявили забастовку, требуя увеличения заработной платы. Через два дня рабочие приступили к работе на прежних условиях, «но все они заявили, что, если через две недели им не будет увеличена плата, то они прекратят работу»⁴. С 4 по 7 июня фабрика вновь была охвачена забастовкой, в которой приняло участие свыше 350 человек⁵. 6 июня в забастовке уже участвовало 374 человека, в том числе много женщин. Полиция арестовала трех рабочих

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 2 с, д. 3895, л. 146, 174.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 2 с, д. 3957, л. 85.

³ В. И. Ленин, д. 3957, л. 85.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 30 с/66, оп. 4, д. 6, л. 62.

⁵ Там же, оп. 3, д. 10, л. 55.

фабрики: Абрама Скрипникова, Мамеда Наги Галжиева и Евдокию Климову. Был задержан также бакинский большевик Николай Телепин, который вел агитацию среди рабочих о необходимости организации профессионального союза и предъявлении владельцам фабрики требований о повышении заработной платы.

Весной 1916 г. в Петровске была организована маевка с участием представителей всех крупных предприятий города. Перед собравшимися выступил астраханский бондарь Рыбичкин, рассказавший о значении первомайского дня. Затем выступили рабочие различных предприятий, которые говорили о дороговизне, низких зарплатах, обнищании рабочих и т. д. На этой же маевке была достигнута договоренность о предъявлении требований к владельцам предприятий¹.

В июне забастовали рабочие типографии Михайлова. Они требовали увеличения заработной платы на 20%².

В середине августа 1916 года забастовали бондары. Рабочие бондарного предприятия акционерного общества «Рыбак», работающего на оборону, объявили забастовку, в которой участвовало 129 человек. Забастовка была вызвана тем, что администрация предприятия не обеспечила бондарей хорошим лесным материалом, в результате чего сократился заработок бондарей. Забастовка продолжалась два дня³.

В феврале 1916 г. в Баку состоялись демонстрации, вызванные возмущением трудящихся сильной дороговизной. Под непосредственным влиянием этих демонстраций, в Дербенте произошло стихийное выступление населения, названное в телеграмме военного губернатора «отголоском бакинских беспорядков». В связи с этими событиями губернатор области ходатайствовал о возвращении в Дагестан кубанских казачьих сотен в «целях предупреждения возможности возникновения в портовых городах беспорядков»⁴.

Особенно напряженным стало положение на Кавказе летом 1916 года после издания закона от 25 июня 1916 г. «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи». Согласно этому закону мусульмане, достигшие 18-летнего возраста, могли быть призваны на принудительные работы и зачислены в особые рабочие роты.

Принудительная мобилизация крестьян на оборонные работы и реквизиция лошадей привели к открытым выступлениям трудящихся Дагестана. Так, летом 1916 года в Хасавюртовском округе⁵ произошло открытое выступление крестьян против властей,

¹ Очерки истории Дагестана, т. 1, 1950, стр. 393—394.

² Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1406, л. 5.

³ ЦГА ДАССР, ф. 30 с/66, оп. 4, д. 6, л. 69.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 521, оп. 5, д. 92, л. 13.

⁵ По существовавшему в то время административно-территориальному делению Хасавюртовский округ входил в состав Терской области.

вызванное очередной реквизицией лошадей и подвод для нужд действующей армии.

На 15 июля 1916 года в Хасавюрте и в сел. Аксай была назначена реквизиция подвод. Население отказалось выделить из своей среды возчиков, после чего старшина решил собрать подводы силой. Но эта попытка не удалась, так как стражников встретила группа жителей, вооруженных ружьями, кинжалами, вилами и т. д.

О событиях в Аксае было донесено военному министру и главнокомандующему Кавказской армией. На телеграмме, излагающей происшествие в Аксае, пом. наместника по военной части генерал Янушкевич наложил резолюцию: «Штаб округа. Необходимо беспощадно с ними расправиться, дабы неповадно было другим»¹.

Положение в районе Аксае было очень напряженным. Начальник Хасавюртовского округа сообщил начальнику Терской области о том, что в селение Аксай стекаются вооруженные жители окрестных селений. В связи с этим начальник области генерал-лейтенант Флейшер 19 июля телеграфировал главнокомандующему Кавказской армией: «Тревожное и беспокойное настроение среди туземного населения усиливается... Ходатайствую о командировании в мое распоряжение войск с батареей артиллерии и двумя пулеметами, хотя бы на короткое время»².

На подавление аксаевцев были брошены три роты солдат и казачья сотня. Войска жестоко расправлялись с населением. Было много убитых и раненых. Около двадцати пяти человек было предано военно-полевому суду. Жители сел. Аксай должны были обеспечить довольствием роту солдат и сотню казаков, оставленных в селении до «успокоения» района. Населению было запрещено носить оружие.

Волнения в Аксае, стихийно возникшие вследствие недовольства войной, бесконечными реквизициями и дороговизной, характеризовали напряженную обстановку в Дагестане. Власти требовали все большего количества войск для усмирения населения.

Крайнее недовольство угнетенных народов Кавказа и Средней Азии законом от 25 июня 1916 г. вынудило царизм приостановить все распоряжения по мобилизации населения окраин империи на военно-оборонные работы.

В рассматриваемый период по всей Российской империи, включая и национальные области, быстро нарастало недовольство народа. Остановить его самодержавие уже было бессильно. Мировая война принесла народам огромные лишения и бедствия и ускорила революционный кризис в стране. Она явилась толчком и к усилению национально-освободительной борьбы нерусских народов против царизма.

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 521, оп. 5, д. 94, л. 8.

² Там же, л. 23.

Под влиянием русского пролетариата, большевистских организаций центра и Закавказья, в первую очередь Баку, в Дагестане шел процесс дальнейшего развития социального и национального самосознания трудящихся. Народные массы Дагестана поднимались на борьбу с самодержавием и местными угнетателями.

§ 6. КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Первая русская революция 1905—1907 гг. имела огромное значение для пробуждения самосознания трудящихся масс, воспитания их в духе непримиримой борьбы за уничтожение социального и национального гнета. Революция открыла рабочим и трудовому крестьянству глаза на многие явления общественной жизни, активизировала стремление масс к просвещению.

В период первой русской революции царское правительство, напуганное движением народных масс, вынужденно было пойти на уступки и в области просвещения, которые, однако, были сведены на нет в годы реакции. Реакционная политика царизма в области народного просвещения особенно ярко проявлялась на колониальных окраинах царской России. Многочисленные нерусские народы России, в том числе народы Дагестана, были лишены светской школы на родном языке.

В 1907 году в Дагестанской области функционировало 52 русских школы с 4.268 учащимися обоего пола. С 1907 по 1911 год школьная сеть в Дагестане выросла лишь на две школы — с 52 до 54. Число учащихся во всех русских школах области в 1911 году увеличивается до 5.404 человек. Представителей местного населения было в русских школах менее 50 процентов всех учащихся¹. За редким исключением это были дети состоятельных родителей — беков, буржуазии, царских чиновников и т. д.

Некоторое расширение школьной сети происходит в Дагестанской области с 1912 г. в условиях нового революционного подъема. Так, число школ в 1912 году увеличивается в Дагестане до 65 с 5.935 учащимися, а к 1915 году — до 93 с 7.092 учащимися. В городах области в 1915 году работало 33 школы с 4.880 учащимися, а в сельской местности 60 школ с 2.212 учащимися. Во всех школах обучалось 2.260 девочек. В основном в Дагестане работали начальные школы. Высших начальных училищ в 1915 г. было 3, начальных (одноклассных, двухклассных) — 75, церковно-приходских — 7. Средних школ (гимназий, реальных училищ) было только 6 с 1911 учащимися. Все средние школы находились в городах и были недоступны основной массе детей, так как подавляющее большинство родителей не в состоянии было содержать детей в городе и вносить высокую плату за обучение. В целом по области одна школа в 1915 г. приходилась на 7,5 тысяч

¹ Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912, стр. 57.

населения, а в сельской местности более чем на 10,5 тысяч. Обучением во всех русских школах было охвачено в этом году всего лишь около 5 процентов детей школьного возраста.

Народности Дагестана испытывали на себе всю тяжесть «просветительной» политики царизма. Программы дореволюционной дагестанской начальной школы ограничивались узкими рамками элементарного курса русского языка, математики (одноклассное училище) и краткими сведениями по истории, географии и естествознанию (двухклассное училище).

В то время, как родной язык был изгнан из программ школьного обучения, чиновники Кавказского учебного округа зорко следили за преподаванием в школах закона божьего. Несоблюдение установленных правил чтения молитв служило предметом замечаний и специальных распоряжений со стороны учебного начальства.

На работе школ отрицательно сказывалась слабая педагогическая подготовка значительной части учителей школ, особенно сельских. По данным попечителя учебного округа, 38 проц. учителей, работавших в селениях Дагестанской области в 1913 г., не имели специальной подготовки. Понятно, что качество обучения в школе в таких условиях было низкое.

Тяжелым было материальное положение учителя дагестанской школы. Характеризуя положение учителя в дореволюционной России, В. И. Ленин писал в 1913 году в статье «К вопросу о политике Министерства народного просвещения»: «Россия бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах... Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придираках и преследованиях со стороны начальства»¹. Эта ленинская характеристика вполне применима и для оценки положения учителя дореволюционной дагестанской школы.

Тяжелое материальное положение учителя дагестанской школы вынуждено было признать и само высшее учебное начальство на Кавказе. Даже попечитель Кавказского учебного округа признавал недостаточным жалованье учителям дагестанских одноклассных и двухклассных училищ, так как жизнь здесь «дорога и полна лишений». Этим в значительной степени и объясняется частая смена учителей дореволюционных дагестанских школ, стремление получивших педагогическую подготовку молодых людей устроиться на более материально выгодную работу.

Материально-финансовая и учебная база школ была жалкой. Особенно жалкое существование владели сельские школы. Так, в 1909 году, согласно официальным данным, на содержание 23 сельских училищ было израсходовано 23.785 рублей, т. е. в сред-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 117.

нем одну тысячу рублей на училище. Из этой суммы государственной казной было отпущено 17.570 рублей. Более одной четвертой доли расходов (26,1 прод.) падало на сельские общества и другие источники.

Сельские общества должны были помогать школам заготовкой и доставкой топлива, выделением средств на содержание сторожей, на отопление и освещение школьных зданий. На сельское население ложились также значительные расходы по содержанию общежитий, функционировавших при некоторых сельских школах для детей, главным образом, из других аулов. Некоторые сельские училища (Ботлихское, Ходжал-Махиинское и др.) в течение ряда лет содержались на общественные средства. В отдельные годы рост ассигнуемых средств ограничивался несколькими сотнями рублей, а в 1908 и 1909 годах на содержание сельских школ было израсходовано меньше государственных средств, чем в предыдущем 1907 году. Понятно, что такое финансирование не обеспечивало удовлетворение их учебных и хозяйственных нужд.

Подавляющее большинство школ ютилось в непригодных зданиях, было плохо оборудовано, лишено необходимых учебных и учебно-наглядных пособий. Так, в записях об обследовании Каякентского училища говорилось, что учащимся придется заниматься в недопустимой обстановке. Здание школы разваливается, помещение класса неудобно, квартиру учительницы трудно приспособить к жилью. Не в лучшем состоянии находилось здание Нижне-Дженгутаевского начального училища, которое помещалось в заброшенном доме без ограды и надворных построек. В 1914 году около половины начальных училищ области помещались в арендуемых зданиях.

Осенью 1912 года попечитель Кавказского учебного округа составил «план дальнейшего распространения народного образования в Дагестанской области». Этот «план» предусматривал учреждение в области самостоятельной дирекции народных училищ, с разделением ее на три инспекторских района, открыть в разных пунктах 20 новых начальных училищ, постепенное преобразование некоторых одноклассных училищ в двухклассные. Намечалось также приступить к учреждению 9 высших начальных училищ (по одному на округ), изыскать средства к открытию ремесленных отделений в школах и открытие в первую очередь на земские средства общежитий в нескольких сельских училищах и т. д.

Понятно, что «план» попечителя учебного округа не мог сколько-нибудь изменить общего тяжелого положения народного образования в Дагестане. Но даже этот куций план не был полностью проведен в жизнь. В 1914 году из 56 училищ, функционировавших в сельской местности, только 6 училищ являлись двухклассными. В четырех округах вовсе не было двухклассных училищ, не говоря уже о высших начальных училищах, открытие которых намечалось «планом» попечителя учебного округа.

В число учебных заведений Дагестана входила школа садоводства в г. Дербенте и электротехническая школа в г. Порт-Петровске¹. Первая была открыта в 1904, вторая в 1905 году. При Темир-Хан-Шуринском реальном и Порт-Петровском городском училищах с 1908 г. работали педагогические курсы с небольшим числом учащихся, а в некоторых школах—ремесленные (слесарные, слесарно-столярные, слесарно-кузнечные) отделения. В ряде училищ велись занятия по садоводству. В г. Темир-Хан-Шуре с 1911 года функционировала низшая ремесленная школа, в которой в 1914 году обучалось всего 34 учащихся. Этим и ограничивается список специальных школ и школ с профессиональным уклоном, функционировавших в Дагестане до революции.

Небольшое число дагестанцев, главным образом, выходцев из состоятельных семей, обучалось в средних учебных заведениях вне пределов области, а также в вузах Москвы, Петербурга, Харькова и других городов империи.

Характеризуя состояние школьного образования в дореволюционном Дагестане и оценивая значение русских школ, следует иметь в виду их классовую направленность, помнить, что царское правительство смотрело на эти школы как на орудие осуществления своей руссификаторской политики. Старая школа призвана была готовить верных слуг самодержавия и господствующих классов. Вместе с тем было бы неправильно не видеть и ту объективно положительную роль, которую сыграли русские школы в жизни народностей Дагестана, вопреки намерениям и помимо воли царского правительства.

Несмотря на огромные пороки в работе дореволюционных русских школ, учащиеся все же приобретали и полезные знания, и навыки. В этих школах учащиеся усваивали русскую грамоту, русский язык, служившие основным средством приобщения горцев к передовой русской культуре. Русская школа сыграла положительную роль в формировании и росте местной, хотя и немногочисленной интеллигенции, в развитии передовой общественной мысли в Дагестане.

Передовые революционные идеи, все глубже и шире проникавшие в школу, оказывали влияние и на горских юношей, проходивших учебу как в средних учебных заведениях Дагестана, так и особенно в учебных заведениях центральных городов России. В 1905—1907 годах учащиеся некоторых средних школ Дагестана живо откликнулись на революционные события в стране. В годы первой русской революции в отдельных учебных заведениях, в частности, в Дербентском реальном училище и Дербентской женской гимназии имели место забастовки учащихся².

---

¹ Работала до 1909 г.

² См. предыдущую главу.

Замечательные сыны Дагестана, выдающиеся революционеры: У. Буйнакский, М. Дахадаев, М. Хизроев, Г. Саидов и многие другие вооружились основами передового революционного мировоззрения еще учась в русской школе, через общение с революционно настроенным студенчеством, с русскими социал-демократами — большевиками.

Наряду с русскими школами, в Дагестане существовали духовные мусульманские школа-медресе и мактабы. Количество духовных примечетских школ в Дагестане до революции было значительно. По официальным данным, в 1914 году в Дагестане было 743 духовных школы с 7.097 учащимися.

Мактабы, являвшиеся школами низшего типа, имелись почти в каждом ауле. В них детей обучали арабской грамоте, правилам богослужения и чтению молитв. Медресе же считались школами повышенного типа и имелись лишь в наиболее крупных селениях. В медресе поступала лишь незначительная часть лиц, окончивших мактабы. Программа медресе включала изучение катехизиса, арабской грамматики, логики, курса мусульманского права. Здесь изучали также географию и астрономию, но в очень ограниченном объеме и в религиозном освещении. Окончившие медресе получали, как правило, духовное звание (муллы, кадия), часть занимала должности писарей при участковых и окружных управлениях, в судах и т. д.

Духовные школы содержались на мечетские средства и средства родителей учащихся.

Интерес дагестанцев к арабской грамоте был настолько значительным, что даже бедные родители старались научить своих детей читать и писать по-арабски. По данным переписи 1897 года, из 571.154 человек населения области грамотных было 52.826, из них грамотных по-русски — 13.236 человек, остальные — на других языках. Понятно, что основная масса грамотных дагестанцев состояла из лиц, умеющих читать и писать на арабском языке или на местных языках по приспособленному к этим языкам арабскому алфавиту.

Образовательное значение духовных школ было крайне незначительно. Духовенство воспитывало детей в духе религиозного фанатизма и подчинения воле угнетателей. В мактабах широко практиковалось телесное наказание учащихся, которое рассматривалось как средство воспитания дисциплинированности и прилежания. Отсутствие единой системы преподавания, тяжелый школьный режим, невежество преподавателей, отвратительные условия для занятий отрицательно сказывались на умственном и физическом развитии учащихся.

Наряду с примечетскими школами в Дагестане существовали школы для детей горских евреев при синагогах. В этих школах дети обучались грамоте и основам иудейской религии на древнееврейском языке. Школ при еврейских синагогах в 1913 году имелось в области 21 с 493 учащимися.

Местная национальная интеллигенция Дагестана накануне Октябрьской революции была очень малочисленной. Основная масса людей интеллигентного труда являлась выходцами из среды имущих классов. Понятно, что они отдавали свои силы и знания на пользу господствующим классам и боролись за сохранение существующего строя.

В своем подавляющем большинстве дагестанская национальная интеллигенция состояла из офицеров и царских чиновников, обученных и воспитанных в русской дворянско-буржуазной среде, и из представителей мусульманского духовенства, прошедших арабско-мусульманскую школу. Однако была и другая, правда, довольно малочисленная группа интеллигенции, которая была тесно связана со своим народом и училась на лучших традициях дагестанской и русской культуры.

В 1908—1917 годах в области, наряду с другими специалистами, работало некоторое количество местных учителей, в том числе такие деятели народного образования Дагестана, как И. Абдуллаев, А. Гасанов (Алкадарский), А. Селимханов, А. Насыров, Г. Гаджиев, С. Омаров, Х. Гаджиев, П. Маликова, М. Темирханов и ряд других.

В начале XX века в связи с общественно-политическим подъемом в Дагестане усиливается интерес к издательской деятельности. Еще в 1906—1907 годах в Порт-Петровске и Дербенте делаются попытки к изданию газет, которые, однако, не увенчались успехом. Порт-Петровская газета «Дагестан» издавалась с конца февраля 1906 года и просуществовала около года. Еще меньше времени просуществовала газета «Дагестанский вестник», которая начала выходить в 1907 году в Дербенте.

В Темир-Хан-Шуре в январе 1913 года в типографии Мавраева начала печататься еженедельная газета «Дагестан» на арабском языке. Наряду с официальными распоряжениями областной администрации газета печатала материалы из жизни Дагестана, России и зарубежных стран, особенно мусульманских.

В феврале 1912 года в Петербурге начала выходить газета «Заря Дагестана». Редактором-издателем газеты и ее главным сотрудником был С. И. Габиев. Активную поддержку и большую помощь в издании газеты оказывали У. Буйнакский, М. Дахадаев и др. Уже в первый год газета расходилась значительным тиражом. В июле 1912 года она имела до 500 подписчиков. «Заря Дагестана» распространялась и за пределами области. Издание этой газеты являлось показателем усилившейся роли передовой части местной интеллигенции, ее стремления отозваться на нужды своего народа, помочь ему.

Газета живо откликалась на события в Дагестане, разоблачала злоупотребления царской администрации, выступала горячим поборником просвещения, сторонником приобщения Дагестана к передовой русской культуре. Она информировала дагестанцев о важнейших событиях внутренней и международной жизни,

выступала с критикой системы военно-народного управления, адатных судов, обычаев кровной мести, калыма и т. д.

Деятельность Габиева вызвала недовольство царской администрации. За систематические нападки на военного губернатора области С. Габиева судят в Темир-Хан-Шуре. Однако М. Дахадаев, выступивший в качестве защитника обвиняемого, и сам Габиев сумели дать отпор организаторам суда и превратить его в трибуну для критики господствующих общественных порядков.

Вопреки репрессиям, штрафам, большим материальным трудностям газета выходила в течение полутора лет.

Дагестанская действительность широко освещалась и в вышедшей в этот период в Петербурге «Мусульманской газете», издателем которой также был С. И. Габиев.

С 1909 года в Темир-Хан-Шуре выходила еженедельная газета «Дагестанские областные ведомости» — официальный орган администрации области. Продолжалось издание ежегодных официальных «Обзоров Дагестанской области», начатое в девяностые годы прошлого века.

В типографиях городов Темир-Хан-Шуры, Порт-Петровска и Дербента в начале века был издан ряд работ о Дагестане. Вышли, в частности, «История города Дербента» и «История Дагестанского конного полка» Е. И. Козубского, два выпуска «Дагестанского сборника», составленные им же и второй том «Памятной книжки» Дагестанской области.

Эти работы написаны в духе официальной дворянско-буржуазной историографии и восхваления колониальной политики царизма. Однако они содержат большой фактический материал по истории, экономике и культуре населения области и с этой точки зрения представляют значительный интерес.

Появилось также несколько работ по этнографии и истории, в том числе труды местных авторов, изданные вне пределов области. В 1905 году была издана работа С. И. Габиева «Лаки, их прошлое и быт». В этой работе использованы литературные и архивные материалы, сведения, сообщенные автору отдельными лицами, а также народные предания об описываемых событиях. Работа Габиева содержит значительный фактический материал по истории и этнографии лаков. В ней изложение доведено с древнейших времен до начала XX века.

Широко известны этнографические работы Б. К. Далгата. Они печатались в «Терском сборнике», «Этнографическом обозрении» и других периодических изданиях. К числу значительных трудов Б. Далгата относятся «Первобытная религия чеченцев», «Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса», «Цудухарские песни» и др. В 1929 году в г. Владикавказе (ныне г. Орджоникидзе) были изданы «Материалы по обычному праву ингушей», собранные Б. Далгатом в 90-х годах прошлого века.

В конце XIX и начале XX века в различных периодических изданиях были опубликованы краеведческие статьи Д. Б. Бутае-

ва. В 1915 году была напечатана статья «Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох». В этой статье автор мастерски, с любовью описывает богатую природу Дагестана.

Общественное оживление начала XX века отразилось и на фольклоре и творчестве дагестанских певцов и поэтов.

Видным представителем дагестанской поэзии этого периода является Махмуд из Кахаб-Росо (1873—1919). Вынужденный покинуть родину, Махмуд длительное время скитался по Закавказью. В годы первой мировой войны он участвовал в карпатском походе русских войск. Тогда Махмуд и написал свою известную поэму «Мариам».

Махмуд известен как поэт-лирик. В талантливых, полных ярких образов и сравнений стихах и песнях Махмуд горячо ратовал за право горской женщины на свободное человеческое чувство, поднимал свой голос против патриархальных устоев в семейных отношениях. Песни Махмуда близки к устному народному творчеству и до сих пор очень популярны в народе. Однако издание произведений Махмуда было осуществлено лишь после установления Советской власти в Дагестане.

Крупнейший дагестанский поэт — «Гомер XX века» Сулейман Стальский (1869—1937) начал слагать стихи в зрелом возрасте. Но уже в ранний период своего творчества С. Стальский выступает как выразитель и защитник интересов горской бедноты. В стихах, относящихся к 1909—1916 годам — «Слово о мулле Рамазане из аула Векеляр, торговавшем в голодный год гнилой кукурузой», «Судьи», «Муллам», «Муллы», «Купцы-чиновники» и др. — поэт клеймит невежественных, ленивых, жадных мулл, наглых купцов, чиновников, продажных судей.

В стихотворении «Купцы-чиновники» поэт зло высмеивает сельскую верхушку, которая употребляла в речи коверканые русские слова, «поняв их смысл едва-едва». Призывно звучат слова стихотворения С. Стальского:

«Проснись, трудящийся народ!
Нас время грозное зовет —
Зовет, чтоб мы бойцами стали»¹.

Рядом с именем С. Стальского стоит имя другого виднейшего представителя дагестанской поэзии, народного поэта Дагестана Г. Цадасы (1877—1951). Первые стихи Г. Цадасы относятся к 90-м годам прошлого века. Уже в этих произведениях Цадасы звучат социальные мотивы. В «Стихах о харчевне» поэт жестоко высмеивает местного торгаша, открывшего харчевню, чтобы разбогатеть путем обмана крестьян-посетителей. Обличительно звучит концовка стихотворения, направленная против аульной верхушки:

¹ Сулейман Стальский. Избранное. Ленинград. «Советский писатель», 1952, стр. 77.

«К чему мне богатство, добытое всюду,
Где подлость царит, где неволя тяжка?
Завидовать мелкой душонке не буду,
Что пагло жиреет за счет бедняка»¹.

В стихотворении «Дибир и хомяк» (1915 г.) Г. Цадаса зло высмеивает жадность духовенства, осуждает его паразитический образ жизни.

Всего известно около полутора десятка стихотворений, созданных Г. Цадасой до 1917 года.

К первым годам XX века относится начало литературного творчества Саида Габиева (р. 1882 г.), писавшего стихи еще будучи учеником Ставропольской гимназии. В годы революции 1905—1907 гг. С. Габиев переводит на лакский язык русские революционные песни «Замучен тяжелой неволей», «Похоронный марш». Многие стихи Габиева зовут трудящихся-горцев к борьбе за свободу, против социального и национального угнетения.

В стихотворении «Когда бы...» (1909 г.) поэт писал:

«Сгни дотла, романовых господство!
Когда бы до того я дожил дня,
Чтоб стало ты добычею огня!»².

В 1907—1917 гг. С. Габиевым были написаны также стихотворения: «Джейрап», «Любовь», «Весна», «Друзьям», «Поэту», «Подмастерье», «Горные потоки» и многие другие, изданные в 1927 году отдельным сборником под названием «Звуки лакской чунгури». Ряд произведений С. Габиева был опубликован в 1912—1913 гг. на страницах газеты «Заря Дагестана».

Еще в дореволюционные годы пришли в литературу видные представители дагестанской советской поэзии — народные поэты Дагестана А. Магомедов, Т. Хурюкский, а также Нухай Батырмурзаев, Рабадан Нуров, Гарун Саидов, Азиз Иминагаев и многие другие. Однако их произведения, так же как и произведения других дагестанских поэтов, до революции, за редким исключением, не могли увидеть света. Существовавшая с 1902 года в Темир-Хан-Шуре литография до революции выпускала главным образом религиозные книги. Из области литературы в литографии были напечатаны книги и брошюры кумыка Абу-Суфьяна, в большинстве своем религиозного содержания, отдельные произведения Нухая Батырмурзаева и др.

У народностей Дагестана издавна существовали элементы театрального искусства. Одной из распространенных форм народного театра были выступления скоморохов, пехлеванов-канатоходцев. Среди населения плоскостной и южной части Дагестана имели распространение кукольные представления «нини».

¹ Гамзат Цадаса. Избранное. Перевод с аварского. Государственное издательство Художественной литературы. Москва, 1955, стр. 166.

² Поэзия народов Дагестана. Дагестанское книжное издательство. 1954, стр. 226.

В начале века в Дагестане делаются первые попытки создать национальную драматургию и национальные театральные коллективы. В 1908—1916 гг. в ряде мест, в том числе в Кумухе, Ахтах, Хунзахе, организуются любительские драматические кружки. Большим успехом пользовался ахтынский любительский театр. В 1915—1916 гг. театр ставил известную комедию У. Гаджибекова «Аршин-Мал-Алан».

В 1916 году в Кумухе была поставлена пьеса «Лудильщики», принадлежащая перу лакского поэта и драматурга, одного из видных руководителей борьбы трудящихся Дагестана за Советскую власть Г. Саидова.

В Темир-Хан-Шуре и Дербенте существовали музыкально-драматические кружки, ставившие по несколько спектаклей в год. Подобные же кружки работали и в некоторых школах Дагестана.

Однако профессиональное театральное искусство в дореволюционном Дагестане не получило сколько-нибудь значительного развития. Этому препятствовала, в первую очередь, колониальная политика царизма, душившая всякое проявление национальной культуры, социальный гнет, а также сильное влияние религии и мусульманского духовенства.

Об уровне культурного развития страны судят, как известно, и по таким показателям, как число научных учреждений, музеев, библиотек и т. д. Дореволюционный Дагестан представлял собой и в этом отношении отсталую страну. Научно-исследовательских учреждений в области вовсе не было, если не считать созданного в начале XX века Дагестанского Статистического комитета и небольшой сети метеорологических станций. Научно-исследовательские работы проводились в области, главным образом, приезжими экспедициями и отдельными лицами по заданию тех или иных научных учреждений.

Значителен вклад русских ученых в изучении Дагестана. Наряду с исследованиями по истории, языкам, антропологии, этнографии, русские ученые проводили работы по обследованию месторождений нефти, газа и других полезных ископаемых, по изучению водных ресурсов. Исследованием природных богатств и недр Дагестана в конце XIX и начале XX в. занимались русские ученые Д. В. Голубятников, В. В. Докучаев, Н. И. Кузнецов, И. Н. Стрижов, В. И. Липский, Н. Адрусов, Н. И. Лебедев и многие другие. Следует, однако, отметить, что исследовательские работы в Дагестанской области в дореволюционные годы проводились без определенной системы, эпизодически. Практическое использование результатов исследований в условиях царизма было крайне ограничено.

Едиственный на всю область Темир-Хан-Шуринский музей был организован в 1912 г. на средства, завещанные русским врачом И. С. Костемеровским. Музей ставил перед собой чисто практические цели: «собрание образцов кустарного производства, ознакомление населения со способами усовершенствования произ-

водства его изделий, посредничество между кустарями и покупателями и снабжение кустарей приборами и материалами для кустарных изделий по фабричным ценам».

Библиотеки существовали только в городах и при некоторых учебных заведениях области. Поэтому грамотная часть населения далеко не всегда могла удовлетворить свои запросы на светскую книгу. Особенно плохо обстояло дело в сельской местности, где светская книга была редким явлением. Попытки населения создать библиотеки-читальни наталкивались на препятствия со стороны царских властей, не без основания боявшихся, что библиотеки-читальни будут способствовать росту самосознания народа и могут превратиться в очаги антиправительственной пропаганды и агитации. Этим и объясняется, в частности, отказ областной администрации в просьбе кумухцев разрешить открыть в 1908 г. библиотеку-читальню¹.

Жалкую картину представляло собой народное здравоохранение Дагестана. Только в 1904 году царским правительством был издан закон о создании в округах области фельдшерских пунктов. В 1913 году во всех округах Дагестана, по официальным данным, работало 18 таких пунктов, или 2 фельдшерских пункта на округ. В городах функционировало 10 больничных учреждений с общим числом коек 199. Для больничного лечения более чем 600-тысячного сельского населения имелось всего 18 маленьких больниц с 108 койками. В среднем по области одна больничная койка приходилась в 1913 году на 2282 человека, а в сельской местности на 5,8 тысяч человек!

По тем же официальным данным, в Дагестанской области в 1913 году работало по гражданскому ведомству 38 врачей, 98 фельдшеров и 32 повивальных бабки (акушерки). Зубных врачей было 4, фармацевтов — 14. В округах работало также 20—25 оспопрививателей, в основном из местных жителей. Один врач приходился в области на 18,4 тысяч населения, один фельдшер — более чем на 7 тысяч человек.

В связи с началом первой мировой войны и мобилизацией в армию медреситов и без того мизерное число врачей и фельдшеров в области резко сократилось. Так, если в первой половине 1914 года в Дагестане работало 35 врачей и 95 фельдшеров, то во второй половине года их число сократилось соответственно до 22 и 63.

В трудных условиях царизма многие простые труженики медицины делали благородное дело, честно и добросовестно трудились над охраной здоровья обездоленных, угнетавшихся самодержавием масс Дагестана. Они оставили о себе добрую память в народе. 22 года проработал в Самурском округе русский врач А. Н. Ефимов. А. Н. Ефимов пользовался большой популярностью среди бедноты округа. Население любило Ефимова, ува-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 68.

жало его как человека, ценило как врача. За время своей многолетней деятельности А. Н. Ефимов сроднился с населением округа, которому он оказывал в условиях тяжелого колониального режима царизма посильную помощь.

Еще до революции начал свою деятельность другой старый деятель здравоохранения Дагестана С. М. Казаров — ныне заслуженный врач РСФСР.

Квалифицированных медработников из местного населения было в Дагестане очень мало. Как известно, только нескольким дагестанцам удалось до революции получить специальное медицинское образование. К их числу относятся, в частности, старейшие работники здравоохранения Муслим Нахибашев и Муртузали Дибиров. Окончив Тифлисскую фельдшерскую школу, Нахибашев и Дибиров с 1912 года начали работать фельдшерами, первый в Гунибском и второй — в Казикумухском округах. Много сил и труда отдали они благородному делу охраны здоровья трудящихся.

Лучшие работники здравоохранения, проводя больничное и амбулаторное лечение, профилактические мероприятия, способствовали привитию у населения чувства уважения к научной медицине и постепенному высвобождению его из-под влияния религиозных и бытовых предрассудков. Передовой врач не только применял основанные на достижениях науки приемы лечения, но и, постоянно общаясь с населением, по мере своих сил, способствовал подъему его культурного уровня.

Однако даже самая усердная работа немногочисленных энтузиастов медицины не могла сколько-нибудь заметно улучшить плачевное состояние здравоохранения в Дагестане. Основная масса населения была лишена квалифицированной медицинской помощи и находилась на «попечении» многочисленных знахарей, «лечивших» больных при помощи амулетов и заговоров.

Тяжелые материальные условия жизни, низкое санитарное состояние городов, аулов, жилищ, а также религиозные и бытовые пережитки, крайне неудовлетворительное медицинское обслуживание населения имели своим следствием распространение многочисленных эпидемий, уносивших в могилу сотни жизней. Сильное распространение имели эпидемии оспы, брюшного и сыпного тифа, кори, скарлатины и других болезней. Не удивительно поэтому, что ежегодный прирост населения в дореволюционном Дагестане был очень низкий.

В Дагестанской области совершенно не было специализированных женских и детских медицинских учреждений, если не считать маленькую больницу на 10 коек в г. Темир-Хан-Шуре, функционировавшую при реальном училище. Роженицы-дагестанки фактически были лишены медицинской помощи. Отсутствовали и дошкольные детские учреждения:

Очень отрицательно на медицинском обслуживании сельского населения, особенно женщин, сказывалось почти полное отсутст-

вие кадров квалифицированных медработников из местных национальностей. Женщин медработников из коренных народностей, получивших специальное образование, в дореволюционном Дагестане почти не было.

§ 7. ДАГЕСТАН В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая мировая война 1914—1918 гг. нанесла тяжелый удар капиталистической системе, ослабила силы империализма, до крайности обострила основные противоречия капитализма. Особенно резко сказалось это в России, которая была наиболее слабым звеном в цепи мирового империализма, узловым пунктом всех его противоречий, центром международного революционного и рабочего движения. В ходе мировой войны в России были созданы благоприятные условия для штурма царизма и капитализма. Продолжавшаяся в течение трех лет мировая война привела к разрушению народного хозяйства страны. К началу 1917 года продовольственная, сырьевая и топливная разруха достигла наибольшей остроты.

Тяжесть войны со всей силой обрушилась на трудящиеся массы национальных окраин. По словам В. И. Ленина, царизм превратил Россию в «тюрьму народов», в которой трудящиеся нерусских национальностей, или, как их тогда презрительно называли, «инородцев», находились в невыносимых условиях.

К 1917 году положение трудящихся масс Дагестана резко ухудшилось. Увеличилось количество безземельных и малоземельных крестьян, усилился продовольственный кризис. Газета «Голос Дагестана» сообщала, что продовольственный кризис «крайне обострился и в недалеком будущем обещает разразиться настоящим голодом».

Особенно тяжелая картина наблюдалась в горных округах области. Засухи 1916—1917 гг. и вследствие этого отсутствие кормов нанесли серьезный урон животноводству. Резко сократилось поголовье скота, увеличилось количество хозяйств, не имеющих скота. Газета «Голос Дагестана», характеризуя плачевное состояние животноводства в горах и положение горцев-крестьян, писала: «Малоимущий класс населения, не будучи в состоянии приобрести хлебные продукты по неслыханным доселе ценам, положительно голодает и находится накануне голодной смерти». Число безовечных хозяйств по горному Дагестану, составлявшее в 1886 году 66 проц. общего числа хозяйств, в 1917 г. достигло 77,5 проц. Число хозяйств, не имеющих крупного рогатого скота, возросло с 11 проц. в 1886 г. до 19 проц. в 1917. Более 60 проц. поголовья скота находилось в руках беков, кулаков.

На основе глубоких экономических и политических противоречий в стране быстро созрел революционный кризис. «Война,

—писал В. И. Ленин, — создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства»¹.

Народные массы были подведены к революции, как единственному выходу из создавшегося в стране тяжелого положения.

В феврале 1917 г. в России свершилась вторая буржуазно-демократическая революция. В ходе ее был свергнут царизм.

Февральская революция явилась событием огромного исторического значения. Это был величайший скачок в развитии нашей страны. Оценивая огромное значение победы февральской революции, В. И. Ленин писал: «В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную — в обстановке войны, — чем любая страна в мире»².

Победа над царизмом в центре страны решила исход революции. «Одна из особенностей нашей революции состоит в том, — писал И. В. Сталин в марте 1917 г., — что базой ее до сих пор является Петроград. Схватки и выстрелы, баррикады и жертвы, борьба и победа имели место, главным образом, в Петрограде и его окрестностях (Кронштадт и пр.). Провинция ограничивалась восприятием плодов победы и выражением доверия Временному правительству»³. Так было и в Дагестане.

Здесь напуганная царская администрация во главе с губернатором Ермоловым всеми силами старалась скрыть от населения суть событий, происшедших в Петрограде, и, опираясь на местных помещиков, буржуазию и националистическую интеллигенцию, сохранить старую систему управления областью. Но эти попытки оказались тщетными. Могучая волна революционного движения пролетариата России быстро докатилась и до Дагестана. Весть о свержении царизма глубоко всколыхнула народные массы области. В городах происходили демонстрации рабочих и солдат, в аулах — сходы крестьян.

Когда весть о победе Февральской революции дошла до Порт-Петровска, то здесь по инициативе рабочих произошла крупная демонстрация. К рабочим присоединились революционно настроенные солдаты местного гарнизона. Демонстранты с красными флагами в руках прошли по улицам города. В Хасавюрте также состоялась демонстрация солдат. Они вынесли из казарм портреты царя Николая II, растоптали их, а затем привязали к хвостам лошадей и пустили по улицам. Народ торжествовал победу.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 337.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 13.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 11—12.

Большая демонстрация состоялась в областном центре—Темир-Хан-Шуре. Начало ей положило выступление учащихся реального училища. Под руководством ученического комитета, в который вошли А. Измайлов, И. Махмудов, А. Далгат, Т. Булач, А. Алхазов и др., учащиеся, в числе свыше 300 человек, с оркестром вышли на улицы. Демонстранты провели митинг на городской площади, а затем с красными флагами пошли по городу. К учащимся присоединились рабочие и служащие. Попытки полиции разогнать демонстрантов не увенчались успехом. Рабочие и солдаты взялись за организацию Советов. «Массы создали Советы, — указывал В. И. Ленин, — раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг»¹.

11 (24) марта 1917 г. в Порт-Петровске, в кинотеатре «Прогресс» состоялось собрание рабочих депутатов. Норма представительства была: один депутат от каждых 50 рабочих крупных предприятий и один депутат от каждого мелкого предприятия. На собрании был создан Порт-Петровский Совет рабочих депутатов, в который вошли Луцикович — механик канатной фабрики, Косицын — рабочий бондарной мастерской Наумкина, Тихонов—моряк, Лагода—рабочий железной дороги, Атаев— от фабрики «Каспийская мануфактура» и др. Воспользовавшись слабой организованностью рабочих, отсутствием у них политического опыта, меньшевики и эсеры захватили руководство Советом в свои руки. Президиум Порт-Петровского Совета возглавил меньшевик Фонштейн. Тогда же был организован Совет солдатских и офицерских депутатов Порт-Петровского гарнизона под председательством меньшевика Немсадзе.

Вначале Советы рабочих, солдатских и офицерских депутатов существовали обособленно друг от друга. Это ослабляло силы революции. Интересы дальнейшего развития революции настоятельно требовали их слияния. На одном из первых заседаний Совета рабочих депутатов было внесено предложение создать объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов. По этому вопросу выступил большевик Корнишев. Исходя из опыта революции 1905—1907 гг., когда основная масса солдат осталась на стороне правительства, он выдвинул предложение послать делегацию к солдатам местного гарнизона для организации объединенного Совета. Против этого предложения выступали эсеры и меньшевики, стремившиеся изолировать солдат от рабочих. При этом они говорили, что слияние Советов приведет к разложению армии, сделает ее небоеспособной. Но под давлением рабочих и солдат объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов все же был организован.

Тогда же образовались обособленные Советы рабочих, солдатских и офицерских депутатов в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Вскоре эти Советы также объединились и были созданы Советы

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 68.

рабочих и солдатских депутатов. Советы солдатских и офицерских депутатов возникли и в гарнизонах Гуниба, Хунзаха, Ботлиха, Дешлагара, Хасавюрта, Чирюрта, Ахты.

Наряду с Советами в городах появились профсоюзные организации рабочих и служащих. За короткий срок в одном только Порт-Петровске были созданы профсоюзные организации почтово-телеграфных служащих, рабочих рыбных промыслов, бондарей, текстильщиков, железнодорожников, металлистов, грузчиков, строителей, учителей, врачей, кустарей, ремесленников.

Как в Порт-Петровске, так и в Темир-Хан-Шуре, Дербенте и гарнизонах крепостей в Советах преобладали эсеры и меньшевики. Они продолжали политику соглашения с буржуазией, предлагали рабочим, солдатам и крестьянам отказаться от политической борьбы, призывали их к поддержке Временного правительства, считая, что со свержением царизма революция уже закончилась. Эсеро-меньшевистское руководство Советов в своей деятельности проводило политику Временного правительства. Эпиграфом издававшегося Порт-Петровским Советом «Бюллетеня» был лозунг Временного правительства «Война до победного конца»¹.

Влияние эсеров и меньшевиков на массы объяснялось тем, что Дагестан представлял собой отсталую аграрную окраину бывшей царской империи. Промышленный пролетариат здесь был малочисленен и в основном состоял из недавних выходцев из деревни, живших еще ее интересами. Влияние эсеров и меньшевиков на массы усиливало еще и то обстоятельство, что в дни Февральской революции в Дагестане не было самостоятельных большевистских организаций, и большевики насчитывались единицами.

Многие передовые рабочие были на фронте. Закаленные, политически зрелые революционеры еще не вернулись из ссылки, некоторые учились и работали в промышленных центрах. У. Буйнакский, Г. Саидов учились в Москве, С. С. Казбеков — в Харькове, С. Габиев — работал в Петрограде, М. Хизроев — в Саратове, Д. Коркмасов находился в Париже, Н. Ермошкин, И. Котов, Я. Коробов, С. Абдул-Галимов — на фронте.

Несколько большевиков, работавших в городах Дагестана, не смогли сразу разобраться в новой обстановке, сложившейся после Февральской революции, колебались и допускали серьезные ошибки в вопросах войны, мира и революции, а также в оценке Временного правительства.

В Дагестане, как и по всей стране, имело место двоевластие. Наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов был создан Дагестанский областной исполком в качестве местного органа Временного правительства. 9 марта 1917 года представители местной буржуазии, помещиков, духовенства и националистиче-

¹ Газ. «Красный Дагестан» от 24 марта 1927 г.

ской интеллигенции совместно со старой царской администрацией при активной поддержке эсеров и меньшевиков создали в Темир-Хан-Шуре в базарный день большой митинг, на котором и был образован Дагестанский областной совет. Но в силу отсталости и слабой организованности населения, которое сразу не смогло осознать развернувшиеся события, в областной совет в основном вошли представители буржуазии, помещиков, духовенства, националистической интеллигенции — инженер З. Темирханов, князь Н. Тарковский, крупный барановод Н. Гоцинский, арабист М. Дибиров, адвокат Г. Бамматов, помещик Д. Апашев и др. В тот же день был создан Временный Дагестанский областной исполком, в который вошли от каждого округа по три и от каждого города по два члена.

Областной исполнительный комитет направил в Петроград Всероссийскому исполнительному комитету Советов, Временному правительству и Особому закавказскому комитету¹ телеграмму следующего содержания: «Члены исполнительного комитета дают клятву подчиняться распоряжениям Временного правительства...»

Февральская революция не внесла заметных изменений в положение трудящихся масс Дагестана. Она не ликвидировала социального и национального гнета, которые испытывали трудящиеся горцы. Вопросы о мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне откладывались до Учредительного собрания. Плодами победы революции воспользовались буржуазия и обуржуазившиеся помещики. Вся власть осталась в руках имущих классов. «Февральская революция, — писал Г. К. Орджоникидзе, — почти нисколько не коснулась Северного Кавказа, произошла только незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились кое-какие новые названия, вроде губернский комиссар и т. д., а все остальное осталось нетронутым»².

Наряду с областным исполкомом в Темир-Хан-Шуре у власти некоторое время оставался царский губернатор Дагестанской области Ермолов, который утверждал постановления областного исполкома. Органы Временного правительства вместо того, чтобы отстранять представителей царской власти на местах, использо-

¹ Вскоре после победы Февральской революции по постановлению Временного правительства вместо уехавшего наместника на Кавказе «в целях установления срочного порядка и устройства Закавказского края» был образован Особый закавказский комитет (ОЗАКОМ), в состав которого вошли 5 членов Государственной думы: Чхенкели, Харламов, Попаджанов, Джафаров, Переверзев. Особый закавказский комитет как верховная власть в Закавказье осуществлял политику Временного правительства. Этому комитету непосредственно подчинялся Дагестанский областной исполком. В телеграмме председателя ОЗАКОМА Дагестанскому областному исполнительному комитету от 4 апреля 1917 года говорится, «все общественные учреждения, исполнительные комитеты, правительственные учреждения должны обращаться по всем делам, требующим сношения с Временным правительством, исключительно к Особому закавказскому комитету».

² Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, стр. 74, Госполитиздат, Москва, 1956.

вали их для борьбы с революцией. «Известия Совета рабочих и военных депутатов» гор. Баку по этому поводу сообщали: «В Дагестанской области... кучка чиновников при старом губернаторе захватила власть и держит в подчинении и неведении все население области».

Как в центре, так и на местах буржуазия и помещики принимали все меры к тому, чтобы сохранить старый порядок управления областью. В телеграмме из Касумкента говорилось, что начальник округа «убеждает окружающих в возможности сохранения старого строя и в оскорбительной форме обещает перевешать всех приверженцев нового правительства. Дагестанским областным исполкомом даже командировалась делегация во главе с председателем исполкома З. Темирхановым в Тифлис к наместнику на Кавказе с просьбой об оставлении Ермолова на посту губернатора области.

В то же время трудящиеся Дагестана по своей инициативе начали упразднять по всей области царскую администрацию. 26 марта 1917 г. состоялось заседание Дагестанского областного исполкома, на котором обсуждались «поступившие от жителей разных мест области заявления об устранении начальников округов, их помощников, пачальников участков и старшин». Исполком вынужден был принять решение — устранить всех начальников округов и участков¹.

Под давлением народных масс Временное правительство издало распоряжение об отстранении от власти губернаторов и о передаче их функций комиссарам Временного правительства. На основе этого решения Особый закавказский комитет 6 апреля 1917 г. постановил: «Образовать для управления Дагестанской областью особый комиссариат в составе Магомед Далгата, Ибрагимбека Гайдарова и одного лица, избираемого Дагестанским областным исполнительным комитетом и утверждаемого Особым закавказским комитетом».

Эсерам, меньшевикам и буржуазным националистам в Дагестане на первых порах удалось увлечь за собой отсталую часть населения области. Опьяненная первыми успехами революции эта часть населения уверовала на некоторое время в возможность разрешения всех коренных вопросов революции с помощью Временного правительства, рука об руку с которым шли буржуазные националисты, эсеры и меньшевики. К тому же население дезориентировало то обстоятельство, что в местный орган Временного правительства — областной совет и его исполнительный комитет входили такие видные революционеры, пользовавшиеся огромной популярностью среди трудящихся Дагестана еще с периода первой русской революции, как М. Дахадаев, Д. Коркмасов, М. Хизроев, С. Габиев, а также А. Тахо-Годи, А. Зулпукаров и другие. Они ошибались в оценке Временного правительства и

¹ ЦГА ДАССР, ф. 610, оп. 1, д. 13, л. 6.

считали его правительством революционным, способным разрешить вопросы, поставленные перед революцией.

Активный член исполкома Д. Коркмасов, защищая соглашательский лозунг «война до победного конца», заявлял: «На первом месте стоит земельный вопрос. Социалисты провозгласили принцип «земля трудовому народу», и Временное правительство принимает меры к этому. Такой мерой является учреждение земельных комитетов и созыв съезда крестьянских депутатов. Но для достижения светлых идеалов социализма мы должны выйти победителями в борьбе с врагами внешними — Германией и внутренними — скрытой силой контрреволюции». Подобные заявления вводили в заблуждение народные массы и отвлекали их от борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Постепенно народные массы страны на своем собственном опыте убедились в контрреволюционной сущности Временного правительства, в том, что оно не может дать народу ни мира, ни земли, ни свободы.

После победы Февральской революции с новой силой развернулась борьба рабочих Дагестана вокруг вопроса о введении 8-часового рабочего дня и увеличении заработной платы. Рабочие требовали ликвидации неограниченной сдельщины — этой бесчеловечной формы выколачивания максимальных прибылей предпринимателями. Однако капиталисты и их лакеи — эсеры и меньшевики, ссылаясь на продолжающуюся войну, интересам которой была подчинена работа основных промышленных предприятий области, выступали против требований рабочих.

Трудящиеся крестьяне области требовали разрешения аграрного вопроса. На собственном опыте они все больше стали убеждаться в бесплодности своих надежд на Временное правительство и его земельные комитеты.

Февральская революция не разрешила и национального вопроса. Трудящиеся массы национальных окраин России продолжали томиться под двойным прессом жестокого угнетения. Временное правительство, оставаясь верным интересам русских помещиков и капиталистов, проводило прежнюю великодержавную политику и в отношении нерусских национальностей.

«Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии, — писал И. В. Сталин, — не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая, грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета»¹. Поэтому на окраинах России после победы Февральской революции национально-освободительное движение разворачивается все шире и шире.

Усиливается национально-освободительное движение в Дагестане. Борьба трудового крестьянства области за мир, за землю

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 156.

переплетается с борьбой за уничтожение национального гнета, за право наций на самоопределение. В этом движении имелись два прямо противоположных направления: революционно-демократическое и буржуазно-националистическое. Первое направление развивалось под руководством большевиков, которые стремились к вовлечению национально-освободительного движения за национальное равноправие, аграрного движения за землю и общедемократического движения за мир, развернувшихся в Дагестане, в русло социалистического движения пролетариата России, что являлось единственным путём избавления от социального и национального гнета. Второе направление — реакционно-националистическое движение, возглавляемое организацией «Джамиатул исламие», вокруг которой сплотились панисламисты и пантюркисты во главе с арабистом М. Дибировым, помещиком Д. Апашевым и др. «Джамиатул исламие» стремилась воспользоваться плодами победы Февральской революции в целях отделения Дагестана от России, образования «самостоятельного» государства под эгидой Турции и установления власти национальной буржуазии, помещиков и мусульманского духовенства. Это движение выступало под религиозной оболочкой ислама.

Буржуазные националисты, возглавляемые Н. Гоцинским, Узун-Хаджи, Д. Апашевым, М. Дибировым и др., выдвинули махрово-националистические лозунги «Дагестан для дагестанцев», «Все мусульмане — братья», проповедовали среди населения идею объединения всех мусульман против «неверных», против русских.

Используя мусульманское духовенство, которое было надежной опорой националистической контрреволюции, буржуазные националисты призывали горцев к расправе с большевиками, к выселению русских и вообще немусульман из Дагестана. Они организовали бандитские набеги на русские села в Дагестане, убивали русских женщин, детей, стариков, грабили дома, угоняли скот. Многие русские селения были разрушены до основания.

После победы Февральской революции в стране создалась исключительно сложная обстановка. Многие большевистские руководители сразу не смогли разобраться в новых исторических условиях, сложившихся после свержения царизма, и по важнейшим вопросам революции занимали ошибочные позиции. Партия и народ нуждались в тактических установках, правильно ориентирующих трудящихся на данном этапе развития русской революции. Чувствовалось отсутствие в стране вождя партии и народа В. И. Ленина.

После долгого изгнания 3 апреля 1917 г. В. И. Ленин вернулся в Россию. Приезд В. И. Ленина имел важнейшее значение для партии, для революции. Вернувшись в Россию, В. И. Ленин выступил со знаменитыми Апрельскими тезисами, в которых выдвинул новый теоретически обоснованный стратегический план, новые стратегические и тактические лозунги, нацелившие страну

на переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Большевики Дагестана, вооруженные Апрельскими тезисами, развернули огромную работу по разоблачению эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, по укреплению союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и сплочению трудящихся Дагестана вокруг русского пролетариата в борьбе за победу социалистической революции.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
ГЛАВА I. ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА.	5
§ 1. Каменный век	5
§ 2. Эпоха меди	8
§ 3. Эпоха бронзы	9
§ 4. Эпоха раннего железа	19
§ 5. Дагестан в составе Кавказской Албании	22
§ 6. Дагестан в III—V вв. н. э.	30
ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАНЕ (VI—XV вв.)	37
§ 1. Политический строй в VI—X вв.	37
§ 2. Экономико и общественный строй (VI—X вв.)	41
§ 3. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей	48
§ 4. Социально-экономический и политический строй (XI—XV вв.)	59
§ 5. Монголо-татарское нашествие и борьба народов Дагестана за свою независимость	68
§ 6. Культура народов Дагестана в VI—XV вв.	74
ГЛАВА III. ДАГЕСТАН В XVI—XVII вв.	90
§ 1. Политическое положение Дагестана в XVI—XVII вв.	90
§ 2. Социально-экономические отношения в Дагестане XVI—XVII вв.	100
§ 3. Политический строй	112
§ 4. Культура	116
ГЛАВА IV. РУССКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI—XVII вв.	121
ГЛАВА V. ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ.	142
§ 1. Хозяйство	142
§ 2. Общественные отношения	146
§ 3. Культура народов Дагестана	153
§ 4. Изгнание сефевидов из Дагестана	156
§ 5. «Персидский» поход Петра I	161
§ 6. Провал попыток Ирана вновь завоевать Дагестан	163
ГЛАВА VI. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ.	171
ГЛАВА VII. ДАГЕСТАН В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД.	193
§ 1. Социально-экономические отношения	193
§ 2. Организация управления	201
§ 3. Борьба горцев против царизма и местных феодалов	210

ГЛАВА VIII. ДАГЕСТАН В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД	238
§ 1. Образование Дагестанской области и ликвидация политической власти ханов и беков	238
§ 2. Восстание 1877 года	247
§ 3. Развитие экономики и возникновение капиталистического уклада в Дагестане	250
§ 4. Культура и просвещение Дагестана в XIX в.	264
ГЛАВА IX. ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.	270
§ 1. Экономика, культура и политическое положение Дагестана в начале XX века	270
§ 2. Дагестан в период наступления революции	288
§ 3. Дагестан в период отступления революции	314
ГЛАВА X. ДАГЕСТАН В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ (1908—1917 гг.)	339
§ 1. Экономическое положение Дагестана перед первой мировой войной	339
§ 2. Положение трудящихся масс Дагестана и обострение классовой борьбы	346
§ 3. Крестьянская реформа в 1913 г. в Дагестане	355
§ 4. Движение против введения русского письмоводства	359
§ 5. Дагестан в период империалистической войны	362
§ 6. Культура и просвещение	370
§ 7. Дагестан в период февральской буржуазно-демократической революции	382

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

ТОМ I

Редактор Л. П. Зеленин. Художественнотехн. редактор В. К. Кулиш.
Корректор Н. Лазарева.

Сдано в набор 10/IV-1957 г. Подписано в печать 6/VII-1957 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 12,25. Печ. л. 24,5. Уч-изд. л. 22,35.
С03348. Тираж 5000.

Цена 5 р. 20 к. Переплет 1 р.

Дагестанское книжное издательство Министерства культуры ДАССР.
Махачкала, ул. Маркова, 55. Зак. № 556.

Типография им. С. М. Кирова Министерства культуры ДАССР,
Махачкала, ул. Маркова, 51.

П О П Р А В К И

Страница	Строки	Следует читать
192	9—10 строки снизу	„...Господство России играет цивили- зующую роль для Черного и Кас- пийского морей“.
там же	сноска	Соч., т. XXI, стр. 210—211.
210	11—12 стро- ки сверху	§ 3. Борьба горцев против царизма и местных феодалов под руковод- ством Шамиля.
224	сноска, тре- тья строка сверху.	Соч., т. X, стр. 525.
232	4—5 строки снизу	„Коран и основанное на нем мусуль- манское законодательство,—писал Маркс.—сводит географию и этно- графию народов всего мира к про- стой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных“.
235	сноска, пер- вая строка сверху	Коммунистический манифест. М. 1930, стр. 237.
256	22—23 стро- ки сверху	...не только от числа фабричных ра- бочих, а и от числа... <i>кустарей</i> .
310	1—2 строки сверху	...Они конфисковывали деньги старого правительства...
360	14—20 стро- ки сверху	„Мы не хотим только одного: эле- мента <i>принудительности</i> . Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о „культуре“ вы ни сказали бы, <i>обязательный</i> государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не пуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его <i>из-под палки</i> .“
367	сноска, тре- тья строка сверху	В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 113— 114.
381	13—15 стро- ки сверху	Нахибашев и Дибиров начали рабо- тать фельдшерами,—первый с 1905 года в Гунибском и второй с 1907 г.—в Казикумухском ок- ругах.